

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ X.

одъ редакціей В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствіи Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкаго и при ближайшемъ участіи В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, С. С. Корсакова, Вл. С. Соловьева, А. А. Токарскаго, Н. А. Умова.

Книга V (50).

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1899 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Лименовская ул., соб. домъ.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Философія права (<i>Продолженіе</i>).— Б. Н. Чичерина . . .	649
Тургеневъ, какъ психопатологъ. (<i>Окончаніе</i>).—В. Θ. Чижа :	714
Францискъ Бэконъ и его историческое значеніе. (<i>Окончаніе</i>).— Н. А. Иванцова.	794
Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія. (<i>Окончаніе</i>).— Л. М. Лопатина.	861
Форма разумности и разумъ истины.—Вл. С. Соловьева. .	881

Критика и библиографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Ф. Траеси. Психологія перваго дѣтства. Н. Д. Виноградова. . .	443
Гаральдъ Гефдингъ. Этика.—В. А. Ястребцева.	446

II. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (Извлеченія изъ рецензій въ иностранныхъ журналахъ). . . . .

	451
--	-----

III. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ . . . . .

	460
--	-----

(См. на слѣдующей стран.).

	<i>Стр.</i>
Извѣстія и замѣтки (о кончинѣ о. Иоанна Гобчанскаго, о подпискѣ на памятникъ Ог. Контю, о международныхъ философскомъ и психологическомъ конгрессахъ въ Парижѣ).	467
Психологическое Общество. (Отчеты о 174—177 засѣданіяхъ).	471
Матеріалы для журнальной статистики.	477
Указатель статей, рецензій и замѣтокъ, напечатанныхъ въ «Вопросахъ философіи и психологи» за десятилѣтіе 1889—1899 гг.	1—19
—————	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—45

Философія права *).
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.
Человѣческіе союзы.

ГЛАВА I.

Существо и элементы человѣческихъ союзовъ.

Мысль о переходѣ нравственности изъ субъективной области въ объективную и о сочетаніи ея съ правомъ въ общественныхъ союзахъ принадлежитъ Гегелю. Великій германскій мыслитель въ глубокомысленныхъ чертахъ обозначилъ основныя опредѣленія этихъ союзовъ. Но онъ впалъ при этомъ въ нѣкоторую односторонность, которая объясняется исключительностью его идеализма и которая у нѣкоторыхъ его послѣдователей приняла преувеличенные размѣры. Признавая вполне требованія человѣческой личности, какъ носителя духа, Гегель видитъ въ ней, однако, лишь преходящее явленіе общей духовной субстанціи, выражающейся въ объективныхъ законахъ и учрежденіяхъ. Лица непрерывно мѣняются, а учрежденія остаются (Ph. d. R. § 145). Вслѣдствіе этого, онъ стоитъ на томъ, что при изслѣдованіи общественныхъ союзовъ надобно начинать съ общей субстанціи, а не съ отдѣльныхъ лицъ. Послѣднее ведетъ лишь къ механическому сложенію, тогда какъ духъ не есть нѣчто единичное, а единство единичнаго

*) См. 49-ю книгу „Вопрос. фил.“

Вопросы философіи, кн. 50.

и общаго (§ 156). Между тѣмъ, такой путь противорѣчить собственному изложенію Гегеля, который въ своей философіи права совершенно рачіонально исходитъ отъ индивидуалистическаго начала—права, затѣмъ переходитъ къ субъективной нравственности, или морали, и, наконецъ, уже возвышается къ общественнымъ союзамъ, представляющимъ сочетаніе того и другого. При этомъ оба начала, какъ право, такъ и нравственность, не являются лишь преходящими моментами совокупнаго процесса, исчезающими въ высшей полнотѣ опредѣленій; они остаются постоянными элементами человѣческаго общежитія. Ими опредѣляются всѣ частныя отношенія, надъ которыми общая система учреждений воздвигается, какъ высшій міръ, восполняющій, но не поглощающій въ себѣ эти основы.

Самая эта система всецѣло зиждется на личномъ началѣ, ибо истиннымъ выраженіемъ духа являются не формальныя и мертвыя учрежденія, а живое лице, обладающее сознаниемъ и волею. Поэтому и опредѣленіе общественнаго начала въ человѣческой жизни, какъ системы учреждений, страдаетъ односторонностью. Человѣческія общества суть не учрежденія, а союзы лицъ. Если между этими лицами устанавливается живая связь, если вырабатываются общіе интересы и учрежденія, то все это совершается не иначе, какъ путемъ взаимодѣйствія самостоятельныхъ единицъ, одаренныхъ каждая собственнымъ сознаниемъ и собственной волею. Въ этомъ именно состоитъ существо духа, что орудіями его являются разумныя и свободныя лица. Они составляютъ самую цѣль союзовъ. Не лица существуютъ для учреждений, а учрежденія для лицъ. Отъ нихъ исходитъ и совершенствованіе учреждений. Послѣднія развиваются и улучшаются именно вслѣдствіе того, что лице отрывается отъ существующаго порядка и предъявляетъ свои требованія и свои права. Поэтому неумѣстна ссылка Гегеля на изреченіе древняго мудреца, который на вопросъ: какимъ образомъ можно воспитать своего сына въ добродѣтели? отвѣчалъ: „сдѣлай его гражданиномъ хорошаго государства“.

Это могло прилагаться къ древнему политическому строю, гдѣ нравственныя добродѣтели не отличались отъ гражданскихъ; но въ христіанскомъ мірѣ нравственность стала выше всякихъ гражданскихъ учреждений. Лице, съ своимъ нравственнымъ сознаниемъ, является верховнымъ надъ ними судьей. Подчиняясь имъ внѣшнимъ образомъ, оно предъявляетъ къ нимъ требованія, истекающія изъ вѣчныхъ законовъ правды и добра, и эти требованія составляютъ движущую пружину всего человѣческаго развитія.

Наконецъ, лице не принадлежитъ всецѣло тому или другому союзу. Далѣе мы увидимъ, что союзы могутъ быть разные, и лице можетъ входить въ каждый изъ нихъ различными сторонами своего естества. Съ нѣкоторыми онъ связанъ самымъ своимъ рожденіемъ; въ другіе онъ вступаетъ добровольно. Но и отъ тѣхъ, къ которымъ онъ принадлежитъ по рожденію, онъ, въ силу своей свободы, можетъ отрѣшиться и переходить въ другіе. Этого права нельзя у него отнять безъ нарушенія его человѣческихъ правъ. Какъ человѣкъ, онъ стоитъ выше всякихъ частныхъ союзовъ; ибо человечество, какъ реальный союзъ, не существуетъ. Въ этомъ отношеніи лице выходитъ изъ предѣловъ всякаго даннаго общества; послѣднее не удовлетворяетъ вполнѣ его назначенію. Оно выходитъ изъ этихъ предѣловъ и въ силу вѣры въ продолженіе своего существованія за гробомъ, что, какъ мы видѣли, составляетъ постулатъ всей его нравственной жизни. Въ сравненіи съ вѣчнымъ назначеніемъ лица, общество есть нѣчто преходящее.

Такимъ образомъ, лице, съ одной стороны, имѣетъ самостоятельное существованіе помимо общества; съ другой стороны, оно является краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго зданія. Поэтому индивидуализмъ составляетъ основное начало всякаго человѣческаго союза; безъ этого нѣтъ истинно человѣческой жизни, нѣтъ ни права, ни нравственности, слѣдовательно, нѣтъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыя отличаютъ человѣческія общества отъ чисто животныхъ соединеній. Отсюда понятна крайняя

односторонность тѣхъ ученій, которыя исходятъ отъ отрицанія индивидуализма. Въ этомъ повинна вся современная нѣмецкая наука, которая въ этомъ отношеніи далеко оставила за собою Гегеля. Если великій философъ впадалъ въ нѣкоторую односторонность вслѣдствіе своего исключительнаго идеализма, то онъ все же понималъ высокое духовное значеніе лица и на каждомъ шагу отстаивалъ его права. Современная же наука, отбросивъ въ сторону метафизику, съ тѣмъ вмѣстѣ покончила и съ лицомъ. Она не только изгоняетъ индивидуализмъ изъ общественной сферы и дѣлаетъ человѣка выючнымъ скотомъ общества, но она хочетъ изгнать его изъ послѣдняго его убѣжища, изъ внутренней его святыни. Нравственный законъ низводится на степень какого-то уродливаго продукта общественнаго эгоизма, который преслѣдуетъ и давитъ лице не только во внѣшнихъ, общественныхъ отношеніяхъ, но и въ глубинѣ его совѣсти. Мало того: представители современной германской науки, во имя опытнаго знанія, объявляютъ физическое лице чистымъ отвлеченіемъ. Для такъ называемой социологіи единственными реальными, а не фиктивными единицами являются сложныя сочетанія личныхъ силъ съ имущественными принадлежностями *). Далѣе этого абсурдъ не можетъ идти. На обыкновенномъ человѣческомъ языкѣ отвлеченіемъ называется такая сторона предмета, которая отдѣляется отъ него только мысленно, а реально не можетъ быть отдѣлена. Таковы, напримѣръ, геометрическія фигуры. Называть же отвлеченіемъ конкретное существо, имѣющее самостоятельное, отдѣльное существованіе, одаренное разумомъ, волею и способностью къ самопроизвольному движенію, существо, которое можетъ по собственному почину вступать во всевозможныя соединенія съ другими, это превосходить даже всякое вѣроятіе. Это все равно, что если бы химикъ отвергалъ изслѣдованіе отдѣльныхъ элементовъ, какъ пустое отвлеченіе, а ограничивался бы изслѣдованіемъ со-

*) Schäffle: Bau und Leben des socialen Körpers, I, стр. 279, 284.

единеній. Немудрено послѣ этого, что лица рассматриваются просто какъ „элементы общественной ткани“, или какъ склады товаровъ. Никогда старые метафизики не доходили до такихъ колоссальныхъ нелѣпостей, какъ приверженцы опытнаго знанія. Они имѣли иныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ.

Но если индивидуализмъ составляетъ источникъ всякой духовной жизни и основаніе всякаго общественнаго быта, если безъ него нѣтъ ни права, ни нравственности, то на немъ все-таки нельзя остановиться. Духовная жизнь имъ не исчерпывается. И право, и нравственность указываютъ на высшую связь лицъ, которая не ограничивается взаимодѣйствиемъ отдѣльныхъ единицъ, а дѣлаетъ ихъ членами высшаго цѣлага. Изъ самаго этого взаимодѣйствія вытекаютъ совокупныя понятія и чувства, интересы и цѣли, которые ведутъ къ установленію общаго порядка, владычества надъ людьми. Великая заслуга Гегеля состоитъ въ томъ, что онъ выяснилъ и развилъ эти объективныя начала человѣческой жизни. Онъ указалъ на то, что именно въ такомъ разумно устроенномъ порядкѣ человѣкъ находитъ истинное осуществленіе своей свободы и высшее свое назначеніе. Онъ обрѣтаетъ въ немъ и гарантію своихъ правъ, и осуществленіе своихъ интересовъ, и нравственное удовлетвореніе въ служеніи общимъ цѣлямъ. Но именно потому этотъ высшій общественный строй достигаетъ истиннаго своего значенія лишь тогда, когда онъ опирается на права и требованія личности. Послѣдняя есть фундаментъ, на которомъ воздвигается общественное зданіе. Какъ скоро расшатывается этотъ фундаментъ, такъ колеблется самое зданіе. Общество, которое отрицаетъ индивидуализмъ, подрываетъ собственныя свои духовныя основы. Жизненное его призваніе состоитъ въ осуществленіи права и нравственности, а корень того и другого лежитъ въ единичномъ лицѣ. Задача заключается, слѣдовательно, не въ отрицаніи одного элемента во имя другого, а въ разумномъ соглашеніи обоихъ. Для этого нужно прежде всего ясное понима-

ніе тѣхъ началъ, которыя сочетаются въ общежитіи, а также способовъ ихъ сочетанія. Въ этомъ и состоитъ задача философіи права.

Эти начала, какъ мы видѣли, суть право и нравственность, изъ которыхъ первое опредѣляетъ внѣшнюю, а вторая внутреннюю свободу человѣка. Право есть начало принудительное; поэтому имъ опредѣляется вся принудительная система законовъ и учреждений, составляющая, можно сказать, остовъ общественнаго тѣла. Необходимость установленія такой системы вытекаетъ изъ самыхъ требованій права. Мы видѣли, что потребность принужденія ведетъ къ установленію власти, его прилагающей. Эта потребность вызывается, какъ столкновениями между людьми, такъ и соединеніемъ силъ для достиженія общихъ цѣлей. Для того чтобы право соблюдалось ненарушимо, оно должно выразиться въ системѣ учреждений, владычествующихъ надъ лицами. Въ этомъ состоитъ первое основаніе всякаго общественнаго порядка.

Черезъ это право возводится на высшую ступень: изъ частнаго оно становится публичнымъ. вмѣсто отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою, тутъ является отношеніе цѣлаго и частей. Однако и первое отношеніе не исчезаетъ; лице не поглощается обществомъ, а сохраняетъ свою самостоятельную сферу дѣятельности и свои опредѣленія. Самые союзы, въ которые вступаютъ лица, могутъ имѣть болѣе или менѣе частный характеръ. Только на высшей ступени, въ государствѣ, господствующимъ началомъ становится публичное право.

Но возвышаясь въ общественную сферу, право не теряетъ чрезъ это своихъ существенныхъ свойствъ. И тутъ, какъ и въ правѣ вообще, основное отношеніе состоитъ въ противоположности *закона* и *свободы*. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ субъективнаго права, а гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ объективнаго права. Но къ этимъ двумъ началамъ присоединяется новый элементъ—*власть*, призванная охранять законъ и сдерживать свободу. Она составляетъ необходимое

центральное звено всякаго общественнаго порядка; это—владычествующей въ немъ элементъ. По самой природѣ вещей, власть можетъ быть ввѣрена только физическому лицу или лицамъ, ибо иного реальнаго элемента въ обществѣ нѣтъ; но эти физическія лица являются представителями общества, какъ цѣлаго, владычествующаго надъ отдѣльными особями. Выработанное правомъ понятіе объ юридическомъ лицѣ находитъ здѣсь полное и, притомъ, необходимое приложеніе. Оно составляетъ юридическое выраженіе идеи союза, какъ цѣлаго, господствующаго надъ частями.

Но именно потому, что власть ввѣряется физическому лицу, какъ представителю общества, оно должно употреблять ее не въ виду частныхъ своихъ интересовъ, а въ интересахъ цѣлаго. Кругъ вѣдомства и способы дѣйствія власти опредѣляются общественною *целью*, которая такимъ образомъ составляетъ необходимую принадлежность всякаго союза. Въ ней выражается его *идея*, то есть то начало, во имя котораго онъ существуетъ и которое онъ призванъ осуществить во внѣшнемъ мірѣ. Высшее осуществленіе идеи союза состоитъ въ полномъ развитіи всѣхъ его элементовъ и согласномъ ихъ дѣйствию. Это составляетъ для него *идеаль*, приближеніе къ которому есть цѣль развитія. Мы видѣли, что совершенствомъ называется согласіе въ полнотѣ опредѣлений; здѣсь это понятіе прилагается къ отдѣльнымъ союзамъ, сообразно съ природою и назначеніемъ cadaго.

Далѣе мы увидимъ, что эта природа можетъ быть разная; но каковъ бы ни былъ союзъ, въ немъ необходимо заключаются означенные четыре основные юридическія элемента: власть, законъ, свобода и общая цѣль. Какъ и самое право, это—элементы формальные, въ отличіе отъ тѣхъ, которыми опредѣляется содержаніе. Какъ же относится къ нимъ нравственное начало, которое призвано сочетаться съ правомъ?

Нравственный законъ, какъ мы видѣли, не устанавливаетъ никакихъ принудительныхъ отношеній; въ принадлежащей

ему области всѣ вопросы рѣшаются внутреннею свободой, то-есть совѣстью человѣка. Поэтому, во имя нравственного закона не можетъ быть установлена никакая принудительная власть. Но нравственный законъ можетъ требовать отъ совѣсти человѣка добровольнаго подчиненія установленному юридическимъ закономъ порядку, какъ необходимому условію мирнаго сожителства между людьми. Мы видѣли, что нравственность требуетъ уваженія къ праву; это вытекаетъ изъ самаго уваженія къ личности, которая составляетъ основаніе всякаго права и всякой нравственности. По этому самому, нравственный законъ предписываетъ и уваженіе къ общественному порядку, охраняющему право. Общественной власти слѣдуетъ повиноваться „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“; таково предписаніе нравственного закона, не принудительное, но обязательное. Отсюда ученіе христіанской церкви, что всякая власть происходитъ отъ Бога. По толкованію отцовъ церкви, это относится не къ той или другой формѣ власти и не къ присвоенію ея тому или другому лицу, а къ существу власти, какъ необходимой принадлежности человѣческаго общежитія *). Установленіе общественнаго порядка, какъ такового, признается божественнымъ предписаніемъ, ибо оно составляетъ высшее требованіе нравственного закона, также какъ и закона юридическаго. Но осуществленіе этого требованія лежитъ на юридическомъ законѣ, ибо нравственный законъ принудительной силы не имѣетъ; онъ можетъ только обращаться къ человѣческой совѣсти, требуя добровольнаго исполненія того, что можетъ быть вынуждено внѣшнею властью. И это добровольное исполненіе имѣетъ громадное значеніе въ общественной жизни, ибо одно только внѣшнее, чисто формальное подчиненіе составляетъ слишкомъ шаткое основаніе общественнаго порядка. Нравственная сила власти состоитъ въ томъ, что ее добровольно признають и охотно ей подчиняются. Эта нравственная связь, соединяющая пра-

*) См. мою «Исторію политическихъ ученій», ч. I, стр. 100.

вителей и подчиненныхъ, составляетъ самую крѣпкую и надежную опору власти; но вынудить ее нѣтъ возможности: она заслуживается, а не вынуждается. Правительства должны помнить это постоянно.

Для того чтобы эта связь могла сохраняться, надобно, чтобы сама власть слѣдовала предписаніямъ нравственнаго закона. Требуя отъ подчиненныхъ уваженія къ установленнымъ властямъ, нравственный законъ, съ другой стороны, требуетъ и отъ послѣднихъ, чтобы онѣ добросовѣстно исполняли свои обязанности и управляли не въ личныхъ своихъ интересахъ, а въ видахъ общаго блага, воздавая каждому должное, уважая права подвластныхъ и устраняя произволь и притѣсненія. И тутъ юридическій законъ часто оказывается безсильнымъ. Отъ подчиненныхъ властей можно еще требовать исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей подъ страхомъ наказанія, хотя и здѣсь чисто формальное, внѣшнее исполненіе служитъ весьма плохимъ обезпеченіемъ общественныхъ интересовъ: только живое отношеніе къ дѣлу, проникнутое нравственнымъ сознаніемъ долга, даетъ плодотворные результаты. Къ верховной же власти, каковая по необходимости устанавливается въ человѣческихъ обществахъ, такое требованіе неприменимо, ибо она не подлежитъ принужденію. Тутъ все зависитъ отъ внушеній совѣсти. Никакія внѣшнія гарантіи, никакія взаимныя ограниченія сдерживающихъ другъ друга властей не въ состояніи замѣнить нравственнаго духа, оживляющаго учрежденіе. Самыя совершенныя гарантіи обращаются въ ничто, если въ правящихъ сферахъ нѣтъ этого духа, который есть духъ свободы, ибо онъ истекаетъ изъ свободнаго внутренняго самоопредѣленія человѣка. Поэтому и поддерживаться онъ можетъ только путемъ свободы. Всякія попытки водворить его принудительными мѣрами ведутъ къ противоположнымъ результатамъ. Правительства, которыя хотятъ заставить подданныхъ быть нравственными, тѣмъ самымъ подаютъ примѣръ безнравственности, ибо они извращаютъ нравственный законъ, дѣлая его принудитель-

нымъ. На этомъ основаны притѣсненія совѣсти и религіозныя гоненія. Такого рода политика не только возбуждаетъ противъ себя притѣсняемыхъ, но возстановляетъ противъ правительства всѣ благородные умы; она разрушаетъ нравственную связь между правительствомъ и подданными.

Отсюда слѣдуетъ, что общественная власть не можетъ ставить себѣ цѣлью осуществленіе нравственного закона. Послѣдній можетъ быть только началомъ, ограничивающимъ ея дѣятельность, а не цѣлью, которую она призвана осуществлять въ принадлежащей ей области. Это слѣдуетъ изъ самаго существа нравственного закона, который, какъ мы видѣли, есть законъ формальный; содержаніе свое онъ получаетъ отъ эмпирическихъ опредѣленій человѣческой жизни. Оно дается тѣми потребностями и интересами, которыхъ удовлетвореніе составляетъ задачу разумнаго существа, призваннаго покорить себѣ природу и устроить свой бытъ согласно съ условіями земного существованія. Мы видѣли, что такова задача человѣка и въ частной жизни; такова же и цѣль дѣятельности общественной власти. Но въ общественной сферѣ эти потребности и интересы получаютъ высшее нравственное значеніе черезъ то самое, что они становятся общими, ибо первое предписаніе нравственного закона состоитъ въ томъ, чтобы руководящее правило дѣятельности было общее, а не личное. Отсюда освященное нравственнымъ закономъ основное правило общежитія, что частный интересъ подчиняется общественному.

Это не значитъ однако, что частный интересъ исчезаетъ передъ общественнымъ; напротивъ, онъ долженъ быть уваженъ: въ этомъ состоитъ самое основаніе и цѣль общежитія. Вниманіе къ интересамъ подвластныхъ лицъ составляетъ первое требованіе отъ всякаго правительства, понимающаго свое призваніе. Когда же съ интересомъ соединяется право и послѣднее, въ силу общаго закона, должно уступить общественному началу, то необходимо вознагражденіе, какъ было выяснено по поводу отчужденія соб-

ственности. Высшее правило общественной жизни, какъ юридическое, такъ и нравственное, состоитъ въ соблюденіи правды, то есть, въ воздаяніи каждому того, что ему принадлежитъ. Менѣ всего согласуется съ этимъ началомъ сведеніе общественнаго блага къ владычеству интересовъ большинства надъ интересами меньшинства. Такого рода количественныя опредѣленія, въ которыхъ упражняются утилитаристы за недостаткомъ разумныхъ началъ, неприменимы къ нравственной области. Эгоизмъ общества, который Герингъ возводитъ въ верховное правило человѣческаго общежитія, есть въ высшей степени безнравственное начало. Оно настолько хуже личнаго эгоизма, насколько общественное начало шире и могущественнѣе личнаго. Нравственное требованіе состоитъ не въ томъ, чтобы преслѣдовать свои выгоды, а въ томъ, чтобы уважать чужія. Поэтому тамъ, гдѣ владычествуетъ большинство, нравственное требованіе состоитъ въ томъ, чтобы уважать права и интересы меньшинства; и, наоборотъ, тамъ, гдѣ владычествуетъ меньшинство, требуется уваженіе къ правамъ и интересамъ большинства. Только этимъ удовлетворяется правда, составляющая верховный законъ всего юридическаго, освященнаго нравственностью порядка. Къ этому и должно быть направлено внутреннее устройство человѣческихъ обществъ.

Такимъ образомъ, по содержанію, общественная жизнь слагается изъ трехъ элементовъ. Мы имѣемъ, съ одной стороны, систему интересовъ, которая управляется частнымъ правомъ, съ другой стороны—нравственный законъ, составляющій абсолютное предписаніе, обращающееся къ человѣческой совѣсти, и, наконецъ, собственно общественный элементъ, образующій область совокупныхъ интересовъ, управляемыхъ публичнымъ правомъ и представляющій сочетаніе права и нравственности. Къ этому присоединяется, какъ мы уже видѣли (кн. I гл. 2), четвертый элементъ, составляющій ихъ исходную точку, а именно, коренящаяся въ физиологическихъ опредѣленіяхъ естественныя связи, которыя лежатъ въ основаніи всего человѣческаго

общежитія. Отсюда, какъ изъ первоначальнаго центра, расходятся противоположныя опредѣленія права и нравственности, которыя опять сводятся къ высшему единству въ общественномъ началѣ.

Эти четыре элемента составляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніе четырехъ разныхъ союзовъ, представляющихъ естественныя развѣтвленія человѣческаго общежитія. Въ каждомъ изъ нихъ находятся всѣ элементы, но тотъ или другой является преобладающимъ. Эти союзы суть семейство, гражданское общество, церковь и государство. Первое всецѣло основано на естественныхъ опредѣленіяхъ, къ которымъ присоединяются однако юридическія и нравственныя начала. Второе представляетъ одностороннее развитіе юридическаго начала, которымъ управляется система частныхъ интересовъ. Въ третьемъ, напротивъ, воплощается религіозно-нравственный элементъ, составляющій отвлеченно общую сторону человѣческой природы. Наконецъ, четвертый союзъ, государство, представляетъ высшее сочетаніе противоположныхъ началъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и высшее развитіе *идеи* общественныхъ союзовъ. Однако, онъ не поглощаетъ въ себѣ остальныхъ, а только воздвигается надъ ними, какъ высшая область, господствующая надъ ними въ сферѣ внѣшнихъ отношеній, но оставляющая имъ должную самостоятельность въ принадлежащемъ каждому кругѣ дѣятельности.

Эти четыре союза представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, развитіе четырехъ формальныхъ началъ всякаго общежитія. Эти начала суть, какъ мы видѣли: власть, законъ, свобода и цѣль. И тутъ, при совмѣстномъ существованіи, преобладающимъ является то одно, то другое. Въ семействѣ первенствующее значеніе имѣетъ общая цѣль, благо союза, которое не отличается еще отъ блага членовъ: оно состоитъ въ единеніи членовъ, основанномъ на взаимной любви; поэтому оно всецѣло охватываетъ ихъ жизнь. Это составляетъ первую ступень общежитія. Затѣмъ, въ двухъ противоположныхъ другъ другу союзахъ, въ гражданскомъ

обществѣ и въ церкви, преобладающими началами являются, съ одной стороны, свобода, подчиняющаяся закону, а съ другой—законъ, исполняемый свободой. Наконецъ, государство, возвышающееся надъ обоими, является высшимъ выраженіемъ начала власти, вслѣдствіе чего ему принадлежитъ верховная власть на землѣ.

Эти опредѣленія соотвѣтствуютъ и основнымъ свойствамъ человѣческой души. Въ семействѣ, основанномъ на взаимной любви членовъ, господствуетъ чувство. Церковь связываетъ человѣка съ абсолютнымъ началомъ, бытіе котораго указывается ему разумомъ; отъ послѣдняго исходитъ и нравственный законъ. Напротивъ, гражданское общество есть область развитія влеченій. Наконецъ, государство является выраженіемъ разумной воли, представляющей сочетаніе противоположныхъ опредѣленій и составляющей верховное начало человѣческой дѣятельности.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ цѣльную и стройную систему человѣческихъ союзовъ, представляющую полное развитіе идеи общежитія и отвѣчающую самымъ внутреннимъ свойствамъ души человѣка, а потому выражающую истинную его природу. Послѣдовательное разсмотрѣніе каждаго изъ нихъ раскроетъ намъ въ подробности, какъ ихъ существо, такъ и основныя ихъ опредѣленія.

Г л а в а II.

С е м е й с т в о .

Семейное право составляетъ переходъ отъ личнаго права къ общественному. Семейство есть уже органической союзъ, въ которомъ являются цѣлое и члены. Но здѣсь цѣлое еще не отдѣлено отъ членовъ и не образуетъ самостоятельной организаціи, а существуетъ только въ нихъ и для нихъ.

Основаніе этихъ отношеній лежитъ въ физической природѣ человѣка. Животныя, также какъ и человѣкъ, совокупляются и производятъ дѣтей. Птицы выютъ гнѣзда и воспитываютъ птенцовъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ связь по-

ловъ не ограничивается однимъ выводкомъ, а продолжается иногда во всю жизнь. Какъ взаимное влеченіе половъ, такъ и любовь къ дѣтямъ въ полной мѣрѣ проявляются у животныхъ. На этихъ отношеніяхъ зиждется продолженіе рода. Но у человѣка, къ этимъ установленнымъ природою опредѣленіямъ присоединяются иныя, метафизическія начала, отношенія права и нравственности, которыя дѣлають изъ семейства спеціальною человѣческой союзъ.

Противоположность половъ составляетъ основной законъ органическаго міра. Въ немъ съ полною очевидностью выражается общій діалектической законъ расхожденія противоположностей и послѣдующаго ихъ сочетанія. На этомъ зиждется преемственность родового процесса и произведеніе новыхъ особей, смѣняющихъ прежнія, предназначенныя къ вымиранію. Только на самыхъ низкихъ ступеняхъ органической жизни, гдѣ противоположности еще не выдѣлились, а все находится въ состояніи слитности, размноженіе происходитъ путемъ простаго дѣленія. Какъ же скоро опредѣляются различія, такъ появляется и противоположность половъ, сперва въ одной и той же особи, въ видѣ раздѣльныхъ органовъ, а затѣмъ, на высшихъ ступеняхъ, всегда въ отдѣльныхъ особяхъ.

Существо этой противоположности заключается въ различіи воспріимчиваго начала и дѣятельнаго. Это различіе составляетъ основной законъ, какъ физическаго, такъ и духовнаго міра. Въ самой общей формѣ оно является въ противоположности потенціальной и кинетической энергіи. Первая есть сила въ формѣ способности, или возможности, которая, въ своемъ одностороннемъ опредѣленіи, въ отношеніяхъ къ другому является какъ воспріимчивость; вторая же есть сила въ дѣятельномъ состояніи, или въ движеніи. Въ человѣческой душѣ эти два противоположныя начала принимаютъ форму чувства и воли. Первое выражаетъ воспріимчивую, второе—дѣятельную сторону души. Отсюда совершенно различный характеръ половъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и различное ихъ назначеніе. Съ этимъ связано

и различіе правъ. Подводить оба пола подъ одну общую категорію человѣческой личности и, вслѣдствіе того, требовать для нихъ одинаковыхъ правъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, не принимая во вниманіе ни различія свойствъ, ни различія назначенія, можно только при самомъ поверхностномъ отношеніи къ предмету. Ученіе о равноправности женщинъ есть признакъ эпохи, къ которой всякое философское пониманіе исчезло. Въ древности оно было плодомъ софистики, въ наше время оно является произведеніемъ реализма.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что женщина должна быть лишена всякихъ правъ и безусловно подчинена мужчинъ. Напротивъ, признаніе правъ за женщиной служить признакомъ высшаго развитія правосознанія. Это—протестъ противъ права силы во имя присущей каждой человѣческой личности свободы. Но различіе свойствъ и назначенія влечетъ за собою различіе правъ въ различныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Существенное свойство мужчины есть воля; поэтому ему принадлежитъ преобладающая роль въ государствѣ. Существенное свойство женщины есть чувство; а потому ей принадлежитъ главная роль въ семейной жизни. И тутъ власть присвоивается волѣ; поэтому мужъ остается главою семьи, особенно въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ. Но не власть, а любовь составляетъ преобладающее начало семейной жизни, и въ этомъ отношеніи женщина занимаетъ первое мѣсто. Она — истинный ея центръ, внутренняя ея связь, оживляющій ея духъ. Отъ нея зависитъ все семейное счастье. Поэтому обезпеченіе правъ женщины въ семьѣ составляетъ высшее требованіе права.

Соединеніе этихъ двухъ противоположныхъ половъ въ одинъ цѣльный союзъ есть дѣло закона. Въ этомъ состоитъ существенное, коренное отличіе человѣческаго брака отъ всѣхъ животныхъ отношеній. Люди соединяются не только въ силу взаимнаго влеченія, но и въ силу разумно сознанаго и установленнаго обществомъ закона, который освя-

щаетъ ихъ союзъ и даетъ ему общественное значеніе, связывая его съ высшимъ порядкомъ человѣческаго общежитія. Этимъ брачный союзъ существенно отличается и отъ простаго сожительства. Послѣднее есть выраженіе чисто животныхъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ влеченіи половъ; первый же даетъ этимъ отношеніямъ человѣческой характеръ, связывая ихъ общимъ закономъ, что и составляетъ отличительную принадлежность разумнаго существа. Поэтому сожительство основано всецѣло на волѣ сторонъ: люди сходятся и расходятся, какъ имъ угодно, по минутной прихоти; законъ въ это не вступаетъ, ибо онъ не призванъ освящать эти отношенія. Въ бракъ же стороны принимаютъ на себя постоянныя обязанности, нарушеніе которыхъ есть преступленіе противъ семейнаго права. Эти обязанности воспринимаются добровольно, но онѣ устанавливаются не самими соединяющимися лицами, а общимъ закономъ, освящающимъ брачный союзъ. Бракъ не есть договоръ, въ которомъ условія опредѣляются волею сторонъ; это — постоянный союзъ, въ который лица могутъ вступать или не вступать по своему усмотрѣнію, но, вступая въ который, они подчиняются установленнымъ закономъ условіямъ; отъ себя они ничего не могутъ въ нихъ ни прибавить, ни убавить. Это и дѣлаетъ бракъ органическимъ союзомъ, имѣющимъ высшее человѣческое и общественное значеніе. Приравнивать къ этому случайныя соединенія половъ, происходящія въ силу минутной прихоти или даже продолжительнаго взаимнаго влеченія, значитъ не понимать самаго существа юридическихъ отношеній и высокаго ихъ значенія въ человѣческой жизни. Именно эти юридическія опредѣленія налагаютъ печать духа на естественную связь и возводятъ ее въ высшую сферу.

Вслѣдствіе этого, юридическая связь освящается и закономъ нравственнымъ. Въ семействѣ, какъ естественномъ союзѣ, въ которомъ въ непосредственной формѣ соединяются всѣ стороны человѣческой жизни, самымъ тѣснымъ образомъ сочетаются оба начала: право и нравственность.

Здѣсь, болѣе, нежели гдѣ-либо, можно сказать, что право устанавливаетъ только внѣшнюю форму, а нравственность является оживляющимъ духомъ. Отсюда религіозное освященіе брака, который считается таинствомъ у всѣхъ народовъ, сознающихъ высокое его значеніе. Этимъ устанавливается *святость* брака, начало въ высшей степени важное для нравственнаго сознанія людей и для прочности семейной жизни. Черезъ это бракъ перестаетъ быть чисто человѣческимъ учрежденіемъ, зависящимъ отъ случайной воли людей; онъ связывается съ закономъ, исходящимъ отъ самого Бога. Нерѣдко самъ гражданскій законъ придаетъ юридическую силу религіозному обряду, замѣняя имъ совершеніе гражданского акта. Но такая замѣна всегда есть дѣло юридическаго закона, а не требованіе религіи. Самъ по себѣ, религіозный обрядъ обязателенъ для совѣсти вѣрующихъ, но никакой юридической силы имѣть не можетъ. Юридическую силу можетъ придать ему только юридическій законъ. Этимъ самымъ признается, что бракъ есть не только религіозное, но и гражданское установленіе; а потому онъ можетъ существовать и отдѣльно отъ религіознаго обряда. Это и выражается въ учрежденіи гражданского брака, независимаго отъ церковнаго. Таковъ порядокъ во всѣхъ новѣйшихъ законодательствахъ. Какъ юридическій союзъ, бракъ заключается гражданскимъ актомъ: совершеніе же религіознаго обряда предоставляется совѣсти вѣрующихъ. Этимъ способомъ разграничиваются обѣ области и удовлетворяются равнымъ образомъ требованія закона и права совѣсти. Тщетно неумѣренные ревнители религіи протестуютъ противъ такого раздѣленія, приравнивая гражданскій бракъ къ простому конкубинату. Между тѣмъ и другимъ лежитъ неизмѣримое разстояніе, существующее между законнымъ и незаконнымъ сожительствомъ. Если бракъ имѣетъ юридическія послѣдствія, то онъ несомнѣнно есть юридическое установленіе, которое опредѣляется гражданскимъ закономъ; религіозный же обрядъ даетъ ему высшее нравственное освященіе, но не опредѣляетъ юри-

дического его существа. Католическая церковь, которая долго враждовала противъ гражданскаго брака, признаетъ его однако въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ введенъ положительнымъ законодательствомъ, чѣмъ доказывается полная его совмѣстность съ религіозными вѣрованіями. Отъ гражданскаго закона требуется только, чтобы онъ свои постановленія сообразовалъ съ требованіями религіи, ибо иначе можетъ произойти смущеніе совѣсти вѣрующихъ, а это порождаетъ смуту въ семейномъ союзѣ.

Условія, вытекающія изъ гражданскаго значенія союза, даются самою его идеей. Бракъ не есть договоръ, заключаемый съ извѣстной цѣлью и для извѣстнаго времени; это — союзъ полный и всецѣлый. Таковъ идеаль соединенія разумныхъ существъ. Это — любовь подъ общимъ закономъ, возвышенная надъ случайностью влеченій и образующая постоянную духовную связь. Человѣкъ весь отдаетъ себя другому и въ этомъ находитъ высшее удовлетвореніе своего духовнаго естества. При этомъ онъ получаетъ то же, что онъ даетъ, ибо самоотреченіе взаимно. Естественное влеченіе другъ къ другу пріобрѣтаетъ здѣсь характеръ духовнаго единенія, скрѣпленнаго сознаниемъ исполненія высшаго закона нравственнаго міра. Два лица отрекаются отъ своей самостоятельности, съ тѣмъ чтобы образовать одно.

Въ разумномъ существѣ такое самоотреченіе можетъ быть только дѣломъ *свободы*. Только добровольная отдача себя другому совмѣстна съ нравственнымъ существомъ человѣка; она одна даетъ нравственное и юридическое значеніе браку. Взаимное влеченіе можетъ быть и не быть; но вступающія въ бракъ лица добровольно принимаютъ на себя сопряженныя съ нимъ обязанности и торжественно даютъ обѣщаніе отнынѣ всецѣло принадлежать другъ другу. Принужденіе тутъ немыслимо.

Очевидно, что подобная связь возможна только при *единобрачій*, ибо человѣкъ не можетъ отдавать себя всецѣло разнымъ лицамъ. Поэтому въ единобрачій выражается истин-

ное существо брачнаго союза. Многоженство низводитъ это отношеніе на степень конкубината. Народы, у которыхъ оно господствуетъ, всегда остаются на низкой ступени нравственнаго развитія. Отсюда то возмущеніе, которое возбуждаетъ распространеніе мормонизма. Между людьми могутъ быть всякаго рода свободныя отношенія, но возведеніе многоженства на степень религіознаго установленія идетъ въ разрѣзъ не только съ требованіями гражданскаго закона, но и съ голосомъ общественной совѣсти и съ идеею брака.

Изъ этого характера брачнаго союза слѣдуетъ, что содержаніе его не ограничивается тою или другою стороною человѣческаго естества; оно состоитъ *въ общеніи всей жизни*, *omnis vitae consortium*, по выраженію римскихъ юристовъ. Одно существо всецѣло, и физически, и нравственно, отдаетъ себя другому. Физическое соединеніе составляетъ естественное основаніе брака. Имъ достигается высшая его цѣль — дѣторожденіе: оно даетъ полноту семейной жизни, восполняя отношенія мужа къ женѣ совокупнымъ ихъ отношеніемъ къ дѣтямъ. Поэтому невозможность физическихъ отношеній служить законнымъ поводомъ къ расторженію брака. Но на этой физической основѣ воздвигается несравненно высшій міръ духовнаго единенія, которое составляетъ нравственное существо брачнаго союза. Какъ и всякія нравственныя отношенія, эта духовная связь держится только свободою. Юридическій законъ тутъ безсиленъ; онъ опредѣляетъ одну внѣшнюю форму союза; содержаніе же дается живымъ чувствомъ и свободнымъ взаимодѣйствиемъ лицъ. И только такое свободное самоотреченіе въ пользу другого придаетъ брачному союзу истинную его цѣну и способно удовлетворить духовнымъ потребностямъ человѣка.

Но тамъ, гдѣ дѣйствуетъ свобода, возможно и уклоненіе. При недостаткѣ взаимнаго чувства и нравственной высоты, брачная жизнь, вмѣсто духовнаго единенія, можетъ представлять поприще постоянныхъ раздоровъ. Вмѣсто

рая, она обращается въ адъ. Спрашивается: возможно ли сохраненіе союза при такихъ отношеніяхъ?

По своей идеѣ, это—союзъ *неразрывный*. Какъ сказано, онъ заключается не на время, а на всю жизнь. Передъ закономъ, человѣческимъ и божественнымъ, соединяющіяся лица даютъ торжественное обѣщаніе принадлежать другъ другу навѣки, и это обѣщаніе они обязаны исполнить. Въ чисто договорныхъ отношеніяхъ самый законъ предохраняетъ лицъ отъ легкомысленныхъ обѣщаній: человѣку воспрещается отчуждать свою свободу и заключать договоры на слишкомъ продолжительные сроки. Здѣсь, напротивъ, законъ не допускаетъ иного обѣщанія, какъ на всю жизнь, ибо это вытекаетъ изъ существа брачнаго союза. Оно требуется и самою его цѣлью—рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей. Какъ бы для скрѣпленія этой связи, природа установила для человѣка продолжительное младенчество, требующее родительскаго попеченія, а условія человѣческой жизни еще значительно удлиняютъ срокъ воспитанія. Даже тогда, когда дѣти вышли изъ-подъ опеки и стали на свои ноги, связь ихъ съ родителями не порывается, какъ у животныхъ, а сохраняется на всю жизнь. Отсюда необходимость постоянства и единства семьи, которая служитъ центромъ для рождающихся въ ней поколѣній. Вслѣдствіе этого, неразрывность брака является существеннымъ требованіемъ семейнаго союза. По идеѣ, бракъ можетъ быть расторгнутъ только смертю или преступленіемъ. Въ приложеніи же къ реальнымъ условіямъ жизни, это начало должно стоять незыблемо во всѣхъ случаяхъ, когда есть дѣти. Какъ скоро человѣкъ произвелъ на свѣтъ другого, такъ онъ принадлежитъ уже не исключительно себѣ, а также и этому другому. Онъ имѣетъ передъ нимъ нравственныя и юридическія обязанности, и прежде всего тѣ, которыя относятся къ семейной жизни, какъ нравственному центру молодыхъ поколѣній. Родители не въ правѣ лишать своихъ дѣтей отца или матери, отнимать у нихъ полноту семейной жизни, смущать молодыя души разрушеніемъ того, что для нихъ

наиболѣе дорого и свято. При такихъ условіяхъ. расторженіе семейной связи всегда есть преступленіе. Если отношенія мужа и жены становятся невыносимы, они могутъ жить врозь, но они не въ правѣ основывать новыя семейства.

Иначе ставится вопросъ, когда нѣтъ дѣтей. Тутъ расторженіе союза допустимо безъ нарушенія существенныхъ его основъ. Не люди существуютъ для брака, а бракъ для людей. Если брачушіеся добровольно приняли на себя обязательство жить другъ для друга и передъ лицомъ закона дали въ этомъ смыслѣ торжественное обѣщаніе, то они точно также добровольно могутъ освободить другъ друга отъ этихъ обѣщаній, если они не связаны обязанностями въ отношеніи къ третьимъ лицамъ. Этого требуетъ чело-вѣческая свобода. Однако и въ этомъ случаѣ законъ долженъ обставить расторженіе брака всевозможными гарантіями, для того чтобы оно не было дѣломъ случайнаго увлеченія, а являлось плодомъ зрѣлаго и обдуманнаго рѣшенія. Надобно, чтобы люди знали, что бракъ есть серьезное дѣло жизни и что торжественныя обѣщанія не должны быть ни легкомысленно даваемы, ни расторгаемы по случайной прихоти. Только при такомъ взглядѣ семейный союзъ можетъ быть прочнымъ учрежденіемъ, составляющимъ основаніе всего общественнаго порядка.

Юридическое, а вмѣстѣ и нравственное начало, охраняющее брачный союзъ, есть *вѣрность*. Нарушеніе ея, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, ведетъ къ разрушенію союза, что формально можетъ быть совершено только силою закона, который расторгаетъ то, что онъ связалъ. Фактическое же разъединеніе есть дѣло свободы. Передъ юридическимъ закономъ преступленіе съ обѣихъ сторонъ одинаково; но съ нравственной стороны преступленіе жены судится строже. Причина та, что невѣрный мужъ расточаетъ свои физическія и духовныя силы внѣ семьи, жена же вноситъ чуждый элементъ въ самую семью. Тутъ является сомнѣніе относительно самаго происхожденія дѣтей. Жена нарушаетъ ту неприкосновенность домашней святыни, ко-

тору она призвана охранять, а потому ея проступокъ имѣеть большее значеніе, нежели преступленіе мужа.

Въ связи съ этимъ находится и самое отношеніе мужа и жены къ семейной жизни. Задачи мужа не исчерпываются устроеніемъ семейнаго быта. Какъ гражданинъ, онъ дѣйствуетъ на общественномъ поприщѣ; онъ можетъ имѣть и другія призванія—промышленныя, ученныя, художественныя. Призваніе жены сосредоточивается главнымъ образомъ въ семьѣ; все остальное служить только придаткомъ. Поэтому мужъ является представителемъ семьи передъ внѣшнимъ міромъ и передъ лицомъ закона. Ему же принадлежитъ и внѣшній распорядокъ семейнаго быта, слѣдовательно и власть, составляющая необходимый элементъ всякаго общества. Какъ юридическій, такъ и религіозный законъ признають мужа главою жены. Но подчиняясь мужу, послѣдняя остается самостоятельнымъ лицомъ. Она—хозяйка дома; на ней лежитъ внутренній его распорядокъ. Какимъ образомъ юридическое, а вмѣстѣ и нравственное требованіе подчиненія согласуется съ самостоятельностью, этого законъ опредѣлить не можетъ; это—дѣло любви, составляющей душу семейнаго союза, и прежде всего жены, которая является главною представительницею этого начала. Тутъ все зависитъ отъ характеровъ и свободныхъ нравственныхъ отношеній, вслѣдствіе чего каждый отдѣльный семейный бытъ получаетъ свою своеобразную печать. Законъ, не только юридическій, но и нравственный, предъявляетъ только общія требованія, которыхъ осуществленіе предоставляется свободному движенію жизни.

Такимъ образомъ, въ брачномъ союзѣ, противоположные элементы, соединяясь, остаются каждый съ своимъ характеромъ и съ своимъ назначеніемъ. Реальное ихъ единство является въ плодахъ этого союза—въ дѣтяхъ. Отсюда рождается новое отношеніе—родителей и дѣтей, которое восполняетъ брачный союзъ и даетъ семейной жизни полноту содержанія.

Въ это отношеніе человѣкъ не вступаетъ добровольно;

оно дается самою природою. Человѣкъ рождается членомъ семьи, и отъ этой связи онъ никогда не можетъ отрѣшиться, ибо ею опредѣляется самое его существованіе и все то, что онъ получаетъ отъ рожденія и воспитанія. Поэтому, она является еще болѣе неразрывною, нежели бракъ. Но, съ другой стороны, здѣсь свободѣ предоставляется болѣе простора. Въ дѣтствѣ, пока человѣкъ не обладаетъ еще полнымъ употребленіемъ своихъ способностей, онъ естественно подчиняется своимъ родителямъ, и это подчиненіе, по самой природѣ вещей, должно быть полное и всецѣлое. Только крайнія злоупотребленія родительской власти могутъ заставить законъ вмѣшаться въ эти отношенія. Но, достигши совершеннолѣтія, дѣти становятся на свои ноги и основываютъ свои собственные семьи. Нравственная связь остается, но общеніе жизни прекращается. Задача родителей состоитъ именно въ томъ, чтобы приготовить дѣтей къ свободѣ и сдѣлать ихъ способными вести самостоятельную жизнь. Эта задача исполняется *воспитаніемъ*.

Цѣль воспитанія состоитъ не только въ поддержаніи физическаго существованія дѣтей, но главнымъ образомъ въ духовномъ ихъ развитіи, въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ людьми. Средствомъ для этого служатъ основные элементы семейнаго союза: власть и любовь. Власть устанавливаетъ дисциплину, безъ которой нѣтъ ни воли, ни характера; она поддерживается домашними наказаніями, имѣющими цѣлью исправленіе. Любовь же смягчаетъ эти отношенія, внося въ нихъ тотъ согрѣвающій элементъ, который привязываетъ дѣтей къ родительскому крову и вселяетъ въ нихъ невидимыми путями всѣ благія сѣмена истинно человѣческой жизни. Здѣсь нравственное начало любви достигаетъ высшаго своего развитія. Материнская любовь есть самое высокое и святое чувство, какое есть на землѣ. Поэтому общественное воспитаніе никогда не можетъ замѣнить домашняго. Оно не въ состояніи возбудить въ ребенкѣ именно тѣ глубокія чувства, которыя составляютъ основу истинно человѣческаго существованія. Нѣтъ сомнѣнія, что домаш-

нее воспитаніе можетъ быть и превратное. Можетъ существовать суровая дисциплина при недостаткѣ любви или, наоборотъ, безразсудная любовь при полномъ отсутствіи дисциплины. Иногда полезно отдѣлять юношу отъ семейной среды, чтобы приучить его къ болѣе или менѣе самостоятельному существованію. Но никакое общественное заведеніе не въ состояніи замѣнить семейнаго быта. Главнымъ центромъ воспитанія все-таки остается семья. Въ этой средѣ залагаются въ душу человѣка тѣ начала, которыя составляютъ основаніе всей его послѣдующей жизни. Гдѣ семья не исполняетъ этой задачи, самый общественный бытъ покоится на шаткихъ основахъ. Государство Платона, въ которомъ отрицается семейная жизнь и дѣти воспитываются въ общественныхъ заведеніяхъ, лишено всякой почвы. У новыхъ народовъ, въ особенности, семейный бытъ служитъ нравственною основой всего общественнаго строя, а таковымъ онъ можетъ быть только тамъ, гдѣ молодая поколѣнія изъ него выносятъ свои нравственныя силы. Но и это можетъ быть только дѣломъ свободы; въ этой важнѣйшей задачѣ общественной жизни законъ совершенно безсиленъ.

Результатъ воспитанія состоитъ въ томъ, что дѣти становятся самостоятельными и основываютъ свои собственные семейства. Такимъ образомъ семья сама собою разлагается. Это составляетъ естественное послѣдствіе тѣхъ физическихъ отношеній, на которыхъ она основана. Кругъ ея слишкомъ тѣсенъ для проявленія высшихъ человѣческихъ потребностей; да и самыя эти отношенія, связанные съ бременнымъ существованіемъ особей, имѣютъ преходящее значеніе. Однако, съ выдѣленіемъ новыхъ поколѣній для самостоятельной жизни, нравственная связь любви и благодарности остается; сохраняются и имущественныя отношенія.

Послѣднія составляютъ естественную принадлежность семейнаго союза. Находясь въ матеріальномъ мірѣ, онъ необходимо стремится къ обезпеченію своего матеріальнаго существованія. Изъ этого образуется семейное имущество,

которое служить основаніемъ благосостоянія семьи. Вопросъ состоитъ въ томъ: кому оно принадлежитъ и кто можетъ имъ распоряжаться?

Этотъ вопросъ возникаетъ прежде всего въ отношеніяхъ мужа къ женѣ. На поддержаніе семейной жизни очевидно должно идти имущество обоихъ, а такъ какъ мужъ есть глава семьи, то ему принадлежитъ и распоряженіе семейнымъ имуществомъ. Отсюда постановленія многихъ законодательствъ, предоставляющія приданое жены въ распоряженіе мужа и воспрещающія женѣ отчуждать свое имущество и вступать въ обязательства безъ согласія послѣдняго. Иногда различается даже то, что составляетъ совокупное достояніе супруговъ, и то, что принадлежитъ каждому въ отдѣльности. Но всѣ подобныя постановленія имѣютъ ту невыгодную сторону, что они ставятъ жену подъ опеку мужа, между тѣмъ какъ она должна быть признана самостоятельнымъ лицомъ, имѣющимъ свои собственныя права. Къ тому же, всѣ эти юридическія постановленія мало достигаютъ цѣли. Тутъ нравственныя отношенія гораздо важнѣе юридическихъ, а потому семейное благосостояніе вѣрнѣе обеспечивается оставленіемъ за каждою стороною принадлежащихъ ей правъ и предоставленіемъ устройства матеріальной стороны семейнаго быта свободному ихъ соглашенію. Юридическая регламентація брачныхъ отношеній всегда сопряжена съ весьма значительными стѣсненіями. Именно такая либеральная точка зрѣнія господствуетъ въ русскомъ законодательствѣ.

Иначе ставится вопросъ въ отношеніи къ дѣтямъ. Какъ общее правило, имущество принадлежитъ родителямъ, которые распоряжаются имъ по своему усмотрѣнію. Но они обязаны содержать дѣтей, пока послѣдніе малолѣтны и не могутъ сами себѣ добывать пропитаніе. Когда дѣти находятся въ родительскомъ домѣ, они пользуются общимъ достояніемъ; если же они отдаются на сторону, то имъ надобно дать средства къ жизни. Къ этому законъ можетъ принудить родителей. Однако и тутъ обязанности, силою ве-

щей, остаются болѣе нравственными, нежели юридически-ми, ибо вмѣшательство закона въ семейныя отношенія, и въ особенности въ родительскую власть, всегда сопряжено съ величайшими трудностями.

Малолѣтніе могутъ имѣть и собственное имущество, либо отъ одного или обоихъ умершихъ родителей, либо отъ постороннихъ. Въ такомъ случаѣ учреждается *опека*, съ цѣлью сохраненія имущества неприкосновеннымъ до совершеннолѣтія собственника. Для предупрежденія расхищенія эти отношенія всегда ставятся подъ контроль общественной власти. Въ случаѣ смерти обоихъ родителей, опека учреждается и надъ лицомъ малолѣтняго. Она замѣняетъ родительскую власть.

Неприкосновенность семейнаго имущества охраняется и тамъ, гдѣ сами родители владѣютъ имъ не на полномъ правѣ собственности, а какъ временные обладатели, которые должны всецѣло передать свое достояніе слѣдующему поколѣнію. Въ такомъ случаѣ дѣти имѣютъ право на семейное имущество уже при жизни родителей, но пользоваться имъ они могутъ только послѣ ихъ смерти. Это составляетъ одну изъ формъ наследственнаго права, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Наконецъ, взрослые дѣти, оставаясь въ семьѣ, могутъ своею работою участвовать въ поддержаніи и умноженіи семейнаго имущества. Въ такомъ случаѣ для нихъ рождается извѣстное на него право, соразмѣрное съ ихъ участіемъ въ общей работѣ. Таково требованіе справедливости. Этотъ вопросъ возникаетъ въ особенности въ крестьянской семьѣ, гдѣ семейное достояніе поддерживается личною работою членовъ.

Кромѣ имущественныхъ отношеній, въ составъ семейнаго быта входятъ и отношенія къ лицамъ, находящимся въ домашнемъ услуженіи. Римское право основательно относило ихъ къ семейному праву. Тутъ рождаются нравственныя связи, которыя не могутъ быть подведены подъ типъ простаго договора. Тѣсный союзъ между господами и слугами,

основанный на преданности и любви, составляет нравственный элемент и въ крѣпостномъ правѣ. При свободныхъ отношеніяхъ, юридическая сторона ограничивается добровольно заключаемымъ и добровольно же расторгаемымъ договоромъ; это и составляетъ обычное явленіе настоящаго времени. Но въ этихъ формальныхъ границахъ образуется нравственная связь, которой нельзя упускать изъ вида при философской оцѣнкѣ семейныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія, слуги составляютъ часть семьи, и чѣмъ эта связь тѣснѣе и нравственнѣе, тѣмъ выше и краше самая семейная жизнь.

Еще поверхностнѣе мысль новаго времени относится къ понятію о *домѣ*, не въ смыслѣ матеріальнаго зданія, а въ смыслѣ средоточія семейной жизни, обнимающаго совокупность ея отношеній, личныхъ и имущественныхъ. Въ древности это понятіе имѣло высокое, не только гражданское, но и религіозное значеніе. Огонь домашняго очага, какъ средоточіе семейной жизни, былъ предметомъ религіознаго поклоненія. Здѣсь властвовали домашніе боги, Пенаты; здѣсь поклонялись душамъ умершихъ предковъ. Когда отъ семьи отдѣлялась вѣтвь, она брала съ собою священный огонь съ домашняго очага и несла его на новое жилище. И это имѣло высокій нравственный смыслъ. Этимъ сохранялась духовная связь расходящихся поколѣній. Съ появленіемъ христіанства религіозное значеніе домашняго очага, разумѣется, исчезло, что не могло не вести къ ослабленію крѣпости семейнаго союза. Самое понятіе о домѣ сохранилось только какъ принадлежность аристократическихъ родовъ, не столько въ видахъ упроченія семейной связи, сколько въ видахъ общественнаго положенія и политическихъ преимуществъ. Между тѣмъ, именно въ отношеніи къ семейному быту съ понятіемъ дома связываются самыя возвышенныя и святыя человѣческія чувства—любовь къ родителямъ, воспоминанія дѣтства, дружеское единеніе семьи, тотъ нравственный духъ, который выносятся изъ этой среды и который, переходя отъ поколѣній

къ поколѣнію, составляетъ самую крѣпкую основу общественнаго быта. Домъ составляетъ видимое средоточіе этого духа: это—центръ всѣхъ семейныхъ преданій. Черезъ него семья продолжается за предѣлами своего земного существованія. Семьи мѣняются съ замѣной старыхъ поколѣній новыми; но домъ остается, какъ постоянная ихъ связь. Черезъ него семья переходитъ въ *родъ*.

Родъ есть разросшаяся семья. Тутъ сохраняется естественная связь, но въ болѣе слабой степени, ибо, съ нарожденіемъ новыхъ поколѣній, кровное родство отдалается, вѣтви расходятся и вступаютъ въ новыя отношенія. Но пока люди живутъ еще въ болѣе или менѣе тѣсномъ единеніи другъ съ другомъ, эти естественныя связи продолжаютъ играть весьма существенную роль; онѣ замѣняютъ всѣ остальные. Въ первобытныя времена весь общественный порядокъ строился на родовыхъ отношеніяхъ. Даже въ высоко развитыхъ классическихъ государствахъ роды составляли основу всего общественнаго быта. Но въ историческомъ процессѣ эти естественныя группы постепенно разлагались посторонними элементами и отношеніями чисто гражданскаго свойства. Въ новое время, при всестороннемъ развитіи послѣднихъ, совокупная организація рода исчезла; однако, и тутъ родовое начало сохранило существенное свое значеніе не только въ гражданской, но и въ государственной области. Вся государственная жизнь основана на преемственности поколѣній, передающихъ одно другому свое устройство, свои права и свое достояніе. Не только монархическія династіи и аристократическіе роды зиждутся на этомъ началѣ, но и въ самой демократіи гражданинъ получаетъ свои права отъ рожденія; онъ является на свѣтъ членомъ государства, потому что получилъ жизнь отъ родителей, состоявшихъ въ таковыхъ же отношеніяхъ. Именно вслѣдствіе этой преемственности поколѣній государство остается единымъ тѣломъ, сохраняющимъ свою непрерывность. На томъ же началѣ зиждется и весь гражданскій бытъ. Отходящія поколѣнія передаютъ послѣдующимъ все

приобрѣтенное ими достояніе. На этомъ основано наследственное право, которое составляетъ завершеніе семейнаго быта, а вмѣстѣ и фундаментъ всего гражданскаго порядка.

Соціалисты смотрятъ на наследственное право какъ на произвольное установленіе законодательства. Сень-Симонисты утверждали, что имущество, во имя справедливости, должно распредѣляться по способности и дѣламъ. Лассаль видѣлъ въ наследствѣ только историческую категорію, которая должна исчезнуть съ дальнѣйшимъ развитіемъ чело-вѣчества. Соціалисты отрицаютъ право чело-вѣка распоряжаться имуществомъ послѣ смерти. Утверждаютъ, что какъ скоро чело-вѣкъ умеръ, такъ воля его, переставши существовать, теряетъ всякую силу, а имущество, какъ выморочное, должно принадлежать государству. Каждый, будучи равенъ другимъ, долженъ своимъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе, а не получать отъ родителей возможности жить, ничего не дѣлая. И не только соціалисты, но и утилитаристы держатся, въ сущности, тѣхъ же началъ. И они видятъ въ наследствѣ произвольное чело-вѣческое установленіе. Только въ видахъ общественной пользы они допускаютъ ограниченное наследованіе въ прямой линіи. При такомъ порядкѣ, все частное имущество должно мало-помалу перейти въ руки государства.

Это воззрѣніе, по существу своему, есть не что иное, какъ отрицаніе духовной природы чело-вѣческой личности, а равно и семейнаго начала. Въ дѣйствительности, наследственное право не есть произвольное чело-вѣческое установленіе. Оно вытекаетъ изъ глубочайшихъ основъ чело-вѣческаго духа и изъ самаго существа семейныхъ отношеній; это доказывается уже повсемѣстнымъ его существованіемъ. Источникъ его двоякій: право чело-вѣка распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти и право послѣдующихъ поколѣній получать достояніе предшествовавшихъ. На первомъ основано наследованіе по завѣщанію, на второмъ — наследованіе по закону.

О первомъ было уже говорено выше. Мы видѣли, что

изъ самой духовной природы человѣка, изъ того, что онъ ставитъ себѣ цѣли, идущія далеко за предѣлы его земной жизни, слѣдуетъ, что посмертныя его распоряженія должны быть уважены. И именно потому, что смерть есть самое торжественное событіе въ жизни человѣка, — событіе, передъ которымъ исчезаетъ все мелкое и преходящее и остается только вниманіе къ постоянному и вѣчному, воля, выраженная въ виду этой минуты, получаетъ особенно священный характеръ. Поэтому всѣ народы въ мірѣ, у которыхъ не заглохло нравственное сознаніе, оказывали уваженіе къ завѣщанію. Только поверхностное легкомысліе людей, понимающихъ единственно то, что можно видѣть глазами и ощупать руками, отрицаетъ этотъ всемірный фактъ. Этимъ человѣкъ низводится на степень животнаго, которое живетъ только минутными ощущеніями.

Однако, воля завѣщателя встрѣчаетъ границы въ другомъ началѣ, не менѣе возвышенномъ и святомъ, — въ правѣ дѣтей на наслѣдіе родителей. Недостаточно произвести человека на свѣтъ, надобно дать ему средства существованія въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это доступно самимъ родителямъ. Дѣти являются продолженіемъ ихъ жизни, а потому вступаютъ во всѣ ихъ права, получаютъ ихъ достояніе и принимаютъ на себя ихъ обязательства. На этомъ основанъ весь семейный бытъ, и это составляетъ не только право, но и обязанность дѣтей. Требовать, чтобы каждый начиналъ самъ отъ себя, ничего не получая отъ родителей, значить разрывать связь поколѣній и смотрѣть на лице, не какъ на произведеніе извѣстной семейной среды, черпающее изъ нея всѣ свои жизненныя силы, а какъ на явленіе, взявшееся неизвѣстно откуда, загорающееся и потухающее, подобно палучей звѣздѣ. Этимъ отрицается самый смыслъ человѣческой исторіи, которая состоитъ въ томъ, что слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія передаютъ одно другому все свое матеріальное и духовное достояніе. Безъ этого человѣческая жизнь не подвинулась бы далѣе первобытной дикости. Наслѣдство есть то великое и плодотвор-

ное начало, которое связывает прошедшее съ настоящимъ и будущимъ, а потому составляетъ источникъ и основаніе истинно человѣческой жизни.

Противъ этого безсильно возраженіе, что преемственность возможна и помимо частнаго наслѣдованія, присвоеніемъ имущества государству, въ рукахъ котораго оно можетъ накапливаться и служить къ пользѣ слѣдующихъ поколѣній. Преемственность государственной жизни сама основана на преемственности рождающихся другъ отъ друга поколѣній, то есть, на преемственности семейной. Въ семействѣ человѣкъ рождается и воспитывается; отъ него онъ получаетъ всѣ основы своего духовнаго и матеріальнаго существованія. Отрицаніе семейныхъ началъ во имя государственныхъ есть, какъ уже сказано, не только отрицаніе самыхъ возвышенныхъ человѣческихъ чувствъ, но и подрывъ глубочайшихъ устоевъ государственной жизни. Это—полное извращеніе природы человѣка.

Государство тѣмъ менѣе можетъ вступаться въ частное наслѣдство, что оно не имѣетъ на него ни малѣйшаго права. Оно не работаетъ и не производитъ; это дѣлаютъ частныя лица, а потому имъ и ихъ дѣтямъ принадлежитъ приобрѣтенное ими достояніе. Государство должно охранять это достояніе отъ стороннихъ посягательствъ, а не присвоивать его себѣ, чтò составляетъ худшій видъ грабежа, ибо это грабежъ со стороны тѣхъ, кому власть дана затѣмъ, чтобы его пресѣкать. Все, что государство въ правѣ дѣлать, это—требовать отъ гражданъ, чтобы они часть своего достоянія давали на общественныя потребности; но и это должно совершаться на основаніи справедливости, по общему закону, то-есть, пропорціонально средствамъ каждаго. Присвоеніе же себѣ наслѣдства путемъ чрезмѣрныхъ налоговъ есть не что иное, какъ замаскированное, то-есть лицемѣрное грабительство, начало, которое менѣе всего прилично государству, какъ союзу, носящему въ себѣ сознаніе нравственныхъ требованій.

Это относится не только къ наслѣдованію дѣтей, но и къ

наслѣдованію боковыхъ родственниковъ. Государство и тутъ не имѣть права вступаться, потому что имущество ему не принадлежитъ. Частное имущество передается по началамъ частнаго, а не публичнаго права. Гдѣ нѣтъ ближайшихъ степеней родства, тамъ, за недостаткомъ воли завѣщателя, наступаетъ наслѣдованіе болѣе отдаленныхъ родственниковъ. Относительно родовыхъ имуществъ, право послѣднихъ основывается на томъ, что имущество родоначальника дѣлится между потомками, и когда пресѣкается одна вѣтвь, то оно переходитъ къ другимъ. Относительно же благопріобрѣтенныхъ имуществъ, переходъ ихъ къ боковымъ родственникамъ, при отсутствіи завѣщанія, основанъ на родовой связи, которая сохраняетъ здѣсь существенное свое значеніе. Именно въ этомъ, признаваемомъ всѣми законодательствами правѣ, выражается то въ высшей степени важное начало, что наслѣдство есть установленіе частнаго, а не публичнаго права. Этимъ область частныхъ отношеній ограждается отъ посягательства со стороны государственной власти.

Истинная задача государства въ сферѣ наслѣдственнаго права состоитъ не въ присвоеніи себѣ того, что ему не принадлежитъ, а въ опредѣленіи и соглашеніи тѣхъ противоположныхъ началъ, которыя здѣсь проявляются: правъ завѣщателя и правъ наслѣдниковъ. Тамъ, гдѣ есть дѣти и гдѣ имущество считается родовымъ, права завѣщателя, по существу дѣла, ограничены. Законъ долженъ опредѣлить, какую долей имущества онъ можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію, и на какой срокъ могутъ имѣть силу его распоряженія. Отцу семейства нельзя отказать въ правѣ распорядиться своимъ домомъ такъ, чтобы онъ сохранялся въ семьѣ. Но установленіе неотчуждаемыхъ имуществъ стѣсняетъ права новыхъ владѣльцевъ. Черезъ это новыя поколѣнія связываются навѣки волею прежнихъ. Задача законодательства состоитъ въ томъ, чтобы согласить обоюдныя требованія: признавая волю завѣщателя, надобно дать свободѣ слѣдующихъ поколѣній достаточно простора,

чтобъ они могли сдѣлаться хозяевами своего имущества. Это—дѣло положительнаго законодательства.

Тотъ же вопросъ возникаетъ и при раздѣлѣ имуществъ въ наслѣдованіи по закону. Начало справедливости требуетъ равнаго раздѣла; но сохраненіе дома, какъ семейнаго центра, ведетъ къ неравенству, ибо домъ можетъ достаться только одному и притомъ при такихъ условіяхъ, чтобы наслѣдникъ имѣлъ возможность его поддержать. Мы видѣли, что это имѣетъ весьма существенное значеніе, не только для поддержанія аристократическихъ родовъ, но и для сохраненія семейныхъ преданій, составляющихъ одну изъ важнѣйшихъ нравственныхъ основъ общественнаго быта. Такъ сохраняются и купеческія фирмы, и крестьянскія усадьбы. Нѣтъ сомнѣній однако, что чрезъ это остальные дѣти лишаются значительной части имущества. Это—жертва, которая приносится сохраненію роднаго гнѣзда и всѣхъ связанныхъ съ нимъ нравственныхъ элементовъ. Въ какой мѣрѣ допустима эта жертва, и какъ согласить обоюдныя требованія, это опять составляетъ задачу положительнаго законодательства. Аристократическія законодательства даютъ перевѣсъ сохраненію дома, демократическія—равному раздѣлу наслѣдства. Но и тутъ законъ не можетъ распоряжаться произвольно; главное зависитъ отъ нравовъ. Законъ, идущій наперекоръ нравамъ, остается безсиленъ. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ законъ Петра Великаго о маіоратахъ, который не могъ привиться къ русскому обществу, вслѣдствіе чего онъ вскорѣ былъ отмѣненъ. Нравы же вырабатываются не только семейнымъ бытомъ, но и тѣми многообразными общественными отношеніями, въ которыя вступаетъ человѣкъ, и которыя предъявляютъ ему свои требованія и налагаютъ на него свою печать.

Семейныя и родовыя связи составляютъ только первоначальную, естественную основу человѣческихъ обществъ. Съ расхожденіемъ вѣтвей онѣ слабѣютъ; съ тѣмъ вмѣстѣ союзъ родственниковъ уступаетъ мѣсто отношеніямъ къ постороннимъ. Черезъ это, семейство переходитъ въ гражд-

данское общество. Съ другой стороны, присущій семейному быту нравственно-религіозный элементъ образуетъ свой самостоятельный союзъ -- церковь. Эти два противоположные другъ другу союза составляютъ вторую ступень развитія челоуѣческаго общежитія.

Глава III.

Гражданское общество.

Гражданское общество есть совокупность частныхъ отношеній между лицами, управляемыхъ гражданскимъ или частнымъ правомъ. Кромѣ отдѣльныхъ лицъ, сюда входятъ и образуемые ими частные союзы. Съ этой точки зрѣнія семейство входитъ въ составъ гражданского общества, хотя оно имѣетъ, какъ мы видѣли, свои собственныя, специально ему свойственныя начала.

Но и тутъ право устрояетъ только формальную сторону общежитія. Содержаніе его составляютъ опредѣляемые правомъ *интересы*, матеріальные и духовные. Мы видѣли, что понятіе объ интересѣ къ праву не приложимо. Интересъ есть цѣль, которую ставить себѣ челоуѣкъ; правомъ же опредѣляется область его свободы, то-есть, возможность преслѣдованія этихъ цѣлей совмѣстно съ свободою другихъ. Правомъ устанавливаются границы, въ которыя интересъ вносить жизненное содержаніе. При общеніи людей, изъ этого возникаетъ живое взаимодѣйствіе интересовъ, которые, соединяясь и раздѣляясь, образуютъ безконечно разнообразное сплетеніе частныхъ отношеній. Совокупность ихъ и есть то, что называется гражданскимъ обществомъ, или просто *обществомъ*, въ отличіе отъ государства. Послѣднее названіе обозначаетъ не столько юридическую, сколько жизненную сторону этихъ отношеній. Однако оно употребляется и юристами. Въ Германіи слово *Gesellschaft*, въ отличіе отъ государства, *Staat*, получило полное право гражданства.

Установленіе понятія о гражданскомъ обществѣ было

одною изъ самыхъ плодотворныхъ мыслей Гегеля. Этимъ обозначался цѣлый рядъ явленій, имѣющихъ свой специальный характеръ и управляемыхъ особыми нормами права. Поэтому выдающіеся юристы, какъ Робертъ Моль, Штейнъ и другіе, усвоили себѣ эту мысль и принялись за разработку этого понятія. Пошли споры о томъ, что такое общество и въ чемъ состоитъ его отличіе отъ государства: слѣдуетъ ли понимать подъ этимъ именемъ только частные союзы или, что вѣрнѣе, всю совокупность частныхъ отношеній между людьми? *). Но каково бы ни было различіе взглядовъ относительно подробностей, самое понятіе объ обществѣ, какъ самостоятельной системѣ отношеній, существенно отличной отъ государства, можно считать прочно установленнымъ въ наукѣ. Въ этомъ могутъ сомнѣваться только тѣ, которые не успѣли вдуматься въ эти явленія или мало знакомы съ юридическою литературой. Въ настоящее время въ особенности, когда на первый планъ выдвинулись именно общественныя отношенія, которыя въ борьбѣ классовъ приняли угрожающій характеръ, самостоятельное значеніе этой области есть фактъ, кидающійся въ глаза. Отличіе общества отъ государства сдѣлалось ходячею истиной, признаваемой всѣми **).

*) Эти споры были хорошо резюмированы въ брошюркѣ Трейчке: *Die Gesellschaftswissenschaft*. 1859. Онъ опредѣляетъ общество почти такъ же, какъ указано выше: «если государство есть народъ въ своемъ единичномъ упорядоченномъ сожительствѣ, то всего проще и сообразнѣе съ словоупотребленіемъ понимать подъ именемъ общества разнообразныя частныя стремленія членовъ народа, ту сѣть всякаго рода зависимостей, которая возникаетъ изъ оборота» (стр. 81).

***) Для примѣра приведу слова одного изъ видныхъ современныхъ философовъ. Вундта. Указавши на совмѣстность организациі цѣлаго съ разнообразнымъ расчлененіемъ частныхъ связей, онъ говоритъ: «на этомъ основано въ настоящее время въ высшей степени характеристическое для всѣхъ явлений совокупнаго духа отношеніе *государства и общества*. Государству, какъ единственной единицѣ, надѣленной истинными свойствами органической совокупной личности, противопоставляется общество, какъ сумма всѣхъ товариществъ, союзовъ и жизненныхъ связей, которыя возникаютъ изъ свободнаго соединенія лицъ, а потому, также какъ и отдѣльныя лица, подчиняются юридической зашитѣ и надзору государства» (*Syst. der Phil.*, стр. 611).

Для юриста, въ особенности, это отличіе составляеть, можно сказать, азбуку его науки, безъ которой нельзя сдѣлать въ ней ни единого шага: Признать, что общество есть только часть государства, а не самостоятельная область явленій, значить признать, что гражданское право есть часть государственнаго, чего, конечно, ни одинъ юристъ допустить не можетъ. Если же общество есть самостоятельная область явленій, управляемыхъ особыми нормами права, то нѣтъ сомнѣнія, что эти явленія должны быть предметомъ самостоятельнаго изученія, а потому и отдѣльной отраслью науки. Находясь въ государствѣ и подчиняясь ему внѣшнимъ образомъ, общество состоитъ съ нимъ въ постоянномъ взаимодействіи. Оно вліяетъ на государство, также какъ послѣднее, съ своей стороны, вліяетъ на него. Но общество не поглощается государствомъ, также какъ и семейство имъ не поглощается, хотя и оно въ немъ находится и состоитъ у него въ подчиненіи. Для человѣческой личности, для ея свободы и правъ, это признаніе самостоятельности гражданскаго общества имѣетъ въ высшей степени важное значеніе, ибо этимъ оно ограждается отъ поглощенія цѣлымъ. Этимъ разрѣшается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣчно продолжающійся споръ между индивидуализмомъ и централизмомъ въ общественной жизни. На индивидуализмѣ зиждется гражданское общество, централизмъ составляетъ принадлежность государства. Раздѣленіе этихъ двухъ областей даетъ каждому изъ этихъ началъ подобающее ему мѣсто *).

*) Я старался свести къ общему итогу всѣ явленія, относящіяся къ обществу, во второй части *Курса Государственной Науки*, которой я далъ заглавіе: *Ученіе объ Обществѣ* (*Gesellschaftswissenschaft*), или *Соціологія*. Послѣдній терминъ я употребилъ съ цѣлью дать этому понятію болѣе ограниченное, не съ тѣмъ вмѣстѣ и болѣе научное значеніе. Сказанное во Введеніи оправдываетъ этотъ взглядъ. Объ этомъ сочиненіи извѣстнымъ ученымъ и соціологомъ было высказано мнѣніе, что это—чисто метафизическій трактатъ (Карѣевъ: Введеніе въ изученіе соціологіи, стр. 364). Такое сужденіе для меня непонятно. Тутъ подъ именемъ метафизики, разумѣется нѣчто такое, что мнѣ совершенно неизвѣстно. Въ дѣйствительности, означенное сочиненіе заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе удачный или неудачный анализъ общественныхъ явленій, относящихся къ этой области. Въ немъ говорится и о мета-

Интересы, входящіе въ составъ гражданскаго общества, двоякаго рода: матеріальный и духовный. Но первые составляютъ далеко большую часть отношеній, опредѣляемыхъ правомъ. Послѣдніе, по самой своей природѣ, осуществляютъ, главнымъ образомъ, путемъ свободнаго обмѣна мыслей и чувствъ. Только внѣшнею и всего болѣе имущественною своею стороною они подлежатъ юридическимъ опредѣленіямъ. Таковы постановленія о литературной и художественной собственности. Съ другой стороны, этотъ обмѣнъ мыслей, касаясь нерѣдко существенныхъ интересовъ цѣлаго, подлежитъ контролю государства, которое можетъ полагать ему границы. Но это относится уже къ другому порядку отношеній, въ которомъ люди являются членами высшаго цѣлаго. Въ области гражданской духовный обмѣнъ становится предметомъ права лишь настолько, насколько онъ касается личности и имущества гражднъ, что составляетъ весьма малую часть его содержанія. Напротивъ, матеріальный обмѣнъ совершается главнымъ образомъ путемъ договоровъ, имѣющихъ юридическую обязательную силу. Вслѣдствіе этого происходитъ довольно понятное смѣшеніе гражданскаго общества съ экономическимъ обществомъ, между тѣмъ какъ послѣднее составляетъ только часть перваго.

Именно этотъ спеціальнй характеръ экономическихъ отношеній дѣлаетъ то, что они становятся предметомъ отдѣльной науки, получившей не совсѣмъ правильное названіе политической экономіи. Тутъ есть особый разрядъ явленій, которыя имѣютъ свои спеціальные законы и которыя, поэтому, должны быть изучаемы отдѣльно отъ другихъ, хотя бы они и смѣшивались въ дѣйствительной жизни. Такова именно была задача такъ называемой классической политической экономіи, которая, стоя на строго на-

физикѣ, ибо метафизика есть тоже общественное явленіе, котораго нельзя обойти и которое надобно стараться понять. Но я вовсе не имѣлъ въ виду писать метафизическій трактатъ и не знаю, на какомъ основаніи можно изученіе общественныхъ явленій принять за метафизику. Критикъ, повидимому, вовсе не знакомъ съ юридическою литературой по этому предмету.

учной почвѣ, дала самые плодотворные результаты. Между тѣмъ, въ новѣйшее время, такое специальное изученіе экономическихъ явленій считается одностороннимъ. Утверждаютъ, что въ жизни съ ними постоянно переплетаются и юридическія и нравственныя начала, которыя, при изслѣдованіи реальныхъ явленій, не могутъ быть отъ нихъ отдѣлены. Вслѣдствіе этого, новѣйшая политическая экономія въ Германіи получила въ значительной степени нравственный характеръ. Очевидно, однако, что такое сочетаніе экономическихъ началъ съ юридическими и нравственными требуетъ предварительнаго спеціальнаго изученія, какъ права, такъ и нравственности. Строго научное изслѣдованіе не можетъ идти инымъ путемъ. Между тѣмъ, современные реализующіе экономисты избавляютъ себя отъ этой работы, которая имъ не по силамъ. Вслѣдствіе этого, ихъ экономическія теоріи представляютъ странную смѣсь искаженныхъ посторонними примѣсями экономическихъ началъ съ вовсе не изслѣдованными и плохо усвоенными юридическими и нравственными понятіями. Такой именно характеръ носить на себѣ большинство произведеній социалистовъ каедры и социаль-политиковъ *).

Въ общественной жизни экономическія явленія дѣйствительно сочетаются съ юридическими и нравственными. Изслѣдованіе этой связи составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ *науки объ обществѣ*. Но для этого требуется прежде всего разложить явленія на части и изучить каждую сторону отдѣльно. Такъ поступаютъ всѣ науки, имѣющія какое-нибудь притязаніе на точность. Математика изучаетъ свои спеціальныя отношенія, физика свою область явленій, химія свою, хотя въ дѣйствительности одни явленія постоянно смѣшиваются съ другими. Научный синтезъ возможенъ только на основаніи предварительнаго анализа. Поэтому и наука объ обществѣ должна опираться на начала, выработанныя,

---

*) Доказательства читатель можетъ найти въ моемъ сочиненіи: *Собственность и Государство*.

съ одной стороны, политической экономіей, съ другой стороны—правомъ и нравственностью. Только пользуясь этими данными, она можетъ придти къ достовѣрнымъ и точнымъ выводамъ.

Экономическая наука представляетъ намъ общеніе людей путемъ раздѣленія труда и соединенія силъ. Отсюда происходитъ экономическій оборотъ, или обмѣнъ произведеній. Движущая пружина этого процесса есть *личный интересъ*, то-есть, стремленіе къ матеріальнымъ благамъ и къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей. Морализующіе экономисты клеймятъ личный интересъ подъ именемъ эгоизма, считая его недостойнымъ нравственной природы человѣка. Но это ополченіе противъ личнаго интереса въ экономической области есть не болѣе какъ декламація, не имѣющая смысла. Говоря о нравственности, мы видѣли, что удовлетвореніе своихъ матеріальныхъ потребностей, даже въ широкихъ размѣрахъ, не имѣетъ въ себѣ ничего незаконнаго. Вся задача человѣка въ покореніи природы состоитъ въ приобрѣтеніи матеріальныхъ благъ и въ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей, и эта задача составляетъ одну изъ высокихъ цѣлей человѣка на землѣ; въ ней заключается необходимое условіе самаго духовнаго развитія. Личный интересъ вытекаетъ изъ природы лица, какъ такового; онъ составляетъ неотъемлемое его право. Съ нимъ совмѣстны и всякаго рода нравственныя цѣли. Человѣкъ можетъ дѣлать изъ приобрѣтеннаго какое угодно употребленіе; онъ можетъ работать не для себя только, а для семьи, что и есть самое обыкновенное явленіе. Но до экономической науки это не касается; она изслѣдуетъ не нравственную, а экономическую сторону отношеній, и тутъ она справедливо утверждаетъ, что личный интересъ составляетъ главную движущую пружину всякой плодотворной дѣятельности. Въ этомъ именно состоитъ существенное отличіе свободнаго труда отъ крѣпостнаго. Самое удовлетвореніе личнаго интереса, при раздѣленіи труда, возможно только черезъ удовлетвореніе чужого. Человѣкъ можетъ работать для себя,

только работая для другихъ. Потребитель есть цѣль всего производства, и вся задача производства состоитъ въ томъ, чтобы ему угодить. Такимъ образомъ, само собою, въ силу взаимности, устанавливается общеніе интересовъ.

Вслѣдствіе этого, дѣйствіе личнаго интереса въ экономической области не зависитъ вполнѣ отъ человѣческаго произвола. Человѣкъ можетъ достигнуть своихъ цѣлей, только сообразуясь съ чужими потребностями и подчиняясь тѣмъ законамъ, которыми управляются эти отношенія. Эти законы не суть произведенія человѣческой воли; они вытекаютъ изъ природы вещей, изъ отношенія человѣка къ матеріальному міру и къ другимъ свободнымъ единицамъ. Выгоды раздѣленія труда и соединенія силъ, значеніе капитала, послѣдствія конкуренціи, условія оборота, установленіе цѣнъ — все это составляетъ область чисто экономическихъ законовъ, существенно отличныхъ, какъ отъ законовъ матеріальнаго міра, такъ и законовъ, опредѣляющихъ отношенія права и нравственности. И подобно тому какъ физическую природу человѣкъ можетъ покорять себѣ, только подчиняясь ея законамъ, такъ и въ экономической области онъ можетъ достигать своихъ цѣлей, только подчиняясь управляющимъ ею законамъ.

Черезъ это, однако, онъ не дѣлается членомъ высшаго цѣлаго, обнимающаго всѣ эти отношенія. Нерѣдко эта взаимность интересовъ, управляемыхъ общими законами, приводитъ изслѣдователей къ представленію экономического общества въ видѣ организма, въ которомъ различныя отрасли производства являются какъ бы органами и функціями совокупныхъ потребностей. Но такое понятіе есть не болѣе какъ метафора. Потребности, которымъ призвано удовлетворять экономическое производство, суть главнымъ образомъ потребности частныя; потребности общества, какъ цѣлаго, составляютъ лишь весьма малую ихъ часть. Точно также и производство, руководимое личнымъ интересомъ, есть производство частное, а не общественное. Нерѣдко производство и потребленіе распредѣляются между разными

странами, не имѣющими никакой общей организаціи. Производитель въ Англии работаетъ на всѣ страны міра и въ замѣнъ того получаетъ ихъ произведенія. Понятіе объ организмѣ тутъ совершенно неприменимо. Никакой организмъ не удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, удовлетворяя чужимъ. Желудокъ не перевариваетъ пищи для другой особи. Въ дѣйствительности, во всемъ этомъ экономическомъ процессѣ, обнимающемъ все человѣчество, нѣтъ ничего, кромѣ взаимодѣйствія свободныхъ единицъ; но изъ этого взаимодѣйствія, въ силу самопроизвольно устанавлиющагося общенія интересовъ, возникаетъ цѣлый міръ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ отношеній, управляемыхъ законами, вытекающими изъ природы вещей. Изученіе этихъ законовъ составляетъ предметъ экономической науки.

Спрашивается: въ какомъ отношеніи состоятъ эти явленія къ праву и нравственности? Для науки объ обществахъ это составляетъ коренной вопросъ.

Отношеніе къ нравственности опредѣляется очень просто. Нравственный законъ совершенно независимъ отъ экономическихъ отношеній, и, въ свою очередь, экономическіе законы независимы отъ нравственнаго. Раздѣленіе труда, капиталъ, оборотъ, опредѣленіе цѣнности произведеній—все это понятія и явленія, принадлежащія къ совершенно иной области. Мы видѣли, что, по существу своему, нравственный законъ есть законъ формальный; содержаніе дается ему извнѣ. Оно коренится въ системѣ влеченій, которыя, въ общественной сферѣ, выражаются въ экономическихъ отношеніяхъ. Мы видѣли также, что приложеніе нравственнаго закона къ системѣ влеченій есть дѣло совѣсти, то-есть, свободного внутренняго самоопредѣленія человѣка. Это вполне прилагается и къ занимающему насъ вопросу. Между экономическими отношеніями и нравственными требованіями есть та общая черта, что тѣ и другія суть явленія свободы, вслѣдствіе чего эти двѣ области остаются самостоятельными, а соглашеніе ихъ предоставляется свободной волѣ лицъ. Экономическая наука изслѣ-

дуетъ, какого рода отношенія возникаютъ изъ взаимодѣйствія свободныхъ единицъ при покореніи внѣшней природы и обращеніи ея на пользу человѣка, и какими законами эти отношенія управляются; но хорошо или дурно, нравственно или безнравственно человѣкъ пользуется приобретаемыми имъ благами, до этого ей нѣтъ дѣла. Это — задача моралиста; тутъ надобно дѣйствовать на человѣческую совѣсть, которая одна является здѣсь судьей. Если же, вмѣсто дѣйствія на совѣсть, хотятъ нравственные начала водворять въ экономической области путемъ принудительнаго закона, то это ведетъ къ извращенію нравственности. Какъ уже было неоднократно замѣчено, принудительная нравственность есть безнравственность. Поэтому и политическая экономія, основанная на нравственныхъ началахъ, есть не только не научная, но и безнравственная теорія.

Принудительный законъ есть законъ юридическій, а потому существенное значеніе имѣетъ отношеніе экономическихъ явленій не къ нравственности, а къ праву. Тутъ дѣйствительно связь самая тѣсная, ибо весь экономическій оборотъ ограждается и обеспечивается правомъ. Спрашивается: какое же тутъ дѣйствуетъ право, публичное или частное?

Въ этомъ, казалось бы, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Доселѣ всегда и вездѣ, гдѣ только существуютъ свободныя отношенія между людьми, экономической оборотъ регулировался и регулируется частнымъ правомъ. Собственность и договоръ, на которыхъ покоится весь экономическій бытъ, суть опредѣленія частнаго права. Это — фактъ міровой, составляющій содержаніе и плодъ всей истории человѣчества. Съ развитіемъ свободы въ человѣческихъ обществахъ болѣе и болѣе отпадаютъ путы, налагаемыя на человѣческую дѣятельность государственными цѣлями, и частный характеръ экономическихъ отношеній выступаетъ съ полною очевидностью. Однако, вопреки этому міровому факту, въ настоящее время высказывается мнѣніе, что экономическія отношенія должны опредѣляться

не частнымъ, а публичнымъ правомъ *). Такое воззрѣніе очевидно коренится въ социалистическомъ взглядѣ на экономическій бытъ, какъ на дѣльную систему, управляемую и направляемую государствомъ. Утверждаютъ, что распредѣленіе имуществъ составляетъ самый существенный интересъ государства и должно совершаться по общему плану. Лице же является только складомъ товаровъ, размѣщаемыхъ по разнымъ центрамъ государственною властью; само по себѣ, оно никакого значенія не имѣетъ **).

Такой взглядъ представляетъ полное извращеніе всѣхъ экономическихъ и юридическихъ понятій и отношеній. Не только онъ противорѣчитъ всему, что есть въ дѣйствительности, но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго теоретическаго основанія, а потому лишенъ всякой возможности осуществиться даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Онъ весь основанъ на смѣшеніи общества съ государствомъ, свободного взаимодѣйствія единичныхъ силъ съ центральной организаціей совокупнаго союза. Здѣсь съ полною ясностью обнаруживается высокая важность различенія этихъ понятій и этихъ явленій. Смѣшеніе ихъ ведетъ къ коренному отрицанію человѣческой свободы и къ превращенію лица въ складъ товаровъ, то-есть, къ низведенію его на степень бездушнаго орудія государственной власти. Въ дѣйствительности, распредѣленіе имуществъ вовсе не есть дѣло государства. Оно совершается не по общему плану, а въ силу правъ, принадлежащихъ человѣку, какъ разумно-свободному существу, и осуществляемыхъ собственною его дѣятельностью. Какъ свободное лице, человѣкъ самъ приобрѣтаетъ имущество; какъ членъ семьи, онъ получаетъ наслѣдіе родителей. Общій законъ устанавливаетъ только формы, въ которыхъ это совершается. Государство никому ничего

---

*) См. Петражицкіи: Die Lehre vom Einkommen, II, стр. 466: «Der Volksreichthum ist begrifflich keine Privatsache. Die Vertheilung des Volksreichthums ist begrifflich eine öffentliche Institution».

**) Тамъ же стр. 462: «die Person im Vermögensrechte ist eine ideelle Güterstation im Prozesse der Gütervertheilung».

не даетъ; оно опредѣляетъ только возможность пріобрѣтенія. Поэтому и распредѣленіе имущества зависитъ не отъ него, а отъ дѣятельности частныхъ лицъ и отъ ихъ взаимныхъ отношеній. Это составляетъ основаніе всякаго гражданскаго быта, и это одно, что ограждаетъ и обезпечиваетъ человѣческую дѣятельность. Отрицать это значить подрывать всѣ основы гражданскаго порядка. На мѣсто ясныхъ и твердыхъ опредѣленій права водворяется полный хаосъ понятій. Это и составляетъ отличительную черту современнаго социализма каеэдръ.

Но если экономическія отношенія, не только фактически, но и по самому существу дѣла, управляются началами частнаго, а не публичнаго права, то спрашивается, въ какомъ отношеніи находятся между собою эти два элемента? Право ли опредѣляется экономическими отношеніями, или, наоборотъ, экономическія отношенія опредѣляются правомъ?

Мы видѣли, что начала права совершенно независимы отъ экономическаго порядка. Они вытекаютъ изъ природы человѣческой личности и опредѣляютъ взаимныя отношенія свободы разумныхъ существъ. Но и это начало, также какъ нравственность, есть чисто формальное; содержаніе дается ему экономическими отношеніями, которыя, по этому самому, имѣютъ свои собственные законы, независимые отъ законовъ юридическихъ. Но здѣсь, въ отличіе отъ нравственности, приложеніе юридическихъ законовъ не предоставляется свободѣ лицъ, а сопровождается принужденіемъ. Этого требуетъ самое существо внѣшней свободы; того же требуютъ и экономическія отношенія, которыя тогда только покоятся на твердой почвѣ, когда они ограждаются принудительными опредѣленіями права. Пріобрѣтенное человѣкомъ охраняется какъ собственность; исполненіе взаимныхъ обязательствъ обезпечивается юридическимъ договоромъ. И тутъ, также какъ въ отношеніи къ нравственности, черта общая обоимъ элементамъ состоитъ въ томъ, что они опредѣляются свободою; но здѣсь это свобода внѣшняя, а потому ограждаемая принужденіемъ. Сочетаніе обоихъ

началь совершается через то, что экономическія отношенія движутся въ формахъ, установленныхъ правомъ, а право, съ своей стороны, приспособляетъ свои формы къ потребностямъ экономической жизни. Тутъ есть взаимнодѣйствіе, въ которомъ однако право является господствующимъ началомъ, ибо оно устанавливаетъ обязательныя формы. Поэтому движеніе экономической жизни существенно зависитъ отъ развитія юридическаго сознанія. Достаточно указать на тотъ коренной переворотъ, который производить во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ отмѣна невольничества или крѣпостного права. Эта отмѣна происходитъ не въ силу экономическихъ соображеній, а вслѣдствіе развитія юридическаго сознанія: законодатель приходитъ къ убѣжденію, что человѣкъ не долженъ принадлежать человѣку. Въ хозяйственномъ отношеніи это можетъ иногда быть даже невыгодно: но высшія юридическія и нравственныя требованія дѣлаютъ эту мѣру необходимою, и экономической быть долженъ съ этимъ сообразоваться. Съ другой стороны, если возросшія подъ охраною права экономическія силы требуютъ свободы, а юридическій законъ полагаетъ имъ всякаго рода стѣсненія, то это обыкновенно кончается тѣмъ, что юридическій законъ ниспровергается и замѣняется новымъ, болѣе приспособленнымъ къ народившимся потребностямъ. Гдѣ есть взаимнодѣйствіе двухъ элементовъ, тамъ есть неизбѣжное и взаимное вліяніе ихъ другъ на друга. Но именно поэтому всякая односторонняя теорія тутъ неумѣстна. Отсюда полная несостоятельность такъ называемаго экономического матеріализма. Пытаясь вывести все развитіе человѣческихъ обществъ изъ экономическихъ отношеній, онъ упускаетъ изъ вида самое важное и существенное—развитіе юридическаго сознанія, которое все-таки остается господствующимъ историческимъ факторомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, а еще болѣе въ государствѣ. Какъ уже было замѣчено, экономическая сторона человѣческой жизни всегда имѣетъ служебное значеніе. Не ею опредѣляется развитіе духа; она является

только условіемъ, видоизмѣняющимъ это развитіе, ибо духъ дѣйствуетъ въ матеріальной средѣ, а потому долженъ собразоваться съ ея свойствами.

Развитіе экономическихъ отношеній подь охраною права естественно и неизбежно ведетъ къ неравенству. Сказанное выше о равенствѣ и неравенствѣ находитъ здѣсь фактическое приложеніе. Мы видѣли, что право, какъ формальное начало, устанавливаетъ только формальное равенство: оно признаетъ за каждымъ одинакую съ другими свободу преслѣдовать свои цѣли и одинаково охраняетъ приобретенное; но самое употребленіе свободы, при неравенствѣ способностей и положеній, естественно и необходимо ведетъ къ неравенству. Мы видѣли, что таковъ общій законъ всякаго реального бытія, котораго полнота состоитъ въ безконечномъ разнообразіи силъ, условій и положеній.

Въ экономической сферѣ это проявляется вполне. Различіе способностей и условій, въ которыя поставлены люди, ведетъ къ тому, что одни приобретаютъ больше, а другіе меньше. Эти различія могутъ быть весьма значительны; ибо экономическая дѣятельность не состоитъ только въ совершеніи извѣстныхъ механическихъ передвиженій: матеріальный трудъ и тутъ имѣетъ служебное значеніе. Несравненно важнѣе духовныя, руководящія начала дѣятельности: умѣніе соображать цѣли и средства, пользоваться обстоятельствами, рассчитывать выгоды и невыгоды, руководить предприятиемъ и изыскивать новые пути, однимъ словомъ, — энергія, постоянство, расчетливость, изобрѣтательность, которыя у разныхъ людей неизмѣримо различны, а потому приводятъ къ далеко расходящимся результатамъ. Чѣмъ сложнѣе промышленный бытъ, тѣмъ большее значеніе имѣютъ эти качества. Ими основываются и поддерживаются громадныя состоянія. И приобретенное такимъ образомъ становится источникомъ новыхъ приобретеній. Въ промышленной области капиталъ играетъ преобладающую роль. Только съ помощью его человѣкъ покоряетъ природу и дѣлается царемъ земли. Капиталь, передаваясь отъ поколѣнія поко-

лѣнію и увеличиваясь работою каждаго изъ нихъ, является источникомъ и двигателемъ всего экономическаго развитія; отъ него происходитъ все умноженіе богатства въ человѣческихъ обществахъ. Но это самое ведетъ къ неизбѣжному неравенству, ибо пріобрѣтенное имущество, передаваясь отъ одного поколѣнія другому, накапливается въ рукахъ его обладателей, которые получаютъ такимъ образомъ привилегированное положеніе среди другихъ. Таково естественное и необходимое послѣдствіе экономическаго развитія. Капиталь не принадлежитъ обществу, какъ утверждаютъ социалисты. Общество есть не болѣе какъ фиктивное лице, которому ничего не принадлежитъ; въ дѣйствительности, оно представляетъ только совокупность частныхъ силъ, которымъ поэтому и принадлежитъ то, что метафорически называется общественнымъ достояніемъ. Столь же мало капиталъ принадлежитъ государству. Не оно его произвело, а потому оно не имѣетъ на него ни малѣйшаго права. Капиталь производится и умножается работою и сбереженіями частныхъ лицъ, которыя поэтому являются законными его собственниками и, какъ таковыя, передаютъ его своему потомству. Какъ и вся экономическая дѣятельность, производство и накопленіе капитала есть дѣло частное, а не государственное. Въ качествѣ охранителя права, государство призвано только устанавливать общія для всѣхъ условія его пріобрѣтенія и ограждать его отъ посягательства со стороны другихъ. Поэтому существованіе капиталистовъ составляетъ естественное и законное послѣдствіе, а вмѣстѣ и необходимое условіе всякаго экономическаго развитія. Капитализмъ не есть только преходящее явленіе: это—вся экономическая исторія человѣчества. Весь экономическій прогрессъ состоитъ въ накопленіи капитала, и чѣмъ дальше идетъ человѣчество, тѣмъ большее онъ получаетъ значеніе.

Отсюда происходитъ различіе *общественныхъ классовъ*, явленіе въ высшей степени важное для всего общественнаго быта, и котораго изслѣдованіе принадлежитъ собственно

наукъ объ обществѣ. Для государства оно составляетъ данное, на которое оно можетъ воздѣйствовать, но съ которымъ оно должно сообразоваться.

Общественные классы могутъ быть весьма разнообразны. Они строятся и на количественныхъ и на качественныхъ опредѣленіяхъ. Каждое специальное занятіе или интересъ и каждая ступень въ предѣлахъ одного и того же занятія могутъ быть основаніемъ для образованія извѣстнаго класса.

Въ экономическомъ отношеніи первое и основное различіе есть количественное: общество раздѣляется на богатыхъ и бѣдныхъ. Это различіе существовало и существуетъ всегда и вездѣ; но при водвореніи общественной свободы, въ особенности тамъ, гдѣ бѣдные получаютъ политическія права, что имѣетъ мѣсто въ демократіяхъ, эти классы сплотняются въ болѣе или менѣе организованныя партіи и вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу. Это явленіе повторяется и въ древней исторіи, и въ новой. Древнія республики рушились вслѣдствіе борьбы богатыхъ и бѣдныхъ. Тамъ изъ этой борьбы не было исхода. При существованіи рабства не было простора для свободнаго труда, а потому не могъ образоваться средній классъ, связывающій противоположныя крайности. Оставалось воздвигнуть независимую отъ общества власть, которая могла бы ихъ сдерживать. Таково было значеніе греческихъ монархій и Римской имперіи. Въ новое время, напротивъ, при свободѣ труда, развивается средній классъ, который образуетъ постепенный переходъ отъ низшихъ къ высшимъ и даетъ первымъ возможность возвыситься къ послѣднимъ. Онъ составляетъ поэтому основной элементъ, какъ въ экономическомъ движеніи, такъ и въ общественномъ строѣ. Въ нормальномъ его развитіи заключается истинное разрѣшеніе социальнаго вопроса, возбуждаемаго борьбою классовъ.

Это развитіе является естественнымъ плодомъ экономической свободы. Если свобода ведетъ къ неравенству, то она отнюдь не ведетъ къ развитію противоположныхъ крайностей, съ исчезновеніемъ среднихъ элементовъ. Такое

явленіе можетъ быть только преходящею ступеню экономическаго процесса; въ концѣ концовъ получается все-таки преобладаніе средняго типа. Таковъ общій законъ природы; таковъ же и законъ развитія челоѳчества. Историческій ростъ среднихъ классовъ, въ новое время, съ которымъ связано и постепенное поднятіе низшихъ, есть фактъ, который не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ установленъ на твердомъ основаніи статистическихъ данныхъ. Къ этому ведетъ самое умноженіе капитала. Накопляясь, онъ болѣе и болѣе разливается въ массахъ, съ чѣмъ вмѣстѣ уменьшается доходность, выражаемая процентомъ, и увеличивается доля заработной платы. По основному экономическому закону, чѣмъ больше предложеніе капитала сравнительно съ предложеніемъ рукъ, тѣмъ меньше доходность перваго и тѣмъ больше доходность послѣднихъ. А потому отъ возможно большаго умноженія капитала, то-есть отъ развитія капитализма, зависитъ вся судьба рабочихъ классовъ. Искать чего-нибудь другого значитъ предаваться празднымъ фантазіямъ, закрывая глаза на истинное существо дѣла.

Нѣтъ сомнѣнія, что при борьбѣ промышленныхъ силъ слабые часто остаются въ наклѣдъ; при неблагопріятныхъ условіяхъ они могутъ дойти даже до крайней степени нищеты. Но таково неизбѣжное послѣдствіе свободы; предупредить это зло можно, только уничтоживъ самый его источникъ. Рабовъ можетъ обезпечить богатый хозяинъ; свободный же челоѳкъ самъ хозяинъ своей судьбы, а потому подвергается всѣмъ случайностямъ, сопряженнымъ съ частнымъ существованіемъ. Нерѣдко бѣдственное его положеніе проистекаетъ отъ его собственной вины, но часто и отъ независимыхъ отъ него причинъ. Однако, челоѳкъ не остается совершенно безпомощнымъ передъ постигающими его ударами. Животныя погибаютъ въ борьбѣ за существованіе; челоѳкъ же находитъ помощь въ своихъ ближнихъ. Кромѣ дѣйствія экономическихъ силъ, въ челоѳческихъ обществахъ существуетъ нравственное начало, которое призвано восполнять недостатки послѣдняго.

Это начало порождаетъ благотворительность. Она приходитъ на помощь неимущимъ, утѣшаетъ страждущихъ, призрѣваетъ бездомныхъ. Не надобно только смѣшивать это начало съ правомъ. Благотворительность не есть правосудіе; права на помощь никто не имѣетъ. Это—чистый даръ, проистекающій отъ любвеобильнаго сердца, и это именно даетъ ему высокое нравственное значеніе. И въ этомъ нѣтъ ничего унижительнаго для человѣческаго достоинства. Принятіе благодѣяній, идущихъ отъ искренняго сердца, и уплата за это благодарностью тяжелы только для сухихъ душъ, уединяющихся въ своей гордынѣ и не терпящихъ никакого превосходства. Именно изъ благотворенія проистекаютъ высшія нравственныя связи между людьми, разобщенными своимъ положеніемъ и условіями жизни. Богатый, подавая руку бѣдному, находитъ въ этомъ нравственное удовлетвореніе, а бѣдный, получая матеріальную помощь, возвышается нравственно чувствомъ благодарности. Но эта нравственная связь устанавливается только тогда, когда благотворительность идетъ отъ свободнаго влеченія человѣческаго сердца, а не является функціей общественнаго учрежденія. Мы видѣли, что нравственность есть начало не принудительное, а свободное; поэтому благотворительность, по существу своему, есть дѣло частное. Только за недостаткомъ частныхъ силъ и хотѣнія, общество, въ той или другой формѣ, приходитъ на помощь страждущимъ. Но общественная благотворительность никогда не можетъ замѣнить частной. Она страдаетъ самыми крупными недостатками. Она дѣйствуетъ какъ бездушная машина, которая не въ состояніи разобрать ни лицъ, ни обстоятельствъ. Здѣсь исчезаетъ именно тотъ личный элементъ, который даетъ благотворенію высокое его значеніе. Всего хуже, когда благотворительность облекается въ форму права, что затемняетъ истинную ея сущность и придаетъ ей лицемѣрный характеръ. Общественная благотворительность тогда только получаетъ высшее нравственное значеніе, когда она одухотворяется свободною и самоотверженною дѣятель-

ностью частных лиц, то есть, когда она приближается къ частной.

Въ тѣсной связи съ нравственнымъ началомъ находится и религіозный элементъ, который даетъ ему высшую опору и дѣятельную силу, связывая его съ верховнымъ Источникомъ всего сушаго. Религія образуетъ самостоятельные союзы, о которыхъ будетъ рѣчь ниже; но вліяніе ея на нравы и понятія людей составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общественной жизни. Для массы, которой недоступны философскія теоріи, это вліяніе не можетъ замѣниться ничѣмъ. Тамъ, гдѣ оно ослабѣваетъ, нравственныя основы общества становятся крайне шаткими. Это отражается даже на высшихъ классахъ, которымъ болѣе доступно свѣтское просвѣщеніе. Въ обществѣ, потерявшемъ свои религіозныя основы, господствуетъ нравственная анархія, которая ведетъ къ шаткости всѣхъ отношеній. Тамъ и борьба классовъ достигаетъ высшаго ожесточенія. Это мы видимъ, напримѣръ, во Франціи. То же явленіе повторяется и въ Германіи, гдѣ вслѣдствіе этого, распространеніе социализма достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Между тѣмъ, именно при широкой общественной свободѣ нравственныя сдержки всего необходимѣе. Токвиль сильно настаивалъ на важномъ значеніи религіи въ демократическихъ обществахъ. Онъ даже сомнѣвался въ возможности прочной демократіи при упадкѣ религіи. Послѣдняя смягчаетъ борьбу нравственнымъ дѣйствіемъ на массы, успокоивая страсти, утоляя страданія, протягивая бѣднымъ руку помощи и призывая къ тому же богатыхъ, наконецъ, примиряя человѣка съ условіями земного существованія и указывая ему утѣшеніе въ загробной жизни.

Однако, для успокоенія борьбы мало одного нравственно-религіознаго начала; нужно еще развитіе истинныхъ понятій объ обществѣ, объ его задачахъ и о тѣхъ средствахъ, которыя способны вести къ общей цѣли. Это—дѣло свѣтскаго просвѣщенія. Оно составляетъ столь же важный элементъ общественной жизни, какъ и самая религія. Послѣд-

ня представляет, по преимуществу, консервативное начало; первое же есть начало прогрессивное. Свѣтская наука подвергаетъ критикѣ существующій порядокъ и пролагаетъ новые пути. Она же изслѣдуетъ основанія общества и опредѣляетъ истинныя отношенія права къ нравственности. Въ этой сферѣ средневѣковая церковь, какъ показываютъ факты, впадала въ печальныя заблужденія: признавая нравственно-религіозное начало принудительнымъ, она дѣлала его источникомъ невыносимаго притѣсненія совѣсти, и эти воззрѣнія доселѣ еще въ ней не искоренились. Только свѣтское просвѣщеніе привело къ болѣе правильному пониманію вещей. Безспорно, оно, именно вслѣдствіе своего прогрессирующаго характера, подвержено значительнымъ колебаніямъ, которыя отражаются и на общественномъ бытѣ. Гдѣ понятія расшатаны, тамъ борьба не успокоивается, а обостряется. Это мы и видимъ въ современномъ мірѣ, гдѣ главнымъ источникомъ смутъ являются превратныя понятія о характерѣ и задачахъ общества, о правѣ, о нравственности, распространенныя не только въ массахъ, но и среди образованныхъ классовъ, и даже на вершинахъ науки. Но и тутъ надобно сказать, что таковъ неизбѣжный удѣлъ человѣческаго развитія. Исканіе истины всегда сопряжено съ колебаніями и ошибками. Человѣческій разумъ подверженъ заблужденіямъ, но иного орудія у человѣка нѣтъ, и оно само въ себѣ содержитъ возможность своего исправленія. Одностороннія и ложныя теоріи замѣняются болѣе здоровыми и всесторонними. Развитіе ихъ составляетъ задачу науки, и въ этомъ заключается одно изъ важнѣйшихъ средствъ для приведенія борьбы классовъ къ правильному исходу. Ничто такъ не содѣйствуетъ успокоенію умовъ, какъ распространеніе здоровыхъ понятій о вещахъ.

Свѣтское просвѣщеніе находится въ тѣсной связи съ самымъ различіемъ общественныхъ классовъ. Между тѣмъ какъ религія, дѣйствуя на сердца людей, одинаково обращается къ богатымъ и бѣднымъ, къ мудрымъ и младенцамъ, находя въ послѣднихъ даже болѣшую воспріимчивость, свѣт-

ское просвѣщеніе весьма неравномѣрно распредѣляется въ обществѣ. Оно въ значительной степени зависитъ отъ достатка, ибо развитіе ума требуетъ досуга и средствъ. Поэтому, въ общемъ итогѣ, зажиточные классы суть вмѣстѣ и образованные классы. Этимъ опредѣляется и различіе ихъ призванія въ сравненіи съ низшими: одни предаются умственному труду, другіе—труду матеріальному. Это различіе коренится въ самыхъ условіяхъ земного существованія. Матеріальный трудъ всегда составлялъ и будетъ составлять призваніе огромнаго большинства человѣческаго рода, а умственный трудъ всегда составлялъ и будетъ составлять призваніе руководящаго меньшинства. Этихъ условій нельзя измѣнить, пока человѣкъ есть органическое существо, пользующееся матеріальнымъ міромъ для своихъ цѣлей. Но классы, которыхъ призваніе состоитъ въ матеріальномъ трудѣ, никогда не могутъ имѣть такого умственного развитія, какъ тѣ, которые призваны къ умственному труду. Одинакое для всѣхъ высшее образованіе, о которомъ мечтають утописты, есть ничто иное какъ плодъ фантазіи. Высшее образованіе требуетъ такого количества умственного труда, котораго не въ состояніи дать простой рабочій, а если бы онъ успѣлъ пріобрѣсти это высшее образованіе, онъ пересталъ бы удовлетворяться матеріальнымъ трудомъ. Гораздо послѣдовательнѣе тѣ утописты, которые, стремясь къ общему равенству, хотятъ самое образованіе довести до степени, доступной простому рабочему. Но этимъ самымъ уничтожаются всѣ высшія задачи человѣческой жизни, и полагается предѣлъ всякому развитію. Если же образованіе по необходимости распредѣляется въ обществѣ неравномѣрно, то очевидно, что руководящею частью должна быть самая образованная часть, то-есть, зажиточные классы. Поэтому демократія никогда не можетъ быть идеаломъ человѣческаго общежитія. Она даетъ преобладаніе наименѣе образованной части общества.

Распредѣленіе образованія не идетъ однако въ уровень съ матеріальнымъ достаткомъ. Образованіе не передается

изъ рода въ родъ, какъ имущество; для усвоенія его требуется собственный трудъ. Поэтому оно достигаетъ высшей степени тамъ, гдѣ съ достаткомъ соединяется трудъ, а это именно то, что имѣетъ мѣсто въ среднихъ классахъ. Богатство избавляетъ отъ труда, вслѣдствіе чего на вершинахъ общества нерѣдко встрѣчается скудость умственнаго развитія. Противодѣйствіемъ этой естественной склонности могутъ служить только живые политическіе интересы, которые требуютъ высшаго умственнаго развитія и составляютъ могучую приманку для людей, обладающихъ значительнымъ достаткомъ. Безъ этого послѣдніе ограничиваются покойнымъ наслажденіемъ прибрѣтенными безъ труда матеріальными благами и стремятся лишь къ удовлетворенію своего тщеславія. Таково весьма обычное явленіе въ государствахъ, гдѣ не развита политическая жизнь. Средніе классы, напротивъ, будучи достаточно обеспечены для того, чтобы не находиться подъ гнетомъ матеріальной нужды, должны однако трудомъ пробивать себѣ дорогу въ высшему положенію. Отъ нихъ, поэтому, всегда и вездѣ исходитъ умственное движеніе.

Этою связью имущества съ образованіемъ опредѣляется отношеніе аристократическихъ и демократическихъ элементовъ, присущихъ каждому обществу. Аристократія есть выдающееся меньшинство, представляющее высшее качество; демократія есть масса, въ разнообразныхъ ея оттѣнкахъ. Количество и качество суть основные элементы всякаго бытія. Они силою вещей проявляются и въ обществахъ. Нормальное ихъ отношеніе составляетъ условіе правильнаго развитія. Очевидно, оно должно состоять въ томъ, чтобы качество имѣло перевѣсъ надъ количествомъ. А потому, и съ этой точки зрѣнія, владычество демократіи противорѣчитъ разумнымъ требованіямъ общественной жизни. Обыкновенно оно наступаетъ тогда, когда высшіе слои, покойные за свое положеніе, теряютъ всякое побужденіе къ плодотворной общественной дѣятельности. Въ такомъ случаѣ, они перестаютъ быть представителями высшаго каче-

ства, и паденіе ихъ неизбѣжно. Однако, и изъ среды демократіи выдѣляются аристократическіе элементы своего рода, которые пріобрѣтаютъ преобладающее вліяніе тамъ, гдѣ исторически сложившіяся силы потеряли свое значеніе.

Аристократія бываетъ трехъ родовъ. Изъ нихъ два представляютъ избытокъ имущества, а третій составляетъ вершину образованія. Собственность раздѣляется на движимую и недвижимую; каждая изъ нихъ имѣетъ свойственный ей характеръ, который сообщается и ея обладателямъ. Недвижимая собственность имѣетъ несравненно болѣе прочности, нежели движимая; она передается изъ рода въ родъ и составляетъ главное зерно родового имущества. На этомъ основаніи возникаетъ аристократія родовая, которая играетъ первенствующую роль въ странахъ, обладающихъ крѣпкими, исторически сложившимися общественными формами. Въ демократіи, напротивъ, естественно всплываетъ аристократія денежная, которая, не имѣя соперниковъ, становится однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общественной жизни. Это явленіе неизбѣжно; но отсюда естественно проистекаетъ преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ остальными. Противодѣйствіемъ этому злу можетъ служить только образованіе, представляемое аристократіей умственной; но именно въ демократіи послѣдней всего труднѣе пріобрѣсти подобающее ей вліяніе. Всеобщее равенство ведетъ къ отрицанію всякихъ авторитетовъ. Тутъ требуется умственная пища, доступная массѣ, а не та, которую могутъ оцѣнить только избранные умы. Поэтому времена владычества демократіи, вообще, характеризуются разладомъ умственныхъ силъ и пониженіемъ умственного уровня.

Также какъ аристократія, демократія представляетъ сочетаніе разнообразныхъ элементовъ. Тутъ надобно различать прежде всего массу и выдѣляющіеся изъ нея средніе классы, которые представляютъ переходъ отъ демократіи къ аристократіи. Въ массѣ образованіе стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, а потому здѣсь важнѣйшее значеніе полу-

чаютъ имущественныя отношенія. По различію недвижимой и движимой собственности, и тутъ главнымъ составнымъ элементомъ являются мелкіе землевладѣльцы и мелкіе капиталисты; но къ нимъ примыкаетъ многочисленный классъ людей, живущихъ исключительно работою своихъ рукъ. Таковы пролетаріи, которыхъ имущественное положеніе и умственное развитіе стоятъ на самой низкой ступени. Отсюда слѣдуетъ, что въ естественномъ движеніи общественныхъ силъ и въ проистекающемъ изъ нихъ общественномъ строѣ значеніе ихъ должно быть наименьшее. Поэтому, когда социалисты утверждаютъ, что пролетаріи составляютъ главную силу современнаго міра и что теперь, послѣ владычества аристократіи и мѣщанства, насталь ихъ чередъ, то изъ этого уже можно понять всю колоссальность абсурда, до котораго доходятъ современные утописты. Рабочіе классы безспорно являются силой, ибо они составляютъ массу; но при нормальномъ отношеніи общественныхъ элементовъ эта масса должна стоять внизу, а не наверху. Когда же нищей и невѣжественной толпѣ говорятъ, что она теперь ничего, а должна быть всѣмъ, и она, увлекаемая этою проповѣдью, льстящею ея страстямъ, идетъ на разрушеніе всего существующаго общественнаго строя, то подобное явленіе представляетъ величайшую опасность, какая можетъ грозить человѣческимъ обществамъ. Кромѣ разрушенія и хаоса, изъ этого ничего не можетъ выйти.

Естественные вожатаи демократіи суть средніе классы, въ которыхъ достатокъ соединяется съ образованіемъ и трудомъ. И тутъ различаются классы среднихъ землевладѣльцевъ, среднихъ капиталистовъ и затѣмъ многочисленныя такъ называемыя либеральныя профессіи, техники, ученые, художники, медики, адвокаты, составляющіе умственное зерно среднихъ классовъ. Изъ нихъ выходитъ умственная аристократія, и они являются главными двигателями демократическаго прогресса. При правильномъ развитіи общественныхъ элементовъ, эти профессіи составляютъ источникъ болѣе или менѣе значительныхъ доходовъ, а потому здѣсь до-

статокъ соединяется съ образованіемъ. Но нерѣдко въ этомъ классѣ оказывается избытокъ, не находящій приложенія своихъ силъ. Отсюда происходитъ такъ называемый умственный пролетаріатъ, явленіе, которое въ настоящее время обращаетъ на себя вниманіе мыслителей и государственныхъ людей, ибо онъ представляетъ серіозную опасность для общества: вслѣдствіе ненормальности своего положенія, умственный пролетаріатъ охотно воспринимаетъ утопическія теоріи и является руководителемъ массъ въ ихъ стремленіи къ разрушенію существующаго строя. Ненормальность положенія проистекаетъ оттого, что на умственную работу мало спроса, а это бываетъ именно въ странахъ бѣдныхъ, гдѣ нѣтъ достаточно капиталовъ для ея вознагражденія. Нормальное развитіе общества состоитъ въ томъ, что умноженіе богатства идетъ въ уровень съ расширеніемъ образованія. Гдѣ эти два основные фактора общественной жизни не находятся между собою въ правильномъ отношеніи, тамъ неизбѣжно ощущается разладъ, и въ обществѣ происходятъ прискорбныя, а иногда опасныя явленія. Именно къ этому разряду принадлежитъ развитіе умственнаго пролетаріата.

Таковы главныя группы интересовъ и слагающихся около нихъ элементовъ, самопроизвольно образующіяся въ обществѣ. Онѣ вытекаютъ изъ свободнаго движенія общественныхъ силъ. Какъ же относится къ нимъ право?

Люди, связанные извѣстнымъ интересомъ, естественно соединяютъ свои силы для совокупной дѣятельности. Такъ возникаютъ товарищества. Если это интересъ постоянный, то образуется юридическое лице. Мы видѣли уже понятіе о юридическомъ лицѣ, какъ учрежденіи, въ которомъ осуществляется человѣческая воля, идущая на будущее. Когда юридическимъ лицомъ становится товарищество, то постоянная цѣль служитъ связующимъ началомъ постоянного частнаго союза. Таковы общества въ юридическомъ смыслѣ. Эта цѣль можетъ быть частная: извѣстный предметъ дѣятельности. Но она можетъ имѣть и болѣе общій характеръ:

люди, связанные общими интересами, могут соединяться въ постоянные союзы для преслѣдованія разнообразныхъ цѣлей и для удовлетворенія взаимныхъ потребностей. Такого рода общества получаютъ названіе *корпораций*. Въ обширномъ смыслѣ это слово употребляется и для обозначенія всякихъ обществъ, составляющихъ юридическое лице.

Корпорация заключаетъ въ себѣ всѣ элементы общественной организаціи. Связующимъ началомъ, какъ сказано, является здѣсь общественная *цѣль*, во имя которой образуется союзъ. Для осуществленія этой цѣли устанавливается *власть*, ибо гдѣ есть совокупная дѣятельность, тамъ необходимо общее рѣшеніе и исполненіе этого рѣшенія, а это—задача власти. Устройство этой власти и ея постановленія составляютъ для общества *законъ*, которому всѣ должны подчиняться. Но, повинаясь закону, какъ выраженію общей воли, соединяющіяся лица сохраняютъ свою *свободу*, и притомъ двоякаго рода: въ качествѣ самостоятельныхъ лицъ и въ качествѣ членовъ союза. Какъ свободныя лица, они могутъ вступать въ общество и выходить изъ него; они могутъ дѣлать все, что имъ угодно, не нарушая интересовъ союза. Здѣсь возникаетъ весьма важный вопросъ о томъ, до какой степени общество доступно постороннимъ лицамъ. Какъ общее правило, люди вступаютъ къ союзъ не иначе, какъ съ согласія членовъ, выраженнаго законнымъ путемъ. Но это правило подвергается двоякаго рода исключеніямъ: съ одной стороны, въ обществахъ, основанныхъ для извѣстной промышленной цѣли, требующей значительнаго капитала, участіе въ этомъ капиталѣ, а потому и въ самомъ предпріятіи, приобрѣтается просто покупкою акцій. Таковы компании на акціяхъ. Съ другой стороны, корпорация можетъ получить высшій, государственный характеръ; въ такомъ случаѣ доступъ въ нее постороннихъ лицъ опредѣляется уже не волею членовъ, а государственнымъ закономъ. Корпорация становится открытою, не теряя однако своего корпоративнаго значенія. Послѣднее выражается въ правѣ членовъ участвовать въ общихъ рѣшеніяхъ. Въ этомъ состоитъ

общественная свобода, въ отличіе отъ личной. Это право можетъ одинаково распространяться на всѣхъ или присвоиваться членамъ въ разной степени, смотря по ихъ значенію въ союзѣ; оно можетъ даже сосредоточиться въ рукахъ меньшинства. Отсюда различіе корпорацій аристократическихъ, демократическихъ и смѣшанныхъ. Аристократическое устройство возникаетъ тогда, когда союзъ образуется немногими лицами, которыя затѣмъ приобщаютъ къ себѣ другихъ. Такое устройство противорѣчитъ однако идеѣ частнаго союза, который учреждается для пользы членовъ, и въ которомъ, поэтому, всѣ должны имѣть право голоса, въ большей или меньшей степени, смотря по ихъ значенію въ союзѣ. Этой идеѣ болѣе соотвѣтствуютъ демократическое и смѣшанное устройства, которыя, вслѣдствіе того, въ дѣйствительности являются преобладающими. Наконецъ, корпораціи, въ качествѣ юридическихъ лицъ, имѣютъ и свое имущество, которымъ онѣ въ правѣ распоряжаться. Безъ матеріальныхъ средствъ общая цѣль не можетъ быть достигнута.

Такого рода корпоративное устройство составляетъ въ высшей степени важное явленіе въ общественной жизни. Черезъ это люди сближаются въ тѣсномъ кругу общихъ имъ интересовъ, одинаково всѣмъ знакомыхъ. Они находятъ другъ въ другѣ помощь и поддержку. Съ тѣмъ вмѣстѣ они обрѣтаютъ въ союзѣ такое огражденіе, какого не можетъ имѣть отдѣльное лице, слишкомъ слабое, чтобы противостоять дѣйствию постороннихъ силъ или напору виѣшней власти. Въ государственной жизни корпоративная связь служитъ школою независимости и самостоятельности. Здѣсь люди привыкаютъ сообщая и по собственной инициативѣ устраивать свои дѣла. Они знакомятся и съ условіями общественной жизни, съ необходимостью сдѣлокъ и уступокъ, съ потребностью осторожности и постепенности. Вслѣдствіе этого, корпораціи, являясь произведеніемъ и принадлежностью гражданскаго общества, могутъ сдѣлаться органами государственныхъ цѣлей. Отсюда двоякій ихъ характеръ: съ одной

стороны, онѣ служатъ интересамъ соединяющихся въ нихъ лицъ: съ другой стороны, чѣмъ болѣе эти интересы становятся общими, тѣмъ болѣе самые эти союзы получаютъ общественное значеніе. Корпоративное право составляетъ переходъ отъ частнаго права къ публичному.

Этотъ переходный характеръ является именно причиною тѣхъ споровъ, которые ведутся на счетъ принадлежности ихъ къ той или другой области права. Одни относятъ ихъ къ частному праву, другіе къ государственному, третьи пытаются построить область промежуточную между тѣмъ и другимъ. Но для образованія такой промежуточной сферы нужны какіе-нибудь спеціальныя признаки, не принадлежащіе къ смежнымъ областямъ: а тутъ нѣтъ ничего, кромѣ смѣшенія началъ, свойственныхъ послѣднимъ. Съ другой стороны, отнесеніе ихъ къ государственному праву возможно только для немногихъ корпорацій, получающихъ общее значеніе: остальные союзы остаются частными, а потому должны быть отнесены къ другому разряду. Въ самой государственной жизни оказывается существенное отличіе собственно государственной дѣятельности, исходящей отъ центра и этихъ независимыхъ общественныхъ формацій. Это различіе признается, какъ теоріей, такъ и положительными законодательствами. У насъ, на примѣръ, общественная служба отличается отъ государственной, и это отличіе нельзя не признать существенно важнымъ, какъ для пониманія началъ государственной жизни, такъ и для практическаго ихъ приложенія. Независимое, хотя и подчиненное государственной власти положеніе корпоративныхъ союзовъ есть принципъ, на которомъ слѣдуетъ твердо стоять, ибо онъ служитъ обезпеченіемъ гражданской свободы. Именно эта независимость указываетъ на происхожденіе ихъ изъ частныхъ отношеній, естественно образующихся между лицами, соединенными общими интересами. Государство даетъ имъ только юридическую организацію и дѣлаетъ ихъ въ большей или меньшей степени орудіями своихъ цѣлей. Этого не слѣдуетъ упускать изъ вида даже

и тогда, когда эти союзы, получая высшее государственное значеніе, выдѣляются изъ гражданскаго общества и входятъ въ составъ государственнаго строя, опредѣляемаго началами публичнаго права.

Въ результатѣ мы должны сказать, что къ гражданскому обществу принадлежатъ не только частныя отношенія между людьми, управляемая гражданскимъ правомъ, но и тѣ частныя союзы, которые образуются лицами, соединенными общими интересами. Эти союзы могутъ имѣть различное значеніе. Чѣмъ болѣе связывающіе ихъ интересы носятъ на себѣ общій характеръ, тѣмъ болѣе эти союзы способны становиться органами государственныхъ цѣлей. Высшіе изъ нихъ входятъ въ составъ государственныхъ учреждений, черезъ что устанавливается тѣсная, живая связь между гражданскимъ обществомъ и государствомъ и переходъ отъ перваго къ послѣднему. Но и въ области государственной жизни эти союзы сохраняютъ свое самостоятельное значеніе, а потому должны имѣть болѣе или менѣе независимое положеніе.

Для точнѣйшаго опредѣленія этого вытекающаго изъ самаго существа дѣла различія между государственными корпораціями и частными, надобно разсмотрѣть тѣ цѣли, которыя имѣются въ виду при ихъ учрежденіи. Прежде всего, интересы могутъ быть личныя или мѣстныя. Каждая мѣстность, въ которой соединяются люди для сожителства, имѣетъ свои интересы, общіе всѣмъ, а потому требующіе совокупнаго дѣйствія и совокупной организаци. Такъ образуются общины и, на болѣе обширномъ пространствѣ, округи. Послѣднія могутъ опредѣляться болѣе или менѣе произвольно; но община есть самородный продуктъ, который предшествуетъ государству и только организуется имъ. Обнимая совокупность всѣхъ мѣстныхъ интересовъ, она естественно является органомъ для осуществленія государственныхъ цѣлей на мѣстахъ. Но такъ какъ она имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самостоятельное значеніе, то здѣсь возникаетъ вопросъ объ отношеніи государственной власти къ

общественной и о согласномъ дѣйствии обѣихъ. Этотъ вопросъ рѣшается положительнымъ государственнымъ правомъ по соображеніи мѣстныхъ и временныхъ условій. Задача состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить достиженіе государственныхъ цѣлей, сохраняя самостоятельность мѣстной жизни. То же самое относится и къ округамъ.

Въ отличіе отъ этихъ мѣстныхъ интересовъ, касающихся совокупности живущихъ въ данномъ мѣстѣ людей, личные интересы связываютъ только извѣстные разряды лицъ, преслѣдующихъ свои спеціальныя цѣли. Болѣе или менѣе общественный характеръ этихъ союзовъ зависитъ отъ важности той цѣли, которую они имѣютъ въ виду, а также и отъ того, учреждается ли союзъ только во имя извѣстнаго интереса или онъ обнимаетъ совокупность интересовъ извѣстнаго разряда лицъ. Этимъ, какъ сказано, опредѣляется отличіе обществъ и корпорацій. Отъ этого зависитъ и большее или меньшее государственное ихъ значеніе. И этого рода союзы имѣютъ, по необходимости, болѣе или менѣе мѣстный характеръ, ибо связь людей, разсѣянныхъ на значительномъ пространствѣ, вообще, не довольно тѣсна для образованія постоянныхъ союзовъ. Во всякомъ случаѣ требуется мѣстная организація, къ которой примыкаютъ разсѣянные члены. Однако, интересы, связывающіе людей, могутъ и не ограничиваться извѣстною мѣстностью: они могутъ носить и болѣе общій характеръ. Люди, имѣющіе одинакое занятіе или призваніе, естественно имѣютъ и общіе интересы. Если они получаютъ соотвѣтствующія этому призванію права, то изъ этого образуются уже не корпораціи, а *сословія*.

Сословія имѣютъ болѣе общее значеніе, нежели корпораціи. Это уже не частные союзы, а расчлененіе всего гражданскаго общества на части, соотвѣтствующія потребностямъ цѣлаго. Сословія составляютъ поэтому переходъ отъ гражданскаго общества къ государству. Частью они примыкаютъ и къ церкви. Исконное дѣленіе общества, идущее черезъ всю исторію, какъ древнюю, такъ и новую,

состоить въ раздѣленіи сословіи на военное, духовное и промышленное. Изъ нихъ только послѣднее есть собственно гражданское сословіе: духовное составляетъ принадлежность церкви, а военное служить государству. Однако, раздѣленіе на сословія есть все-таки расчлененіе гражданского общества, а не государства. Это доказывается уже существованіемъ промышленнаго сословія, которое, по существу своему, есть не политическое, а гражданское. Съ другой стороны, духовенство образуетъ сословіе не въ силу религіознаго своего назначенія, а въ силу присвоенныхъ ему гражданскихъ правъ, которыя имѣютъ частный характеръ. Тоже относится и къ военному, или, вообще, служилому сословію. Государственная служба вовсе не требуетъ, чтобы человѣкъ посвящалъ ей всю свою жизнь, и еще менѣе, чтобы съ нею связывались права, переходящія изъ рода въ родъ. Напротивъ, и то, и другое несовмѣстно съ государственною пользою. Поэтому, съ развитіемъ государственныхъ началъ, сословная служба замѣняется установленіемъ правъ и обязанностей, общихъ для всѣхъ гражданъ. Этимъ удовлетворяется и высшее требованіе права, состоящее, какъ мы видѣли, въ равенствѣ всѣхъ передъ закономъ. Раздѣленіе гражданского общества на сословія противорѣчитъ этому началу, а потому оно, рано или поздно, должно уступить мѣсто иному порядку. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ ходъ всемірной исторіи.

Устройство гражданского общества, въ своемъ историческомъ развитіи, проходитъ черезъ три слѣдующія другъ за другомъ ступени: порядокъ родовой, сословный и общегражданскій *). Въ первомъ родовое начало лежитъ въ основаніи, какъ гражданскихъ, такъ и государственныхъ отношеній. Тотъ порядокъ господствовалъ въ древнихъ классическихъ государствахъ. Во второмъ общество раздѣляется на части, отдѣляющіяся другъ отъ друга своими

---

*) Болѣе подробное изложеніе этого процесса см. въ моемъ Курсѣ Государственной Науки, II. кн. 1, гл. 3.

особенными правами и своимъ призваніемъ. Этотъ порядокъ, который встрѣчается уже въ древнихъ теократіяхъ, составлялъ естественную принадлежность средневѣковаго строя, въ которомъ государство поглощалось гражданскимъ обществомъ. Весь средневѣковой бытъ основанъ былъ на противоположеніи гражданского общества и церкви. Это и составляло вторую ступень всемірно-историческаго развитія. Государство, какъ единое цѣлое, владычествующее надъ частями, исчезло; общество управлялось началами частнаго права. Самая верховная власть подчинялась этимъ опредѣленіямъ: монархія превратилась въ вотчину, а свободные союзы сложились въ вольныя общины. Общество раздробилось на множество частныхъ союзовъ, состоявшихъ въ постоянной борьбѣ между собою. Это естественно вело къ господству сильныхъ надъ слабыми. Сильные являлись вольными людьми, которые не знали надъ собою иной власти, кромѣ той, которую они признавали добровольно, а слабые состояли у нихъ въ крѣпостномъ подчиненіи. Вслѣдствіе этого образовались различные разряды лицъ, отличавшихся другъ отъ друга своими правами, соответственно ихъ могуществу и ихъ общественному положенію. Военное сословіе, имѣя въ рукахъ матеріальную силу, было господствующимъ. На ряду съ нимъ стояло и духовенство, которое опиралось на нравственный авторитетъ церкви. Промышленное же сословіе сохраняло свою свободу лишь настолько, насколько оно успѣвало отстоять ее за стѣнами вольныхъ общинъ. Все остальное было крѣпостнымъ, и это составляло главную силу владычествующихъ сословій. Сословный порядокъ держался крѣпостнымъ правомъ.

Онъ долженъ былъ пасть вмѣстѣ съ послѣднимъ. Анархія борющихся между собою частныхъ силъ сама собою вызвала потребность въ восстановленіи государства, какъ высшаго союза, представляющаго единство цѣлаго и сдерживающаго частныя стремленія. Только въ немъ слабые могли находить защиту. Оно было призвано и къ осуществленію идеи права, то - есть, равенства передъ закономъ.

Передъ этою идеей должны были пасть всѣ сословныя преграды. Развитие ея повело къ тому, что сословный порядокъ замѣнился общегражданскимъ.

Въ послѣднемъ сохраняется различіе интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все разнообразіе общественныхъ положеній и классовъ; но это не ведетъ къ различію правъ: законъ остается одинъ для всѣхъ. Имъ опредѣляются какъ частныя отношенія людей между собою, такъ и права частныхъ союзовъ. Это и составляетъ идеаль права, а потому общегражданскій порядокъ долженъ считаться окончательнымъ. Но установленіе его возможно единственно вслѣдствіе того, что надъ гражданскимъ обществомъ, какъ самостоятельнымъ союзомъ, представляющимъ совокупность частныхъ отношеній, воздвигается государство, какъ представитель цѣлаго, которому ввѣряется охраненіе общаго закона. Къ разсмотрѣнію существа и свойствъ этого союза мы и должны теперь перейти.

Но прежде этого надобно изслѣдовать характеръ и значеніе другого союза, противоположнаго гражданскому обществу, а именно церкви, какъ представительницы религіозно-нравственнаго закона.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Б. Н. Чичеринъ.

Тургеневъ, какъ психопатологъ.

(Окончаніе) *).

II.

„Клара Миличъ“, по моему мнѣнію, одно изъ лучшихъ произведеній Тургенева; оно такъ поэтично, что трудно вѣрится, что его написалъ шестидесятичетырехлѣтній старикъ. Я до сихъ поръ помню то сильное впечатлѣніе, которое на меня произвело чтеніе этой поэтической повѣсти. Я въ 1882 году уже достаточно зналъ психіатрію, чтобы вполне оцѣнить всѣ достоинства этого произведенія; меня особенно поразило, что въ этомъ, на первый взглядъ неправдоподобномъ, разсказѣ всѣ детали безусловно вѣрны.

Сколько извѣстно, Тургеневъ опоэтизировалъ Клару Миличъ; говорили, что артистка, трагическая смерть которой изображена въ этомъ разсказѣ, вела себя крайне безрассудно и ничего поэтическаго въ ея любви не было. Я не повѣрилъ цѣлой фабулѣ повѣсти и вообще мало вѣроятно, чтобъ артистка отравилась отъ такой невинной любви. Но если мы не будемъ сравнивать Клару Миличъ съ той артисткой, которая описана въ этой повѣсти, и будемъ смотрѣть на разсказъ какъ на чистую фантазію автора, мы должны будемъ согласиться, что все разсказанное Тургеневымъ *могло быть*, что ничего невѣроятнаго въ этомъ произведеніи нѣтъ.

---

*) См. 49-ую книгу Вопросовъ Философіи.

Для правильнаго пониманія Клары Миличъ необходимо позабыть о разсказахъ и слухахъ по поводу этой повѣсти и не сравнивать повѣсти съ тѣми слухами, которые циркулировали въ обществѣ о любви и самоубійствѣ артистки К. Герой этой повѣсти, Аратовъ — высшій вырождающійся, психопатъ, также какъ и Миша Полтевъ, и потому я послѣ разбора „Отчаяннаго“ приступаю къ анализу „Клары Миличъ“. Такимъ образомъ легче будетъ сравнить этихъ двухъ вырождающихся, установить, въ чемъ они похожи другъ на друга и чѣмъ отличаются. Вырожденіе, какъ и всякое отступленіе отъ нормы, проявляется весьма различно, и вырождающіеся, хотя имѣютъ много общаго, весьма непохожи другъ на друга. Мы даже не можемъ установить главныхъ типовъ вырождающихся, и намъ приходится довольствоваться такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, какъ „высшій вырождающійся“. Этотъ терминъ введенъ французскими психіатрами, такъ называющими вырождающихся, одаренныхъ удовлетворительными и даже хорошими умственными способностями. Высшіе вырождающіеся мало похожи другъ на друга; это именно психопаты, не поддающіеся общей характеристикѣ, и потому поучительно сравнить двухъ вырождающихся, столь мало похожихъ другъ на друга, какъ Миша и Аратовъ, и выяснить, что при всемъ ихъ кажущемся несходствѣ у обоихъ основныя свойства характера обусловлены патологической наслѣдственностью и патологической организаціей.

Отецъ Аратова былъ, по словамъ сосѣдей, „чудакъ преестественный“: „онъ занимался химіей, минералогіей, энтомологіей, ботаникой и медициной; лѣчилъ добровольныхъ пациентовъ травами и металлическими порошками собственнаго изобрѣтенія, по методѣ Парацельсія. Этими самыми порошками онъ свель въ могилу свою молоденькую, хорошенькую, но ужъ слишкомъ тоненькую жену, которую любилъ страстно и отъ которой имѣлъ единственнаго сына. Тѣми же металлическими порошками онъ порядкомъ попортилъ здоровье также и сына, которое, напротивъ, желаль

подкрѣпить "... „Человѣкъ онъ былъ, что называется, добръйшій, но нрава меланхолическаго, копотливый, робкій, склонный ко всему таинственному“.

Дѣти эксцентриковъ, оригиналовъ, чудаковъ, какъ это извѣстно психіатрамъ, нерѣдко бываютъ душевно-больные, вырождающіеся, предрасположенные къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ; къ тому же здоровье Аратова въ дѣтствѣ было попорчено „металлическими порошками“. Мы знаемъ, что болѣзни, отравленія, неблагопріятныя гигиеническія условія въ раннемъ дѣтствѣ бываютъ причинами вырожденія.

Аратовъ курса въ университетѣ не кончилъ не по лѣности, не по недостатку средствъ, „а потому, что, по его понятіямъ, въ университетѣ не узнаешь больше того, чему можно научиться и дома“. Значить, психопатическая организація Аратова проявилась поздно, когда ему было около двадцати лѣтъ. Ранѣе онъ ничѣмъ не отличался отъ сверстниковъ и вообще развивался правильно. Конечно, молодые люди не доканчиваютъ своего образованія по очень многимъ причинамъ, но голыя цифры сообщаютъ намъ, какъ мало лицъ не заканчиваютъ высшаго образованія. Громадное большинство этихъ лицъ оставляютъ университетъ по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Я не зналъ ни одного студента, не окончившаго курса только потому, что въ университетѣ нечему учиться, хотя могу допустить, что очень талантливый юноша можетъ по этой причинѣ перейти въ другое учебное заведеніе, поступить въ иностранный университетъ, вообще искать лучшаго образованія. Но не закончить курса безъ всякой причины можетъ только психопатъ, вырождающійся; именно эти лица не заканчиваютъ своего образованія, ни въ одномъ дѣлѣ не достигаютъ возможнаго для нормальнаго человѣка совершенства. Они обыкновенно не доходятъ до конца, не выучиваются основательно чему-либо, имъ все скоро надоѣдаетъ; они бросаютъ, не закончивши, одно дѣло, начинаютъ другое, почему не достигаютъ совершенства въ какой-либо специальности.

Оставивши университетъ, Аратовъ математическими науками не занимался, а завелъ фотографическій аппаратъ, но и въ этомъ нетрудномъ искусствѣ большихъ успѣховъ не сдѣлалъ; онъ даже не научился хорошо увеличивать фотографическія карточки: по крайней мѣрѣ, не сумѣлъ увеличить фотографическую карточку Клары Миличъ.

„Онъ дичился своихъ товарищей, почти ни съ кѣмъ не знакомился... и жилъ очень уединенно“; „на службу поступить не рассчитывалъ“.

Также какъ и Миша, Аратовъ не могъ работать, зарабатывать себѣ хлѣбъ, не могъ приспособиться къ средѣ. Каждый нормальный, а тѣмъ болѣе талантливый человѣкъ, стремится къ какому-нибудь занятію; конечно, многіе обманываютъ себя и занимаются пустяками, но только больной молодой человѣкъ можетъ ничего не дѣлать, и Аратовъ именно ничего не дѣлалъ, „погруженный въ книги“. Такая бездѣятельная, праздная жизнь просто тягостна для молодого человѣка; Аратовъ былъ такъ мало подготовленъ, что научно онъ работать не могъ и, какъ видно изъ разказа, ничего не дѣлалъ. Читать книги безъ опредѣленнаго плана, безъ опредѣленной цѣли здоровый молодой человѣкъ не можетъ. Къ счастью для Аратова, онъ имѣлъ небольшія средства и потому не нуждался въ подачкахъ, какъ Миша, но онъ все-таки былъ тунеядецъ, даже не старавшійся быть полезнымъ кому-либо въ мірѣ.

Также какъ и Миша, Аратовъ не могъ приспособиться къ средѣ, занять положеніе въ обществѣ; онъ лишень былъ тѣхъ присущихъ нормальнымъ людямъ социальныхъ чувствованій, которыя побуждаютъ и богатыхъ, и бѣдныхъ жить вмѣстѣ съ другими, искать ихъ одобренія. Аратову общество не было необходимо, какъ намъ; ему были чужды общественные интересы, у него не было друзей, товарищей, у него не было честолюбія, не было любви къ ближнимъ. У него былъ только одинъ знакомый Купферъ, который „и завтракалъ, и обѣдалъ у него частенько и, даже будучи человѣкомъ небогатымъ, занималъ у него небольшія суммы“.

Также какъ и у Миши, у Аратова половая жизнь была ненормальна, хотя въ этомъ отношеніи между ними была большая разница.

„Онъ чуждался женщинъ, хотя сердце имѣлъ очень нѣжное и плѣнялся красотой... Онъ даже приобрѣлъ роскошный англійскій кипсекъ и (о позоръ!) любовался „украшавшими“ его изображеніями разныхъ восхитительныхъ Гюльнаръ и Медоръ...“

Я зналъ многихъ средняго и пожилого возраста любителей соблазнительныхъ картинъ; но здоровымъ молодымъ людямъ такія картинки просто противны. Только уже истощенные болѣзнями или злоупотребленіями, люди могутъ любоваться такими картинками; это хотя дурно, но нормально. Если молодой человѣкъ настолько интересуется такими картинками, что даже покупаетъ „роскошный кипсекъ“, то съ большою вѣроятностью можно предполагать, что онъ или совершенно неспособенъ къ половой жизни, или, по крайней мѣрѣ, малоспособенъ; такіе молодые люди, насколько мнѣ извѣстно, не могутъ „любить“ нормальной, здоровой любовью.

Этими и оканчивается сходство Аратова съ Мишей.

Аратовъ „вѣрилъ, что существуютъ въ природѣ и въ душѣ человеческой тайны, которыя можно иногда прозрѣвать, но постигнуть — невозможно; вѣрилъ въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вліяній, иногда благосклонныхъ, но чаще враждебныхъ... и вѣрилъ также въ науку, въ ея достоинство и важность“.

Вѣра въ науку уживается съ вѣрой въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вліяній въ душѣ крупныхъ ученыхъ, людей вполне нормальныхъ, и я вовсе не расположенъ каждаго образованнаго мистика считать психопатомъ. Нельзя объяснить, какъ уживается вѣра въ науку съ вѣрой въ сверхъестественное, но вѣдь вообще мы многого объяснить не можемъ.

Когда въ 1892 г. я былъ въ Лондонѣ на психологическомъ конгрессѣ, на меня производила своеобразное впечатлѣ-

ніе толпа барынь расфранченныхъ и съ ясными признаками истеріи и вырожденія, составлявшая аудиторію на секціи по гипнотизму“ *). Ни одинъ психіатръ не будетъ оспаривать, что между образованными мистиками много вырождающихся. Постоянное недовольство собою и всѣмъ окружающимъ, зависящее отъ патологическаго состоянія нервной системы, чувство собственного безсилія—невольнo влекутъ этихъ вырождающихся ко всему таинственному, сверхъестественному; имъ нужны „силы и вѣянія“, и они ихъ обыкновенно находятъ.

О физической организаціи Аратова Тургеневъ говоритъ достаточно; у него были волосы пепельнаго цвѣта, выпуклыя, дѣтскія губы и большіе, зеленовато - сѣрые глаза съ поволокой. „Здоровьемъ онъ также похвастаться не могъ. Очень онъ былъ впечатлителенъ, нервенъ, мнителенъ, страдалъ сердцебіеніемъ, иногда одышкой“.

Аратовъ могъ, при благопріятныхъ условіяхъ, прожить, не заболѣвъ душевною болѣзнію всю жизнь и достигнуть глубокой старости, какъ и многіе высшіе вырождающіеся, какъ, на примѣръ, Барсуковъ въ разсказѣ „Два пріятели“. Этотъ вырождающійся „вступилъ въ морскую службу и скоро обратилъ на себя вниманіе начальства, но внезапно вышелъ въ отставку, женился, поселился въ деревнѣ и понемногу такъ облѣнился и опустился, что, наконецъ, не только никуда не выѣзжалъ—не выходилъ даже изъ комнаты“... „Его круглое лицо съ большими карыми глазами, тонкимъ, правильнымъ носомъ и румяными губами, поражало своею почти юношеской свѣжестью... Онъ никогда не смѣялся, но иногда, весьма рѣдко, хохоталъ истерически и всякій разъ потомъ чувствовалъ себя дурно“. Онъ ничѣмъ не занимался и не тяготился своею праздностью, однако жилъ благополучно и дождался внуковъ.

Вырождающихся много, очень много; мы даже прибли-

---

*) В. Чижъ: «Второй международный конгрессъ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ.—Вопросы Психологіи», 1892 г.

зительно не знаемъ, какой процентъ населенія они составляютъ. Одни изъ нихъ или потому, что одарены болѣе психопатической организаціей, или вслѣдствіе неблагоприятныхъ жизненныхъ условій, заболѣваютъ душевными болѣзнями, другіе совершаютъ преступленія; нѣкоторые вслѣдствіе благоприятныхъ для здоровья условій мирно живутъ на чужой счетъ.

Тетя Аратова, Платоша, малообразованная, но умная старушка, основательно боялась близкаго знакомства своего болѣзненнаго племянника съ женщинами; она предчувствовала, что всякій романъ кончится дурно для Аратова. Она хорошо знала своего племянника. „Великимъ подспорьемъ всего его существованія, неизмѣннымъ товарищемъ и другомъ была ему его тетка, та Платоша, съ которой онъ едва ли мѣнялся десятью словами въ день, но безъ которой онъ не могъ бы ступить шагу“. Дѣйствительно, не только любовь, но даже вниманіе со стороны женщины для Аратова могло имѣть роковыя послѣдствія. Если на него производили впечатлѣніе соблазнительныя картинки, то разговоры, вниманіе молодой, красивой, оригинальной артистки должны были сразу измѣнить всю его жизнь. Любить нормальной любовью онъ не могъ, но чувствовать обаяніе женщины онъ могъ. Онъ долженъ былъ ненормально волноваться, смотря на молодую женщину, слушая ея пѣніе и декламацію; тѣмъ большее волненіе вызвали взгляды Миличъ, обращенные на него.

Онъ встрѣтился съ Кларой Миличъ на вечеръ у нѣкой грузинской княгини; „забившись въ уголь, онъ то быстро пробѣгалъ по всѣмъ лицамъ гостей, какъ-то даже не различая ихъ, то упорно глядѣлъ себѣ на ноги“. Онъ скоро „улизнулъ, унося въ душѣ смутное и тяжелое впечатлѣніе, сквозь которое, однако, прибавилось нѣчто ему самому непонятное, но значительное и даже тревожное“. Хотя онъ и не обратилъ вниманія на Клару Миличъ, но образъ ея настолько запечатлѣлся въ его душѣ, что когда черезъ шесть недѣль онъ увидѣлъ ее на эстрадѣ въ концертѣ, онъ

вспомнилъ, что видѣлъ ее у княгини, и не только видѣлъ, но даже замѣтилъ, что она нѣсколько разъ съ особенной настойчивостью посмотрѣла на него своими темными, пристальными глазами“. Вполнѣ понятно, что столь чувствительный и столь слабосильный въ половомъ отношеніи Аратовъ въ продолженіе этихъ шести недѣль смутно волновался настолько, что даже Платоша „перетревожилась“.

Миличъ на концертѣ ясно выказала свою симпатію къ Аратову, „глаза ея такъ же смѣло и прямо вперились въ Аратова“.

Послѣ концерта „Аратовъ не въ силахъ былъ выкинуть изъ головы своей эту „черномазую цыганку“, пѣніе и чтеніе, и самая наружность которой ему не нравились. Онъ недоумѣвалъ, онъ сердился на себя“.

Онъ получилъ неподписанную записку съ приглашеніемъ на свиданіе; онъ догадался, что это пишетъ Миличъ, и пошелъ на свиданіе.

На этомъ свиданіи Аратовъ велъ себя именно какъ вырождающійся, способный чувствовать, способный, хотя и неясно, желать, но неспособный любить. Нормальный человѣкъ или не пошелъ бы на свиданіе, или, явившись, объяснилъ бы Миличъ, что она ему не нравится, или воспользовался бы этимъ свиданіемъ, чтобы завязать знакомство,—однимъ словомъ, что-нибудь да сдѣлалъ бы. Аратовъ наговорилъ глупостей: „Я явился на ваше приглашеніе, милостивая государыня, для того только, чтобы разъяснить, чтобы узнать, вслѣдствіе какого страннаго недоразумѣнія вамъ было угодно обратиться ко мнѣ, человѣку вамъ чужому, который потому только и догадался, какъ вы выразились въ вашемъ письмѣ, что писали именно вы,—потому догадался, что вамъ въ теченіе того литературнаго утра захотѣлось выказать ему слишкомъ... слишкомъ явное вниманіе!“

Такъ неприлично держать себя съ женщиной 25-лѣтней „погруженный въ книги“ бывшій студентъ. Вернувшись домой, онъ „сердился... и на нее и на себя“. Онъ даже по-

томъ, обдумавъ свое поведеніе, не могъ понять возмутительно пошлой своей выходки. У Аратова были слабо, недостаточно развиты нравственныя чувствованія; поэтому онъ не могъ понять, что прійти на назначенное женщиной свиданіе только для того, чтобы наговорить ей дерзостей, можетъ или необразованный, или развращенный пошлякъ. Его конечно нельзя обвинить за то, что онъ не понималъ истинныхъ чувствованій Миличъ; онъ не зналъ людей и жизни, но онъ долженъ былъ знать, что оскорблять беззащитную женщину, и притомъ безъ всякой нужды, безъ всякой цѣли — возмутительно, безнравственно. Если бы у него были развиты нравственныя чувствованія, — онъ чувствовалъ бы, что въ его стороны было низко оскорбить Миличъ, если бы даже онъ зналъ, что она — продажная авантюристка.

Можетъ казаться невѣроятнымъ, что Миличъ, совершенно не зная Аратова, такъ серьезно имъ заинтересовалась; дѣйствительно, нормальная, то есть обыкновенная, женщины такъ не влюбляются. Но Миличъ и не была нормальная, здоровая дѣвушка. Въ ея наружности уже проявлялось вырожденіе: „лицо смуглое, не то еврейскаго, не то цыганскаго типа, глаза небольшіе, черные, подъ густыми, почти сросшимися бровями, низкій, неподвижный, точно каменный лобъ... лицо задумчивое, почти суровое“. Такое рѣзкое отступленіе отъ національнаго типа есть уже вырожденіе.

По словамъ сестры Миличъ, „Клара была несомнѣнно непріятнымъ ребенкомъ, въ дѣвушкахъ... своевольная, вспыльчивая, самолюбивая, она не ладила особенно съ отцомъ, котораго презирала за пьянство и за бездарность“... „Музыкальныя способности въ ней сказались рано“; „сестру обожала, хотя и дралась съ ней, и кусала ее. Правда, она потомъ становилась на колѣни передъ нею и цѣловала укушенныя мѣста“; она была „мстительна и добра, великодушна и злопамятна; вѣрила въ судьбу и не вѣрила въ Бога; любила все красивое, а сама о своей красотѣ не заботилась и одѣвалась какъ попало; терпѣть не могла, чтобы за

ней ухаживали молодые люди, а въ книгахъ перечитывала только тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о любви"... Она говаривала иногда: „Такого, какъ я хочу—я не встрѣчу, а другихъ мнѣ не надо!—Ну, а если встрѣтишь?—спрашивала сестра.—Встрѣчу... возьму. А если не дастся?—Ну, тогда съ собою покончу. Значить—не гожусь“. За двѣ недѣли до свадьбы (ей было всего шестнадцать лѣтъ) „она подошла къ своему жениху (отецъ ее присваталъ, чтобы сбыть съ рукъ), скрестивши руки и играя пальцами по локтямъ (любимая ея поза), да вдругъ какъ хлопъ его по румяной щекѣ своей большой, сильной рукой“. На вопросъ сестры: „что ты это?“ Клара отвѣтила: „Коли бы настоящий былъ человѣкъ, прибилъ бы меня, а то курица мокрая! И еще спрашиваетъ, за что? Коли любишь и не отмстишь, такъ терпи и не спрашивай: за что? Ничего ему отъ меня не будетъ во вѣки вѣковъ!“—„У ней были предчувствія. Представьте, что она даже, заранѣе, иногда во снѣ, а иногда и такъ видѣла, что съ ней будетъ“. Съ раннихъ лѣтъ она была убѣждена, что она будетъ несчастна.

Итакъ, Клара была дочь пьяницы, съ дѣтства была склонна къ сильнымъ аффектамъ; даже ничтожныя причины вызывали столь сильные аффекты, что она не могла владѣть собою; настроеніе духа у ней преобладало грустное: она считала себя несчастной; въ ея душѣ уживались самыя противоположныя чувствованія; она была неуравновѣшенная натура.

Половая жизнь ея, какъ у почти всѣхъ вырождающихся, была ненормальна; она такъ же, какъ и Аратовъ, избѣгала мужчинъ, но раздражала свою фантазію. Въ ней не было женственности; ея поступокъ съ женихомъ даетъ право предполагать о значительномъ извращеніи ея полового чувства; она хотѣла „взять“ того, кого она полюбитъ.

Тургеневъ, какъ истинный художникъ, лишь цѣломудренно намекаетъ на аномалію половой жизни Клары. Захеръ Мозохъ сдѣлалъ бы изъ Клары героиню своего романа, нашелъ бы и героя, которому доставляло бы большое наслажденіе получать пощечины и быть „взятымъ“ женщиной.

Еще Шекспиръ подмѣтилъ, что психопаты влюбляются въ психопатокъ—Гамлетъ и Офелія, Макбетъ и лэди Макбетъ. Шарко утверждалъ, что невропаты влюбляются въ невропатокъ. Я неоднократно убѣждался, что Шарко правъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что вырождающаяся Миличъ влюбилась въ вырождающагося Аратова, дочь пьяницы влюбилась въ сына чудака. Любовь ея быстро достигла сильной страсти вслѣдствіе неуравновѣшенности ея натуры. Мужественная Миличъ могла влюбиться въ женственнаго, красиваго Аратова: „онъ напоминалъ свою мать; тѣ же тонкія, миловидныя черты“.

Въ повѣсти не объяснены достаточно причины самоубійства Клары; едва ли она умерла отъ безнадежной любви; она вообще тяготилась жизнью вслѣдствіе тяжелаго душевнаго настроенія, обусловленнаго ея невропатической организаціей.

Самоубійство Миличъ должно было поразить Аратова: Клара произвела на него впечатлѣніе; вѣдь это *единственная* молодая, красивая женщина, которую онъ зналъ, которая на него обратила вниманіе, оригинальность которой онъ все-таки, хотя и неясно, но сознавалъ. Даже нормальный человѣкъ былъ бы сильно потрясенъ такимъ событіемъ и могъ бы захворать отъ такого несчастія.

Узнавъ о самоубійствѣ Клары, „слѣдующій день Аратовъ провелъ спокойно. Онъ даже могъ предаться обычнымъ занятіямъ. Одно только: и во время занятій, и въ свободное время онъ постоянно думалъ о Кларѣ“. „Къ вечеру Аратовъ затихъ до того, что сыгралъ нѣсколько разъ съ теткой въ свои козыри“. Ночью онъ видѣлъ во снѣ Клару: „она остановилась передъ нимъ, скрестила руки—и строго и внимательно смотритъ на него“. Когда Аратовъ проснулся, „весь похолодѣлый“, ему казалось, что съ нимъ что-то свершилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ легъ; что въ него „что-то внѣдрилось... что-то завладѣло имъ“. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Казань, гдѣ жили родные Клары; „не поѣдешь,—разсуждалъ онъ самъ съ собою,—пожалуй, съ ума сойдешь. Онъ боялся этого, боялся своихъ нервовъ“.

Предчувствіе наступающаго заболѣванія бываетъ у нѣкоторыхъ больныхъ; они сознають, что болѣзнь овладѣваетъ ими. Поѣздка въ Казань нѣсколько разсѣяла Аратова; когда онъ узналъ, какъ сильно онъ ошибся относительно Клары, онъ даже увѣрилъ себя, что былъ влюбленъ въ Клару, по крайней мѣрѣ увѣрилъ въ томъ „съ отчаяніемъ“ сестру Клары.

Когда онъ вернулся домой, ему казалось „безмысленнымъ и дикимъ“ то, что онъ „въ тотъ порывъ внезапнаго изступленія“ сказалъ, „что онъ влюбленъ въ Клару“. Онъ почувствовалъ, „что онъ находится во власти“ другого существа. „Власть эта сказывалась въ томъ, что ему безпрестанно представляется образъ Клары до малѣйшихъ подробностей, до такихъ подробностей, которыя онъ при жизни ея какъ будто и не замѣчалъ... Онъ вовсе не любовался всѣмъ этимъ; онъ только не могъ объ этомъ не думать и не видѣть...“

У Аратова появился уже первый симптомъ болѣзни—*навязчивыя идеи*; лучшаго описанія навязчивыхъ идей нельзя себѣ представить. Больной ясно понимаетъ, что идеи чужды, посторонни его сознанию; онѣ не доставляютъ ему удовольствія, но онъ не можетъ вытѣснить ихъ изъ сознанія; онѣ имѣютъ власть надъ нимъ.

Аратову эти навязчивыя идеи были очень тягостны. „Напряженное состояніе его нервовъ причинило ему утомленіе гораздо болѣе несносное, чѣмъ физическая усталость путешествія и дороги“.

Чтобы вполнѣ оцѣнить, какъ правдиво и живо Тургеневъ описалъ навязчивыя идеи, я приведу описаніе этого патологическаго состоянія въ учебникѣ психіатріи Крэпелина. Этотъ учебникъ считается выдающимся настолько, что былъ переведенъ на русскій языкъ общими усиліями семи русскихъ психіатровъ.

„Мы имѣемъ дѣло при этомъ съ представленіями, неодолимо навязывающимися нашему сознанию противъ нашей воли и даже несмотря на сильное къ нимъ отвращеніе.“

Нѣкоторое понятіе объ этомъ явленіи намъ можетъ дать, помимо уже выше приведеннаго, пожалуй, и то наблюденіе, что мы иногда при извѣстномъ настроеніи не въ состояніи воспрепятствовать появленію въ сознаніи исторій о всякаго рода ужасахъ и привидѣніяхъ, несмотря на полную сохранность нашей способности къ критикѣ. Часто онѣ выступаютъ въ сознаніе тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ сильнѣе мы пытаемся отгѣснить ихъ на задній планъ. Совершенно то же самое наблюдаемъ мы при болѣзненныхъ навязчивыхъ идеяхъ. Процессъ мышленія всегда сопряженъ здѣсь съ рѣзко выраженнымъ чувствомъ неудовольствія, вслѣдствіе ли самаго содержанія идеи, или же только вслѣдствіе ихъ мучительной навязчивости. Именно это недовольство, боязнь ихъ возврата составляетъ, быть можетъ, самыя главныя условія силы навязчивыхъ идей. Подобно тому, какъ мы бываемъ принуждены неотступно думать о какомъ-либо грозящемъ намъ случаѣ, хотя и желали бы охотно отвлечься, такъ точно самый страхъ передъ навязчивой идеей заставляетъ постоянно ожидать ея появленія и такимъ образомъ всего дѣйствительнѣе способствуетъ ея возврату. На основаніи изложеннаго, навязчивыя идеи наблюдаются почти исключительно на почвѣ явно угнетеннаго душевнаго состоянія“ *).

Перечитывая Клару Миличъ, легко убѣдиться, что Тургеневымъ описаны навязчивыя идеи гораздо яснѣе, чѣмъ Крѣпелиномъ; къ тому, что сказано Тургеневымъ, прибавить ничего нельзя. Это неподражаемое описаніе даетъ о навязчивыхъ идеяхъ представленіе болѣе отчетливое, чѣмъ сказанное Крѣпелиномъ, и нужно удивляться, какъ Тургеневъ могъ такъ полно и ясно описать патологическое состояніе.

Обыкновенно душевно-больные, по крайней мѣрѣ, въ началѣ болѣзни чувствуютъ себя хуже, страдаютъ бессонницей; такъ и Аратовъ, измученный навязчивыми идеями, долго не могъ ночью заснуть.

*) Крѣпелинъ: Психіатрія. Часть первая, стр. 133.

Опять-таки, какъ это часто бываетъ, первая галлюцинація была у Аратова ночью, то есть при полной тишинѣ. Галлюцинаціи такъ вѣрно и такъ художественно описаны Тургеновымъ, что чтеніе этихъ страницъ доставляетъ особое наслажденіе психіатру. Мнѣ много разъ приходилось и слышать рассказы больныхъ объ ихъ галлюцинаціяхъ, и читать описаніе галлюцинацій въ специальныхъ сочиненіяхъ, и потому я могу оцѣнить прелесть вполне реального описанія обмановъ чувства въ этой повѣсти.

„Аратовъ продолжалъ лежать безъ сна, съ закрытыми глазами,— и вотъ ему почудилось: кто-то шепчетъ ему на ухо“. Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ въ началѣ галлюцинація бываетъ неясная, неопредѣленная; галлюцинація состоитъ изъ самыхъ простыхъ и притомъ неясно воспринимаемыхъ ощущеній; Аратову казалось, что *кто-то что-то* ему шепчетъ на ухо.

Затѣмъ обыкновенно элементы, составляющіе галлюцинацію, становятся яснѣе и сложнѣе: „шепотъ перешелъ въ связную рѣчь. Кто-то говорилъ по-русски, торопливо, жалобно, невнятно. Ни одного отдѣльнаго слова нельзя было уловить... Но это былъ голосъ Клары“. Галлюцинація еще все-таки не достигла полноты и ясности живого воспріятія; Аратовъ ясно сознаетъ, что все это ему кажется, онъ не можетъ разобрать словъ.

Обманъ чувствъ становится все живѣе и полнѣе. „Чьи-то пальцы пробѣжали легкими арпеджіями по клавишамъ піанино.. Потомъ голосъ опять заговорилъ. Послышались болѣе протяжные звуки... какъ бы стоны... все одни и тѣ же. А тамъ начали выдѣляться слова... Розы... розы... розы. Розы, повторилъ шопотомъ Аратовъ. Ахъ, да это тѣ же розы, которыя я видѣлъ на головѣ той женщины, во снѣ“. Хотя галлюцинація достигла значительной ясности, Аратовъ вполне вѣрно оцѣнилъ ее. „Галлюцинація слуха,— подумалъ онъ“.

Нужно отмѣтить весьма тонкую наблюдательность Тургенева: Аратовъ въ тяжкомъ сновидѣніи передъ отъѣздомъ

въ Казань видѣлъ женщину съ розами на головѣ; первыя слова, которыя онъ услышалъ, галлюцинируя, были „розы“.

Такъ какъ и въ слѣдующую, послѣ описываемой, ночь Аратовъ видѣлъ также сонъ, имѣвшій отношеніе къ занимавшимъ его мыслямъ, то нельзя думать, что Тургеневъ только случайно, не придавая значенія, описалъ сны Аратова. Тургеневъ настолько понималъ значеніе этихъ сновъ, что нашелъ нужнымъ ихъ описать. Въ сновидѣніяхъ въ началѣ болѣзни у нѣкоторыхъ больныхъ появляются впервые элементы будущихъ идей бреда, навязчивыхъ идей и галлюцинацій, и вотъ Аратовъ, заболѣвъ галлюцинаціями, слышитъ „розы“; розы онъ видѣлъ во снѣ на головѣ женщины еще до отъѣзда въ Казань.

Намъ понятно такое совпаденіе; чуждые сознанию представленія и образы впервые появляются въ спящемъ, слѣдовательно не апперципирующемъ мозгу; только потомъ, когда развивающаяся болѣзнь ослабила организмъ, эти образы и представленія возникаютъ и въ бодрственномъ состояніи, какъ навязчивыя идеи, обманы чувствъ, идеи бреда. Фактъ этотъ уже извѣстенъ въ наукѣ и описанъ *).

Хотя Аратовъ даже радовался галлюцинаціи: „это было бы доказательствомъ, что есть другой міръ, что душа бессмертна“, но неопредѣленность, незаконченность первой галлюцинаціи вызвала у него чувство досады.— „Вѣдь это, наконецъ, глупо, пробормоталъ онъ“ и рѣшился заснуть. „Но въ немъ возникло новое ощущеніе. Ему показалось, что кто-то стоитъ посреди комнаты, недалеко отъ него, и чуть замѣтно дышетъ... „онъ сталъ отыскивать спичку на ночномъ столикѣ... и вдругъ ему почудилось, что какой то мягкій, безшумный вихрь пронесся черезъ всю комнату, черезъ него, и слово: „Я“—явственно раздалось въ его ушахъ,—„Я.. Я“. Когда онъ зажегъ свѣчку, галлюцинація исчезла, и онъ „остался неподвиженъ, опершись головою на руку. Онъ ждалъ“.

*) Tissot: «Les rêves», 1892.

Вторая галлюцинація не отличалась отъ первой по формѣ, но по содержанію она была опредѣленнѣе; „розы“ не имѣли особаго значенія для Аратова, но „Я“ значило много,—доказывало присутствіе Клары, слѣдовательно, болѣзнь прогрессиовала.

Къ слуховой галлюцинаціи присоединилась великолѣпно описанная зрительная иллюзія. „Раза два глаза слипались... Понемногу они устремились на дверь и остановились на ней. Свѣча нагорѣла и въ комнатѣ стало опять темно... но дверь бѣлѣла длиннымъ пятномъ среди полумрака. И вотъ это пятно шевельнулось, уменьшалось, исчезло... и на его мѣстѣ, на порогѣ двери, показалась женская фигура. Аратовъ всматривается... Клара. И на этотъ разъ она прямо смотритъ на него, подвигается къ нему... На головѣ у ней вѣнокъ изъ красныхъ розъ. Онъ весь всколыхнулся, приподнялся. Передъ нимъ стоитъ его тетка, въ ночномъ чепцѣ съ большимъ краснымъ бантомъ и въ бѣлой кофтѣ“.

Чтобы вполнѣ оцѣнить все достоинство этого описанія иллюзій, я приведу описаніе этого обмана чувствъ Крафтъ-Эбинга.

Къ важнѣйшимъ элементарнымъ аномаліямъ въ помѣшательствѣ принадлежатъ *обманы чувствъ*, чувственный бредъ, т.-е. обманы или ошибки, происходящія въ сферѣ внѣшнихъ чувствъ и по поводу чувственныхъ впечатлѣній (Гагенъ). Со времени Эскироля который первый занялся болѣе точнымъ изученіемъ этихъ явленій, мы привыкли различать здѣсь двоякаго рода процессы: 1) процессъ галлюцинаціи, 2) процессъ иллюзіи. Различіе обоихъ основывается на томъ, что при галлюцинаціи, „мнимоощущеніи“, источникомъ субъективнаго чувственного воспріятія не служитъ никакое чувственное раздраженіе или никакой процессъ возбужденія въ периферическомъ чувственномъ аппаратѣ, между тѣмъ при иллюзіи, „ложноощущеніи“, процессъ чувственного возбужденія, происшедшій обычнымъ образомъ, претерпѣваетъ, на своемъ пути къ органу воспріятія, такое измѣненіе, что

является сознанию въ несоотвѣтственномъ дѣйствительности, искаженномъ или ложномъ видѣ“ *).

Тетка пришла въ спальню Аратова, потому что услышала его крикъ: „Спасите, помогите“! Самъ Аратовъ не помнилъ того, что онъ кричалъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ испугался видѣнія, что вначалѣ это была неясная зрительная галлюцинація, затѣмъ галлюцинація слилась съ дѣйствительнымъ воспріятіемъ тетки и, дополненная этимъ воспріятіемъ, превратилась въ ясную, опредѣленную зрительную иллюзію. И такое объясненіе мнѣ кажется наиболѣе правдоподобнымъ, но я не отрицаю возможности и другого объясненія этой сцены: можетъ быть, очнувшись послѣ испуга, вызваннаго зрительной галлюцинаціей, онъ увидѣлъ свою тетку и не могъ ясно разобратъся, какъ образъ Клары превратился въ тетку. Первое объясненіе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ; потому что *красный* бантъ тетки далъ матеріалъ для ложнаго воспріятія красныхъ розъ на головѣ Клары.

Я потому и цѣню эти строки повѣсти, что Тургеневъ такъ описалъ иллюзію, что ее можно принять за галлюцинацію,—очень часто, по рассказамъ самыхъ интеллигентныхъ больныхъ, мы не можемъ разобратъся, что у нихъ была—галлюцинація или иллюзія. Больные такъ бываютъ взволнованы обманами чувствъ, что неясно припоминаютъ пережитое; часто дѣйствительныя воспріятія сочетаны съ галлюцинаціями, послѣднія такъ сочетаны съ первыми, что нельзя рѣшить—иллюзіи или галлюцинаціи были у больного. Весьма естественно, что Аратовъ такъ испугался обмановъ чувствъ, что потерялъ сознание, кричалъ о помощи; понятно, что въ такомъ состояніи онъ не могъ помнитъ, что съ нимъ было, не могъ возстановитъ въ своей памяти послѣдовательности, съ какой смѣнялись явленія.

„Аратовъ еще разъ пристально взглянулъ въ тетку—и громко разсмѣялся... Фигура доброй старушки въ чепцѣ и кофтѣ, съ испуганнымъ вытянутымъ лицомъ, была дѣйстви-

*) Крафтъ-Эбингъ: «Учебникъ психіатріи», 1897 г., стр. 136.

тельно очень забавна. Все то таинственное, что его окружало, что давило его—всѣ эти чары разлетѣлись разомъ“.

Послѣ этого Аратовъ хорошо выспался и днемъ пошелъ къ Купферу, знавшему Миличъ, съ цѣлью разспросить его о Кларѣ; прійдя домой, „онъ опять скоро успокоился — до нѣкоторой степени“. Вечеромъ онъ пробовалъ заняться, но не могъ. Однимъ словомъ, днемъ его состояніе было гораздо лучше, какъ это и должно быть. Чувствуя отяжелѣніе тѣла, онъ раньше обыкновеннаго легъ спать, въ полной увѣренности, что скоро заснетъ.

Тургеневъ вполне вѣрно отмѣтилъ, что въ первомъ періодѣ больные чувствуютъ себя дурно; бессонница, потеря аппетита, общее недомоганіе — все это обычныя явленія въ началѣ болѣзни.

Еще до полуночи онъ имѣлъ тяжелое сновидѣніе: лошади на него скалятъ зубы, яблоки, когда онъ на нихъ смотрѣлъ, морщатся и падаютъ, Клара въ театральномъ костюмѣ подноситъ къ губамъ стклянку, въ которой смерть, „чей-то грубый голосъ кричитъ Аратову на ухо: „А! ты думалъ, что все комедіей кончится? Нѣтъ, это трагедія, трагедія!“; онъ самъ думаетъ: „быть худу“. „Весь трепеща, проснулся Аратовъ“.

Тяжелый сонъ былъ первымъ подготовительнымъ явленіемъ въ эту ночь; Аратовъ уже не могъ спокойно спать, его сны сдѣлались тревожными, тяжелыми.

Когда Аратовъ проснулся, онъ уже былъ настолько разстроены, что не могъ сообразить, почему въ комнатѣ не темно; лишь вставши и осмотрѣвши комнату, онъ замѣтилъ, что въ комнатѣ ночникъ, заслоненный листомъ бумаги.

Въ такомъ взволнованномъ состояніи „онъ чувствуетъ одно: Клара здѣсь, въ этой комнатѣ... онъ ощущаетъ ея присутствіе“. „Изъ губъ его исторгается крикъ: Клара, ты здѣсь? Да,—раздается явственно среди неподвижно освѣщенной комнаты. Аратовъ беззвучно повторяетъ свой вопросъ... Да, слышится снова.—Такъ я хочу тебя видѣть!—вскрикиваетъ онъ и вскакиваетъ съ постели“.

Въ эту ночь слуховыя галлюцинаціи достигли еще большей опредѣленности; онъ не только явственно слышалъ „да“, но онъ слышалъ отвѣты на свои вопросы, слѣдовательно галлюцинаціи становятся убѣдительными.

Едва ли нужно объяснять, почему галлюцинація въ формѣ ясно слышныхъ категорическихъ отвѣтовъ убѣдительнѣе, чѣмъ случайно, безъ связи съ нашими мыслями, услышанныя слова.

„Онъ поспѣшно одѣлся. Оставаться въ постели, спать— было немислимо“. Изъ этого видно, что сновидѣнія, навязчивыя идеи, обманы чувствъ уже вполне подготовили Аратова: онъ ожидалъ появленія Клары, былъ увѣренъ, что, наконецъ, ее увидить. „И вотъ онъ заговорилъ не громкимъ голосомъ, но съ торжественной медленностью, какъ произносятся заклинанія: Клара... если ты точно здѣсь, если ты меня видишь, если ты меня слышишь — явись... если ты не хочешь, чтобы я сошелъ съ ума—явись, Клара“.

Также какъ и слуховыя галлюцинаціи, зрительныя вначалѣ неопредѣленны, туманны; весьма рѣдко больной въ первый разъ сразу видитъ вполне ясный отчетливый образъ; видѣніе блѣдно; нѣтъ красокъ, тѣлесности. Поэтому описаніе зрительной галлюцинаціи Аратова заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія; такое мастерское описаніе галлюцинаціи даетъ совершенно вѣрное понятіе объ этомъ патологическомъ явленіи.

„Аратовъ не успѣлъ еще произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то быстро подошелъ къ нему сзади, какъ тогда на бульварѣ—и положилъ ему руку на плечо. Онъ обернулся и никого не увидѣлъ. Но то ощущеніе ея присутствія стало такимъ явственнымъ, такимъ несомнѣннымъ, что онъ торопливо оглянулся“.

Итакъ, сначала была слуховая галлюцинація, потомъ неясная осязательная: „кто-то положилъ ему руку на плечо“; это еще болѣе подготовило его къ послѣдующей зрительной галлюцинаціи.

„Что это?! На его креслѣ, въ двухъ шагахъ отъ него, си-

дять женщина, вся въ черномъ. Голова отклонена въ сторону, какъ въ стереоскопѣ. Это она. Это Клара! Но какое строгое, какое унылое лицо“.

Нужно прибавить, что Аратовъ послѣ неудачныхъ попытокъ увеличить фотографію Клары, вставилъ эту фотографію, полученную отъ сестры Клары, въ стереоскопъ. Весьма естественно, что первая зрительная галлюцинація именно походила на тотъ образъ, который запечатлѣлся въ его памяти при разсматриваніи карточки въ стереоскопъ. Галлюцинація отличалась туманностью, безжизненностью, отсутствіемъ движенія, красокъ, и даже Аратовъ, при всемъ его волненіи, понималъ, что это не Клара. „Клара—заговорилъ онъ слабымъ, но ровнымъ голосомъ:—отчего ты не смотришь на меня?... Я знаю, что это ты... но вѣдь я могу подумать, что мое воображеніе создало образъ, подобный *тому* (онъ указалъ рукой въ направленіи стереоскопа)“.

Но вотъ „образъ подобный *тому*“ оживаетъ; пораженный болѣзною мозгъ Аратова понемногу создаетъ изъ него живую Клару.

„Обернись ко мнѣ ,посмотри на меня, Клара!—Рука Клары медленно приподнялась... и упала снова...“

Но, конечно, этого еще очень мало; все-таки это „образъ подобный *тому*“, хотя рука и поднимается. Аратовъ въ сильномъ волненіи просить: „Клара, Клара! обернись ко мнѣ!—И голова Клары тихо повернулась, опущенныя вѣки раскрылись, и темные зрачки ея глазъ вперились въ Аратова“. Онъ подался немного назадъ—„и произнесъ одно протяжное, трепетное: А“. Только тогда „образъ подобный *тому*“ оживился, и Аратовъ увидѣлъ настоящую Клару, то-есть видѣніе по живости и ясности не уступало дѣйствительному реальному воспріятію.

Слѣдующія строки, по моему мнѣнію, однѣ изъ лучшихъ во всей литературѣ.

„Клара пристально смотрѣла на него... но ея глаза, ея черты сохраняли прежнее задумчиво-строгое, почти недовольное выраженіе. Съ этимъ именно выраженіемъ на лицѣ

явилась она на эстраду въ день литературнаго утра—прежде, чѣмъ увидала Аратова. И такъ же, какъ въ тотъ разъ, она вдругъ покраснѣла, лицо оживилось, вспыхнулъ взоръ, и радостная, торжествующая улыбка раскрыла ея губы. Я прощень! воскликнулъ Аратовъ. Ты побѣдила... Возьми же меня! Вѣдь я твой и ты моя... Онъ ринулся къ ней, онъ хотѣлъ поцѣловать эти улыбающіяся, эти торжествующія губы—и онъ поцѣловалъ ихъ, онъ почувствовалъ ихъ горячее прикосновеніе, онъ почувствовалъ даже влажный холодокъ ея зубовъ, и восторженный крикъ огласилъ полутемную комнату. Вбѣжавшая Платонида Ивановна нашла его въ обморокъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ; голова его лежала на креслѣ; протянутыя впередъ руки безсильно свисли; блѣдное лицо дышало упоеніемъ безмѣрнаго счастья“.

Итакъ, Аратовъ увидѣлъ, наконецъ, не только образъ Клары, но самую Клару; однако видѣніе было лишь ожившимъ представленіемъ, уже имѣвшимся въ его памяти; онъ видѣлъ теперь Клару именно такой, какой видѣлъ ее на эстрадѣ. Это было ожившее, получившее чувственный, тѣлесный характеръ, уже имѣвшееся у него представленіе Клары; ничего новаго, не имѣвагося уже въ сознаниі, его большая фантазія создать не могла. Явившееся, наконецъ, живое видѣніе было лишь воспроизведеніемъ, повтореніемъ видѣннаго.

Видѣніе вызвало любовный, или правильнѣе сказать,—сладоэрастный, аффектъ, и подъ вліяніемъ этого аффекта, у Аратова, уже истощеннаго продолжительнымъ, сильнымъ волненіемъ, сознание сначала потемнѣло настолько, что онъ цѣловалъ кресло, а затѣмъ померкло совершенно.

Какъ правдиво Тургеневъ изобразилъ всю эту сцену, можно судить по тому, что онъ не позабылъ объяснить, какъ Аратовъ могъ ощущать „холодокъ ея зубовъ“. Вполнѣ понятно, что у Аратова отъ сильнаго волненія температура была повышена, и потому онъ могъ почувствовать „горячее прикосновеніе“ губъ Клары, но „холодокъ ея зубовъ“ былъ бы непонятенъ, если бы Тургеневъ не сказалъ, что голова

его лежала на креслѣ; холодное дерево, или холодная кожаная или сафьяновая обивка кресла могли вызвать ощущение „холода“. Это была иллюзія, присоединившаяся къ галлюцинаціи.

Тетка и прислуга скоро вывели Аратова изъ обморочнаго состоянія; онъ очнулся уже душевно-больнымъ, „на разспросы тетки онъ только улыбался—да съ такимъ блаженнымъ видомъ“; тетка догадалась, что онъ боленъ, и „еще пуще перетревожилась и то его крестила, то себя“. Аратовъ такъ былъ утомленъ пережитымъ душевнымъ волненіемъ, что „такую почувствовалъ въ ногахъ, да и во всемъ тѣлѣ слабость, что безъ помощи тетки да служанки не былъ въ состояніи раздѣться“ и скоро заснулъ.

На другой день состояніе Аратова не улучшилось; онъ былъ настолько слабъ, что оставался въ постелѣ, блѣденъ, не имѣлъ аппетита. „Аратовъ имѣлъ видъ человѣка, который узналъ великую, для него очень пріятную тайну и ревниво держитъ и хранитъ ее про себя“. Именно такой видъ имѣютъ больные, скрывающіе свои идеи бреда; по одному такому виду опытный психіатръ узнаетъ, что у больного есть идеи бреда.

У Аратова подъ вліяніемъ обмановъ чувствъ появилась *идея бреда*: „изумляться, недоумѣвать онъ пересталъ; онъ не сомнѣвался въ томъ, что уже вступилъ въ сообщеніе съ Кларой, что они любятъ другъ друга... и въ этомъ онъ не сомнѣвался. Только что можетъ выйти изъ такой любви? Вспоминалъ онъ тотъ поцѣлуй, и чудный холодъ быстро и сладко пробѣгалъ по всѣмъ его членамъ. Такимъ поцѣлуемъ, думалось ему, и Ромео и Джульета не мѣнялись! Но въ другой день я лучше выдержу... Я буду обладать ею. Она придетъ въ вѣнкъ изъ маленькихъ розъ на черныхъ кудряхъ“... „Вѣдь мы оба не тронутые! О, этотъ поцѣлуй“.

Аратовъ этотъ день всецѣло жилъ своими идеями бреда, онъ не боялся смерти, такъ какъ *тамъ* онъ можетъ быть счастливъ съ ней. Какъ почти всѣ душевно-больные, имѣющіе обманы чувства и идеи бреда, онъ считалъ себя вполнѣ

здоровымъ, онъ увѣрялъ тетю: „я теперь самый здоровый и счастливый человекъ въ цѣломъ свѣтѣ“.

Умная старушка ясно видѣла, что Аратовъ боленъ, и отправилась за докторомъ, „въ котораго она вѣрила только потому, что человекъ онъ не пьющій и женился на нѣмкѣ“. Очень, очень многимъ все нѣмецкое внушаетъ великое уваженіе, и потому даже жена-нѣмка уже является хорошимъ ручательствомъ дѣловитости; но Платоша напрасно довѣряла этому врачу,—онъ не понялъ состоянія Аратова, не опредѣлилъ того осложненія душевной болѣзни, которое уже черезъ нѣсколько дней свело его въ могилу. Въ слѣдующую ночь „страшный, пронзительный крикъ разбудилъ старушку. Она нашла Аратова на полу безъ чувствъ. Но онъ не пришелъ въ себя по-вчерашнему, какъ ни бились надъ нимъ.

„Когда его подняли и уложили, въ его стиснутой правой рукѣ оказалась небольшая прядь черныхъ женскихъ волосъ“. Эти волосы Клары могли быть въ дневникѣ, полученномъ Аратовымъ отъ сестры Клары; но когда Аратовъ взялъ ихъ—въ прошлую ночь или еще раньше, или въ эту—неизвѣстно.

Отъ какого осложненія начавшейся душевной болѣзни скончался Аратовъ, не выяснено, да это и не имѣетъ значенія; „въ предсмертномъ бредѣ онъ называлъ себя Ромео послѣ отравы, говорилъ о заключенномъ, о совершенномъ бракѣ,—о томъ, что онъ знаетъ, что такое наслажденіе“. „На лицѣ умирающаго засіяла та блаженная улыбка, отъ которой такъ жутко становилось бѣдной старухѣ“.

Аратовъ умеръ безъ страданія, даже „съ блаженной улыбкой“; меня долго удивляло, какъ спокойно, безъ страданія, безъ страха смерти, безъ сожалѣнія, умираютъ многіе душевно-больные; конечно, душевная болѣзнь величайшее несчастье, но, можетъ быть, смерть безъ страданія является нѣкоторымъ вознагражденіемъ этимъ несчастнымъ за перенесенныя страданія. Кто видѣлъ много умирающихъ душевно-больныхъ, тому приходила въ голову мысль, что душевная болѣзнь не такъ ужъ страшна: смерть зато легка.

III.

„Разсказъ отца Алексѣя“—это вполнѣ точная и прекрасно разсказанная исторія болѣзни одного больного, страдавшаго первичнымъ сумашествіемъ. Автору разсказываетъ старикъ-священникъ о болѣзни своего сына; къ сожалѣнію, намъ, психіатрамъ, никогда родные больныхъ не сообщаютъ такъ точно о теченіи болѣзни ихъ родственниковъ, какъ разсказаль Тургеневу простой деревенскій священникъ. Всегда родные вмѣсто сообщенія о дѣйствительно бывшихъ проявленіяхъ болѣзни, разсказываютъ свои предположенія, свои мнѣнія по поводу болѣзни, передаютъ не то, что дѣйствительно было, а то, что, по ихъ мнѣнію, должно было быть. Наши самые настоятельные разспросы даже интеллигентныхъ родственниковъ даютъ очень мало матеріала для сужденія о причинахъ болѣзни, ея первыхъ проявленіяхъ и т. п. Напримѣръ, родственники весьма убѣжденно разсказываютъ, что больной заболѣлъ оттого, что онъ дѣлалъ неудачныя торговыя операціи, между тѣмъ какъ этотъ больной дѣлалъ неудачныя торговыя операціи потому, что былъ боленъ.

Какъ всѣ любятъ собственными, ни на чемъ не основанными сужденіями замѣнять наблюденіе дѣйствительности, можно судить потому, что даже Мопассанъ—очень хорошій наблюдатель—писалъ: „Всѣ, кто погибъ отъ размягченія мозга, развѣ не оттого они погибли, что усиленно старались повалить матеріальныя стѣнки, въ которыя втиснуть человѣческой разумъ?“ Авторъ статьи о Мопассанѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона, вѣроятно, потому приводитъ это сужденіе*) Мопассана, что считаетъ его вѣрнымъ, и прибавляетъ: „Ни свѣтскіе успѣхи, ни сотрудничество въ разборчивой и исключительной „Revue des deux Mondes“, открывающей двери въ Академію, ни успѣхъ на сценѣ Gymnase комедіи „Musotte“, ни полученіе академи-

*) Томъ XIX, стр. 828.

ческой премии за комедию „La Paix du ménage“—ничто не могло возстановить нарушенное спокойствіе Мопассана“. Какъ Мопассанъ, такъ и почтенный авторъ статьи о немъ, высказываютъ совершенно невѣрныя сужденія; слѣдовало бы удивляться—если бы это не было такъ обычно—зачѣмъ это образованные люди говорятъ, да еще такъ увѣренно, о томъ, чего они совсѣмъ не знаютъ. Менѣе удивительно то, что они высказали совершенно невѣрныя сужденія: первый—о причинѣ прогрессивнаго паралича, второй—о вліяніи литературныхъ успѣховъ на теченіе этой болѣзни.

Эти замѣчанія я нашелъ нужнымъ сдѣлать для того, чтобы отгнать необычайную неблюдательность Тургенева. Если такіе образованные люди, какъ Мопассанъ и авторъ статьи о немъ, разсуждаютъ совершенно невѣрно о душевныхъ болѣзняхъ, можно себѣ представить, что разсказывалъ Тургеневу старый, деревенскій, малообразованный, хотя и умный священникъ. Если Мопассанъ писалъ, что причина прогрессивнаго паралича, т. е. размягченія мозга,—стремленіе „повалить матеріальныя стѣнки“, между тѣмъ какъ причина этой болѣзни—сифились, если ученый думаетъ, что литературные успѣхи могутъ вліять на теченіе прогрессивнаго паралича (авторъ статьи о Мопассанѣ говоритъ, что послѣдній именно отъ этой болѣзни умеръ), между тѣмъ какъ эти успѣхи, какъ и вообще психическія воздѣйствія, на теченіе прогрессивнаго паралича, никакого вліянія имѣть не могутъ, то что могъ сообщить о болѣзни сына малообразованный старецъ? Написать исторію болѣзни—точный снимокъ дѣйствительности—очень нелегко и потому, сколько мнѣ извѣстно, „Разсказъ отца Алексѣя“—единственное произведеніе во всей лиратурѣ; это только исторія болѣзни и ничего больше.

Я не думаю, чтобы матеріаломъ для этого произведенія былъ разсказъ отца о болѣзни сына, такъ какъ не допускаю, чтобы обыкновенный наблюдатель могъ такъ много и такъ объективно разсказать о душевно-больномъ. Всего вѣроятнѣе, что Тургеневъ самъ видѣлъ, и притомъ нѣсколько разъ,

описаннаго въ этомъ разсказѣ душевно-больного, зналъ его родныхъ и всю его жизнь; менѣе вѣроятно, что Тургеневъ не наблюдалъ самъ больного, но ему посчастливилось встрѣтить *очень* наблюдательнаго отца душевно-больного. Ясно и хорошо поставленными вопросами Тургеневъ заставилъ разсказчика сообщить всѣ проявленія болѣзни и затѣмъ опустилъ всѣ ненужныя разсужденія разсказчика. Но едва ли даже и Тургеневъ могъ, не наблюдая самъ больного, не зная психіатріи, такъ отбросить все не идущее къ дѣлу и не упустить всего важнаго, какъ это сдѣлано въ этомъ разсказѣ. Не наблюдая больного, нельзя вѣрно его описать, и потому я думаю, что Тургеневъ видѣлъ--и не одинъ разъ--больного, описаннаго въ этомъ разсказѣ. Однако, намъ неизвѣстно, чтобы между родственниками или близкими Тургенева кто-либо страдалъ душевной болѣзью, чтобы Тургеневъ когда-либо въ своей жизни долго находился въ обществѣ душевно-больного. Поэтому нельзя утверждать, что онъ долго наблюдалъ, основательно изучалъ душевно-больного. Мы должны предполагать, что Тургеневъ только мелькомъ, случайно видѣлъ первично-сумасшедшаго, и удивляться его наблюдательности, благодаря которой онъ могъ такъ вѣрно описать эту болѣзнь.

Отецъ и мать Якова, — такъ звали больного, — были люди здоровые; одинъ его братъ былъ человѣкъ выдающійся, „вышелъ въ архіереи“, но умеръ еще при жизни отца; у родителей Якова было „восемь человѣкъ дѣтей, но почти всѣ умерли въ молодыхъ лѣтахъ“.

Причина болѣзни Якова, какъ и многихъ душевно-больныхъ, остается неизвѣстной. Нужно замѣтить, что причины душевныхъ болѣзней вообще еще такъ мало извѣстны, что даже такая важная причина, какъ наслѣдственность, понимается весьма различно: одни находятъ эту причину у большинства больныхъ, другіе—у очень немногихъ. Я хорошо помню то недоумѣніе, какое мнѣ приходилось переживать, пока я довѣрялъ учебникамъ: я очень рѣдко находилъ у моихъ больныхъ причины, указанные въ учебникахъ. Я долго

понапрасну ждалъ найти больныхъ, заболѣвшихъ отъ горя, отъ переутомленія и вообще „нравственныхъ причинъ“. Двадцатилѣтній опытъ научилъ меня, во-первыхъ, не вѣрить учебникамъ, во-вторыхъ—тому, что намъ пока извѣстны всего три-четыре причины душевныхъ болѣзней, въ-третьихъ—тому, что причины многихъ случаевъ душевной болѣзни намъ неизвѣстны и непонятны, и, въ-четвертыхъ—тому, что эти неизвѣстныя причины рѣшительно не похожи на тѣ, которыя указаны въ учебникахъ. Въ виду спеціальнаго характера этого вопроса, я не могу на немъ останавливаться подробно, тѣмъ болѣе что я уже высказался по этому поводу *). Слѣдовательно, мы не имѣемъ права упрекать автора въ упущеніи свѣдѣній о причинѣ болѣзни; не его вина, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ причины эти недоступны нашему пониманію, что мы можемъ дѣлать только предположенія о причинахъ болѣзни. Авторъ намъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для такихъ предположеній. Шестеро изъ восьми дѣтей отца Алексѣя умерли „въ младыхъ лѣтахъ“, самъ Яковъ „здоровьемъ былъ слабенекъ“. Значитъ дѣти въ этой семьѣ или родились болѣзненными, или заболѣвали въ раннемъ дѣтствѣ; Яковъ или родился больнымъ, или въ раннемъ дѣтствѣ перенесъ какую-нибудь тяжелую болѣзнь, навсегда ослабившую его организмъ, напримѣръ англійскую болѣзнь. Причиной душевной болѣзни у Якова было какое-то намъ неизвѣстное уклоненіе отъ нормы всего организма, слабость организма; его мозгъ былъ съ ранняго дѣтства, также какъ и весь онъ, „здоровьемъ слабенекъ“. Конечно, слабые, болѣзненные люди могутъ пользоваться прекрасныхъ душевнымъ здоровьемъ, потому что мозгъ можетъ развиваться правильно у слабыхъ, болѣзненныхъ лицъ, но у многихъ такихъ субъектовъ мозгъ, какъ и всѣ органы, ненормаленъ. Конечно, все это весьма неопредѣленно, очень мало объясняетъ дѣло, но ненужно забывать, что научная психіатрія возникла только въ нашемъ столѣтіи.

*) Кататонія.—„Нейрологический Вѣстникъ“. 1897—1898 гг.

Уже въ отрочествѣ Яковъ не походилъ на здоровыхъ нормальныхъ подростковъ; какъ и многіе болѣзненные отроки, онъ „отличался прилежаніемъ и скромностью; бывало день пройдетъ и не услышишь его, все съ книжкой сидитъ, да читаетъ. Никогда онъ намъ съ попадѣей не причинялъ не-приятности самомайлѣйшей; смиренникъ былъ. Только иногда задумывался не по лѣтамъ“. Уже тогда слѣдовало опасаться самаго печальнаго будущаго; очевидно, у бѣднаго мальчика мозгъ развивался неправильно — очень быстро. Если бъ я видѣлъ этого мальчика, я бы настойчиво посоветовалъ прекратить умственные занятія и укрѣплять его организмъ полевыми работами, гимнастикой, усиленнымъ питаніемъ и т. п.

Раннее развитіе душевныхъ способностей у слабыхъ, болѣзненныхъ дѣтей, какъ это, впрочемъ, давно извѣстно опытнымъ педагогамъ, часто предсказываетъ печальный исходъ. Родители такихъ дѣтей, также какъ и отецъ Алексѣй, радуются ихъ блестящимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію и заставляютъ ихъ учиться какъ можно больше, ожидая блестящаго будущаго; понятно, усиленные занятія окончательно подрываютъ слабое здоровье этихъ несчастныхъ. Когда обнаруживается душевная болѣзнь, родители и знакомые утверждаютъ, что юноша заболѣлъ именно отъ усиленныхъ занятій, не могутъ понять, что юноша оттого и занимался такъ усиленно, что, вслѣдствіе своей болѣзненности, ненормальности, не желалъ играть и лѣниться, какъ его нормальные товарищи. Я никогда не забуду матери одного душевно-больного, съ дѣтства страдавшаго англійской болѣзью, оставившей тяжелые слѣды; эта дама сохранила всѣ учебныя тетради своего сына и привезла мнѣ ихъ показать, какъ доказательство геніальности своего мальчика: онъ въ семь лѣтъ зналъ дроби и т. п. Тетради эти занимали нѣсколько сундуковъ и заботливо сохранялись матерью, ожидавшей блестящаго будущаго для своего сына.

Эта дама старалась меня убѣдить, что сынъ ея всегда

былъ вполне здоровъ, „головой здоровѣе всѣхъ сверстниковъ“, и убѣжденно обвиняла гимназію и ея начальство въ болѣзни сына—не поняли ея геніальнаго, нѣжнаго душой сына, съ нимъ дурно обращались и т. п.

У десятилѣтняго Якова былъ какой-то припадокъ душевной болѣзни; насколько можно судить, по словамъ мальчика, у него были галлюцинаціи. Онъ рассказывалъ, что въ лѣсу видѣлъ зеленаго старичка, который далъ ему „вкусные орѣшки“; онъ даже принесъ „ядрышко“ орѣшка; оно „на наши обыкновенные орѣхи не похоже“. Понятно, что невозможно съ точностью опредѣлить этотъ припадокъ болѣзни: рассказъ десятилѣтняго мальчика—очень недостаточный матеріалъ. Отецъ Алексѣй вполне основательно придаетъ значеніе эту происшествію: оно доказываетъ, что Яковъ съ дѣтства былъ болѣзненный ребенокъ.

Въ семинаріи Яковъ „первымъ былъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ“ и веселилъ своими успѣхами родителей. „На побывку домой придетъ—любо на него глядѣть: такой благообразный, озорства въ немъ никакого; всѣмъ-то онъ нравится; всѣ насъ поздравляютъ. Только все тѣломъ худенецъ, и въ лицѣ настоящей краски нѣтъ“. Къ сожалѣнію, Яковъ былъ болѣзненнымъ юношей, что доказывается плохимъ питаніемъ его организма и его поведеніемъ; нормальные юноши имѣютъ пороки и увлеченія, свойственные этому возрасту.

Вырождающіеся, какъ мы видѣли, обыкновенно не заканчиваютъ своего образованія, но предрасположенные къ заболѣванію душевными болѣзнями нерѣдко учатся хорошо; многіе первично-сумасшедшіе учились очень хорошо.

На девятнадцатомъ году онъ окончилъ курсъ семинаріи и письменно просилъ у родителей позволенія поступить на медицинскій факультетъ. Отецъ Алексѣй могъ гордиться такимъ сыномъ; насколько можно судить по письму Якова, онъ былъ серьезный, съ чуткой душой юноша. „Не лежитъ сердце мое къ духовному званію, ужасаюсь я отвѣтственности, боюсь грѣха,—сомнѣнія во мнѣ возродились! Безъ

вашего родительскаго разрѣшенія и благословенія ни на что не отважусь, но скажу вамъ одно: боюсь я самого себя, ибо размышлять началъ“. Отецъ Алексѣй, какъ умный человѣкъ, разрѣшилъ сыну поступить въ университетъ; ему очень хотѣлось, чтобы Яковъ былъ ему преемникомъ, но „что ужъ за пастыръ, коли сомнѣнiе въ себѣ допустилъ“. Когда Яковъ прѣѣхалъ на каникулы домой, отецъ сталъ его спрашивать о сомнѣнiяхъ, „но и разговоръ большихъ отъ него не услышалъ: одна мысль затесалась въ голову— и полно! Ближнимъ, говорить, хочу помогать“.

Итакъ, до поступленiя въ университетъ Яковъ былъ психически здоровъ, хотя и отличался отъ своихъ сверстниковъ; онъ не пожелалъ итти проторенной дорогой и, не имѣя средствъ поступить въ университетъ, въ Москвѣ онъ нашель уроки и даже послалъ деньги отцу.

Когда Яковъ прѣѣхалъ на первыя вакаціи, отецъ замѣтилъ въ немъ большую переменъ: „скучный такой сталъ, угрюмый,—слова отъ него не добьешься. И въ лицѣ переменилъ: почитай на десять лѣтъ постарѣлъ“... „Не робѣеть онъ, а дичится словно волкъ и глядитъ все исподлобья“... „либо молчитъ, либо огрызается“. Бѣдный отецъ „сталъ думать“, „не запилъ ли онъ“, „либо къ картамъ пристрастья не получилъ“, „насчетъ женской слабости не приключилось ли чего?“ Мы всѣ судимъ по себѣ, и потому родственники и вообще окружающіе несчастнаго, у котораго развивается душевная болѣзнь, замѣчаемую въ немъ переменъ стараются объяснить тѣми причинами, подъ вліяніемъ которыхъ они сами могутъ перемениться подобнымъ образомъ. Вино, карты, женщины—вотъ что мѣняетъ людей, вотъ отчего солидные добродѣтельные люди „сходятъ съ ума“, какъ неправильно выражаются; этимъ выраженіемъ хотять сказать, что человѣкъ становится какъ бы сумасшедшимъ, самъ не свой, но не душевно-больнымъ. Нечего и говорить, что Яковъ не могъ влюбиться; „въ юныя лѣта присухи дѣйствуютъ сильно“, какъ вполне вѣрно говоритъ отецъ Алексѣй, но на здоровыхъ; у такого больного, какъ

Яковъ, не могло быть нормальныхъ любовныхъ увлеченій и шалостей.

Отецъ Алексѣй замѣтилъ и другія проявленія начинающейся душевной болѣзни: „нѣту въ немъ прежняго довѣрія ко мнѣ,—равнодушіе какое-то проявилось: точно ему все свое опостылѣло. Заведу я бесѣду о наукахъ, объ университетѣ—и тутъ настоящаго отвѣта добиться не могу. Въ перковь онъ, однако, ходилъ, но тоже не безъ странности: вездѣ онъ суровъ, да хмуръ, а тутъ въ церкви-то все словно ухмыляется.“

Скоро странности въ поведеніи Якова объяснились, и бѣдный отецъ понялъ, какое несчастье его поразило. Передъ святками Яковъ пріѣхалъ къ отцу, и на распросы удивленнаго несвоевременнымъ пріѣздомъ отца заявилъ, что онъ бросилъ „навсегда“ университетъ. Отецъ весьма разумно его спросилъ: „Да ты, Яковъ, боленъ что ли?—Нѣтъ, говоритъ, батюшка, я не боленъ, а только вы, батюшка, меня не спрашивайте, а то я отсюда уйду—и только вы меня и видали... Говоритъ мнѣ Яковъ: не боленъ, а у самого лицо такое, что я даже ужаснулся! Страшное, темное, не человѣческое стало словно! Щеки этта подтянуло; скулы выкатились, кости да кожа, голосъ какъ изъ бочки, а глаза... Господи Владыко, что это за глаза? Грозные, дикіе, все по сторонамъ мечутся, и поймать ихъ невозможно; брови сдвинуты, губы тоже какъ-то на сторону скрючены... Ужъ не рехнулся ли?—думаю я такъ-то. Скитается, какъ привидѣніе, по ночамъ не спитъ, а то вдругъ возьметъ да уставится въ уголь и словно весь окоченѣетъ“.

Теперь опытный психіатръ могъ бы понять состояніе Якова. Уже лѣтомъ онъ измѣнился физически, сталъ скрытенъ, неразговорчивъ, странно велъ себя въ церкви, зимой оставилъ университетъ, очень исхудалъ, не спалъ по ночамъ, считалъ себя здоровымъ, оставался подолгу въ одной позѣ. Очевидно, онъ былъ боленъ; его скрытность, убѣжденіе въ томъ, что онъ здоровъ, его позы—указывали, что у него, какъ у Аратова, обманы чувствъ и идеи бреда. Душевные

болѣзни вообще выраженіе не совсѣмъ правильное, такъ какъ всякая душевная болѣзнь есть болѣзнь всего организма; душевная болѣзнь всегда сопровождается измѣненіями во всемъ организмѣ, или, говоря правильнѣе, состоитъ въ заболѣваніи души и тѣла вмѣстѣ. У Якова, также какъ и у Аратова, въ началѣ болѣзни появились физическіе симптомы; у обоихъ была бессонница, у обоихъ рѣзко измѣнилось выраженіе лица; у Аратова было „блаженно-восторженное“ выраженіе лица, у Якова—„страшное, темное“. Часто родные и знакомые не замѣчаютъ этихъ измѣненій въ организмѣ душевно-больныхъ, или же объясняютъ ихъ неправильно; больной,—разсказываютъ родные,—осунулся отъ „усиленныхъ занятій“, отъ „непріятностей“ и т. п. Выраженіе лица Якова свидѣтельствовало, что у него крайне непріятные, угрожающіе обманы чувствъ или идеи бреда; онъ ихъ скрывалъ. Весьма мѣтко описываетъ отецъ Алексѣй внѣшній видъ галлюцинанта („установится въ уголъ и словно весь окоченѣетъ“); именно такой видъ имѣютъ эти больные, когда галлюцинируютъ. Когда мы, психіатры, находимъ больного въ такой позѣ, мы предполагаемъ, что онъ галлюцинируетъ, и рѣдко ошибаемся; по выраженію лица можно судить, пріятны или мучительны больному обманы чувствъ.

Такъ же какъ и Аратовъ, Яковъ скрывалъ свои галлюцинаціи; вообще многіе больные, по различнымъ соображеніямъ, скрываютъ свои идеи бреда и галлюцинаціи. Однако при настойчивости и умѣнши, у многихъ больныхъ можно узнать про ихъ обманы чувствъ; иногда наши попытки узнать идеи бреда долго остаются безъ успѣха, но, наконецъ, вдругъ больной высказываетъ свой бредъ. Такъ и отецъ Алексѣй узналъ отъ Якова объ его бредѣ. „Вотъ однажды, улуча время, сталъ я слезно молить Якова, памятью покойницы его матери заклинать его сталъ: скажи, молю, мнѣ, какъ отцу по плоти и по духу, Яша, что съ тобой?—Ну, батюшка,—говорить онъ мнѣ вдругъ (а дѣло было къ ночи),—разжалобилъ ты меня; скажу тебѣ всю

правду". Мягкій, нѣжный Яковъ не могъ устоять противъ просьбъ отца; характеръ челоуѣка проявляется и въ его болѣзни, въ его поведеніи во время болѣзни. Бѣдному Якову было очень тяжело говорить о своихъ галлюцинаціяхъ, и потому только его природная доброта побудила его не отказать отцу въ его просьбѣ.

„Вотъ ужъ четвертый мѣсяць,—началъ онъ... Но вдругъ у него рѣчь оборвалась, и тяжело дышать онъ сталъ...— Четвертый мѣсяць какъ я вижу *его*.—Кого *его*?—Да того, что къ ночи называть неудобно“.

Итакъ, уже четыре мѣсяца Яковъ скрывалъ свои галлюцинаціи; боленъ онъ былъ, значитъ, болѣе полугода, потому что обманы чувствъ появляются уже въ подготовленномъ къ тому болѣзнью мозгу. Разсказчикъ не упустилъ отмѣтить тотъ ужасъ, который вызывался галлюцинаціями; видѣть черта очень тягостно даже для лицъ, не вѣрующихъ въ адскія силы.

Многимъ можетъ показаться маловѣроятной такая галлюцинація, потому что теперь видятъ чертиковъ, а не чертей, только пьяницы, и я, напримѣръ, давно уже не наблюдалъ больного съ такой галлюцинаціей. Теперь, когда, по крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ, никто чертей не боится, дѣйствительно душевно-больные не видятъ чертей; ихъ замѣнило электричество, телефоны, нигилисты, жандармы. Но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ черти играли большую роль, и потому душевно-больные видѣли чертей; галлюцинація Якова была обычнымъ явленіемъ въ то время.

Понятно, какъ такое признаніе подѣйствовало на несчастнаго отца. „Какъ, говорю, ты *то* видишь? Да. И теперь видишь? Да. Гдѣ? А самъ и обернуться не смѣю, и говорили мы оба шепотомъ. А вонъ гдѣ. И глазами мнѣ указываетъ... Вонъ въ углу. Я-таки осмѣлился: глянулъ въ уголь—ничего тамъ нѣту! Да тамъ ничего нѣтъ, Яковъ, помилуй. Ты не видишь, а я вижу“.

Въ этой сценѣ все справедливо до мельчайшихъ подробностей: Яковъ видѣлъ черта въ углу, потому что уголь наи-

менѣ освѣщенъ; въ углу темно; отецъ пробуетъ убѣдить сына свидѣтельствомъ своихъ органовъ чувствъ; больной вполне послѣдовательно довѣряетъ и правдивости отца, и собственнымъ глазамъ: „ты не видишь, а я вижу“.

Яковъ, страдая пятый мѣсяць галлюцинаціей зрѣнія, ясно видитъ черта, а не только его изображеніе: „онъ какъ человѣкъ — только весь черный; онъ ворочаетъ бѣлками, вонъ руку поднимаетъ, зоветъ“.

Якова очень мучила его галлюцинація: „поблѣднѣлъ онъ, какъ мертвецъ, и жметъ онъ ко мнѣ со страху; а глаза словно выскочить хотятъ, и глядитъ онъ все въ уголъ“. Яковъ старался избавиться отъ ужасавшаго его видѣнія, но бесплодно: „Ни въ ладонь я твой не вѣрю, ни въ воду святую; не помогаютъ они ни въ грошъ“. Тяжело было бѣдному больному разочароваться въ томъ, во что онъ горячо вѣрилъ; безсиліе этихъ могущественнѣйшихъ средствъ привело его къ слѣдующей идеѣ бреда: „Мнѣ съ нимъ теперь ужъ не разстаться. Какъ пришелъ онъ ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, въ одинъ проклятый день, такъ съ тѣхъ поръ ужъ онъ мой гость неизмѣнный — и выжить его нельзя“. Жизнь для бѣднаго больного стала въ тягость: „Мнѣ вѣдь на себя и руку наложить не долго“.

Не только отецъ Алексѣй, но и болѣе чѣмъ онъ образованные люди, думаютъ, что больныхъ можно убѣдить въ ихъ заблужденіи; нужно только умѣючи взяться за дѣло, обладать краснорѣчіемъ, діалектикой. Сознавая свое безсиліе, несчастный старикъ обратился за помощью къ богатой, „разсудительной“ помѣщицѣ. Эта добрая дама, очевидно, тоже вѣрила въ возможность излѣченія путемъ убѣжденія и „пожелала сына моего видѣть и побесѣдовать съ нимъ“. Яковъ не хотѣлъ ѣхать къ этой дамѣ, но, какъ хороший сынъ, уступилъ; она бесѣдовала съ больнымъ часа два-три. На чуткаго ко всему хорошему, Якова она произвела хорошее впечатлѣніе.

Отецъ рѣшился его спросить: „А навожденіе, говорю, какъ? Глянулъ Яковъ на меня, какъ кнотомъ стегнулъ, и

опять ничего не промолвилъ“. Однако, въ эту ночь, къ величайшей радости отца, больной хорошо спалъ. Дальнѣйшія бесѣды „разсудительной“ молодой помѣщицы нѣсколько повліяли на его состояніе: „вижу: происходитъ въ сынѣ перемѣна—и лицо у него другое стало, и въ глаза глядѣть стало возможно: не отворачивается. Унылость въ немъ вся та же,—да отчаянности прежней, ужаса прежняго нѣтъ“. Какъ добрая помѣщица успокоила Якова, отецъ Алексѣй не сообщаетъ; да въ этомъ нѣтъ и надобности, такъ какъ улучшение продолжалось всего нѣсколько дней и смѣнилось, какъ это и бываетъ при подобномъ „лѣченіи“ первично-сумасшедшихъ, значительнымъ ухудшеніемъ. „Но не успѣлъ я ободриться немножко, какъ опять приступиться къ нему нельзя“. Ухудшеніе состояло въ томъ, что галлюцинаціи стали болѣе живыми: „прежде онъ только такъ торчалъ, а теперь смѣяться началъ, зубы скалить“. Теперь видѣніе еще болѣе ужасало Якова: „лицо, какъ мѣдъ красная, пѣна у рта, голосъ хриплый, словно кто его давить“.

Отецъ Алексѣй, какъ умный человекъ, не даромъ уважалъ „разсудительную“ помѣщицу. Это была дѣйствительно разсудительная дама; она сказала отцу Алексѣю: „Никакая тутъ людская помощь дѣйствительна быть не можетъ; молитесь, моль, батюшка!“ То же сказалъ бы бѣдному отцу и психіатръ; только молитва могла помочь несчастному отцу переносить его несчастіе.

Однако, улучшение обстановки можетъ значительно вліять на состояніе больныхъ. Наступила весна „красная“, „свѣтлая“, какую даже старые люди не запоминали; солнышко цѣлый день, безвѣтріе, теплынь; Яковъ больше, чѣмъ зимой, былъ на воздухѣ, что, конечно, должно было благотворно повліять на его здоровье. Ломброзо, а за нимъ многіе наблюдатели, у насъ д-ръ Нижегородцевъ *), подмѣтили весьма немаловажное вліяніе погоды на состояніе вырождающихся

*) О вліяніи метеорологическихъ условій на душевное разстройство. Труды V сѣзда Общества русскихъ врачей. 1894.

душевно-больныхъ. И вотъ подъ вліяніемъ этихъ условій въ теченіи болѣзни Якова послѣдовало нѣкоторое улучшение: „выходить онъ на крыльцо; постоялъ, посмотрѣлъ, вздохнулъ и прикорнулъ на ступенькѣ, со мною рядышкомъ. И показалось мнѣ, словно умиленіе на него нашло: морщины на лбу разгладились, глаза даже посвѣтлѣли“.

Отецъ Алексѣй рѣшилъ просить сына идти на поклоненіе къ Митрофанію, въ Воронежъ. Къ сожалѣнію, ни убѣжденія, ни развлеченіе, ни внушеніе не оказываютъ стойкаго благотворнаго вліянія на душевно-больныхъ. Насколько вѣрующимъ нервно-больнымъ можно совѣтовать такія паломничества, настолько нужно запрещать ихъ душевно-больнымъ. Яковъ страдалъ тяжелой душевной болѣзью и ничего, кромѣ вреда, отъ этого путешествія нельзя было ожидать. Утомленіе, сильное душевное волненіе, напряженное ожиданіе и затѣмъ разбитая надежда—все это должно очень дурно вліять на больныхъ и бѣдному Якову угрожало значительное ухудшеніе отъ этого паломничества.

Отецъ Алексѣй съ сыномъ пѣшкомъ прошли верстъ полтора: „все время намъ погода благопріятствовала, даже удивительно... И съ каждымъ днемъ Яковъ мой все въ лучшій видъ приходитъ... Надо вамъ сказать, что на вольномъ воздухѣ Яковъ прежде *того-то* не видалъ, но чувствовалъ его за собой, за самой спиной; а не то тѣнь его сбоку какъ будто скользила, что очень моего сына мучило. А въ этотъ разъ ничего такого не происходило; и на постоянныхъ дворахъ, гдѣ намъ ночевать приходилось, также ничего не являлось“.

Путешествіе пѣшкомъ вызывало физическое утомленіе, которое, такъ сказать, отвлекающимъ образомъ подавляло галлюцинаціи,—физически утомленный человѣкъ не можетъ думать такъ много и чувствовать такъ сильно, какъ въ то время, когда онъ мало двигается. Физическое утомленіе подавляетъ, ослабляетъ психическую жизнь и въ томъ числѣ обманы чувствъ и идеи бреда; въ началѣ болѣзни утомленіе можетъ облегчить возникновеніе обмановъ чувствъ, потому

что подавляетъ, ослабляетъ критическую дѣятельность ума. Несомнѣнно, что физическій трудъ весьма хорошо вліяетъ на душевно-больныхъ, страдающихъ обманами чувствъ и идеями бреда; лучшаго средства мы не имѣемъ. Путешествіе пѣшкомъ такъ же повліяло на Якова, какъ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ вліяетъ физическій трудъ на этихъ больныхъ.

Кромѣ утомленія, на Якова хорошо вліяли новыя впечатлѣнія: вѣра, ожиданіе, что онъ освободится отъ черта; нужно замѣтить, что вообще душевно-больные любятъ путешествовать и во время дороги чувствуютъ себя лучше. Этимъ объясняется то, повидимому, странное обстоятельство, что перевозка такихъ больныхъ въ заведеніе для душевно-больныхъ или изъ одного заведенія въ другое, происходитъ вполнѣ благополучно; несчастные случаи въ дорогѣ составляютъ величайшую рѣдкость.

Отецъ Алексѣй весьма обрадовался улучшенію въ состояніи сына и переутомилъ бѣднаго Якова. „Цѣлыхъ три дня почти-что не выходилъ изъ храма. Сколько молебновъ отслужили“... Конечно, нельзя обвинять несчастнаго отца за то, что онъ не зналъ, что насколько умѣренное физическое утомленіе полезно, настолько психическое, и притомъ неумѣренное, утомленіе вредно.

Послѣ дороги состояніе больного было удовлетворительно. „Спать мой Яша, какъ младенецъ“. Психіатръ можетъ оцѣнить прелесть строкъ, въ которыхъ описана радость отца по поводу улучшенія сына. „Пошли мы на слѣдующій день въ соборъ; исповѣдовался мой Яковъ и такъ передъ тѣмъ молился усердно, а тамъ и къ причастію приступилъ. Я стою такъ-то въ сторонкѣ—и земли подъ собою не чувствую. На небесахъ ангеламъ не слаше бываетъ!“

Бѣдному старику предстояло пережить самое сильное горе. „Причастился мой Яковъ, а не идетъ испытъ теплоты... Яковъ, говорю, что же ты стоишь? Какъ онъ обернулся вдругъ! Вѣрите ли: я назадъ отскочилъ, до того испугался! Бывало страшное было у него лицо, а теперь какое-

то звѣрское, ужасное стало! Блѣдень какъ смерть, волосы дыбомъ, глаза перекосились... У меня отъ испуга даже голось пропаль; хочу говорить—не могу, обмеръ я совсѣмъ. А онъ какъ бросился вонъ изъ церкви! Я за нимъ, а онъ прямо на постоялый дворъ, гдѣ ночевка наша была, котомку на плечи—да и вонъ“. Когда отецъ нагналъ Якова и расспрашивалъ о причинахъ его поступка, больной глаза въ землю уперъ и губы стиснулъ. И что я ему ни говорю, стоитъ, какъ истуканъ какой, и только и видно, что дышетъ“.

Черезъ нѣсколько дней отецъ Алексѣй „паль передъ нимъ на колѣни и заплакалъ и горькимъ взмолился моленіемъ“. Больной „заговорилъ, да такимъ голосомъ, что онъ у меня до сихъ поръ въ ушахъ отдается. Слушай, говорить, батька!... Когда, ты помнишь, я причастился и частицу еще во рту держалъ,—вдругъ онъ (въ церкви-то это, бѣлымъ-то днемъ) всталъ передъ мною, словно изъ земли выскочилъ, и шепчетъ: выплюнь, да разотри! Я такъ и сдѣлалъ: выплюнулъ и ногой растеръ. И стало быть я теперь навсегда пропащій, потому что всякое преступленіе отпускается, но только не преступленіе противъ Святаго Духа“. И сынъ, и отецъ страдали ужасно; „и сказавъ эти ужасныя слова, сынъ мой повалился на полати, а я опустился на избяной полъ. Ноги у меня подкосились“.

И такъ подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ причинъ состояніе больного ухудшилось и въ моментъ величайшаго душевнаго напряженія къ зрительной галлюцинаціи присоединилась слуховая; галлюцинаціи были такъ живы и убѣдительно, что вполне подчинили себѣ больного: онъ сдѣлалъ то, что считалъ величайшимъ преступленіемъ. Больной, вполне сознавая преступность, безнравственность даннаго дѣянія, можетъ его совершить подъ вліяніемъ идей бреда и обмановъ чувствъ; какъ бы ни противень, ужасень былъ для него данный поступокъ, онъ не можетъ противостоять обманамъ чувствъ и идеямъ бреда. Въ немъ происходитъ борьба мотивовъ, какъ и у здороваго человѣка; онъ потомъ сожалѣетъ о содѣянномъ, какъ здоровый. Яковъ,

какъ человѣкъ вѣрующій, долженъ былъ сильно сокрушаться, прійти въ отчаяніе: онъ совершилъ величайшій грѣхъ.

Когда Яковъ съ отцомъ пришелъ домой, въ теченіе его болѣзни наступило прогрессирующее ухудшеніе: „онъ нѣсколько дней не пилъ, не ѣлъ — все взадъ и впередъ по комнатѣ бѣгалъ, да твердилъ, что грѣху его не можетъ быть отпущенія, но *его* ужъ онъ больше не видѣлъ. Погубилъ онъ, дескать, мою душу; теперь зачѣмъ же ему больше ходить“. Больной умеръ или отъ какого-либо осложненія, или, что болѣе вѣроятно, отъ недостатка спеціальнаго ухода; отказъ отъ пищи, столь частый у такихъ больныхъ, могъ повести къ смерти. Отъ первичнаго сумасшествія больные не умираютъ; при хорошемъ уходѣ эти больные доживаютъ до старости.

Недостатокъ ухода былъ прежде причиной смерти гораздо большаго числа больныхъ, чѣмъ теперь, чѣмъ, конечно, отчасти и объясняется, почему прежде было меньше душевно-больныхъ. Чѣмъ лучше организовано призрѣніе душевно-больныхъ, тѣмъ меньшее ихъ число умираетъ отъ недостатка ухода.

Въ этомъ разсказѣ Тургеневъ трогательно изобразилъ страданія отца душевно-больнаго сына; горе отца Алексѣя усугублялось еще оттого, что сынъ его былъ прекрасный, даровитый юноша, подававшій большія надежды. Страданія родителей, родственниковъ и друзей душевно-больныхъ заслуживаютъ изображенія ихъ великимъ художникомъ; но разсказъ этотъ мало оцѣненъ публикой, потому что кто не пережилъ такого горя и не видѣлъ страдающихъ такимъ образомъ людей, тотъ не можетъ вполне понять всю прелесть, весь драматизмъ этого разсказа.

Я увѣренъ, что Тургеневъ, какъ великій художникъ, не имѣлъ въ виду въ этомъ разсказѣ указать на страданія, причиняемыя невѣжествомъ и суевѣріемъ. Разсказъ написанъ въ 1887 г.; авторъ говоритъ, что лѣтъ двадцать тому назадъ онъ слышалъ эту исторію болѣзни отъ весьма „старога, почти дряхлаго отца Алексѣя“; слѣдовательно, это со-

бытіе было лѣтъ 50—70 тому назадъ. Если бы отецъ Алексѣй былъ весьма образованный человѣкъ, ему пришлось бы страдать еще больше: онъ бы понялъ, что его сынъ—душевно-больной, и постарался бы ознакомиться съ тѣмъ, что извѣстно въ наукѣ о душевно-больныхъ. Каково было бы отчаяніе благочестиваго, нравственнаго священника, если бы онъ ознакомился съ произведеніями современныхъ ему корифеевъ психіатріи—Гейнрота (1773—1844) и Иделера (1795—1860). Онъ бы узналъ, изучая произведенія этихъ жестокихъ ученыхъ, что всѣ страданія человѣка, а въ томъ числѣ и душевныя разстройства, происходятъ вслѣдствіе грѣховности. Душа сама себя дѣлаетъ больною. Страсти и грѣхи, т.-е. отпаденіе отъ Бога, суть причины душевныхъ болѣзней. Единственная профилактика помѣшательства—христіанская вѣра.

Къ счастью для себя, отецъ Алексѣй былъ простой, добрый священникъ, и потому ему оставалось еще утѣшеніе, подсказанное разумной вѣрой и теплой любовью: „Но не хочу я вѣрить, чтобы Господь сталъ судить его Своимъ строгимъ судомъ“. Въ этихъ простыхъ словахъ болѣе пониманія душевныхъ болѣзней, чѣмъ во всѣхъ произведеніяхъ Гейнрота и Иделера.

Не думаю, чтобы современнымъ образованнымъ родителямъ душевная болѣзнь хорошаго, способнаго сына причинила меньше страданій, чѣмъ отцу Алексѣю: знаніе законовъ наслѣдственности для многихъ родителей должно быть по-истинѣ ужасно,—каково отцу знать или даже подозрѣвать, что онъ причина душевной болѣзни дѣтей!

Всегда глубоко-чувствующіе родители, какъ образованные, такъ и необразованные, страдали и будутъ страдать такъ же, какъ отецъ Алексѣй. Тургеневъ говоритъ: „Я ни на какомъ человѣческомъ лицѣ не видывалъ болѣе грустнаго, вполне безучастнаго, какъ говорится, убитаго выраженія“. Выслушавъ печальный разговоръ отца Алексѣя, Тургеневъ „хотѣлъ сказать отцу Алексѣю слово утѣшенія, но... никакого слова не нашель“.

IV.

„Пѣснь торжествующей любви“—разсказъ еще болѣе фантастическій, чѣмъ „Клара Миличъ“. Происшествіе, въ немъ описанное, можетъ казаться не только маловѣроятнымъ, но и просто невозможнымъ. Когда появился этотъ разсказъ (онъ написанъ въ іюнѣ 1881 г.), явленія внушенія и гипнотизма были извѣстны очень мало, и потому многіе находили, что этотъ разсказъ не похожъ на предыдущія произведенія Тургенева: вмѣсто изображенія дѣйствительности, авторъ описалъ невозможное событіе. Теперь, когда мы знаемъ кое-что о гипнотизмѣ и внушеніи, мы должны признать, что и въ этомъ разсказѣ Тургеневъ остался правдивымъ реалистомъ, описывающимъ жизнь такой, какова она есть. Совершенно невозможно, чтобы трезвый реалистъ подъ старость превратился въ писателя, замѣнившего дѣйствительность образами своей фантазіи.

Въ этомъ разсказѣ описано происшествіе рѣдкое, но развѣ въ „Наканунѣ“ изображено событіе, бывающее часто? Развѣ часто столь изящныя, богатыя вдовы, какъ Одинцова, влюбляются въ грубыхъ, бѣдныхъ, умныхъ лѣкарей? Любовь Одинцовой къ Базарову еще менѣе вѣроятна, чѣмъ колдовство Муція надъ Валеріей, а между тѣмъ никто не считалъ „Отцовъ и дѣтей“ фантастическимъ романомъ.

Самъ Тургеневъ, повидимому, считалъ „Пѣснь торжествующей любви“ разсказомъ фантастическимъ; онъ начинаетъ этотъ разсказъ извѣстнымъ стихомъ Шиллера „Wage Du zu irren und zu träumen“. Авторъ только по поводу оживленія Муція малайцемъ рѣшилъ „ошибаться“, да и то, какъ мы увидимъ ниже, этого нельзя утверждать съ полною точностью. Также какъ и „Клара Миличъ“, „Пѣснь торжествующей любви“ отличается поэтичностью, юношескою свѣжестью; съ трудомъ вѣрится, что это полное жизни и страсти поэтическое произведеніе написано старикомъ. Я помню, какое обаяніе произвелъ этотъ разсказъ при его появленіи, какъ имъ зачитывалась молодежь, благоговѣвшая

предъ авторомъ, на склонѣ жизни воспѣвшимъ несокрушимую силу любви.

Я знаю, что мое личное мнѣніе о художественной цѣнности этого разсказа не можетъ имѣть большого значенія; но, можетъ быть, будетъ не лишнимъ сказать, что „Клару Миличъ“ я читалъ и перечитывалъ съ бѣльшимъ наслажденіемъ, чѣмъ „Пѣснь торжествующей любви“.

Когда Фабій и Муцій ухаживали за Валеріей, „присутствіе ихъ ей видимо нравилось. Съ Муціемъ она больше занималась музыкой, но разговаривала больше съ Фабіемъ: съ нимъ она меньше робѣла“. Выйдя замужъ за Фабіа по совѣту матери, она узнала, что Муцій былъ въ нее страстно влюбленъ, и, чтобы забыть о несчастіи, уѣхалъ въ далекое путешествіе. Очевидно, что Муцій до извѣстной степени импонировалъ Валеріи; женщина не можетъ быть совершенно равнодушна къ человѣку, ее страстно любившему. Когда Муцій послѣ пятилѣтняго путешествія вернулся въ Феррару, онъ былъ въ глазахъ Валеріи окруженъ ореоломъ таинственности: его продолжительное путешествіе по волшебнымъ странамъ сдѣлало его человѣкомъ необыкновеннымъ. Муцій умѣло воздѣйствовалъ на воображеніе своихъ согражданъ вообще, и Валеріи въ частности; съ помощью нѣмого, но очень понятливаго малайца выложилъ онъ привезенныя рѣдкости: „звѣриныя шкуры, перья невѣдомыхъ птицъ и множество другихъ предметовъ, самое употребленіе которыхъ казалось таинственнымъ и непонятнымъ“. Послѣдующее поведеніе Муція показываетъ, что онъ былъ человѣкъ весьма умный и зналъ людей; впрочемъ, это доказывается и тѣмъ, что онъ благополучно вернулся изъ столь опаснаго въ то время путешествія. Муцій очень умѣло воздѣйствовалъ на фантазію Валеріи, и потому ему сразу удалось *внушеніе* по отношенію къ Валеріи. „Въ числѣ всѣхъ этихъ драгоценностей находилось богатое жемчужное ожерелье, полученное Муціемъ за великую и тайную услугу; онъ попросилъ позволенія у Валеріи собственноручно возложить ей это ожерелье на шею: оно показалось ей тяжелымъ и одареннымъ

какой-то странной теплотой... оно такъ и прильнуло къ ней“. Довѣрчивая Валерія повѣрила, что ожерелье получено за *тайную* услугу; поэтому и самое ожерелье ей казалось таинственнымъ, волшебнымъ, и вотъ путемъ внушенія со стороны Муція и самовнушенія (она увѣрила себя, что ожерелье обладаетъ какой-то тайной силой) у нея была вызвана иллюзия: ожерелье показалось тяжелымъ и теплымъ.

„Къ вечеру, послѣ обѣда, сидя на террасѣ виллы“, Муцій окончательно поразилъ фантазію Валеріи, убѣдилъ ее въ томъ, что обладаетъ таинственной силой, въ томъ, что онъ необыкновенный человекъ. Онъ долго и краснорѣчиво рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ, показавъ фокусъ, „не только удивившій, но и испугавшій Валерію“. „Ужъ не чернокнижникъ ли онъ? подумалось ей“. Муцій настойчиво продолжалъ готовить Валерію къ воспріятію внушеній; послѣ испугавшаго Валерію фокуса „онъ принялся вызывать, насвистывая на маленькой флейтѣ, изъ закрытой корзины ручныхъ змѣй“; „когда, шевеля жалами, показались изъ-под пестрой ткани ихъ темныя плоскія головки, Валерія пришла въ ужасъ и попросила Муція спрятать поскорѣй этихъ ненавистныхъ гадовъ“.

Самая наружность и манеры Муція импонировали Валеріи, внушали почтеніе: „выраженіе этого лица стало другое: сосредоточенное, важное; оно не оживлялось даже тогда, когда онъ упоминалъ объ опасностяхъ“.

Всѣми этими приемами Муцій очень импонировалъ Валеріи, завоевалъ почтеніе къ себѣ, внушилъ страхъ къ себѣ, увѣренность въ томъ, что онъ обладаетъ таинственной силой, завладѣлъ ея вниманіемъ, приковалъ ея вниманіе къ своей личности. Но все это было въ границахъ, допустимыхъ обычаями; такъ же поступалъ бы всякій, желающій понравиться, порисоваться; ничего, такъ сказать, спеціальнаго, техническаго съ цѣлью загипнотизировать Валерію Муцій пока не сдѣлалъ, но онъ мастерски внушилъ къ себѣ почтеніе, столь необходимое для успѣха внушенія и гипнотизаціи.

Уже подготовивъ весьма искусно Валерію, Муцій приступилъ къ гипнотизаціи ея *lege artis*, по правиламъ искусства. Такъ какъ авторъ не говоритъ, гдѣ и насколько изучилъ Муцій гипнозъ, то я не буду разбирать этого вопроса. Гипнотизмъ эмпирически былъ извѣстенъ уже давно, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Муцій изучилъ искусство гипнотизаціи гдѣ-либо на востокѣ.

Въ виду того, что ученіе о гипнотизмѣ и внушеніи разработано мало и по поводу этихъ явленій высказываются весьма различные взгляды, даже въ спеціальной литературѣ, я долженъ, хотя и вкратцѣ, высказать мои воззрѣнія по этимъ вопросамъ. Я былъ настолько счастливъ, что могъ изучить гипнотизмъ и въ Нанси, въ клиникѣ Бернгейма, и въ Сальпетриерѣ, въ клиникѣ Шарко, а также въ Льежѣ у Дельбефа.

Не только неспеціалистамъ, но даже ученымъ, писавшимъ о гипнотизмѣ, гипнотизмъ и внушеніе представляются сходными, весьма близкими явленіями, а на самомъ дѣлѣ между ними есть только причинная связь, и они ничего общаго не имѣютъ.

Внушеніе состоитъ въ томъ, что сознаниемъ усвоиваются и реализируются представленія, которыя были введены въ него постороннимъ влияніемъ; можно говорить о внушеніи только тогда, когда можно съ точностью доказать, что данная мысль или данный поступокъ или вообще опредѣленное проявленіе психической дѣятельности индивидуума обусловлено введеннымъ въ его сознание извнѣ представленіемъ. Отдѣльныя лица обладаютъ весьма различною степенью внушаемости; нормальному человѣку въ обыкновенныхъ условіяхъ внушить можно очень немного; его слѣдуетъ убѣждать, но ему нельзя внушать. Если почему-либо одинъ человѣкъ слѣпо вѣритъ другому, то второй можетъ много внушить первому, и, напримѣръ, чародѣи и фокусники довѣрчивымъ людямъ внушали видѣть то, чего въ дѣйствительности не было.

Гипнозъ есть кратковременное патологическое состояніе,

закрывающееся въ измѣненіи сознанія, похожемъ на сонъ, вызываемое искусственно; въ этомъ состояніи повышена внушаемость субъекта.

Гипнозъ вызывается всѣми условіями, помрачающими сознаніе и измѣняющими дѣятельность сознанія. Сознаніе невозможно безъ перемѣны; когда перемѣна въ сознаніи прекращается, прекращается и сознаніе. Однообразныя, правильно - періодическія раздраженія, сосредоточеніе вниманія на одномъ предметѣ ведутъ къ потерѣ сознанія. Слѣдовательно, ясно, что гипнотическое состояніе можетъ быть вызвано весьма разнообразными приѣмами: однообразными поглаживаніями, тиканіемъ часовъ, сосредоточеннымъ разсматриваніемъ блестящей точки, сосредоточеннымъ вниманіемъ на одномъ представленіи и т. п. Гипнозъ можетъ быть вызванъ другимъ лицомъ, но можно загипнотизировать и самого себя, разсматривая блестящую точку, думая объ одномъ представленіи и т. п.

Гипнозъ можетъ быть вызванъ внушеніемъ—внушеніе вызываетъ гипнотическое состояніе, но далеко не у всѣхъ. Гипнотическое состояніе, какъ патологическое, можетъ быть вызвано только у болѣзненныхъ людей; вполне здороваго человѣка нельзя загипнотизировать *противъ его желанія*, но ловкій, опытный гипнозиторъ можетъ въ нѣсколько сеансовъ такъ подготовить даже здороваго человѣка, что онъ станетъ воспріимчивъ къ гипнозу.

Итакъ, какъ для гипноза, такъ и для внушенія необходимо довѣріе, почтеніе; чтобы „внушать“, нужно импонировать. имѣть власть. Для того, чтобы загипнотизировать, также необходимо имѣть довѣріе пациента; очевидно, что если гипнотизируемый не будетъ слушаться гипнотизера, послѣдній никогда его не загипнотизируетъ. Если гипнотизируемый будетъ рѣшать математическія задачи вмѣсто того, чтобы внимательно слушать тиканье часовъ, онъ не впадетъ въ гипнотическое состояніе; если гипнотизируемый не будетъ поддаваться внушенію гипнотизера, приказывающаго ему заснуть, онъ не впадетъ въ гипнотическое состояніе.

Хотя „внушенія безъ гипноза“ (наяву) не подлежатъ сомнѣнью, но они составляютъ столь исключительное явленіе, что только недавно, когда стали изучать гипнотизмъ, на нихъ обратили вниманіе. Загипнотизированныя лица обладаютъ большою внушаемостью; имъ можно внушать галлюцинаціи, боли, потерю чувствительности, различныя психическія состоянія, напримѣръ, страхъ, злобу и т. п. Гипнотическое состояніе можетъ быть вызвано внушеніемъ, но школа Нанси, создавшая теорію внушеннаго происхожденія гипнотическихъ явленій, ошибается, утверждая, что гипнозъ вызывается только внушеніемъ.

Итакъ, гипнозъ можетъ быть вызванъ внушеніемъ, а гипнотическое состояніе усиливаетъ внушаемость; поэтому ловкій гипнотизеръ долженъ „внушить“ къ себѣ довѣріе, затѣмъ „внушать“ гипнотическое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ гипнотизировать какимъ-либо другимъ способомъ и затѣмъ продолжать внушенія, когда субъектъ будетъ въ гипнотическомъ состояніи.

И внушая, и гипнотизируя, и внушая загипнотизированному, можно заставить сдѣлать субъекта *почти* все.

Эти краткія замѣчанія станутъ вполне ясными, когда мы проанализируемъ „Пѣснь торжествующей любви“. Тургеневъ такъ вѣрно описалъ и внушеніе и гипнозъ, что эти явленія становятся вполне ясными при внимательномъ чтеніи этого разсказа; онъ далъ прекрасную иллюстрацію къ ученію о гипнотизмѣ и внушеніи. Кто желаетъ гипнотизировать, долженъ поступать какъ Муцій—это опытный, ловкій гипнотизеръ.

Муцій зналъ, какъ трудно загипнотизировать здоровую женщину,—а Валерія была, повидимому, вполне здорова,—зналъ, что далеко не всѣ впадаютъ въ гипнотическое состояніе; въ этомъ отношеніи онъ обнаруживаетъ болѣе вѣрное пониманіе гипнотизма, чѣмъ школа Нанси. Онъ понималъ, что неудачная попытка загипнотизировать подорветъ довѣріе къ нему, испортитъ все дѣло. Поэтому передъ тѣмъ какъ сыграть пѣснь торжествующей любви, онъ на-

поилъ Валерію какимъ-то наркотическимъ напиткомъ. „За ужиномъ Муцій попотчивалъ своихъ друзей ширазскимъ виномъ изъ круглой бутылки съ длиннымъ горлышкомъ; чрезвычайно пахучее и густое, золотистаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ, оно загадочно блистало, налитое въ крошечныя яшмовыя чашечки. Вкусомъ оно не походило на европейскія вина: оно было очень сладко ипряно, и выпитое медленно, небольшими глотками, возбуждало во всѣхъ членахъ ощущение пріятной дремоты“.

Сколько я знаю, неизвѣстно, когда впервые стали доводить субъектовъ, подлежащихъ гипнотизаціи, до легкой степени наркоза различными усыпляющими веществами. Теперь Шамбардъ употребляетъ для этого хлороформъ, Шренкъ-Нотцингъ—гашишъ, Піеръ Жане—алкоголь, я—амилень-гидратъ и т. д. Безспорно, что дѣйствіе нѣкоторыхъ наркотическихъ и анестетическихъ средствъ является иногда моментомъ, способствующимъ гипнотизаціи. Неизвѣстно, какое средство далъ Валеріи Муцій, но оно подѣйствовало прекрасно, такъ какъ вызвало состояніе, весьма похожее на первый періодъ или начало гипнотическаго сна. Вино, не походившее на наше, подготовило Валерію къ гипнотическому сну, ослабило ея волю, критическую дѣятельность ума.

Но наркотическія и анестетическія средства не во всѣхъ случаяхъ бываютъ полезны, то есть готовятъ къ гипнотическому сну; иногда они, напротивъ, оказываются вредными, такъ какъ у подлежащаго гипнотизаціи вызываютъ возбужденіе. Наконецъ, у нѣкоторыхъ субъектовъ такой способъ дѣйствія вызываетъ вполне основательное недовѣріе къ гипнотизеру; гипнотизеръ не обладаетъ достаточнымъ умѣніемъ, вполне правильно разсуждаетъ гипнотизируемый. Если такая мысль возникнетъ въ умѣ гипнотизируемаго, всѣ усилія его загипнотизировать остаются безуспѣшны, почему вообще лучше не прибѣгать къ этимъ средствамъ. Муцій, повидимому, зналъ, что всѣ наркотическія средства не надежны, что опасно поселить къ себѣ недовѣріе въ душѣ Валеріи. Поэтому „Муцій заставилъ и Фа-

Бія и Валерію откушать по чашечкѣ и выпилъ самъ. Надъ ея чашечкой онъ, наклонясь, что-то прошепталъ, потрясъ пальцами“. Безразлично, вѣрилъ ли самъ Муцій въ свои заклинанія, или продѣлалъ онъ это только для того, чтобы *внушить* Валеріи, что онъ заколдовалъ вино и слѣдовательно дѣйствіе вина будетъ зависѣть не отъ его состава, а отъ тѣхъ чаръ, которыя онъ придалъ ему колдовствомъ. Послѣдующее поведеніе Муція показываетъ, что онъ самъ вѣрилъ въ колдовство, да и странно, если бы итальянецъ XVI вѣка, побывавшій на востокѣ, не вѣрилъ въ чародѣйство.

Нужно отдать справедливость Муцію: нашептываніе надъ чашечкой Валеріи было мастерскимъ приемомъ. Этимъ онъ *внушилъ* Валеріи, что ея послѣдующее состояніе обусловлено не виномъ, а таинственной силой Муція, что Муцій околдовалъ ее, что она во власти Муція; дѣйствіе колдовства стало несомнѣннымъ для Валеріи. Слѣдовательно, Муцій воспользовался для гипнотизаціи могущественнѣйшимъ средствомъ—самовнушеніемъ; Валерія, испытавъ несомнѣнную власть Муція, стала внушать себѣ, что Муцій имѣетъ надъ ней власть, что она не можетъ сопротивляться его чародѣйству. Муцій не напрасно колдовалъ надъ чашечкой Валеріи; она это замѣтила.

Уже окончательно подготовивши Валерію къ гипнотизаціи, Муцій приступилъ къ внушенію гипнотическаго состоянія съ помощью музыки.

Я уже говорилъ, что гипнотизировать можно какъ внушеніемъ, такъ и всѣми приемами, прекращающими или ослабляющими нормальную, сознательную дѣятельность.

„Муцій приказалъ малайцу принести свою индійскую скрипку. Она походила на нынѣшнія, только вмѣсто четырехъ струнъ у нея было три, верхъ ея обтягивала голубоватая змѣиная кожа, и тонкій тростниковый смычокъ имѣлъ видъ полукруглый, а на самомъ его концѣ блисталъ заостренный алмазь. Муцій сыгралъ сперва нѣсколько заунывныхъ, по его словамъ, народныхъ пѣсень, странныхъ и даже дикихъ для

итальянскаго уха; звукъ металлическихъ струнъ былъ жалобенъ и слабъ“.

Муцій могъ загипнотизировать Валерію заостреннымъ алмазомъ; если только уже подготовленная и внушеніями и виномъ Валерія смотрѣла на двигающійся блестящій алмазь, она могла впасть въ гипнотическое состояніе, какъ лица, которыхъ гипнотизировалъ Льюисъ своимъ приборомъ*). Валерія могла быть загипнотизирована и музыкой; можно допустить, что Муцій зналъ, какая комбинація звуковъ хорошо гипнотизируетъ. Я уже говорилъ, что у загипнотизированныхъ внушаемость повышена; въ легкомъ гипнозѣ внушаемость можетъ быть сильна. Насколько была загипнотизирована Валерія, въ рассказѣ не сказано, но послѣдующее поведеніе ея показываетъ, что она была въ гипнотическомъ состояніи, когда слушала пѣснь торжествующей любви.

Когда Валерія была загипнотизирована настолько, насколько это удастся въ первый сеансъ даже очень ловкому гипнотизеру, Муцій приступилъ къ внушенію ей того состоянія влюбленности, котораго онъ желалъ. „Но когда Муцій началъ послѣднюю пѣснь, этотъ самый звукъ внезапно окрѣпъ, затрепеталъ звонко и сильно; страстная мелодія полилась изъ-подъ широко проводимаго смычка, полилась, красиво изгибаясь, какъ та змѣя, что покрывала своею кожей скрипичный верхъ; и такимъ огнемъ, такой торжествующею радостью сіяла и горѣла эта мелодія, что Фабію и Валеріи стало жутко на сердцѣ и слезы выступили на глаза, а Муцій, съ наклоненной, прижатой къ скрипкѣ головой, съ поблѣднѣвшими щеками, съ бровями, сдвинутыми въ одну черту, казался еще сосредоточеннѣе и важнѣе, и алмазь на концѣ смычка бросалъ на ходу лучистыя искры, какъ бы тоже зажженный огнемъ той дивной пѣсни“... „Эту пѣснь я услышалъ разъ на островѣ Цейлонѣ. Эта пѣснь

---

*) Приборъ Льюиса—это освѣщенное солнцемъ маленькое зеркало, приводимое въ быстрое вращательное движеніе особымъ механизмомъ. Я самъ видѣлъ, какъ быстро Льюисъ гипнотизировалъ нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ этимъ приборомъ.

слыветъ тамъ между народомъ пѣсною счастливой, удовлетворенной любви“.

Очевидно, что этой страстной музыкальной пьесой Муцій внушилъ влюбленное эротическое состояніе, привелъ ее въ любовное настроеніе. Музыка можетъ дѣйствовать безъ помощи гипнотизма весьма сильно, какъ то извѣстно очень давно и какъ то недавно объяснилъ Л. Толстой въ „Крейцеровой Сонатѣ“. Но Муцій и не старался вызвать въ Валеріи сознательную любовь; вѣроятно, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что это невозможно. Онъ рѣшилъ возбудить къ себѣ любовную страсть, дѣйствуя на ея безсознательную сферу, для чего, конечно, внушеніе съ помощью музыки, въ гипнотическомъ состояніи, было очень ловкимъ приемомъ.

Едва ли нужно говорить о томъ, что музыкой можно сказать то же, что и словами, но притомъ гораздо удобнѣе; не могъ же Муцій Валеріи внушать словами: воспылай ко мнѣ страстью, приходи на свиданье и т. п., но сказать почти то же музыкой онъ могъ и сказалъ. Для такого внушенія онъ выбралъ очень хорошо музыкальную пьесу; она должна была вызвать настроеніе удовлетворенной любви; объ этомъ настроеніи, или, правильнѣе сказать, состояніи души и тѣла, очень трудно говорить, не нарушая стыдливости; Мопассанъ, насколько это возможно, не впадая въ цинизмъ, описалъ его въ романѣ: „La vie“ *).

Чтобы Валерія вполнѣ поняла внушеніе, произведенное музыкой, и поняла, по отношенію къ кому она должна воспылатъ страстью, Муцій достаточно ясно объяснилъ ей свои чувства. „Въ теченіе цѣлаго дня Муцій обращался съ Валеріей почтительно-просто, какъ давнишній другъ; но уходя, онъ пожалъ ей руку крѣпко-накрѣпко, подавивъ пальцами на ея ладонь, и такъ настойчиво заглядывалъ ей въ лицо, что она хоть и не поднимала вѣкъ, однако почувствовала этотъ взглядъ на внезапно вспыхнувшихъ своихъ щекахъ“.

---

*) Ch. V.

Успѣхъ внушеній и гипнотизаціи Муція за этотъ день былъ неполный; но въ первый сеансъ и нельзя добиться большаго. «Валерія не скоро заснула; кровь ея тихо и томно волновалась, и въ головѣ слегка звенѣло отъ страннаго того вина, какъ она полагала, а можетъ быть и отъ рассказовъ Муція, отъ игры его на скрипкѣ. Къ утру она заснула, и ей привидѣлся необычайный сонъ». Извѣстный ученый Дельбефъ подмѣтилъ, что въ состояніи дремоты и въ состояніи просонокъ воспріимчивость къ внушеніямъ бываетъ повышена. Муцій загипнотизировалъ Валерію и дѣлалъ внушеніе, когда она испытывала „ощущеніе пріятной дремоты“; затѣмъ *то же* внушеніе музыкой онъ повторилъ утромъ, то-есть когда сонъ уже слабый. «Бѣдная Валерія видѣла сонъ: въ фантастической обстановкѣ входитъ Муцій, онъ кланяется, раскрываетъ объятія, смѣется. Его жесткія руки обвиваютъ станъ Валеріи; его сухія губы обожгли ее всю. Она падаетъ навзничь...» „Стеня отъ ужаса, послѣ долгихъ усилій проснулась Валерія“ и услышала «со стороны павильона (гдѣ жилъ Муцій) пронеслись сильные звуки, и оба, и Фабій и Валерія, узнали мелодію, которую сыгралъ имъ Муцій, называя ея пѣсней удовлетворенной, торжествующей любви».

Нужно думать, на основаніи описанія поведенія Муція и Валеріи въ слѣдующія ночи, что сладострастное сновидѣніе Валеріи зависѣло отъ внушенія съ помощью музыки. Она видѣла этотъ сонъ именно тогда, когда Муцій игралъ пѣснь торжествующей любви, то есть повторялъ внушеніе, сдѣланное вечеромъ. Какъ это обыкновенно и бываетъ, внушеніе въ первый разъ подѣйствовало слабо, во второй разъ уже сильнѣе—и вызвало, правда во снѣ, то состояніе, котораго желалъ Муцій. Я уже говорилъ, что часто патологическія измѣненія душевной дѣятельности впервые появляются во снѣ; такъ и у Валеріи то болѣзненное состояніе, которое вызвалъ у нея Муцій, началось „необычайнымъ сномъ“.

Извѣстно, что главное разногласіе въ ученіи о гипнозѣ

состоить въ томъ, что одни, во главѣ съ Шарко, считаютъ гипнозъ патологическимъ состояніемъ организма, искусственно вызваннымъ неврозомъ; другіе, съ Бернгеймомъ во главѣ, считаютъ гипнозъ физиологическимъ состояніемъ, если не тождественнымъ, то весьма близкимъ къ естественному сну. Я видѣлъ опыты Шарко и Бернгейма и вполне раздѣляю взгляды Шарко; для меня поэтому весьма интересно свидѣтельство такого великаго наблюдателя, какъ Тургеневъ. Валерія именно заболѣла искусственно вызваннымъ неврозомъ; первый симптомъ ея болѣзни было сладострастное, чуждое ея ясновидѣніе, внушенное музыкой.

„На другое утро Муцій пришелъ къ завтраку; онъ казался довольнымъ—и весело привѣтствовалъ Валерію. Съ замѣшательствомъ отвѣтила она ему—взглянула на него мелькомъ, и страшно ей стало отъ этого довольнаго, веселаго лица, отъ этихъ пронзительныхъ глазъ“ Хотя Муцій и не имѣлъ основанія быть довольнымъ, но, какъ ловкій гипнотизеръ, онъ долженъ былъ имѣть довольный, веселый видъ, чтобы поддержать въ Валеріи вѣру въ его таинственную силу, а Валерія еще болѣе почувствовала себя во власти этого чернокнижника. Чтобы еще разъ доказать Валеріи, что онъ владѣетъ таинственными силами, Муцій разсказалъ, что онъ видѣлъ такой же сонъ, какой видѣла Валерія. Въ разсказѣ не объяснено, какъ Муцій отгадалъ сонъ Валеріи, но вѣдь и нѣтъ большого труда по выраженію лица отгадать сонъ растерявшейся, плохо владѣющей собою, женщины. Для такого опытнаго человѣка, какъ Муцій, угадываніе мыслей не могло представить особыхъ трудностей. Разсказывая свой сонъ, онъ довольно ясно высказалъ, что любилъ ранѣе Валерію, и теперь опять „загорѣлся весь прежнею любовью“.

Затѣмъ Муцій на цѣлый день уѣхалъ въ Феррару; онъ понималъ, что оставаясь долго съ Валеріей, онъ можетъ потерять свое обаяніе—вѣдь нельзя же постоянно разыгрывать роль таинственнаго кудесника.

У Валеріи ясно проявилось нервное расстройство, искус-

ственно вызванное Муціемъ; Фабій нашель ее въ саду „съ опущенной на грудь головой, со скрещенными на колѣняхъ руками, она сидѣла на скамьѣ“. Еще до прїѣзда Муція, Фабій началъ портретъ своей жены, изобразивъ ее съ атрибутами святой Цециліи; но въ этотъ день, „къ великой своей досадѣ, никакъ не могъ кончить лица такъ, какъ бы онъ того желалъ. И не потому, что оно нѣсколько блѣдно и казалось утомленнымъ... нѣтъ, но того чистаго, святаго выраженія, которое ему въ немъ нравилось и которое навело его на мысль представить Валерію въ образѣ святой Цециліи, онъ сегодня не находилъ“. Наконецъ, Фабій посовѣтовалъ женѣ „прилечь, такъ такъ на видъ она кажется не совсѣмъ здоровой“. „Когда Фабій пошелъ къ женѣ въ спальню, она лежала на постели одѣтая, но не спала. Услышавъ его шаги“, она вздрогнула, потомъ опять обрадовалась ему такъ же, какъ въ саду“. Когда Фабій началъ ее спрашивать о сновидѣніи, „Валерія отвернулась и скрыла въ подушки свое пылавшее лицо“. „Не весело провели этотъ день оба супруга. Казалось, что-то темное нависло надъ ихъ головами... но что это было, они назвать не могли. Имъ хотѣлось быть вмѣстѣ—словно опасность имъ грозила; а что сказать другъ другу, они не знали“.

Тургеневъ очень хорошо обрисовалъ смятеніе души Валеріи, отмѣтилъ, что она обрадовалась мужу—въ немъ она искала защиты и опоры; она неясно сознавала пробужденіе въ себѣ грознаго, животнаго чувства, бороться съ которымъ она не могла; она страдала отъ безсилія бороться съ „властью тьмы“, сознавала власть надъ ней Муція. Фабію Муцій внушалъ чувство, „похожее на недовѣрчивость, пожалуй даже на робость“.

За ужиномъ Муцій съ большимъ тактомъ „внушилъ“ Валеріи, что она уже въ его власти. „Онъ опять предложилъ Валеріи ширазскаго вина и въ отвѣтъ на ея отказъ промолвилъ, словно про себя: „теперь ужъ не нужно“.

Очевидно, бѣдная Валерія должна была думать, что она уже вполнѣ околдована и находится во власти Муція.

Въ эту ночь Муцію внушеніе удалось вполне; теперь, то-есть въ третій разъ, пѣсню торжествующей любви онъ вызвалъ гипнотическое состояніе въ формѣ *искусственнаго сомнамбулизма*.

„Вернувшись съ женою въ спальню, Фабій скоро заснулъ и, проснувшись часъ спустя, могъ убѣдиться, что никто не раздѣлялъ его ложа: Валеріи не было съ нимъ. Онъ быстро приподнялся и въ то же мгновеніе увидаль жену въ ночномъ платьѣ, входившую изъ сада въ комнату...“ „Съ раскрытыми глазами, съ выраженіемъ тайнаго ужаса на неподвижномъ лицѣ Валерія приблизилась къ постели и, оцупавъ ее протянутыми впередъ руками, легла поспѣшно и молча... Фабій обратился къ ней съ вопросомъ, но она ничего не отвѣтила; казалось, она спала. Онъ коснулся ея и почувствовалъ на ея одеждѣ, на ея волосахъ дождевыя капли и на подошвахъ ея обнаженныхъ ногъ песчинки“. Въ саду Фабій „увидѣлъ на песку дорожки слѣды двойной пары ногъ—одна пара была босая; и вели эти слѣды къ бесѣдкѣ изъ жасминовъ, находившейся въ сторонѣ, между павильономъ и домомъ. Онъ остановился въ недоумѣніи, и вотъ внезапно словно раздаются звуки той пѣсни, которую онъ слышалъ въ прошлую ночь“.

Искусственный сомнамбулизмъ или состояніе сомнамбулизма Валеріи описано достаточно ясно. Шарко слѣдующими признаками характеризуетъ это состояніе: глаза открыты или закрыты; потеря болевой чувствительности, при сохраненіи прочихъ чувствъ; возможность самопроизвольныхъ движеній; возможность всѣхъ видовъ внушенія; измѣненное сознаніе. Остается неизвѣстнымъ, сохранилась ли болевая чувствительность у Валеріи, но вѣдь это измѣненіе и не могло быть отмѣчено; всѣ остальные указаны.

Что у Валеріи сознаніе было, хотя и измѣненное, видно изъ ея словъ, обращенныхъ къ мужу: „Ахъ, какіе страшные сны я вижу“. „Фабій хотѣлъ было ее распросить... но она только содрагалась...“ Нерѣдко загипнотизированные помнятъ о пережитомъ въ гипнотическомъ состояніи, вспо-

минають какъ о сновидѣніяхъ: имъ кажется, что это былъ сновидѣніе. Бѣдная Валерія вспоминала о пережитомъ ея въ состояніи искусственнаго сомнамбулизма, какъ о сновидѣніи. „Онъ не скоро ее добудился... но какъ только она увидала его, она бросилась къ нему на шею, обняла его судорожно; все тѣло ея трепетало“. Очевидно, что ея сознательному я была возмутительна прогулка съ Муціемъ въ жасминовую бесѣдку.

Когда Фабій услышалъ звуки пѣсни, онъ „вбѣгаетъ въ павильонъ. Муцій стоитъ посреди комнаты и играетъ на скрипкѣ. Фабій бросается къ нему. Ты былъ въ саду, ты выходилъ, твое платье мокро отъ дождя. Нѣтъ, не знаю... кажется... не выходилъ, съ разстановкой отвѣчаетъ Муцій, словно удивленный приходомъ Фабія и его волненіемъ“. На дальнѣйшіе вопросы Фабія Муцій не отвѣчаетъ, а „бормочетъ нараспѣвъ, какъ бы въ забытіи“. Всего вѣроятнѣе, что Муцій самъ себя загипнотизировалъ музыкой, какъ это иногда бываетъ съ гипнотизерами; можетъ быть, онъ только притворялся загипнотизированнымъ, чтобы отдѣлаться отъ Фабія. Поведеніе Муція въ слѣдующую ночь указываетъ, что онъ дѣйствительно загипнотизировалъ себя, что болѣе вѣроятно изъ общаго смысла разсказа: авторъ рисуетъ намъ Муція влюбленнымъ; если бы онъ притворился загипнотизированнымъ, поведеніе его было бы ужь очень низко.

Добродѣтельная Валерія, сознавая свое безсиліе, рѣшилась обратиться къ помощи своего духовника, „къ которому она питала безграничное довѣріе“. „Валерія на исповѣди все разсказала своему духовнику; не столько стыдась, сколько ужасаясь“. Этотъ „старый степенный монахъ“ про себя подумалъ: „колдовство, чары бѣсовскія... Это такъ оставить нельзя“. Вмѣстѣ съ Валеріей, изъ монастыря онъ прибылъ въ домъ Фабія, что, конечно, встревожило Фабія и Валерію: значить, дѣло важное. Оставшись наединѣ съ Фабіемъ, онъ посовѣтовалъ ему отказать отъ дому Муцію, который „могъ даже спознаться съ тайнами магіи“. Вале-

рія обрадовалась рѣшенію Фабія—просить Муція оставить ихъ домъ. Такимъ образомъ этотъ „многоопытный старецъ“ окончательно убѣдилъ супруговъ во всемогущество Муція, въ невозможности противостоятъ его колдовству; оставалось одно средство—удалить его изъ дома.

Но Муцій вернулся поздно и остался еще одну ночь въ домѣ Фабія; слѣдовательно эту ночь Валерія оставалась во власти Муція: вѣдь самъ же духовникъ находилъ, что единственное средство освободиться отъ власти Муція—это выпроводить его изъ дома.

Страхъ Фабія передъ могуществомъ Муція былъ такъ великъ, что онъ не могъ заснуть. „Точно ли Муцій сталъ чернокнижникомъ и ужъ не отравилъ ли онъ Валерію. Она больна, но какою болѣзною!“, думалъ Фабій. „Со стороны павильона—или это почудилось Фабію—стало вливаться духовеніе, подобное легкой пахучей струѣ... вотъ слышится назойливое, страстное шептаніе... и въ тотъ же мигъ онъ замѣтилъ, что Валерія начинаетъ слабо шевелиться... она приподнимается, опускаетъ сперва одну ногу, потомъ другую съ постели, и какъ лунатикъ, безжизненно устремивъ прямо передъ собою потускнѣвшіе глаза, протянувъ впередъ руки, направляется къ двери сада“. Повидимому, у Фабія тоже появилось ненормальное нервное состояніе—ему стало чудиться, но онъ не потерялся; заперъ двери спальни, выбѣжалъ въ садъ и тамъ нашелъ Муція въ такомъ же состояніи, въ какомъ была Валерія. Когда Фабій увидѣлъ, что „окно спальни распахнулось сверху донизу, и, занеся ногу черезъ порогъ, стоитъ въ окнѣ Валерія... руки ея какъ будто ищутъ Муція... она вся тянется къ нему... несказанное бѣшенство залило грудь Фабія внезапно нахлынувшей волной.—Проклятый колдунъ!—возопилъ онъ неистово, и, схвативъ Муція одной рукой за горло, онъ нащупалъ другой кинжалъ въ его поясѣ и по самую рукоятку воткнулъ ему въ бокъ. Пронзительно закричалъ Муцій и, притиснувъ ладонью рану, побѣжалъ, спотыкаясь, назадъ, въ павильонъ“.

У Валеріи былъ приступъ или припадокъ сомнамбулизма

на почвѣ того нервнаго разстройства, которое было вызвано всѣми преступными приемами Муція; Муцій тоже находился въ гипнотическомъ состояніи самнамбулизма. Это такъ ясно описано, что не нуждается въ поясненіяхъ.

Нужно только объяснить, насколько вѣроятно оживленіе Муція малайцемъ. Вначалѣ я сказалъ, что въ этомъ разсказѣ можно допустить только одно невѣроятное обстоятельство—оживленіе Муція; но хотя авторъ, повидимому, и хотѣлъ изобразить въ этой сценѣ чудесное, внимательный анализъ обнаруживаетъ, что это оживленіе могло быть самымъ простымъ происшествіемъ.

Едва ли Фабій воткнулъ кинжалъ по самую рукоятку; такъ могло казаться разстроенному, обезумѣвшему отъ злобы Фабію; рана была едва ли очень велика и кровотеченіе обильно: Муцій имѣлъ силы добѣжать до павильона, и „по песку дороги чернѣли капли крови“, значитъ кровь не лилась изъ раны. Муцій даже самъ отперъ наружную дверь павильона—„на ней остался слѣдъ окровавленныхъ пальцевъ“. Если кровотеченіе не было обильнымъ, то нѣтъ ничего чудеснаго въ томъ, что послѣ того какъ малаецъ остановилъ кровотеченіе и возбудилъ дѣятельность нервной системы и сердца мускусомъ, запахъ котораго въ павильонѣ слышалъ Фабій, Муцій могъ переступить ногами, хотя „лицо его было мертвенно и руки висѣли, какъ у мертвеца“.

Нѣтъ надобности останавливаться на описаніи того, какъ малаецъ оживлялъ Муція: колдовство и его приемы не могутъ насъ интересовать. Можно лишь замѣтить, что распространенная вѣра въ возможность остановить кровотеченіе нашептываніями и колдовствомъ, можетъ быть, и имѣетъ разумное основаніе: нельзя отрицать, что подъ вліяніемъ психическихъ причинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ кровотеченіе можетъ останавливаться. Я самъ видѣлъ опыты Дельбефа, внушавшаго загипнотизированнымъ, что разрѣзъ ножомъ не вызоветъ ни боли, ни кровотечения, и дѣйствительно изъ ранъ не было кровотечения, и загипнотизированные не чувствовали боли. Конечно, разрѣзы были небольшіе. Не-

сомнѣнно, что у нѣкоторыхъ истеричекъ при глубокихъ уколахъ и даже разрѣзахъ не бываетъ ни капли крови.

Вотъ какъ можно объяснить чудесное оживленіе Муція; даже если рана была очень глубокая, то и въ такомъ случаѣ оживленіе Муція можно объяснить безъ помощи чуда: кто же не читаль, что послѣ самыхъ ужасныхъ ранъ, полученныхъ на полѣ битвы, нѣкоторые храбрецы быстро поправлялись.

Весьма живо и поучительно описана радость Валеріи, когда она освободилась отъ внушеній Муція. Валерія „открыла, наконецъ, глаза, вздохнула глубоко, прерывисто и радостно, какъ человѣкъ, только что спасенный отъ неминуемой смерти, увидала мужа и, обвивъ его шею руками, прижалась къ его груди.—Ты, ты, это ты,—лепетала она. Понемногу руки ея разжались, голова откинулась назадъ и, прошептавъ съ блаженной улыбкой: Слава Богу, все кончено. Но какъ я устала!.. она заснула крѣпкимъ, но не тяжелымъ сномъ“.

Утромъ Валерія, узнавъ, что Муцій уѣзжаетъ и никогда не вернется, „радостно вздохнула; блаженная улыбка появилась опять на ея губахъ“. Какъ умная женщина, она сказала мужу: „Мы не будемъ никогда говорить о немъ, никогда, слышишь, мой милый!“ Страхъ Валеріи былъ очень великъ: „Я изъ комнаты не выйду, пока онъ не уѣдетъ. А ты теперь пришли мнѣ моихъ служанокъ... да постой: возьми эту вещь!—она указала на жемчужное ожерелье, лежавшее на ночномъ столикѣ, ожерелье, данное ей Муціемъ,— и брось ее тотчасъ въ самый нашъ глубокій колодець“.

Я считаю эти строки глубоко вѣрными, и жаль, что ихъ забываютъ врачи, почему-то думающіе, что гипнотическое состояніе и внушенія въ этомъ состояніи безразличны для ихъ пациентовъ и объектовъ ихъ опытовъ. Чувствовать себя во власти другого человѣка *должно* быть очень тягостно, и какъ бы деликатно и умѣло ни внушалъ гипнотизеръ, онъ все-таки совершаетъ насиліе, правда, иногда полезное больному.

Недостаточно внимательное изученіе этого разсказа можетъ привести къ заключенію, что ловкій гипнотизеръ мо-

жетъ заставить свою жертву совершить любое преступленіе: вѣдь заставилъ же Муцій добродѣтельную Валерію ходить къ нему на свиданіе. Это вопросъ столь важный, что на немъ слѣдуетъ остановиться.

На основаніи „лабораторныхъ“, недостаточно точно обставленныхъ опытовъ, нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что съ помощью гипнотизма, то-есть приведя субъекта въ гипнотическое состояніе, можно заставить его совершить любое преступленіе. По порученію секціи судебной медицины VI сѣзда общества русскихъ врачей я представилъ докладъ по этому вопросу *). Въ этомъ докладѣ я доказывалъ, что здороваго человѣка нельзя съ помощью внушенія въ гипнотическомъ состояніи заставить совершить преступленіе; больнымъ же можно въ гипнотическомъ состояніи внушить совершеніе преступления. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ преступленія помощью внушенія состояли въ соблазненіи женщинъ противъ ихъ желанія. Одинъ мой оппонентъ указалъ на Пѣснь Торжествующей Любви, какъ на доказательство возможности заставить совершить преступленіе съ помощью внушенія. Мнѣ остается здѣсь повторить сказанное мною этому почтенному психіатру.

Такихъ окруженныхъ ореоломъ таинственности гипнотизеровъ, какъ Муцій, очень мало, и они дѣйствительно могутъ сдѣлать то, что не всякому по силамъ. Муцій былъ другомъ Фабія, жилъ въ его домѣ, и потому Валерія не могла уклониться отъ его внушеній, но и Валерія, наконецъ, рѣшила удалить Муція изъ своего дома. Въ первый сеансъ загипнотизировать такъ, чтобы можно было внушить преступленіе, никто не можетъ; также всякій здоровый человѣкъ, замѣтивъ попытки гипнотизера гипнотизировать и внушать преступленіе, такъ или иначе отдалится отъ гипнотизера. Муцій, вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ, могъ повторными внушеніями и гипнотизаціей

*) Внушеніе и преступленіе. Дневникъ шестого сѣзда общества русскихъ врачей, 1896 г.

привести Валерію въ болѣзненное состояніе и, воспользовавшись такимъ состояніемъ Валеріи, внушить ей прійти на свиданіе. Но, кромѣ исключительныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, благодаря которымъ Муцій имѣлъ достаточно времени привести Валерію въ болѣзненное состояніе, въ разсказѣ указаны другія причины, объясняющія успѣхъ Муція.

Валерія, проживъ съ Фабіемъ пять лѣтъ, не имѣла дѣтей; черезъ нѣсколько недѣль послѣ посѣщенія ихъ дома Муціемъ она, „въ первый разъ послѣ ея брака, почувствовала внутри себя трепеть новой зарождающейся жизни... Валерія вздрогнула и остановилась... Что это значило? Неужели же...“ Валерія пять лѣтъ не имѣла дѣтей: послѣ пятилѣтней супружеской жизни Фабій могъ рисовать ея портретъ, „изобразивъ ее съ атрибутами святой Цециліи“. Фабій былъ хорошій художникъ, и потому, если онъ могъ рисовать Валерію съ атрибутами святой дѣвственницы, мы въ правѣ заключать, что Валерія до встрѣчи съ Муціемъ не имѣла страстей... Половая жизнь такъ таинственна, такъ непонятна, что мы не можемъ вполне объяснить, почему Валерія была похожа на дѣвственницу, не имѣла дѣтей; что-то въ ея отношеніяхъ къ мужу было ненормально, чего-то недоставало; очевидно, ни она, ни мужъ не догадывались, въ чемъ тутъ дѣло. Но тутъ мы подходимъ къ такому деликатному, чисто физиологическому вопросу, что лучше ограничиться простымъ указаніемъ на ненормальность въ отношеніяхъ Валеріи къ мужу. Муцій могъ вызвать у Валеріи чувства, до сихъ поръ не удовлетворенныя, потому что самый ловкій гипнотизеръ, какъ я утверждалъ въ моемъ докладѣ, не можетъ внушить то, чего человекъ *не хочетъ*; Валерія *не желала* имѣть взрыва страсти, боялась этого, считала это преступленіемъ, но нельзя утверждать, что она этого *не хотѣла*. Трудно допустить, чтобы послѣ пятилѣтней супружеской жизни, она не хотѣла любить такъ, какъ любятъ всѣ женщины, не похожія на дѣвственницъ и имѣющія дѣтей.

Вышеизложенныя замѣчанія были необходимы, чтобы устранить весьма серьезное недоразумѣніе: въ самомъ дѣлѣ,

если всякій ловкій гипнотизеръ можетъ такъ соблазнить всякую женщину, какъ Муцій Валерію, — просто страшно было бы жить. Тургеневъ вполнѣ вѣрно указалъ всѣ обстоятельства и причины, благодаря которымъ Муцій дѣйствовалъ съ успѣхомъ; Тургеневъ объяснилъ въ этомъ разсказѣ, почему такія происшествія крайне рѣдки и почему нѣтъ основанія бояться гипнотизеровъ. вмѣстѣ съ этимъ Тургеневъ указалъ, какую громадную власть надъ личностью, при нѣкоторыхъ условіяхъ, можетъ имѣть ловкій гипнотизеръ, почему можно только одобрить тѣ мѣры, которыя правительства признали необходимыми для предупрежденія злоупотребленій гипнотизмомъ.

V.

„Пѣснь торжествующей любви“ была написана въ 1881 г., а „Клара Миличъ“ въ 1882 г.; объ эти повѣсти имѣютъ много общаго; въ обѣихъ основная тема—могущество любви; въ обѣихъ описаны ненормальные проявленія любви. Можно думать, что подъ старость нашъ великій реалистъ обратилъ вниманіе на необыкновенное, таинственное, волшебное. Я осмѣливаюсь предполагать, что, долго наблюдая жизнь, Тургеневъ, наконецъ, дошелъ до пониманія не только обыденной, нормальной жизни, которую онъ такъ ясно понялъ и прекрасно описалъ ранѣе, но и таинственныхъ, ненормальныхъ проявленій человѣческой души. Обыкновенные люди нормальны, и жизнь ихъ—„обыкновенная исторія“; насколько я понимаю, Тургеневъ величайшій поэтъ обыденной жизни, правда—лучшихъ людей. Но подъ старость длинный опытъ жизни научилъ его понимать жизнь необыкновенныхъ, то-есть ненормальныхъ, людей. Ненормальные люди заслуживаютъ вниманія поэта: въ ихъ жизни много необыкновеннаго, великаго, страстнаго, поэтическаго; только они могутъ любить любовью болѣе сильной, чѣмъ смерть; только въ ихъ пѣсняхъ звучитъ торжествующая любовь; они способны и на всякіе подвиги, и на всякія преступленія. Старый, больной поэтъ искалъ могучей, не знающей

препятствій любви и, конечно, не могъ ее найти у обыкновенныхъ, то-есть нормальныхъ, людей. Мы, обыкновенные люди, инстинктивно ищемъ поэтическаго, волшебнаго вдали отъ насъ, потому что наша жизнь такъ обыденна, такъ нормальна; мы смутно сознаемъ, что, кромѣ нашей обыденной, скучной жизни, есть другая, волшебная, непохожая на нашу, и посредственные романисты находятъ такую жизнь на востокѣ, въ среднихъ вѣкахъ и т. п. Тургеневъ, какъ великій поэтъ, не могъ находить ее тамъ, гдѣ она представляется намъ, хотя, уступая принятому воззрѣнію, онъ и переносить дѣйствіе „Пѣсни торжествующей любви“ въ XVI вѣкъ. И на востокѣ, и въ средніе вѣка, и во дворцахъ большинство жило будничной, обыкновенной жизнью; и тамъ, и у насъ, и тогда, и теперь были необыкновенные, непохожіе на большинство, ненормальные люди съ сильными страстями, ненормально впечатлительные, поступавшіе не такъ, какъ большинство. Вотъ этихъ-то людей, ихъ жизнь и изобразилъ больной Тургеневъ въ этихъ двухъ рассказахъ, столь мало похожихъ на его предыдущія произведенія. Вѣроятно, больному, старому поэту хотѣлось забыться въ волшебномъ поэтическомъ царствѣ любви, но, какъ великій реалистъ, вмѣсто волшебныхъ сказокъ, какими дарила насъ подъ старость Жоржъ-Зандъ, онъ далъ намъ поразительно точное описаніе патологическихъ, ненормальныхъ явленій.

Я не знаю, что собственно хотѣлъ сказать Тургеневъ рассказомъ „Клара Миличъ“. М. М. Стасюлевичъ говоритъ, что сперва Тургеневъ этому рассказу далъ заглавіе „Послѣ смерти“, но затѣмъ „отказался отъ этого заглавія, усиливавшаго, противъ его намѣренія, мистическій характеръ пьесы“. Въ этомъ рассказѣ описана такая любовь, къ которой нормальные люди неспособны; поэтическія, таинственныя отношенія между Аратовымъ и Кларой обусловлены ихъ вырожденіемъ, ненормальностью. Сила, могущество любви, описанной въ этой повѣсти, зависятъ отъ ненормальностей Аратова и Клары Миличъ; у нормальныхъ людей не можетъ быть такой любви—имъ не являются видѣнія даже страстно любимыхъ

ими женщинъ. Поэтическое обожаніе Клары Аратовымъ, его страстное желаніе примириться съ памятью Клары и быть прощеннымъ возбуждаютъ у насъ сочувствіе, и нѣкоторые мои знакомые говорили, повидимому, чистосердечно, что они завидуютъ Аратову: онъ пережилъ мгновенія величайшаго восторга. Въ этомъ чудномъ разсказѣ опоэтизировано происшествіе, если вѣрить разсказамъ, весьма банальное. Настоящая Клара любила женатаго музыканта, напрасно требовала, чтобы онъ разошелся съ женою; чтобы утѣшиться отъ неудачи и возбудить ревность музыканта, она завела интригу съ богатымъ шалопаемъ. Когда она убѣдилась, что музыкантъ ею совсѣмъ не интересуется, а любовникъ относится къ ней, какъ къ содержанкѣ, она отравилась; мнѣ говорили, что она была взбалмошная особа и происходила изъ невропатической семьи; меня поражала ея талантливость. Если мы сравнимъ это хотя и трагическое, но банальное закулисное происшествіе съ разсказомъ Тургенева, дѣйствительную Клару съ Кларой Тургенева, мы должны будемъ согласиться, что поэтическая, чистая любовь не по плечу обыкновеннымъ людямъ, что Тургеневъ постигъ тайну поэтическаго, надѣливъ Аратова и Клару психопатической конституціей.

Ненормальные, вырождающіеся невропаты пробиваютъ для нормальной массы новые пути, потому что обладаютъ таинственными, непонятными намъ силами, и необычайное, волшебное, таинственное нужно искать у нихъ, а не у насъ. Тургеневъ хотя и поздно, но нашелъ источники вдохновенія для творчества въ иномъ направленіи, чѣмъ онъ творилъ всю жизнь, и доказалъ еще разъ свою геніальность вѣрнымъ пониманіемъ значенія ненормальнаго, патологическаго. Какъ трудно искать новыхъ путей для творчества, какъ трудно возвышаться надъ обыденною жизнью, показываютъ декаденты; они чувствуютъ, что обыденная, нормальная жизнь не можетъ удовлетворить поэта; но гдѣ они ищутъ таинственнаго и поэтическаго?

„Пѣснь торжествующей любви“ значительно уступаетъ

„Кларъ Миличъ“; она меня не приводитъ въ восторгъ. Торжествующая, *удовлетворенная* любовь не заслуживаетъ того поэтического ореола, которымъ окружаетъ ее Тургеневъ. Я понимаю состояніе Муція, какъ гипнотическое; думаю, что онъ загипнотизировалъ себя, и при такомъ пониманіи не вижу ничего достойнаго поэзіи въ его чувствахъ и поведеніи. Если же допустить, что Муцій притворился и дѣйствовалъ сознательно, обдуманно, его поведение достойно только презрѣнія. Всемогущество страсти такъ проявляется всюду въ природѣ, что господство ея надъ разумной, сознательной дѣятельностью человѣка ничего отраднаго не представляетъ. „Пѣснь торжествующей любви“—это поэтическое описаніе побѣды животной страсти надъ разумною дѣятельностью человѣка. Тургеневъ, правда, даетъ намъ утѣшеніе въ томъ, что такая возмутительная побѣда можетъ быть только вслѣдствіе болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія; но, къ сожалѣнію, мы знаемъ, что идеальное здоровье души и тѣла—далеко не заурядное явленіе. Въ этомъ разсказѣ Тургеневъ проявилъ свою геніальность тѣмъ, что примиряетъ насъ съ преступленіемъ Муція; Тургеневъ такъ опозитивировалъ Муція, что насъ не возмущаетъ его подлое преступленіе; мы прощаемъ его: онъ много любилъ. Я позволяю себѣ думать, что Муцій вовсе не достоинъ участія, и пробужденіе животной страсти вовсе не такое явленіе, чтобы слѣдовало его поэтизировать. Власть тьмы такъ сильна надъ нами, что не нужно ни внушенія, ни гипнотизма для побѣды ея надъ разумомъ. Но если Тургеневъ дѣйствительно думалъ, что побѣда страсти надъ разумомъ заслуживаетъ снисхожденія, когда человѣкъ ослабленъ болѣзнью, то „Пѣснь торжествующей любви“ достойна особаго вниманія, потому что напоминаетъ намъ хотя и о старой, но великой истинѣ.

По вѣрности изображенія, по богатству содержанія эти два разсказа принадлежать къ числу лучшихъ произведеній Тургенева; достоинства ихъ очевидны и публикѣ, и психіатру, и я позволилъ себѣ высказать мое сужденіе объ этихъ

двухъ разсказахъ потому, что изученіе ихъ возбуждаетъ во мнѣ, и какъ въ психіатрѣ и какъ въ читателѣ, уваженіе къ гению Тургенева; анализъ ихъ со стороны психіатра можетъ только еще разъ обратить вниманіе на ихъ большія достоинства.

VI.

Разсказъ „Странная исторія“ написанъ въ 1869 году и потому заслуживаетъ вниманія психіатра, хотя въ немъ патологическій элементъ играетъ лишь второстепенную роль. Дѣло въ томъ, что въ 1869 году даже специалисты имѣли о гипнотизмѣ весьма превратныя представленія, и потому весьма интересно, насколько вѣрно описаны гипнотизмъ и внушеніе въ 1869 г. Тургеневымъ. Научная разработка гипнотизма начата въ 1873 году Прейеромъ, но его изслѣдованія не обратили на себя вниманія, и только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ труды Шарко и книга Бернгейма (1882) ознакомили весь міръ съ явленіями гипнотизма и внушенія. Если бы „Странная исторія“ была написана двадцатью годами позже, она не имѣла бы большого значенія для психіатра: въ это время явленія, описанныя въ этомъ разсказѣ, были уже извѣстны и объяснены. Кто знаетъ исторію ученія о гипнотизмѣ, тотъ долженъ изумляться, какъ могъ Тургеневъ въ 1869 г. вполне вѣрно описать явленія гипнотизма.

Чтобы было вполне ясно, насколько Тургеневъ опередилъ науку, какъ вѣрно описалъ совершенно непонятныя въ то время явленія, необходимо подробно анализировать нѣкоторыя сцены этого разсказа.

Лакей гостиницы, въ которой жилъ по дѣламъ авторъ, предложилъ ему для развлеченія: „Не желаете ли мертвыхъ видѣть... у насъ есть такой тутъ человекъ изъ простыхъ мѣщанъ, и даже безграмотный, и дѣла совершаетъ чудныя. Если, на примѣръ, вы къ нему отправитесь и пожелаете увидать какого ни на есть покойника изъ вашихъ знакомыхъ, онъ вамъ его безпремѣнно покажетъ“. Лакей сказалъ, что и ему онъ мертвецовъ „показываль-сь; родителя какъ жи-

зого представилъ“. Авторъ заинтересовался разсказомъ лакея и пошелъ къ старухѣ Матридіи Карповнѣ, у которой жилъ на попеченіи Васенька, показыватель мертвыхъ. Получивъ десять рублей, эта продувная старуха объяснила, что Васенька „по всей губерніи первый постникъ и молельщикъ... А это точно: милость его посѣтила великая. Что жъ, это дѣло не его рукъ. Это, голубчикъ мой, свыше; да“. Старуха назначила автору прійти вечеромъ, въ восьмомъ часу. „Войдешь ты въ пустую комнату и въ той комнатѣ увидишь стулъ; сядь ты на этотъ стулъ и сиди, и, что бы ты ни видалъ, никакихъ словъ не произноси и не дѣлай ничего; и съ сыночкомъ моимъ не изволь разговаривать, потому онъ еще младъ, да онъ же у меня въ падучкѣ. Испугать его очень легко: затрепещется, затрепещется, словно цыпленокъ какой—бѣда“. „А вы, батюшка мой, ваше благородіе, прежде чѣмъ сюда пожалуете, извольте-ка подумать хорошенько, кого вамъ изъ вашихъ покойныхъ сродственникововъ или знакомыхъ—царство имъ небесное—увидѣть желательно. Переберите своихъ покойничковъ и котораго выберете, такъ ужъ его въ умѣ держите, все держите, пока сыночекъ придетъ“.—„А развѣ я не долженъ сказать вашему сыну, кого именно?“—„Ни-ни, батюшка, ни единого слова. Онъ самъ въ вашихъ мысляхъ откроетъ, что ему нужно. А вы только знакомца вашего хорошенько въ умѣ держите, да за обѣденнымъ столомъ винца выпейте стаканчика два, три; винцо никогда не мѣшаетъ“.

Такимъ образомъ довѣріе къ гипнотизеру—первое условіе успѣха — было внушено автору; лакей въ гостиницѣ — былъ на столько наивенъ, что ему можно было повѣрить; его свидѣтельство внушало довѣріе. Старуха также дѣйствовала очень искусно: отсутствіе таинственности и театральности, полная увѣренность старухи въ способности Васеньки вызывать мертвецовъ, ея поразительная наивность должны были подѣйствовать именно на образованнаго человѣка; вѣроятно, необразованнымъ она говорила нѣсколько иначе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не повѣрить старухѣ, которая даже за-

прещаетъ называть имя покойника, котораго желаешь видѣть,—дескать, Васенька и такъ вамъ его покажетъ.

Внушивъ автору довѣріе къ Васенькѣ, умная старуха очень ловко подготовила автора къ сеансу; она совершенно вѣрно знала сущность гипнотизма и внушенія. Если Тургеневъ въ этомъ разсказѣ описываетъ дѣйствительное происшествіе, то нужно удивляться геніальности этой старухи, схватившей основную суть столь сложныхъ явленій.

Она *настойчиво* совѣтовала автору *все держать въ умѣ* избраннаго покойника; мало того, что она повторила это приказаніе два раза, она потомъ еще разъ вернулась къ этому приказанію и подчеркнула его: *хороше.....енько въ умѣ держите*. Я уже говорилъ, что гипнотическое состояніе должно наступить, если въ сознаніи долго остается одно представленіе. Кто, даже безъ гипнотизера, будетъ долго „держать въ умѣ“ да еще „хороше.....енько“ одно представленіе, упадетъ въ гипнотическое состояніе.

Затѣмъ старуха внушила автору, что онъ увидитъ „покойничка“: „милость его посѣтила великая“.

Умная старуха знала, что легко приказывать „держите его въ умѣ хороше.....енько“, но нѣкоторыя лица положительно не могутъ „держать въ умѣ“ одно представленіе, даже если этого требуютъ именемъ Васеньки, дѣлающаго „чудныя дѣла“, и ранѣ ученыхъ, занимавшихся гипнотизаціей, она оцѣнила пользу вина, какъ подготовляющаго къ гипнотическому состоянію, средства. Этотъ совѣтъ долженъ былъ уничтожить всякія сомнѣнія въ душѣ автора: въ самомъ дѣлѣ, какъ не довѣрять старухѣ до того простодушной, что она не понимаетъ несовмѣстимости „великой милости“ съ двумя-тремя стаканчиками винца.

Авторъ, какъ и всякій образованный человѣкъ въ 1869 году, долженъ былъ подумать, что Васенька дѣйствительно что-то можетъ, если при такой наивной обстановкѣ лакею „родителя какъ живого представилъ“. Когда авторъ усомнился такому заявленію лакея, послѣдній „снисходительно, но съ твердостью поглядывалъ на меня“.

Хотя авторъ говоритъ—онъ все думалъ, что его хотятъ одурачить, и любопытство его было возбуждено, но въ тайникахъ души онъ все-таки вѣрилъ и ожидалъ чего-то необычайнаго. Онъ „держалъ въ умѣ“ образъ своего гувернера Дессера и выпилъ бутылку лафита „съ сильнѣйшимъ вкусомъ жженой пробки и съ густымъ осадкомъ сандала на днѣ каждой рюмки“.

Когда авторъ пришелъ въ указанную ранѣ старухой комнату, въ ней никого не было; три четверти часа онъ просидѣлъ одинъ въ комнатѣ, освѣщенной одной сальной свѣчей. „Сердце билось“—значить, авторъ ожидалъ чего-то. Старуха умѣло подготовила сеансъ; продолжительное „держаніе въ умѣ“ и ожиданіе видѣнія настолько подготовили къ галлюцинаціи опьянѣвшаго автора, что не нужно было дальнѣйшихъ внушеній со стороны Васеньки. Авторъ уже собирался уйти, когда увидѣлъ незамѣтно вошедшаго въ комнату Васеньку... „росту онъ былъ средняго и довольно плотень. Закинувъ руки за спину и потупивъ голову, онъ уставился на меня... Вошедшій человекъ продолжалъ глядѣть на меня; я также глядѣлъ на него и—странное дѣло!—въ одно и то же время я почувствовалъ нѣчто въ родѣ страха, и словно, по приказанію, немедленно принялся думать о моемъ старомъ гувернерѣ“.

Оказалось, что авторъ достаточно былъ подготовленъ старухой и лакеемъ: хотя ни въ обстановкѣ, ни въ наружности и приѣмахъ гипнотизера ничего не было импонирующаго, онъ испытывалъ страхъ, сразу подчинился гипнотизеру.

Васенька гипнотизировалъ автора тѣмъ, что заставилъ его смотрѣть себѣ въ глаза: „тотъ устремлялся своимъ взоромъ вслѣдъ за моимъ, когда я... пробовалъ отвести глаза въ сторону“. „Такъ прошло, не знаю, сколько времени: быть можетъ—минута, быть можетъ—четверть часа. Онъ все глядѣлъ на меня; я все ощущалъ нѣкоторую неловкость и страхъ и все думалъ о французѣ“. Итакъ, Васенька за-гипнотизировалъ автора, фиксируя его взглядъ въ собствен-

ныхъ глазахъ настолько, что авторъ потерялъ *чувство времени*; сознание было измѣнено и помрачено. „Мною овладѣло какое-то оцѣпенѣніе“. „Всякое рѣшеніе во мнѣ тотчасъ „застывало“; я другого слова подобрать не могу“. Особенно цѣнно послѣднее наблюденіе. Я придерживаюсь того взгляда, что сущность гипнотическаго состоянія есть ослабленіе воли, но это вопросъ весьма сложный, и я не могу тутъ его затрогивать, такъ какъ это потребовало бы много времени.

„Вдругъ я замѣтилъ, что *тотъ* уже отдѣлился отъ двери и стоялъ на шагъ или на два ближе ко мнѣ; потомъ онъ чуть-чуть подпрыгнулъ, обѣими ногами разомъ, и сталъ еще ближе... Потомъ еще... потомъ еще; и грозные глаза такъ и упирались во все мое лицо, и руки оставались за спиною, и широкая грудь дышала усиленно“. Повидимому, Васенька былъ опытный гипнотизеръ: онъ старался упорно, не отводя ни на секунду взгляда, смотрѣть въ глаза автору; онъ могъ быть хорошимъ гипнотизеромъ, такъ какъ его глаза, ихъ взглядъ приковывали вниманіе гипнотизера. Очевидно, если бы у него были „глядѣлки“, какъ у Сипягина („Новь“), гипнотизируемый не сталъ бы непрерывно смотрѣть ему въ глаза.

Наконецъ, на гипнотизируемаго „сонливость вдругъ начала находить“, „вѣки мои слипались“... Гипнотизеръ „появился, исчезъ опять... появился опять... и все ближе, ближе, ближе... его трудное, почти храпѣвшее“ дыханіе уже добѣгало до меня. Опять надвинулся туманъ, и вдругъ изъ этого тумана, начиная съ бѣлыхъ, кверху приподнятыхъ волосъ, явственно стала вырисовываться голова старика Дессера. Да: вотъ его бородавки, его черныя брови, его носъ крючкомъ. Вотъ и зеленый фракъ съ мѣдными пуговицами, и полосатый жилетъ, и жабо. Я вскрикнулъ, я приподнялся... Старикъ исчезъ“...

Это—точное описаніе внушенной въ гипнотическомъ состояніи галлюцинаціи; изъ описанія видно, насколько было измѣнено и помрачено сознание гипнотизируемаго, какъ мо-

ментально было видѣніе, какъ видѣніе исчезло, когда сознание прояснилось. Конечно, галлюцинація у автора не была внушена гипнотизеромъ; это была самовнушенная галлюцинація. Намъ нужно удивляться, какъ въ 1869 году Тургеневъ зналъ значеніе самовнушенія, понятное лишь недавно, зналъ, въ чемъ собственно состоитъ роль гипнотизера.

Васенька *только* фиксировалъ зрѣніе гипнотизируемаго; онъ только смотрѣлъ ему въ глаза, не спускалъ своего взгляда съ глазъ гипнотизируемаго; все остальное было сдѣлано лакеемъ и Матридіей Карповной — косвенно, и непосредственно — самимъ гипнотизируемымъ.

Когда авторъ очнулся, онъ увидѣлъ, что Васенька „подошеть, шатаясь, къ стѣнѣ, уперся въ нее головой и обѣими руками и, задыхаясь, какъ запаленная лошадь, хриплымъ голосомъ проговорилъ: чаю. Откуда ни возьмись, Матридія подскочила къ нему и, приговаривая: Васенька, Васенька, принялась заботливо утирать потъ, который такъ и струился съ его волосъ и лица“. Когда авторъ хотѣлъ заговорить съ ней, „она такъ убѣдительно, такимъ раздражающимъ голосомъ воскликнула: ваше благородіе, отецъ милостивый, не губите, уйдите, Христа ради!“ и посовѣтовала автору выпить чаю.

Одна эта сцена даетъ намъ право утверждать, что Тургеневъ опередилъ науку: дѣйствительно, самый трудный для гипнотизера способъ гипнотизаціи — это заставить смотрѣть себя въ глаза. Прейеръ совершенно вѣрно подмѣтилъ, что при этомъ способѣ гипнотизаціи нѣкоторые гипнотизеры сами впадаютъ въ гипнотическое состояніе. Легко себя представить, какъ утомительно долго, не мигая, смотрѣть на одну точку, какъ устаютъ глазныя мышцы. Поэтому утомленіе Васеньки — очень тонко подмѣченная подробность: — онъ долженъ былъ очень утомиться. Понятно, почему Матридія умоляла автора не говорить и не подходить: она боялась припадка у Васеньки и она, конечно, знала, какъ дурно на его здоровье вліяютъ такіе сеансы. Въ этомъ

отношеніи она знала больше тѣхъ современныхъ врачей, которые думаютъ, что гипнотизмъ безвреденъ для здоровья.

Итакъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ губернскомъ городѣ, въ которомъ не было порядочной гостинницы, „старушка почтенная, на мосту мочеными яблоками торгуетъ“, и какой-то несчастный больной „въ падучкѣ“ своимъ умомъ дошли до умѣнія гипнотизировать и внушать галлюцинаціи. Изъ разказа не видно, какъ эти простаки дошли до столь хитраго открытія, какъ они научились распредѣлять роли, кто кого училъ—почтенная старушка падучаго или падучный почтенную старушку, но вдвоемъ они даже высокообразованнаго автора отлично загипнотизировали и гувернера-француза „ему какъ живого представили“.

Авторъ, какъ это видно изъ разказа и какъ это должно было быть, совершенно не понималъ, какъ старуха ему „внушала“, какъ падучный его гипнотизировалъ, что еще болѣе доказываетъ его наблюдательность: не трудно точно описать то, что знаешь и понимаешь; только великій наблюдатель можетъ точно описать то, чего онъ совсѣмъ не понимаетъ. Если бы современный беллетристъ теперь столь же точно описалъ сеансъ гипнотизаціи и внушенную галлюцинацію, какъ Тургеневъ въ „Странной исторіи“, такой разказъ не имѣлъ бы большой цѣны: въ учебникахъ это уже описано.

Насколько Тургеневъ не понималъ, что съ нимъ произошло, можно судить изъ слѣдующихъ строкъ. „Вернувшись домой.. я чувствовалъ усталость — даже слабость... я, наконецъ, добился ея объясненія. Человѣкъ этотъ, несомнѣнно, обладалъ значительной магнетической силой; дѣйствуя, конечно, непонятнымъ для меня способомъ, на мои нервы, онъ такъ ясно, такъ опредѣленно возбудилъ во мнѣ образъ старика, о которомъ я думалъ, что мнѣ, наконецъ, показалось, что я его вижу передъ глазами. Наукѣ извѣстны подобныя „метастазы“ — перестановленія ощущенія“. Тургеневъ былъ очень уменъ и прекрасно образованъ и

потому не могъ удовлетвориться такимъ неправильнымъ, хотя и принятымъ въ то время „въ наукѣ“, объясненіемъ и потому долженъ былъ сознаться: „прекрасно; но сила, способная производить такія дѣйствія, все-таки оставалась чѣмъ-то удивительнымъ и таинственнымъ“.

Въ томъ же городѣ авторъ познакомился съ богатой барышней, лѣтъ семнадцати; она была „тоненькая и худенькая“, „лицо у нея было совсѣмъ дѣтское, круглое съ маленькими, пріятными, но неподвижными чертами; голубые глазки... глядѣли внимательно, почти изумленно“; „общее впечатлѣніе, производимое этой дѣвушкой, было не то, чтобы болѣзненное, но загадочное“. Авторъ второй разъ ее видѣлъ на балу и замѣтилъ „нѣсколько странный, нѣсколько даже дикій ея взоръ“; „она рѣдко мигала“ *), въ глазахъ было „необычное“. За мазуркой эта барышня, Софи, увѣренно заявила автору, что Васенька дѣлаеть чудеса, что начало вѣры „самоотверженіе... униженіе“. „Гордость человѣческая, гордыня, высокомеріе—вотъ что надо искоренить до тла. Вы вотъ упомянули о волѣ... еето и надо сломать“. „Для чистаго нѣтъ ничего нечистаго! Лишь бы учителя найти!.. наставника найти“... „мнѣ нуженъ такой наставникъ, который самъ бы мнѣ на дѣлѣ показалъ, какъ жертвуютъ собой“.

Черезъ два года авторъ узналъ, что Софи „вотъ ужъ три мѣсяца какъ безъ вѣсти пропала“.

Осенью того же года на постояломъ дворѣ авторъ встрѣтилъ юродиваго въ веригахъ съ тщедушной женщиной въ старомъ, мокромъ мѣщанскомъ шушунѣ. Въ нихъ онъ узналъ Васеньку и Софи; конечно, авторъ напрасно умолялъ Софи вернуться къ отцу.

Въ разказѣ не объяснено достаточно ясно, какъ Софи сблизилась съ Васенькой, но вполне выяснено, что Ва-

---

*) Еще Осборнъ замѣтилъ, что обыкновенно мы мигаемъ 24 раза въ минуту, но при напряженіи вниманія 4—6 разъ. (Tissot: «La Fatigue», p. 128). Очевидно, что у Софи было сильно развито вниманіе.

сенька впалъ въ тяжкое слабоуміе; онъ болталъ: „Древліи врагъ, алмамантъ! А...да...мантъ, А...да...мантъ“, повторилъ нѣсколько разъ юродивый со скрежетомъ зубовъ. „Древліи змій! Но да воскреснетъ Богъ! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его. Я всѣхъ мертвыхъ призову! На врага его пойду. Ха-ха-ха! Тьфу!“ На другой день авторъ вышелъ на крыльцо и увидѣлъ юродиваго. „Онъ сидѣлъ на лавочкѣ подъ воротами и, упершись въ нее обѣими ладонями, раскачивалъ направо и налѣво понуренную голову—ни дать, ни взять—дикий звѣрь въ клѣткѣ. Густыя космы курчавыхъ волосъ закрывали ему глаза и мотались изъ стороны въ сторону такъ же, какъ и отвисшія губы... Странное, почти нечеловѣческое бормотаніе вырывалось изъ нихъ“. Когда Софи, не желая слушать просьбъ автора, приказала юродивому идти,—„иду, матушка, иду“, покорно отвѣтилъ юродивый и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ, приподнялся съ лавочки“.

Очевидно, что впавшій въ полное слабоуміе, Васенька не могъ ни *внушать*, ни гипнотизировать Софи; не онъ приказывалъ ей, а она ему. Остается неизвѣстнымъ, какою болѣзнью страдалъ ранѣе Васенька; діагнозу Мастридіи довѣрять нельзя; она могла истерическіе припадки принимать за эпилептическіе. Остается неизвѣстнымъ, отчего болѣзнь Васеньки прогрессировала—естественно или искусственно, вслѣдствіе частыхъ сеансовъ гипнотизации, которые утомляли больного настолько, что Мастридія боялась припадка послѣ сеанса. Но несомнѣнно, что когда Софи оставила домъ отца, чтобы быть спутницей юродиваго, онъ былъ тяжело-слабоумный и не могъ *внушать* Софи идти съ нимъ.

Едва ли нужно говорить, что отношенія Софи къ юродивому были вполнѣ чистыя, высоко-нравственныя: она служила безпомощному больному.

Не внушеніе, не гипнотизмъ, а сознательное стремленіе къ подвигу сблизило Софи съ юродивымъ. Особенно теперь въ модѣ непонятные намъ поступки объяснять внушеніемъ

и гипнотизмомъ; богатая барышня убѣжала съ бѣднякомъ—говорятъ, онъ загипнотизировалъ и внушилъ ей; дочь съ любовникомъ отравила отца—опять гипнотизмъ и внушеніе. Тургеневъ лучше насъ понималъ людей и мотивы ихъ поступковъ; даже при поверхностномъ знакомствѣ съ Софи авторъ замѣтилъ тѣ особенности ея характера, которыя объясняютъ „странную исторію“. Эта дѣвушка искала подвига, стремилась къ самоотверженію и униженію, и она выбрала себѣ дѣйствительно тяжкій подвигъ, требующій величайшаго самоотверженія и униженія.

Для меня этотъ разсказъ имѣетъ особую цѣнность: я нахожу въ немъ доказательство, что даже самыя странныя исторіи объясняются сознательными мотивами; этотъ разсказъ мнѣ служитъ однимъ изъ аргументовъ противъ модной теперь теоріи внушенія, какъ объясненія непонятныхъ намъ поступковъ.

Авторъ не даетъ матеріала для сужденія о состояніи здоровья Софи; конечно, это была необыкновенная дѣвушка, но ея „странная исторія“ не даетъ еще права предполагать, что она была больная или болѣзненная особа. Я далекъ отъ того, чтобы всѣхъ стоящихъ выше меня, непонятныхъ мнѣ лицъ, считать больными. Софи, конечно, была необыкновенная дѣвушка, она была вырождающаяся въ томъ смыслѣ, что, по своей духовной организаціи, рѣзко уклонялась отъ типа, значительно отличалась отъ толпы: но въ ней уклоненіе было кверху, она была много лучше, выше толпы. Чѣмъ больше въ народѣ лицъ съ такимъ уклоненіемъ отъ типа, тѣмъ лучше его судьба.

VII.

Анализъ произведеній Тургеневъ приводитъ насъ къ заключенію, что патологическія психическія явленія играютъ сравнительно небольшую роль въ той картинѣ, которую онъ нарисовалъ. Только въ послѣдніе годы жизни онъ обратилъ вниманіе на эти явленія, оцѣнилъ ихъ важное значеніе. Ранѣе онъ не обращалъ вниманія на патологическія укло-

ненія душевной жизни, — они его не интересовали. Тургеневъ далъ намъ *относительно* немного описаній патологическихъ проявленій души, но эти описанія поражаютъ своею точностью; ничего выдуманнаго, *вычитаннаго* мы въ этихъ описаніяхъ не находимъ. Эти необычайно вѣрныя изображенія дѣйствительности можно рекомендовать для изученія всѣмъ интересующимся душевными болѣзнями.

Мебіусъ хотя и приходитъ къ заключенію, что Гете невѣрно изображалъ патологическія душевныя явленія, тѣмъ не менѣе указываетъ, какъ и когда Гете могъ ознакомиться съ этими явленіями. Я не могу послѣдовать примѣру Мебіуса, потому что у насъ нѣтъ полной біографіи Тургенева. Намъ неизвѣстна жизнь Тургенева настолько подробно, чтобы опредѣлить, какъ и когда Тургеневъ наблюдалъ душевно-больныхъ, изучалъ ли онъ душевныя болѣзни, интересовался ли медициной вообще. Было бы весьма интересно знать, гдѣ, когда и какъ Тургеневъ наблюдалъ душевно-больныхъ; для меня несомнѣнно, что онъ наблюдалъ тѣ патологическія явленія, которыя онъ описалъ: нельзя вѣрно изобразить то, чего не наблюдалъ. Но для опредѣленія степени геніальности автора весьма важно знать, много ли онъ наблюдалъ или только видѣлъ мелькомъ; понятно, чѣмъ меньше наблюдалъ Тургеневъ то, что онъ изобразилъ, тѣмъ болѣе мы должны удивляться его геніальности, потому что для такого точнаго описанія патологическихъ явленій, какое намъ далъ Тургеневъ, и привычнымъ наблюдателямъ необходимо многолѣтнее изученіе душевныхъ болѣзней.

Насколько намъ извѣстно, Тургеневъ не интересовался психіатріей; къ такому заключенію меня приводитъ „Казнь Тропмана“; если бы Тургеневъ интересовался вопросами психопатологіи, онъ бы обратилъ вниманіе на аномаліи этого врожденнаго преступника. Тургеневу казались странными разсужденія адвоката, старавшагося доказать, что Тропманъ ненормальный человѣкъ, между тѣмъ этотъ адвокатъ, по существу, былъ правъ.

Я думаю, что Тургеневъ не читалъ сочиненій по психіат-

ри; если же и читаль случайно кое-что, то безъ интереса и невнимательно; теоретическихъ свѣдѣній его по психіатріи въ его произведеніяхъ не видно. Сомнѣваюсь, чтобы Тургеневъ много и основательно бесѣдовалъ съ психіатрами о душевныхъ болѣзняхъ и посѣщаль заведенія для душевно-больныхъ. Въ числѣ его близкихъ друзей ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи, сколько извѣстно, не было ни одного психіатра. По моему мнѣнію, такое отсутствіе теоретическихъ свѣдѣній по психіатріи у Тургенева дало ему возможность всецѣло довѣряться только собственнымъ наблюденіямъ, не подгонять добытые собственнымъ наблюденіемъ факты подъ теоріи того или другого ученаго. Изображенія такого великаго наблюдателя имѣютъ громадную цѣнность, именно поскольку матеріаль для нихъ собранъ личными наблюденіями автора. То, что онъ видѣлъ, имѣетъ большую цѣнность, потому что онъ видѣлъ только то, что есть въ дѣйствительности; его свидѣтельству мы должны довѣрять больше, чѣмъ сообщеніямъ обыкновенныхъ наблюдателей. Нѣтъ ничего труднѣе какъ точно наблюдать, и потому наблюденія лицъ, одаренныхъ большою наблюдательностью, особенно драгоцѣнны. Только такія наблюденія заслуживаютъ названія „человѣческихъ документовъ“, потому что они дѣйствительно—точные наблюденія. Тургеневъ, какъ великій наблюдатель, долженъ былъ ограничиться собственными наблюденіями, ему не нужны были сомнительные документы, которые такъ нужны для Золя и которые Золя почему-то называетъ человѣческими.

Было бы странно, если бы Тургеневъ, при его громадной наблюдательности, для своихъ произведеній пользовался сомнительными документами, какъ Золя. Тургеневъ могъ самъ собрать весь матеріаль: поле для наблюденій конечно, нужно только умѣть наблюдать. Какую цѣну могутъ имѣть изображенія, матеріаломъ для которыхъ послужили свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, напримѣръ, даже солидныхъ ученыхъ сочиненія? Произведенія беллетриста, черпающаго матеріалы изъ книгъ, имѣютъ цѣнность постольку, поскольку

сочиненія, имъ изученныя, вѣрны и поскольку онъ ихъ понималъ, уже не говоря о томъ, что такія произведенія не могутъ быть хороши въ художественномъ отношеніи. Для беллетриста крайне опасно вмѣсто собственныхъ наблюдений пользоваться учеными сочиненіями уже потому, что, какъ вполнѣ вѣрно сказалъ Бенедиктъ: „я считаю классической современную книгу, если въ ней только 60% ошибокъ и 40% истины“ *). Можно себѣ представить, сколько ошибокъ должно быть въ произведеніяхъ беллетристовъ, пользующихся не только „классическими“ книгами, и какъ поэтому цѣнны изображенія художника, списанныя имъ самимъ съ природы.

Я думаю, что Тургеневъ для своихъ изображеній патологическихъ душевныхъ явленій пользовался только собственными наблюденіями, потому что эти изображенія не похожи на будто бы точныя описанія душевно-больныхъ въ произведеніяхъ второстепенныхъ романистовъ, черпающихъ свой матеріалъ въ учебникахъ. Золя доказалъ, что нельзя изображать природу, пользуясь, вмѣсто собственныхъ наблюдений, документами, и кто самъ наблюдалъ преступниковъ, тотъ согласится съ Ломброзо, сказавшимъ о „*Bête humaine*“: „Золя не наблюдалъ самъ преступниковъ. Преступники въ „*Bête humaine*“ мнѣ кажутся фотографіями, снятыми съ портретовъ, написанныхъ масляными красками“ **). Понятно, что эти фотографіи постольку вѣрно изображаютъ природу, поскольку картины написаны вѣрно; да и какая надобность въ фотографіяхъ, если есть уже портреты. Для специалиста, изучавшаго не только портреты, но и самую природу, фотографіи Золя, а тѣмъ болѣе фотографіи менѣе его талантливыхъ беллетристовъ, не имѣютъ никакого значенія, а неспециалистовъ онѣ могутъ ввести въ заблужденіе—въ виду ихъ неясности и неточности портретовъ.

По сравненію съ такими фотографіями изображенія Тур-

*) Actes du 3-me Congrès international d'Anthropologie criminelle. 1892, p. 267.

**) Ferri: „Les criminels dans l'art et la littérature“ p. 111.

генева, одареннаго великою наблюдательностью и наблюдавшаго то, что онъ описаль, имѣють громадную цѣнность для специалиста и для неспециалиста. Первый можетъ провѣрить свои собственныя и другихъ изслѣдователей свѣдѣнія, второй можетъ учиться по точнымъ и прекраснымъ описаніямъ Тургенева. Анализу и провѣркѣ психіатра доступно сравнительно немногое въ произведеніяхъ Тургенева; только въ пяти разказахъ психіатръ находитъ изображенія тѣхъ явленій, которыя изучены психіатріей, которыя можно провѣрить на основаніи научныхъ свѣдѣній. Поэтому психіатръ не можетъ много способствовать разъясненію произведеній Тургенева; въ этомъ отношеніи разборъ произведеній Достоевскаго, сдѣланный мною пятнадцать лѣтъ тому назадъ *), имѣль другое значеніе: произведенія Достоевскаго не могутъ быть поняты безъ объясненія патологическихъ душевныхъ явленій, въ нихъ описанныхъ, а въ произведеніяхъ Тургенева лишь нѣкоторые разказы нуждаются въ специальномъ объясненіи со стороны психіатра.

Настоящій очеркъ поэтому имѣеть другую цѣль, чѣмъ вышеназванная моя работа о Достоевскомъ: въ этомъ очеркѣ я имѣль болѣе ограниченную задачу—провѣрить данными психіатріи нѣкоторые разказы Тургенева съ цѣлью установить, насколько вѣрно изображалъ патологическія душевныя явленія нашъ великій реалистъ.

Такая провѣрка могла привести къ одному изъ слѣдующихъ четырехъ выводовъ: или авторъ далъ намъ вмѣсто изображеній дѣйствительности образы фантазіи, или онъ далъ намъ вѣрныя описанія патологическихъ душевныхъ явленій на основаніи изученія сочиненій по психопатологіи, или онъ вѣрно описаль эти явленія, изучивъ ихъ путемъ личнаго наблюденія, или же, наконецъ, его изображенія патологическихъ душевныхъ явленій вѣрны отчасти, но содержать и ошибки. Очевидно, что такая провѣрка имѣ-

---

*) Достоевскій, какъ психопатологъ. «Русскій Вѣстникъ», 1884. Отдѣльное изданіе. Москва, 1885.

еть большое значеніе для общей оцѣнки всѣхъ произведеній Тургенева.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы провѣрка этихъ изображеній привела къ послѣднему изъ перечисленныхъ выводовъ, мы имѣли бы право утверждать: если описанія патологическихъ душевныхъ явленій вѣрны лишь отчасти, то нельзя довѣрять и всѣмъ другимъ произведеніямъ Тургенева; если онъ, несмотря на стремленіе къ реализму, не совсѣмъ вѣрно изображалъ патологическія душевныя явленія, то и нормальныя явленія душевной жизни въ его произведеніяхъ изображены не совсѣмъ вѣрно.

Если бы пришлось прійти къ выводу, что Тургеневъ вѣрно изображалъ патологическія душевныя явленія, потому что пользовался хорошими сочиненіями по психіатріи, мы бы не могли вполне довѣрять Тургеневу: точность его описаній, значить, зависѣла бы отъ того, какими сочиненіями онъ пользовался, а такъ какъ совершенно безошибочныхъ сочиненій нѣтъ, то и въ произведеніяхъ Тургенева должны были бы быть ошибки. Къ счастью, не только нѣтъ основаній предполагать, что Тургеневъ списывалъ изъ учебниковъ, но мы нашли доказательства того, что даже въ чисто-спеціальныхъ вопросахъ Тургеневъ опередилъ науку.

Выводъ, состоящій въ томъ, что для изображенія патологическихъ душевныхъ явленій Тургеневъ прибѣгалъ къ фантазіи, что вмѣсто изображенія дѣйствительности онъ намъ далъ образы фантазіи, не имѣлъ бы значенія для оцѣнки всѣхъ произведеній Тургенева. Мебіусъ пришелъ къ такому заключенію послѣ разбора произведеній Гете; но это не мѣшаетъ намъ поклоняться генію Гете. Тургеневъ такъ же, какъ и Гете, могъ черпать матеріалы для своихъ произведеній и въ собственной фантазіи, и въ собственныхъ наблюденіяхъ. Онъ могъ изображать нормальныя психическія явленія и прибѣгать къ помощи фантазіи въ области, ему неизвѣстной.

Наибольшее значеніе имѣетъ тотъ выводъ, къ которому привело меня изученіе Тургенева: если Тургеневъ съ не-

подражаемою точностью изображалъ ненормальныя психическія явленія, мы должны вполне полагаться на вѣрность всѣхъ образовъ во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева. Если Тургеневъ такъ вѣрно изобразилъ мало ему интересныя, непонятныя ему психопатическія проявленія душевной жизни, — безспорно, что изображенія нормальныхъ психическихъ явленій не менѣе точны. Я вполне понимаю, что произведенія Тургенева уже оцѣнены по достоинству, что не было сомнѣній въ полной правдивости нашего великаго писателя, но еще одно доказательство удивительной точности въ произведеніяхъ Тургенева должно увеличить наше уваженіе къ этому правдивому художнику.

По крайней мѣрѣ, я считалъ своимъ долгомъ, долгомъ русскаго психіатра указать на полную правдивость и удивительную точность описаній патологическихъ душевныхъ явленій въ произведеніяхъ Тургенева.

В. Чижъ.

Францискъ Бэконъ и его историческое значеніе.

(Окончаніе) *).

VII.

Бэконъ, какъ ученый и философъ, претендующій на указаніе для науки и философіи новаго, ей дотолъ неизвѣстнаго пути, приводящаго самымъ вѣрнымъ и безошибочнымъ образомъ къ новымъ открытіямъ, и въ настоящее время находитъ своихъ горячихъ адвокатовъ и не менѣе усердныхъ прокуроровъ. Чтобы разобраться въ этомъ важномъ вопросѣ,—вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли считать отцомъ новой философіи Бэкона или кого другого,—мы должны, не руководствуясь какими-либо посторонними соображеніями, какъ это нерѣдко дѣлается, отвѣтить на основаніи самыхъ сочиненій Бэкона на слѣдующіе вопросы: что представлялъ собою Бэконъ, какъ ученый, указалъ ли онъ какой-либо методъ научнаго открытія, какъ обѣщавъ это сдѣлать, и насколько ново было то, что онъ выдавалъ за свое открытіе?

Чѣмъ былъ Бэконъ, какъ ученый, этотъ вопросъ представляетъ большую важность. По плодамъ мы судимъ о деревѣ, которое ихъ приноситъ. Бэконъ увѣряетъ насъ, что онъ открылъ истинный научный методъ, нашелъ неизвѣстный дотолъ вѣрный путь, безошибочно приводящій къ научнымъ открытіямъ и полезнымъ изобрѣтеніямъ всякаго,

---

*) См. 49-ую книгу «Вопросовъ философіи».

кто только захочетъ идти по нему. Мы прежде всего вправѣ попросить его: покажите намъ тѣ новыя открытія, какія вы сами сдѣлали по вашему методу. Правда, Великое Возрожденіе Наукъ при помощи новаго метода, предпринятое Бэкономъ, осталось невыполненнымъ; правда, самъ Бэконъ сознавалъ, что такое дѣло не подь силу одному человѣку, и главную свою задачу видѣлъ лишь въ томъ, чтобы указать вѣрный путь къ послѣдующимъ открытіямъ. „Мы и не думаемъ,—говорилъ онъ,—что наше дѣло можетъ быть закончено въ теченіе одного человѣческаго возраста, но передаемъ его будущему“. Тѣмъ не менѣе что-нибудь онъ да долженъ же былъ сдѣлать. Дѣйствительно, въ его Новомъ Органѣ и другихъ сочиненіяхъ разбросано много его научныхъ взглядовъ и собственныхъ наблюденій, на основаніи которыхъ мы можемъ составить себѣ представленіе о томъ, что такое былъ Бэконъ, какъ ученый. На это уполномочиваетъ насъ самъ Бэконъ въ заключительномъ параграфѣ своего Новаго Органа: „Я долженъ замѣтить, что мой Органъ не болѣе какъ логика, а не философская система; но моя логика научаетъ и подготавливаетъ умъ, и притомъ не такъ, какъ обыкновенная логика, извлекающая изъ вещей одни лишь абстракты; моя логика дѣйствительно разсѣкаетъ природу, открываетъ силы и дѣйствія вещей и ихъ законы, опредѣленные ихъ составомъ, дабы наука проистекала не изъ природы ума, но изъ природы вещей. Поэтому не должно удивляться, что это ученіе иллюстрировано повсюду примѣрами, взятыми изъ наблюденій и опытовъ, относящимися къ естественнымъ предметамъ и служащими образцами моихъ философскихъ приемовъ“.

Къ сожалѣнію, это образцы крайне печальные.

Какъ самостоятельный ученый, Бэконъ стоитъ ниже всякой критики не только съ нынѣшней точки зрѣнія, но и по сравненію съ ему современными и ему предшествовавшими учеными. Его научные взгляды находятся подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ кумировъ, тѣхъ предрасудковъ, противъ которыхъ онъ боролся, но отъ которыхъ самъ осво-

бодиться былъ не въ состояніи. Какъ наблюдатель и экспериментаторъ, онъ ниже всякой посредственности; у него нѣтъ къ тому ни умѣнья, ни охоты. Я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ, заимствуя ихъ изъ второй части Новаго Органа, а также изъ Достоинства и Увеличенія Наукъ.

Къ чужимъ открытіямъ и новѣйшимъ научнымъ теоріямъ Бэконъ относится съ крайнимъ недоувѣріемъ, чтобы не сказать—съ ненавистью. Въ то время какъ Галилей и другіе ученые изслѣдовали законы тяжести, онъ пишетъ: „Ищите, не можетъ ли количество матеріи въ тѣлѣ быть увеличено до такой степени, что дѣйствіе тяжести прекратится совершенно; такой фактъ представляется земнымъ шаромъ, не падающимъ и остающимся въ висячемъ положеніи. Поищите поэтому, не встрѣтится ли другихъ массъ настолько великихъ, чтобы онѣ могли держаться сами, ибо предполагаемое движеніе къ перемѣщенію въ центръ земли есть не болѣе, какъ химерическое предположеніе“.

Бэконъ на всю жизнь остался врагомъ коперниковой системы и узнавъ, что противъ Галилея начато преслѣдованіе за то, что онъ вмѣстѣ съ Коперникомъ утверждалъ, что земля движется, Бэконъ пишетъ: „Я хотѣлъ бы лучше, чтобы итальянскіе астрономы нѣсколько болѣе держались опыта и наблюденія, вмѣсто того, чтобы поддерживать химерическія и сумасбродныя гипотезы“.

Относительно приводимыхъ имъ примѣровъ Бэконъ замѣчаетъ: „При выборѣ описаній и опытовъ мы надѣемся, что будемъ полезнѣе тѣхъ людей, которые до сихъ поръ занимались естественной исторіей, ибо мы не вносимъ ничего, чего бы не видѣли мы нашими собственными глазами или, по крайней мѣрѣ, чего бы мы тщательно не изслѣдовали; все принимаемое нами подвергнуто строгой повѣркѣ“. Однако, относительно своихъ таблицъ теплоты, самаго главнаго примѣра, иллюстрирующаго его ученіе объ индукціи и служащаго какъ бы пробнымъ камнемъ къ его ученію о томъ, какъ должно дѣлать научныя открытія, онъ самъ же замѣчаетъ, что „вносилъ въ нихъ часто вмѣсто несомнѣн-

ныхъ фактовъ и строго опредѣленныхъ случаевъ чистыя повѣрья и простые слухи“. Между тѣмъ исходной точкой всякой экспериментальной науки является прежде всего точное изслѣдованіе фактовъ, ибо наука есть наука о фактахъ, а не собраніе повѣрій и слуховъ. Какую научную теорію можно построить на основаніи послѣднихъ? Изслѣдованіе фактовъ есть основа научнаго метода, и именно на это-то Бэконъ и не обратилъ вниманія.

Бэконъ на каждомъ шагу замѣчаетъ, что нужно было бы провѣрить то-то и то-то, сдѣлать тотъ или другой опытъ, но самъ нисколько объ этомъ не заботится. Не думайте, чтобы дѣло шло о чемъ-нибудь трудномъ; почти все это опыты, не требующіе ни труда, ни времени, ни какихъ-либо особенныхъ приспособленій. Не сдѣланы они Бэкономъ только потому, что у него никогда не было никакой охоты къ опытамъ и наблюденіямъ. Онъ задается, на примѣръ, такими вопросами: „Не лучше ли бы проростало сѣмячко лука, всаженное въ головку лука, нежели посѣянное въ землѣ?“ „Янтарь и смола вслѣдствіе тренія притягиваютъ соломенку; будутъ ли они притягивать ее, если нѣсколько нагрѣть ихъ, приблизивъ къ огню?“ „Если поставить намагниченную стрѣлку въ положеніе, діаметрально противоположное ея естественному положенію, и, продержавъ ее нѣкоторое время въ такомъ направленіи, оставить ее,—изберетъ ли она восточную или западную сторону для своего возвращенія къ желаемому положенію?“ Слѣдующій предлагаемый имъ опытъ уже нѣсколько болѣе труденъ: „Для облегченія страданій, причиняемыхъ мигренью, открываютъ вену на лбу; нѣтъ ли возможности пожертвовать цѣлой половиной черепа, чтобы облегчить страданія всей головы?“

Въ одномъ мѣстѣ Новаго Органа Бэкона интересуется слѣдующій очень простой опытъ: „Возьмите металлическое блюдце и укрѣпите на немъ зажженную свѣчку; блюдце слѣдуетъ поставить въ сосудъ наполненный спиртомъ, такъ, чтобы послѣдній не доходилъ до краевъ блюда; затѣмъ зажгите спиртъ. Спиртъ дастъ болѣе голубова-

тое пламя, свѣча—желтоватое. Замѣтите, какую форму приметъ тогда пламя спирта, останется ли оно пирамидальнымъ, или же сдѣлается болѣе круглымъ“. Въ дѣйствительности произойдетъ нѣчто совсѣмъ другое. Пламя свѣчи, окруженное пламенемъ спирта, немедленно потухнетъ, такъ какъ не будетъ имѣть доступа кислорода для своего поддержанія. Очевидно, Бэконъ этого опыта самъ не производилъ. Однако въ другомъ мѣстѣ, въ своей *Silva silvarum* онъ описываетъ тотъ же самый опытъ, какъ имъ произведенный. Замѣчательнымъ образомъ пламя свѣчи, наперекоръ всѣмъ законамъ природы, при этомъ не потухло. Отсюда ясно, что самъ Бэконъ относился къ опытамъ и фактамъ до такой степени легкомысленно, что ему ничего не стоило сочинить ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ не было.

Во всемъ Новомъ Органѣ упоминается о какихъ-нибудь четырехъ или пяти опытахъ, сдѣланныхъ самимъ Бэкономъ, точностью которыхъ онъ хвастается, но которые даже для его времени были весьма грубы и поражаютъ тѣмъ, что изъ нихъ часто выводится Бэкономъ совершенно не то, что слѣдуетъ, а лишь то, что ранѣ хотѣлъ вывести изъ нихъ самъ Бэконъ. Такъ, напримѣръ, ему нужно доказать, что жидкости сжимаемы. Для этого онъ предпринимаетъ слѣдующій опытъ. „Я приказалъ,—говоритъ онъ,—приготовить полый свинцовый шаръ, въ который входило приблизительно двѣ пинты воды и стѣнки котораго были достаточно толсты, чтобы выдержать большое давленіе. Затѣмъ я налилъ черезъ отверстіе воды въ шаръ и послѣ того, какъ онъ былъ полонъ, залилъ отверстіе растопленнымъ свинцомъ, такъ что шаръ сталъ совершенно цѣлымъ. Потомъ шаръ былъ сплюсненъ ударами тяжелаго молотка; вода должна была при этомъ сжаться, такъ какъ шаръ имѣетъ самый болѣе объемъ. Когда удары молотка уже болѣе не дѣйствовали, такъ какъ вода оказывала болѣе сильное сопротивленіе, я обратился къ прессу или винту, такъ что вода, не поддаваясь болѣе сжатію, просачивалась черезъ толстый

свинець насквозь въ видѣ тонкой росы. Затѣмъ я вычислилъ, насколько уменьшилось пространство вслѣдствіе сплющенія и насколько сжалась вода вслѣдствіе сильного давленія“.

Это какъ разъ тотъ самый опытъ, который предпринялъ 50 лѣтъ спустя Мегалотти во Флоренціи съ серебрянымъ шаромъ и какъ разъ съ той же самою цѣлью опредѣленія сжатія воды, но который привелъ его къ совершенно противоположному выводу, а именно, что вода замѣтнымъ образомъ не сжимаема, но серебро порозно.

Вотъ другой опытъ, точностью котораго Бэконъ особенно хвалится. Онъ хочетъ опредѣлить объемъ пара сравнительно съ объемомъ жидкости, его образовавшей.

„Я поступилъ для этого слѣдующимъ образомъ. Я взялъ стеклянку вмѣстимостью въ два лота; я выбралъ небольшую стеклянку, чтобы для послѣдующаго испаренія потребовалось меньше теплоты. Эту стеклянку я наполнилъ до горлышка спиртомъ. Затѣмъ я точно опредѣлилъ вѣсъ сосуда вмѣстѣ съ содержащейся жидкостью. Затѣмъ я взялъ пузырь вмѣстимостью приблизительно въ двѣ пинты и выжалъ изъ него весь воздухъ, такъ что стѣнки пузыря соприкасались. Равнымъ образомъ я вытеръ предварительно пузырь масломъ, чтобы слѣлать его плотнѣе и заполнить масломъ всѣ его поры. Въ этотъ пузырь пропустилъ я горлышко стеклянки и крѣпко обвязалъ вокругъ него пузырь навощенной ниткой, такъ что онъ прилегалъ совершенно плотно. Затѣмъ я поставилъ пузырь на горячіе уголья въ печи. Вслѣдствіе теплоты спиртъ расширился и улетучился, и спиртовый паръ или газъ вскорѣ наполнилъ пузырь и раздулъ его во всѣ стороны, подобно парусу. Когда это произошло, я снялъ стеклянку съ огня и поставилъ ее на коверъ, чтобъ она не лопнула отъ слишкомъ быстрого охлажденія. Затѣмъ я тотчасъ же слѣлалъ отверстіе въ верхней части пузыря, чтобы паръ съ уменьшеніемъ теплоты не обратился снова въ жидкость и не нарушилъ вычисленія. Затѣмъ я снялъ пузырь и снова опредѣлилъ вѣсъ спирта, оставша-

гося въ склянкѣ. Отсюда я вычислилъ, сколько спирта обратилось въ парь или газъ, и черезъ сравненіе узналъ, какой объемъ занимала эта часть въ склянкѣ, какъ спиртъ, и какой занимала она, обратившись въ парь, въ пузырь. Оказалось, что означенное тѣло вслѣдствіе такого превращенія и измѣненія получило во сто разъ большій объемъ, чѣмъ прежде“.

Нечего удивляться, что полученный Бэкономъ результатъ оказался во много разъ ниже дѣйствительнаго, ибо опытъ поражаетъ своей крайней примитивностью. Во времена Бэкона физическіе опыты производились уже съ большею тщательностью. Бэконъ прекрасно зналъ, что объемъ газа зависитъ отъ давленія, подъ какимъ онъ находится, но подъ какимъ давленіемъ газъ находился въ пузырь при его опытѣ, онъ не опредѣлилъ. Имъ была утрачена кромѣ того вся та часть газа, которая вышла изъ пузыря чрезъ сдѣланное имъ отверстіе. Если бы онъ продолжилъ нагрѣваніе нѣсколько долѣе, то результатъ получился бы еще меньшій, и при повтореніи опыта Бэконъ получалъ бы конечно каждый разъ различные результаты.

Приведу еще нѣсколько примѣровъ его научныхъ теорій.

„Какъ отъ теплоты, такъ и отъ холода тѣла сжимаются.

„Корни и вѣтви растений подобны между собою, какъ ни страннымъ это можетъ показаться. Ибо всякое растеніе раздувается и разсылаетъ свои части во всѣ стороны, какъ вверхъ, такъ и внизъ, и вѣтви отличаются отъ корней только тѣмъ, что послѣдніе находятся въ землѣ, первыя же выставлены на воздухъ и солнце.

„Подобными являются также смолы деревьевъ и большинство драгоценныхъ камней. Ибо и тѣ, и другія представляютъ собою только выпотѣнія и просачиванія соковъ, въ первыхъ—деревьевъ, во вторыхъ—горныхъ породъ. Вслѣдствіе этого и тѣ, и другія обладаютъ прозрачностью и блескомъ, такъ какъ просачиваніе совершается съ большой тонкостью и постепенностью.

„Вслѣдствіе большей теплоты мужской половой органъ

выпячивается наружу, между тѣмъ какъ женскій половой органъ вслѣдствіе недостаточной теплоты остается внутри.

„Зубы наземныхъ животныхъ представляютъ примѣръ подобія съ клювомъ птицъ, изъ чего становится яснымъ, что у всѣхъ совершенныхъ животныхъ твердая субстанція притекаетъ ко рту.

„Человѣкъ есть только опрокинутое растеніе, въ этомъ нѣтъ извращеннаго подобія или соотвѣстія. Ибо голова его есть корень нервовъ и животныхъ способностей; сѣмянные же части расположены въ самомъ низу, если не принимать въ расчетъ конечностей, рукъ и ногъ. Напротивъ, у растений корень, соотвѣтствующій головѣ, расположенъ обыкновенно въ самомъ низу, а сѣмя на верху“.

Трудно понять, какое научное значеніе могутъ имѣть такія искусственныя и нятянутыя аналогіи.

„Относительно метательныхъ орудій извѣстно, что ихъ сила на небольшомъ разстояніи не такъ значительна, какъ на нѣсколько большемъ“.

„Теплая вода замерзаетъ скорѣе, чѣмъ совсѣмъ холодная“ и т. д.

Замѣчательно, что значительная часть приводимыхъ Бэкономъ ошибочныхъ фактовъ заимствована имъ изъ схоластическихъ сочиненій.

Теорія теплоты, данная Бэкономъ какъ Первая Жатва надъ формой тепла въ примѣръ того, какъ слѣдуетъ вести научную индукцію,—теорія, согласно которой теплота есть только родъ движенія,—неоднократно приводилась въ доказательство плодотворности его метода; въ этой теоріи Бэконъ является, какъ утверждаютъ, предшественникомъ современной теоріи тепла. Теорія тепла Бэкона по сравненію со старыми возрѣніями на тепло, какъ на особое вещество, истекающее изъ нагрѣтыхъ тѣлъ, конечно, представляетъ значительный прогрессъ въ томъ отношеніи, что Бэконъ не признаетъ болѣе тепла за особое вещество, но видитъ въ немъ лишь извѣстное физическое состояніе тѣла; но между его теоріей и современной научной общаго одно только слово—движеніе. Но движеніе движенію рознь.

Теорія тепла Бэкона, выраженная его собственными словами, слѣдующая:

„Теплота есть движеніе расширительное, вслѣдствіе котораго тѣло стремится расшириться и занять большій объемъ и пространство, чѣмъ имѣло ранѣе.

„Теплота есть расширительное движеніе, но отличающееся тѣмъ закономъ, что горячее тѣло стремится вмѣстѣ съ тѣмъ кверху.

„Теплота есть движеніе, не расширяющее тѣло равномерно въ его цѣломъ, но имѣющее отношеніе только къ маленькимъ частицамъ тѣла, которыя при своемъ расширеніи одновременно сжимаются, отражаются назадъ и отбиваются. Вслѣдствіе этого тѣло получаетъ чередующееся и непрерывно колебательное движеніе, которое находится въ состояніи возбужденія и натиска и раздражается вслѣдствіе отраженія назадъ. Отсюда беретъ свое начало стремительность огня и теплоты. Эта особенность всего замѣтна въ пламени и кипящихъ жидкостяхъ, которыя постоянно дрожатъ, маленькія частицы ихъ вздымаются и затѣмъ опадаютъ. То же самое замѣчается и въ тѣлахъ, которыя до такой степени плотны, что, несмотря на нагрѣваніе, не раздуваются или не увеличиваются въ объемъ, какъ, на примѣръ, раскаленное до красна желѣзо, обладающее самымъ сильнымъ жаромъ.

„Дальнѣйшая особенность тепла состоитъ въ томъ, что хотя такое движеніе происходитъ съ нѣкоторой стремительностью и быстротой, но только въ такихъ частицахъ, которыя хотя малы, однако не до крайности, но имѣютъ еще нѣкоторую величину. Эта особенность обнаруживается изъ сравненія дѣйствій огня съ дѣйствіями времени. Время иссушаетъ, истребляетъ, сѣдаетъ и обращаетъ въ прахъ не менѣе чѣмъ огонь, но несравненно болѣе тонкимъ образомъ, и такъ какъ при этомъ движеніе происходитъ медленно и только въ мельчайшихъ частицахъ, то теплота при этомъ не замѣчается“.

„Такова первая жатва, или начало объясненія формы теп-

ла, дозволенное разуму. Согласно первой жатвѣ форма или истинное опредѣленіе тепла, и именно по отношенію ко вселенной, а не просто по отношенію къ чувству, въ краткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: тепло есть сдержанное растительное движеніе, происходящее въ малыхъ частицахъ. При этомъ нѣсколько измѣняется и расширеніе всего тѣла, причемъ объемъ его увеличивается, и движеніе нѣсколько стремится кверху. Прониканіе такого движенія въ частицахъ ближе опредѣляется тѣмъ, что оно не остается совершенно коснымъ, но раздражается и происходитъ съ извѣстной силой. Что же касается до дѣйствительности тепла, то оно есть самый предметъ, ибо ближайшее опредѣленіе его таково: если возможно было бы возбудить въ какомъ либо естественномъ тѣлѣ движеніе, состоящее въ его расширеніи и сжатіи, и если бы было возможно это движеніе стѣснить и направить на самого себя такимъ образомъ, чтобы расширеніе происходило не равномерно, но частію происходило, частію отражалось обратно, то несомнѣнно была бы произведена теплота безотносительно къ тому, каково само тѣло, лишь бы только оно было способно къ такому движенію“.

Такая теорія выведена изъ наблюденій большею частію ложныхъ или совершенно не относящихся къ дѣлу, какъ, напримѣръ: ароматическія и горячительныя растенія, если ихъ взять на языкъ и жевать, производятъ ощущеніе жара и жженія, сильный холодъ производитъ ощущеніе обжога, при перемежающихся лихорадкахъ тѣло сначала охватываетъ ознобъ, но зато послѣ оно становится тѣмъ теплѣе, Юпитеръ грѣетъ сильнѣе, когда онъ находится въ знакѣ Козерога или Водолея, пламя спирта самое слабое изъ всѣхъ, кипящая вода теплѣе докрасна раскаленныхъ тѣлъ, при сильномъ вѣтрѣ пожары сильнѣе распространяются противъ вѣтра, чѣмъ по вѣтру, теплая вода, налитая въ кипятокъ, нѣсколько остываетъ и т. д., и т. д. Никакой теоріи на основаніи подобныхъ фактовъ, спутанныхъ и ложныхъ, построить невозможно, и потому неудивительно, что теорія Бэкона отличается крайней неопредѣленностью; если

въ ней и можно усмотрѣть нѣкоторое чисто-словесное сходство съ современной физической теоріей, то огромная разница заключается въ основномъ отношеніи къ фактамъ. Теорія Бэкона совершенно антинаучна, ибо она не составлена для объясненія фактовъ, тщательно изслѣдованныхъ, провѣренныхъ, но даетъ только кажущееся объясненіе, совершенно неопредѣленное, придуманное для сброда непровѣренныхъ мнѣній и общеходячихъ понятій. Историкъ физики Розенбергеръ замѣчаетъ по поводу бэконовской тепловой теоріи: „Немного, надо сознаться, добыто Бэкономъ относительно природы теплоты, послѣ столькихъ хлопотъ! Если однако принять во вниманіе легкомысленно набранный матеріаль и подчасъ возмутительно-ложныя данныя, съ кѣторыми онъ имѣетъ дѣло, то нельзя не удивляться, какъ онъ вообще могъ прійти къ сравнительно вѣрному опредѣленію теплоты“.

Приведу еще разсужденія Бэкона относительно скорости свѣта:

„Этотъ и другіе примѣры навели меня на странную мысль, — говоритъ онъ, — видимъ ли мы звѣздное небо въ тотъ самый моментъ, когда оно дѣйствительно таково, или же нѣсколько позже, и при наблюденіи небесныхъ тѣлъ не существуетъ ли истиннаго и кажущагося времени также, какъ астрономы различаютъ при параллаксахъ истинное и кажущееся мѣсто. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы блескъ или лучи небесныхъ тѣлъ мгновенно достигали глаза черезъ громадныя разстоянія; скорѣе они должны употреблять на это нѣкоторое время. Однако позднѣе я оставилъ эту мысль о большомъ промежуткѣ между истиннымъ и кажущимся временемъ, принявъ во вниманіе, какъ сильно долженъ ослабиться образъ дѣйствительнаго тѣла звѣзды, пока онъ достигнетъ глаза. Я замѣтилъ также, на какомъ большомъ разстояніи, по крайней мѣрѣ достигающемъ двѣнадцати географическихъ миль, мы мгновенно видимъ бѣлыя тѣла, между тѣмъ какъ свѣтъ небесныхъ тѣлъ очевидно не только отличается большей бѣлизной, но и по силѣ испусканія лучей во много разъ превосходитъ всякое другое извѣст-

ное намъ пламя. Кромѣ того, эта огромная быстрота самыхъ небесныхъ тѣлъ, обнаруживающаяся въ ихъ суточномъ движеніи и даже серьезнымъ людямъ показавшаяся столь поразительной, что они скорѣе повѣрили движенію земли, заставляетъ думать, что и испусканіе ими лучей имѣетъ столь же поразительную скорость. Но самое рѣшающее значеніе имѣло для меня то обстоятельство, что еслибы между дѣйствительностью и ощущеніемъ существовалъ замѣтный промежутокъ времени, то подлежащіе зрѣнію образы часто останавливались бы и перепутывались поднимающимися облаками и другими измѣненіями среды“.

Но перлы физическихъ нелѣпостей Бэкона—это его механическія представленія, насквозь пропитанныя схоластикой, согласно которымъ движенія тѣлъ объясняются животворными духами, симпатіями и антипатіями, свойственными тѣламъ, и такъ далѣе. Напримѣръ:

„Пока кровь и моча проникнуты двигательнымъ духомъ, который какъ господинъ цѣлаго управляетъ и поддерживаеетъ единство въ отдѣльныхъ частяхъ всякаго рода, до тѣхъ поръ однородныя части, сдерживаемыя этой уздой, не соединяются; но какъ скоро этотъ духъ испарился или задушенъ холодомъ, освобожденныя отъ узды части соединяются соотвѣтственно ихъ естественному побужденію. Вотъ почему всѣ тѣла, содержащія острый духъ, какъ соли и тому подобное, отличаются прочностью и не разлагаются; ибо господствующій духъ-повелитель держитъ здѣсь узду твердо и постоянно“.

Бэконъ различаетъ всего 19 родовъ различныхъ движеній, среди которыхъ встрѣчаются, напримѣръ, такія, анти-типія, или сопротивленіе вещества уничтоженію, свобода, въ силу которой тѣла стремятся освободиться отъ внѣшняго давленія, движеніе бѣгства, особенно наглядный примѣръ котораго представляютъ испражненія животныхъ, движеніе самопроизвольно вращательное, „движеніе царское или политическое. Вслѣдствіе этого движенія нѣкоторыя части, господствующія и повелѣвающія въ тѣлѣ, обуз-

дываютъ прочія, подчиняютъ ихъ, приводятъ въ порядокъ и принуждаютъ соединяться, раздѣляться, покоиться, двигаться и останавливаться не такъ, какъ онѣ сами хотятъ, но какъ того требуетъ порядокъ, и какъ это будетъ лучше для повелѣвающей части. Особенно это движеніе обнаруживается въ духахъ животныхъ, но въ низшей степени находится также и въ другихъ тѣлахъ, какъ, на примѣръ, въ крови и мочѣ“.

Вотъ какъ толкуетъ Бэконъ о вешахъ, уже въ его время совершенно извѣстныхъ въ наукѣ, на примѣръ, объ инерціи:

„Движеніе Одра или движеніе, избѣгающее движенія. Вслѣдствіе этого движенія, земля, въ силу своей массы, остается въ покоѣ, а ея самыя внѣшнія части движутся къ серединѣ, не къ воображаемому среднему пункту, но къ соединенію другъ съ другомъ. Въ силу того же стремленія все въ высшей степени плотное избѣгаетъ движенія и имѣетъ одно желаніе—не двигаться. Если даже ихъ самыми разнообразными способами раздражаютъ и побуждаютъ къ движенію, они все же по возможности слѣдуютъ своей природѣ и, даже будучи приведены въ движеніе, постоянно стремятся только къ покою и возстановленію того состоянія, въ которомъ они болѣе не двигаются. Ради достиженія этой цѣли они оказываются весьма подвижными и стремятся къ ней съ торопливостью и нетерпѣніемъ, негодуя на всякое замедленіе, быстро и стремительно“.

48-ой параграфъ второй части Новаго Органа, откуда взяты приведенныя мѣста, вообще представляетъ сводъ механическихъ представленій Бэкона. Итогъ его механики выраженъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„Тѣла или бесконечно движутся, или совершенно покоятся, или стремятся къ опредѣленной цѣли, достигнувъ которой, они, смотря по ихъ природѣ, или вращаются, или покоятся. Если они любятъ движеніе и находятся въ благопріятномъ для него положеніи, то они вращаются по кругу безъ конца и начала. Если они имѣютъ отвращеніе къ

движенію и находятся въ благопріятномъ для себя положеніи, то остаются въ совершенномъ покоѣ. Если они не находятся въ благопріятномъ положеніи, то двигаются по прямой линіи, какъ кратчайшему пути къ соединенію съ тѣлами имъ сродными.

„Тѣла, которыя вообще не находятся въ правильномъ и соотвѣтствующемъ ихъ природѣ положеніи, но и не находятся въ положеніи совершенно плохомъ, постоянно трясутся и въ безпокойствѣ кидаются туда и сюда, ибо они ни довольствуются своимъ настоящимъ движеніемъ, ни осмѣливаются изъ него выйти. Такое движеніе представляетъ біеніе сердца и артерій у животныхъ, и оно должно существовать вездѣ, гдѣ тѣло колеблется между выгодами и недостатками и то пытается освободиться отъ своего положенія, то беретъ свое рѣшеніе назадъ“.

Бэконъ повторяетъ здѣсь раздѣленіе движеній, данное Аристотелемъ въ его метафизикѣ и перешедше въ схоластическія сочиненія среднихъ вѣковъ, откуда Бэконъ его и заимствовалъ. Физическія тѣла окончательно превращены въ живыя существа, и механика—въ ихъ жизненную трагедію. Въ высшей степени странно слышать такія разсужденія отъ человѣка, претендующаго быть вожакомъ науки послѣ механическихъ изслѣдованій Галилея и Леонардо да-Винчи. Если въ первой части Новаго Органа Бэконъ такъ сильно возставалъ противъ унаслѣдованныхъ схоластическихъ представленій, то во второй — онъ самъ оказался погрязшимъ въ нихъ по уши. Онъ умѣлъ проповѣдывать другимъ низверженіе кумировъ, но самъ ихъ не трогалъ и воздавалъ имъ установленныя почести.

Не думайте, что я намѣренно выбралъ самыя слабыя мѣста изъ всѣхъ сочиненій Бэкона. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести рѣшительно сколько угодно. Я взялъ лишь тѣ, которые первыми попались подъ руку, и совершенно не трогалъ, кромѣ того, его *Silva Silvarum*. Наоборотъ, нельзя указать ни одного научнаго открытія, ни одного полезнаго изобрѣтенія, которымъ бы мы были обя-

заны Бэкону. Ни одинъ физическій законъ не носить его имени. Какъ ученый, Бэконъ стоялъ много ниже уровня современной ему науки. Онъ вѣрилъ въ астрологию, талисманы, колдуновъ, духовъ, въ которыхъ уже давно не вѣрили лучшіе представители науки и философіи. Послѣ Коперника, Галилея и Кеплера онъ не только отвергалъ вращеніе земли вокругъ солнца, но даже отзывался объ этой теоріи съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Послѣ того какъ были установлены многіе математическіе законы физики, онъ не оцѣнилъ достаточно значенія математики для естествознанія. Этотъ „отецъ современной науки“, какъ его иногда называютъ, ни разу не полюбопытствовалъ посмотрѣть, что за инструменты телескопъ и микроскопъ, какъ это ясно изъ § 39 2-й книги Новаго Органа, и относился подозрительно къ открытіямъ, сдѣланнымъ при помощи этихъ инструментовъ. Мы не боимся сказать, что какъ ученый Бэконъ былъ менѣ чѣмъ нуль,—это была величина отрицательная.

VIII.

Обратимся теперь къ другимъ сочиненіямъ Бэкона, чтобы посмотрѣть, можно ли было вообще ожидать отъ Бэкона чего-либо, кромѣ нелѣпостей и старыхъ схолатическихъ приемовъ и воззрѣній, какъ скоро дѣло касалось физической науки.

Новый Органъ представляетъ собою, какъ было сказано, неоконченную вторую часть неоконченнаго большого сочиненія, которому дано громкое названіе „Великое Возрожденіе Наукъ“. Значительная часть другихъ сочиненій Бэкона представляетъ собою рядъ предварительныхъ набросковъ къ различнымъ частямъ этого сочиненія. Уже двадцатипятилѣтнимъ юношей носился Бэконъ съ мыслью преобразованія всѣхъ наукъ, хотя знакомство его съ ними навсегда осталось чисто книжное и поверхностное, исключая, впрочемъ, классиковъ, Священнаго Писанія, отцевъ церкви и схоластовъ.

Первый трактатъ Бэкона, оконченный имъ въ 1586 году, но до насъ не дошедшій, носилъ названіе „Величайшее порожденіе времени“. Это былъ первый набросокъ затѣяннаго имъ преобразованія наукъ. Секретарь графа Эссекса Генрихъ Купфе отозвался о немъ, что „дуракъ его написать бы не могъ, а умный бы писать не сталъ“.

Въ томъ же году вышла его „Похвала Наукамъ“, небольшой памфлетъ, содержаніе котораго вошло отчасти въ первую часть большого сочиненія, исполненный самой грубой лести по адресу королевы и написанный главнымъ образомъ для того, чтобы обратить на себя ея вниманіе.

Опубликованное въ 1605 году сочиненіе „О достоинствѣ и преуспѣяніи наукъ божественныхъ и человѣческихъ“ въ распространенномъ видѣ также вошло въ первую часть „Великаго Возрожденія“. Таковы же его мелкія произведенія: „Нить изъ лабиринта“, „Мысли и взгляды на толкованіе природы“ (1612 г. первый набросокъ написанной части Нового Органа), „Вступленіе къ толкованію природы“, „Описаніе интеллектуальнаго міра“ и др.

Какъ добавленіе къ Новому Органу, послѣ смерти Бэкона его секретаремъ Роули былъ изданъ „Лѣсъ Лѣсовъ или Естественная Исторія“, собраніе опытовъ и наблюденій, подобныхъ тѣмъ, примѣры которыхъ были приведены выше, въ значительной степени заимствованныхъ изъ старыхъ схоластическихъ сочиненій и, быть можетъ, отчасти собранныхъ самимъ же Роули по порученію Бэкона. Наряду съ Лѣсомъ Лѣсовъ слѣдуетъ поставить естественно-историческіе трактаты Бэкона, какъ-то: „Исторію жизни и смерти“, „Исторію вѣтровъ“, „Исторію густого и рѣдкаго“, „Введеніе въ исторію тяжелаго и легкаго“, „Введеніе въ исторію симпатіи и антипатіи вещей“, „Введеніе въ исторію сѣры, ртути и соли“. Никакого научнаго значенія эти сочиненія не имѣютъ, о чемъ достаточно свидѣтельствуетъ то, что они нашли такихъ видныхъ противниковъ, какъ Галилей, Гассенди, Кеплеръ, Декартъ. Галилей между прочимъ опубликовалъ подробное опроверженіе воззрѣній Бэ-

кона на причины прилива и отлива. И въ этихъ сочиненіяхъ, какъ въ Новомъ Органѣ, мы находимъ то же легкомысленное отношеніе къ опыту и наблюденію и такія же фантастическія произвольныя обобщенія; если эти произведенія могутъ имѣть какое-либо значеніе для уясненія научнаго метода, то только въ качествѣ примѣровъ, которыми не должно слѣдовать.

Всѣ эти сочиненія стоятъ въ связи съ его „Великимъ Возрожденіемъ“, о которомъ теперь и скажемъ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейти къ другимъ сочиненіямъ Бэкона.

Изъ „Великаго Возрожденія (инставраціи) Наукъ“ появилось только двѣ части: „О достоинствѣ и увеличеніи наукъ“, вышедшее въ свѣтъ въ видѣ первоначальнаго наброска по-англійски въ 1605 году подъ заглавіемъ „О достоинствѣ и преуспѣяніи наукъ божественныхъ и человѣческихъ“ и въ распространенномъ видѣ подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ полатыни въ 1623 г., и „Новый Органъ Наукъ“, изданный въ 1629 году по-латыни, а въ видѣ наброска, какъ „Мысли и взгляды“ (по-латыни) въ 1612 году.

Въ обращеніи къ читателямъ, которое было предпослано Новому Органу, но относится ко всему сочиненію, Бэконъ указываетъ цѣль его. Всѣ тѣ понятія, которыми до сихъ поръ пользуются при изслѣдованіи природы, дурно образованы и распределены, представляютъ собою скорѣ великолѣпное зданіе безъ прочнаго фундамента. Въ то время какъ люди удивляются и превозносятъ ложныя силы человѣческаго разума, они просматриваютъ и губятъ тѣ, которыми онъ могъ бы обладать дѣйствительно, если бы разуму была оказана необходимая помощь и самъ онъ сталъ при-норавливаться къ фактамъ, вмѣсто того, чтобы безсильно чинить надъ ними насиліе. Остается, слѣдовательно, начать работу сызнова, съ лучшими средствами, и приступить ко всеобщему преобразованію наукъ и искусствъ, равно какъ и всѣхъ знаній человѣческихъ на истинныхъ основахъ. Такую задачу и ставитъ себѣ Бэконъ.

Далѣ слѣдуетъ льстивое посвященіе Іакову Первому и многословное, преисполненное метафоръ предисловіе, идеи котораго въ значительной степени развиты были далѣ въ самомъ Новомъ Органѣ. Бэконъ вообще былъ очень склоненъ къ повтореніямъ и выжималъ изъ своихъ мыслей весь сокъ, какой только было возможно. Здѣсь говорится „о неблагопріятномъ, неуспѣшномъ состояніи наукъ; человѣческому уму необходимо открыть совершенно иной, доселѣ неизвѣстный путь, и доставить ему новыя средства, дабы онъ могъ воспользоваться своими правами надъ природой“.

Затѣмъ слѣдуетъ общее распредѣленіе всего сочиненія, которое по замыслу Бэкона должно было состоять изъ шести частей.

Первая часть „Подраздѣленіе наукъ“ (О достоинствѣ и увеличеніи наукъ) представляетъ собою обзоръ всѣхъ наукъ или ученій, которыми уже обладаетъ человѣчество, и указаніемъ недостающихъ, по мнѣнію Бэкона, отдѣловъ и цѣлыхъ наукъ.

Вторая часть „О новомъ орудіи или средствахъ объясненія природы“ (Новый Органъ Наукъ) должна быть посвящена устраненію призраковъ и истинной индукціи въ объясненіи природы.

Третья часть (Лѣсъ Лѣсовъ) обнимаетъ собою явленія вселенной, т. е. всякаго рода опыты и естественную исторію, которая могла бы служить основаніемъ для вновь создаваемой философіи и представляетъ собою какъ бы прогулку по вселенной.

Четвертая книга, „Лѣстница разума“, должна была быть посвящена примѣрамъ изслѣдованія и открытія согласно указанному методу и является такимъ образомъ нагляднымъ разъясненіемъ и примѣненіемъ второй части къ частнымъ случаямъ. Она должна составлять начало или первыя ступени научной индукціи.

Пятая часть имѣетъ только временное значеніе. Она должна была быть посвящена нѣкоторымъ выводамъ и обобщеніямъ, впередъ взятымъ изъ несозданной еще дѣйствитель-

ной науки; она даетъ, по сравненію Бэкона, процентъ, пока нельзя еще получить всего капитала. Въ нее должно было войти все то, что открылъ, изслѣдовалъ или расширилъ самъ Бэконъ, но за вѣрность чего онъ не беретъ на себя отвѣтственности, такъ какъ оно не открыто и не проверено истиннымъ методомъ изслѣдованія природы. Приводимыя здѣсь открытія должны служить какъ бы убѣжищами на дорогѣ, въ которыхъ умъ могъ бы нѣсколько отдохнуть на своемъ пути къ истинѣ.

Наконецъ, шестая часть произведенія „Вторая философія или дѣйствительныя науки“, по отношенію къ которой другія части имѣютъ лишь служебное значеніе предварительной работы, должна была раскрыть философію, какъ она вытекаетъ изъ строгаго и чистаго метода изслѣдованія, изложеннаго и предначертаннаго Бэкономъ. „Завершить эту послѣднюю часть и привести ее къ концу, замѣчаетъ Бэконъ, составляетъ задачу, превышающую мои силы и мои надежды“, и предоставляетъ выполнение ея будущему.

Первая книга „Усовершенствованія Наукъ“ посвящена освобожденію наукъ отъ безславія и презрѣнія, которыми силится покрыть ихъ невѣжество, въ его различныхъ формахъ, какъ заблужденіе теологовъ, презрѣніе политиковъ и заблужденія самихъ ученыхъ. Защита ведется такъ, какъ только могъ бы вести ее истый схоластикъ. Здѣсь мы не найдемъ указаній ни на ту практическую пользу, которую приносили научныя открытія, ни на ихъ значеніе въ освобожденіи человѣческаго ума отъ предрасудковъ и ложныхъ авторитетовъ и въ расширеніи его горизонта, ни на воспитательное значеніе положительной науки — ни одного изъ тѣхъ аргументовъ, которыми воспользовался бы современный ученый, но зато найдемъ цѣлую бездну схоластической премудрости, подавляющую массу примѣровъ изъ анекдотической исторіи, хитро истолкованныхъ цитатъ изъ Священнаго Писанія, ссылокъ на классическихъ писателей. Прежде всего Бэконъ старается доказать, что взводимое на науку обвиненіе въ склонности къ ереси и атеизму не заслужи-

ваетъ вниманія. Правда, въ самомъ Священномъ Писаніи есть повидимому на то указанія. Но обвиненія эти зависятъ отъ ложнаго пониманія писанія. Паденіе челоуѣка причинила не та наука естественная, чистая и первородная, при свѣтѣ которой, когда животныя подведены были къ челоуѣку, онъ далъ имъ названія, согласныя съ ихъ природой,—но та суетная наука о добрѣ и злѣ, которой онъ самоувѣренно желалъ вооружиться, чтобы свергнуть власть Бога и подчиниться собственнымъ своимъ законамъ *).

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что Бэконъ былъ по своимъ воззрѣніямъ челоуѣкъ несомнѣнно вѣрующій, хотя многіе хотѣли въ немъ видѣть не болѣе какъ лицемѣра, который, проводя рѣзкую границу между истинами откровенными и научнымъ знаніемъ, между чудеснымъ, сверхъестественнымъ воздѣйствіемъ и естественнымъ причиннымъ порядкомъ природы, предостерегая отъ вторженія какъ знанія въ область вѣры, такъ и теологіи въ область знанія, вторженія, порождающаго, съ одной стороны, еретическую вѣру, съ другой—фантастическую науку и философію, такимъ ученіемъ о двоякой истинѣ хотѣлъ скрыть свое полное невѣріе, подобно многимъ въ то время. О несомнѣнной религіозности Бэкона свидѣлствуютъ многія мѣста въ его сочиненіяхъ, особенно въ его Нравственныхъ Очеркахъ, его „Религіозныя изслѣдованія“, проникнутыя духомъ серьезнаго благочестія, въ особенности составленная имъ, согласно тогдашнему обычаю для частнаго употребленія молитва, проникнутая сердечной и искренней вѣрой. Значительная часть первой книги Усовершенствованія Наукъ посвящена защитѣ науки отъ обвиненій въ ереси и невѣріи. Когда только знакомишься съ философіей, утверждаетъ Бэконъ, то

*) Въ другомъ мѣстѣ: „причиной его паденія была не та естественная наука, предметъ которой составляютъ твари, а наука нравственная, имѣющая предметомъ добро и зло и основывающаяся на томъ предположеніи, что не однѣ только заповѣди и запрещенія Бога служатъ основаніемъ добра и зла, но что нравственность поступковъ имѣетъ иную причину, которую челоуѣкъ и захотѣлъ узнать съ гордымъ любопытствомъ, чтобы возмутиться противъ Бога и опереться вполнѣ на самого себя и на собственную волю“.

она дѣйствительно можетъ вести къ атеизму, но по основательномъ знакомствѣ съ нею она возвращаетъ къ религіи. Ибо при вступленіи въ философію, когда вторыя причины, какъ ближайшія къ органамъ чувствъ, вкрадываются въ умъ человѣка, когда самый умъ останавливается на нихъ и остается съ ними долго, то забвеніе первой причины можетъ проникнуть въ него. Но если, продолжая путь, посмотрѣть на послѣдствія, на взаимную зависимость, на сцѣпленіе вторыхъ причинъ и на совокупность всего дѣла Провидѣнія, тогда, согласно съ мифологіей поэтовъ, не трудно повѣрить, что послѣднее кольцо естественной лѣстницы приковано къ подножію трона Юпитера *).

*) Соотвѣтствующее мѣсто изъ Нравственныхъ Очерковъ:

„Я скорѣе готовъ повѣрить всѣмъ баснямъ Легендъ, Талмуда и Алкорана, нежели согласиться съ тѣмъ, чтобы великая машина вселенной, въ которой я вижу такой вѣчный порядокъ, дѣйствовала сама собой, безъ всякаго участія въ ней какого-либо разума. Вотъ почему Богъ никогда не прибѣгалъ къ чудесамъ для вразумленія атеистовъ, такъ какъ самая дѣянiя его служили для нихъ видимымъ и непрерывнымъ доказательствомъ Его существованія. Поверхностная философія, быть можетъ, и склоняетъ нѣсколько къ атеизму, но болѣе глубокое міросозерцаніе приводитъ къ познанію Бога: ибо пока человѣкъ ограничивается въ своихъ созерцаніяхъ однѣми вторичными причинами, представляющимися ему разсѣянными и безсвязными, онъ можетъ довольствоваться ими и не желать подняться выше; но когда онъ созерцаетъ неразрывную цѣпь, связывающую всѣ эти причины вмѣстѣ, ихъ взаимную зависимость и, если можно такъ выразиться, ихъ тѣсную конфедерацию, тогда онъ подымается до познанія великаго Существа, которое будучи само истинною связью всѣхъ частей вселенной, сотворило эту громадную систему и сохраняетъ ее своимъ промысломъ.

„Рѣдко встрѣчаются дѣйствительные атеисты, безкорыстные и чистые теоретики, подобно Діагору, Біону, Лукіану и проч. Быть можетъ даже, они кажутся такими больше, чѣмъ были въ дѣйствительности; ибо извѣстно, что люди, борющіеся противъ религіи или противъ существующаго суевѣрія, всегда обвиняются въ атеизмѣ. Истинные же атеисты суть лицемѣры, которые вѣчно вертятъ по своему произволу священными предметами и которые, будучи лишены всякаго религіознаго чувства, въ глубинѣ своего сердца презираютъ ихъ.

„Люди, отрицающіе существованіе Бога, подрываютъ благороднѣйшее преимущество человѣка, такъ какъ тѣломъ своимъ человѣкъ слишкомъ походитъ на звѣря; и если душой онъ не имѣетъ никакого сходства съ божествомъ, то онъ не болѣе какъ подлое и презрѣнное животное.

„Но лучше не имѣть вовсе никакого понятія о Богѣ, нежели имѣть о Немъ

Въ свойствахъ и дѣяніяхъ самого Бога ищетъ Бэконъ прежде всего доказательствъ достоинства наукъ. Потомъ онъ переходитъ къ ангеламъ, природа которыхъ всего ближе подходитъ къ божественной. „Мы видимъ — замѣчаетъ онъ, — что въ чинахъ ангельскихъ (по крайней мѣрѣ, насколько можно вѣрить небесной іерархіи, изложенной Діонисіемъ Ареопагитомъ) серафимы, ангелы любви, занимаютъ первое мѣсто; херувимы, или ангелы свѣта занимаютъ второе; третье и слѣдующія предоставлены ангеламъ престола, господства, власти и начала, такъ что этимъ чиномъ и распредѣленіемъ ясно доказывается, что ангелы свѣта и науки стоятъ выше ангеловъ начальствованія и власти“. Если затѣмъ отъ духовнаго и невещественнаго міра снизойти въ міръ чувственный и матеріальный, то мы найдемъ, что первая созданная форма была свѣтъ, который для вещественнаго и тѣлеснаго міра то же, что наука

понятіе недостойное, такъ какъ въ первомъ случаѣ мы выказываемъ только невѣжество и невѣріе, а во второмъ оскорбленіе и нечестіе. И какъ суевѣріе болѣе оскорбительно для Бога, чѣмъ невѣріе, такъ оно опаснѣе и для чело-вѣка: атеизмъ оставляетъ послѣднему, по крайней мѣрѣ, еще множество опоръ и руководителей, какъ философія, чувство любви, внушаемое самой природой, законы, стремленіе къ славѣ, жажда добраго имени; всего этого было бы достаточно для приведенія его на извѣстную степень нравственности, хотя внѣшней, даже при предположеніи полнѣйшаго его безвѣрія; тогда какъ суевѣріе разрушаетъ всѣ эти опоры и устанавливаетъ въ душѣ человѣческой настоящей произволъ. Мы видимъ также, что эпохи, болѣе всего склонныя къ атеизму, суть эпохи мира и спокойствія, какъ, напримѣръ, вѣкъ Августа; тогда какъ суевѣріе потрясало многія государства, вволя въ нихъ новую движущую силу, которая, придавая болѣе напряженное движеніе всѣмъ отраслямъ управленія, подрывала всю политическую систему. Самыя обыкновенныя причины суевѣрія суть: обряды и церемоніи, предназначенныя для дѣйствія на зрѣніе и прочія чувства; исполнѣ внѣшнее и монотонное притворство въ набожности; чрезмѣрное поклоненіе преданіямъ, обременяющимъ и усложняющимъ ученіе церкви; продѣлки прелатовъ, клонящихся къ увеличенію ихъ богатства и власти; слишкомъ легкомысленная готовность посвятить себя дѣламъ добра и благочестія, что открываетъ двери нововведеніямъ въ дѣло ученія и повиновенія; манія приписывать божеству потребности, способности и страсти человѣческія чрезъ уподобленіе Бога чело-вѣку, что присоединяетъ къ истинному ученію безчисленныя фанатическія мнѣнія; наконецъ, варварскія эпохи, въ особенностяхъ при истощеніи народа несчастіями и страданіями“.

для міра духовнаго и безтѣлеснаго. Далѣ идетъ обзоръ всей священной исторіи съ цѣлью извлечь изъ нея указанія на достоинство наукъ. Человѣкъ былъ введенъ въ рай, чтобы трудиться, но трудъ его тамъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ созерцаніемъ и первая, дѣятельность человѣка въ раю охватывала двѣ общія части науки, а именно осмотръ тварей и ихъ наименованіе. За паденіемъ человѣка въ Каинѣ и Авелѣ изображены два рода жизни—созерцательной и дѣятельной. Авель, „пастухъ, вслѣдствіе досуга, покоя и вѣчно находившагося• передъ его глазами неба, можетъ служить типомъ созерцательной жизни; Каинъ, земледѣлецъ, обремененный работой, съ глазами, вѣчно обращенными къ землѣ, можетъ служить типомъ жизни дѣятельной. Это служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что божественное благоволеніе и избраніе были удѣломъ жизни пастушеской, а не земледѣльческой. Книгу Іова Бэконъ находитъ въ особенности переполненной тайнами натуральной философіи. Таково напримѣръ, слѣдующее изреченіе, относящееся къ космографіи и къ шарообразности земли: „Тотъ, кто направляетъ бурный вѣтеръ въ пустыню и кто держитъ землю повѣшенной надъ бездною“; Бэконъ находитъ здѣсь ясно обозначеннымъ висячее положеніе земли, арктической полюсь и выпуклость неба надъ линіей горизонта. Также Соломонъ написалъ не однѣ только знаменитыя притчи, афоризмы божественной и нравственной философіи, но, кромѣ того, сочинилъ естественную исторію всѣхъ растений, „отъ кедра, растущаго на горахъ, до растущаго на стѣнахъ мха“. Сошествіе Святого Духа выразилось подобіемъ и даромъ языковъ, которые суть не болѣе какъ орудія науки, и потому-то перо святого Павла, единственнаго ученаго между апостолами, употреблено было Богомъ преимущественно передъ другими для написанія Новаго Завѣта.

Упреки касательно бесполезности и малопримѣрности науки для политики и различныя взводимыя на ученыхъ обвиненія опровергаются подобнымъ же образомъ цитата-

ми и примѣрами изъ Цицерона, Овидія, Діогена Лаэртція, Тита Ливія, Платона, Гомера, Сенеки, Вергилія, Лукреція и всего схоластическаго арсенала, соотвѣтствующимъ дѣлу образомъ истолкованнаго и объясненнаго.

Первая книга сочиненія посвящена „Достоинству“ наукъ, остальные ихъ „Увеличенію“ и распредѣленію, вмѣстѣ съ указаніемъ недостающихъ, по мнѣнію Бэкона, отдѣловъ и цѣлыхъ наукъ, или „Дезидерата“.

Человѣческая наука въ ея цѣломъ раздѣляется схоластическимъ образомъ соотвѣтственно способностямъ души человѣческой,—памяти, воображенію и разсудку, на исторію, политическую и естественную, поэзію и философію, или отвлеченную науку. Двѣ первыя имѣютъ дѣло съ единичными явленіями, дѣйствительными или воображаемыми, послѣдняя—съ отвлеченными понятіями о нихъ и законами. Точно такимъ же образомъ теологія, богословская наука, раздѣляется на священную исторію, притчи, представляющія родъ божественной поэзіи, и правила и догматы, или собственно теологію. Каждый изъ этихъ отдѣловъ науки подраздѣляется на болѣе мелкія отрасли, по поводу которыхъ Бэконъ высказываетъ свои соображенія, рассказываетъ анекдоты, приводитъ изреченія древнихъ, выкладываетъ всю свою мудрость и указываетъ существующіе по его мнѣнію пробѣлы. На каждомъ шагу виденъ дилеттантъ не въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Отвлеченная наука дѣлится на теологію и философію. Ибо наука подобна водамъ. Послѣднія либо падаютъ съ неба, либо бьютъ изъ земли. Первое раздѣленіе наукъ тоже должно вытекать изъ ихъ источниковъ. Одни изъ этихъ источниковъ лежатъ въ высшихъ сферахъ, другіе—здѣсь, на землѣ. Наука состоитъ изъ двоякаго рода знаній: одни внушаются божествомъ, другія ведутъ свое начало отъ органовъ чувствъ. Первыя составляютъ теологію, вторыя—философію. Подъ именемъ теологіи слѣдуетъ разумѣть здѣсь теологію священную и вдохновенную свыше, а не естественную теологію, относящуюся, какъ увидимъ далѣе, къ

области философіи. Воззрѣнія Бэкона на теологію излагаются имъ вкратцѣ въ самомъ концѣ сочиненія, ибо она служить „пристанью и мѣстомъ успокоенія всѣхъ человѣческихъ умозрѣній“.

Теологическія воззрѣнія Бэкона состоятъ въ слѣдующемъ:

„Право Творца охватываетъ всего человѣка, и столько же простирается на его разумъ, какъ и на его волю; оно требуетъ отъ человѣка полнѣйшаго отреченія отъ самого себя, исключительной преданности Богу и стремленія походить на него. Поэтому, какъ мы обязаны повиноваться божественному закону, несмотря на сопротивленіе нашей воли, такъ мы должны имѣть и полнѣйшее довѣріе къ слову Божию, хотя бы нашъ умъ противился этому. Чѣмъ болѣе невѣроятна и немыслима божественная тайна, тѣмъ болѣе воздаемъ мы почитаніе Богу, и тѣмъ болѣе блестящую побѣду одерживаетъ вѣра“. Точка зрѣнія совершенно та, которая выразилась въ знаменитой формулѣ: „Вѣрю потому, что противно разуму“.

Философія раздѣляется соотвѣтственно своему предмету: Богу, природѣ и человѣку—на три отдѣла. Природа поражаетъ нашъ умъ прямымъ лучомъ, Богъ поражаетъ его лучомъ преломленнымъ, самъ человѣкъ—отраженнымъ. Но такъ какъ эти три различныя вѣтви философіи походятъ на вѣтви дерева, сходящіяся въ одинъ стволъ, то должно установить еще одну общую науку, которая служила бы общей матерью для всѣхъ остальныхъ. Этой наукѣ Бэконъ даетъ названіе „первой философіи“ или всеобщаго знанія и относитъ ее къ дезидерата. Она должна служить хранилищемъ истинъ, свойственныхъ не каждой отдѣльной наукѣ, а общихъ многимъ наукамъ. Такихъ истинъ великое множество. Такъ, на примѣръ, математическая истина: „если къ двумъ неравнымъ количествамъ прибавить по равному количеству, то полученныя суммы будутъ не равны“,—является лишь частнымъ выраженіемъ истины общей, имѣющей приложеніе также и въ нравственности, ибо въ правосудіи равноправность требуетъ, чтобы неравнымъ людямъ присужда-

лись равныя вещи. Математическая истина: „двѣ величины, равныя третьей, равны между собой“, въ логикѣ составляетъ основу силлогизма. Физическая истина: „заразительная болѣзнь прилипчивѣе въ началѣ своего существованія, чѣмъ въ періодъ зрѣлости“—имѣетъ одинаковое примѣненіе и къ нравственности, ибо самые испорченные люди, самые рѣшительные злодѣи менѣе развращаютъ нравы общества, чѣмъ люди менѣе испорченные, у которыхъ пороки перемѣшаны съ добродѣтелями, и т. д. Всѣ такія истины должны относиться къ первой философіи. Она же должна разсматривать, почему въ природѣ нѣкоторыя вещи находятся въ большемъ изобиліи, чѣмъ другія, а также почему встрѣчаются неопредѣленные существа, составляющія посредствующіе члены между различными видами, напримѣръ, мохъ, нѣчто среднее между разлагающейся матеріей и растеніемъ; мыши, крысы и подобныя существа, среднія между животными, рождающимися отъ разложенія, и тѣми, которыя происходятъ отъ зародышей; летучія мыши—среднее между птицами и четвероногими и т. д. Всѣ эти вопросы должны составить содержаніе не существующей еще науки „первой философіи“, составляющей общій корень для естественной теологіи, философіи природы и человѣка.

Естественная теологія есть наука или, вѣрнѣе, искра науки, какую только можно приобрѣсть о Богѣ посредствомъ естественнаго свѣта и созерцанія вещественнаго міра. Она имѣетъ своимъ назначеніемъ опроверженіе атеизма и уличеніе его во лжи, но не идетъ далѣе этого, не простирается до установленія религіи, такъ какъ послѣднее есть дѣло откровенія. Но если естественная теологія не говоритъ намъ ничего положительнаго о сущности Бога, то совершенно иное представляетъ изученіе природы ангеловъ и нечистыхъ духовъ, познаніе которыхъ вполне доступно естественному человѣческому разуму. „Изслѣдованіе и изученіе ихъ природы, ихъ могущества, ихъ замысловъ, основанное не только на различныхъ мѣстахъ Священнаго Пи-

санія, но и на здоровомъ смыслѣ и *наблюденіи*, составляетъ не малую часть духовной мудрости“.

Наука о природѣ раздѣляется на изслѣдованіе причинъ и производство результатовъ или теоретическую и практическую. Теоретическая наука о природѣ дѣлится на собственно физику и метафизику. Собственно-физика изслѣдуетъ вещественный составъ тѣлъ природы, ихъ матерію и ихъ дѣйствующія причины. Въ число дезидерата въ этой области Бэконъ ставитъ между прочимъ здравую астрологию, или науку о предсказаніяхъ. Существующая астрологія должна быть очищена, ибо она полна заблужденій. Такъ, напримѣръ, небесныя тѣла производятъ дѣйствіе не на всякаго рода земныя тѣла, но только на самыя нѣжныя и чувствительныя: жидкости, воздухъ, пары, хотя впрочемъ теплота солнца и другихъ небесныхъ тѣлъ несомнѣнно проникаетъ въ металлы и въ другія тѣла, находящіяся внутри земли. Далѣе, дѣйствіе небесныхъ тѣлъ простирается скорѣе на большія массы, а не на отдѣльные предметы; равнымъ образомъ въ звѣздахъ нѣтъ никакой роковой необходимости, но только самое большее—лишь нѣкоторыя стремленія, а не роковыя дѣйствія. Такая очищенная астрологія, на основаніи наблюденій надъ небесными тѣлами и на основаніи традицій, переданныхъ множествомъ писателей, совершенно согласныхъ между собою, будетъ въ состояніи предсказывать появленіе кометъ, потопаы, засухи, войны, мятежи, расколы, переселеніе народовъ, будетъ ли благопріятенъ годъ для оливковыхъ деревьевъ или для винограда, для чахоточныхъ или страдающихъ печенью, для ученыхъ или военныхъ, для сластолюбивыхъ и лѣнивыхъ или дѣятельныхъ и т. д.

Метафизика имѣетъ своей задачей изслѣдованіе формъ и конечныхъ причинъ или цѣлей явленій.

Понятіе формы у Бэкона довольно запутано и представляетъ собою нѣчто среднее между Аристотелевскимъ понятіемъ формы, схоластическимъ представленіемъ субстанціальныхъ свойствъ, платоновскими идеями и локковымъ ученіемъ о первичныхъ свойствахъ. Для насъ недоступна,

согласно Бэкону, субстанція или форма самыхъ вещей: льва, дуба, золота и т. д.,—но для насъ доступна субстанціальная форма ихъ качествъ: плотнаго, рѣдкаго, теплаго, холоднаго, тяжелаго и т. д. Какъ слова составляются изъ небольшого количества буквъ, точно также въ основѣ всѣхъ свойствъ предметовъ лежитъ нѣсколько субстанціальныхъ формъ, изъ сочетанія которыхъ эти свойства возникаютъ; форма есть слѣдовательно основная причина или сущность даннаго физическаго свойства. Бэконъ не считалъ, однако, тепло, цвѣтъ и т. д. только нашими ощущеніями, чисто вторичными свойствами вещей, какъ Локкъ; онъ вмѣстѣ съ схоластами считалъ ихъ реально существующими. Въ основѣ всего этого необъятнаго разнообразія физическихъ свойствъ лежитъ нѣсколько существенныхъ свойствъ, изслѣдованіе которыхъ и составляетъ задачу метафизики. Въ параграфѣ 4 второй книги Новаго Органа Бэконъ даетъ такое правило для отысканія формы даннаго свойства: „необходимо указать свойство, которое могло бы быть превращено въ данное свойство и которое представляло бы собою частное видоизмѣненіе извѣстнаго по своей природѣ свойства, представляющаго истинное родовое свойство. Форма тепла, какъ находить ее Бэконъ, есть сдержанное расширительное движеніе въ малыхъ частицахъ. Движеніе есть родовое свойство; сдержанное движеніе въ малыхъ частицахъ есть частное видоизмѣненіе этого родового свойства и форма тепла. Въ основѣ всего необъятнаго разнообразія свойствъ предметовъ лежитъ нѣсколько общихъ свойствъ, какъ-то: величина и расположеніе частицъ, движеніе—точного указанія ихъ нигдѣ у Бэкона не находимъ—, изъ различныхъ видоизмѣненій которыхъ, какъ на примѣръ, движенія быстро и медленнаго, въ большихъ массахъ или малыхъ частицахъ, различной формы частицъ и ихъ величины и т. д. и изъ разнообразныхъ сочетаній ихъ другъ съ другомъ возникаетъ то, что мы называемъ теперь чувственными качествами вещей. Изслѣдованіе общихъ формъ физическихъ свойствъ вещей составляетъ задачу метафизики. Такими формами за-

нимается и обыкновенная физика, но она изслѣдуетъ ихъ только въ опредѣленныхъ предметахъ и потому не доходитъ до истинной формы извѣстнаго качества. Она изслѣдуетъ, напримѣръ, причину бѣлизны снѣга или водяной пѣны и находитъ, что здѣсь бѣлый цвѣтъ обусловливается тончайшею смѣсью воздуха съ водой въ твердомъ или жидкомъ состоянiи; но это еще только, такъ сказать, зародышъ формы. Метафизика изслѣдуетъ причину бѣлаго цвѣта вообще и находитъ, что форма или основная причина бѣлаго цвѣта есть смѣшенiе въ видимыхъ пропорціяхъ двухъ, безразлично какихъ—снѣга, стекла или чего другого, прозрачныхъ тѣлъ, расположенныхъ въ простомъ и однообразномъ порядкѣ. Натуральная исторiя служитъ ближайшимъ основанiемъ для физики, послѣдняя—для метафизики. Въ ученiи о формахъ выражается единство всѣхъ частныхъ физическихъ наукъ. Въ сущности говоря, Бэконовская метафизика и есть то, что мы называемъ теперь просто физикой, и чѣмъ она всегда была, хотя Бэконъ и относитъ ее въ число дезидерата.

Вторая часть метафизики состоитъ въ изслѣдованiи конечныхъ причинъ или цѣлесообразности явленiй. Бэконъ вовсе не исключаетъ изслѣдованiя цѣлей, но только предостерегаетъ отъ манiи трактовать о нихъ въ физикѣ, вслѣдствiе чего изъ послѣдней было изгнано изслѣдованiе физическихъ причинъ, искали объясненiя того, для чего что-либо существуетъ, а не того, чѣмъ оно производится, и вслѣдствiе этого физика была непроеводительной. Изслѣдованiе цѣлей бесплодно, какъ дѣвственница, посвященная Богу. Это значитъ только то, что оно не можетъ принести никакихъ практическихъ результатовъ, но не то, что оно невозможно по существу своему. „Мы вовсе не думаемъ,—говоритъ Бэконъ,—чтобы конечныя причины не имѣли для насъ никакого реальнаго значенiя и не заслуживали нашихъ изслѣдованiй въ метафизическихъ умозрѣнiяхъ; но дѣло въ томъ, что въ непрерывныхъ набѣгахъ и вторженiяхъ конечныхъ причинъ въ область причинъ физическихъ онѣ все разоряютъ и опрокидываютъ въ этомъ отдѣлѣ“. Метафизическое

объясненіе нисколько не противорѣчитъ физическому, но это двѣ совершенно разныя вещи. „Объясненіе, что вѣки служатъ оградой для глазъ, нисколько не мѣшаетъ другому объясненію, что волосы растутъ обыкновенно близъ отверстій влажныхъ частей“.

Бэконъ не говоритъ здѣсь о двухъ вещахъ. Во-первыхъ, какимъ научныхъ методомъ (его метафизика есть вѣдь только отдѣлъ въ наукѣ о природѣ, а не то, что разумѣютъ подъ ней обыкновенно въ исторіи философіи), какимъ научнымъ путемъ возможно познаніе цѣлей, когда научный методъ только одинъ, — методъ индуктивный, — и онъ-то именно и не пригоденъ для познанія конечныхъ причинъ. Во-вторыхъ, какъ согласить его установленіе науки о цѣляхъ, какъ отдѣльной отрасли науки о природѣ, съ тѣмъ, что онъ говоритъ о цѣляхъ въ своемъ Новомъ Органѣ, относя ихъ къ *idola tribus*, какъ понятія, „берущія свое начало изъ чловѣческой природы, а не изъ природы вселенной, понятія, изъ которыхъ произошла невѣроятная порча философіи“.

Остается неяснымъ также и то, почему онъ предостерегаетъ физическую науку отъ изслѣдованія цѣлей, допуская ее, однако, къ изслѣдованію формъ, которыя также отнесены въ область метафизики. Главная часть Новаго Органа посвящена методу открытія формъ. Что же, Новый Органъ есть ученіе о методѣ физическихъ наукъ или метафизики? Вся эта путаница происходитъ отъ того, что Бэконъ по существу своему былъ схоластъ, лишь увязавшійся за общимъ теченіемъ физическо-научнаго направленія.

Прикладная наука дѣлится на механику, соотвѣтствующую физикѣ, и магію, соотвѣтствующую метафизикѣ, какъ ученію о формахъ. Метафизика, какъ ученіе о конечныхъ причинахъ или цѣляхъ, не имѣетъ себѣ соотвѣтствующей прикладной науки. Въ этомъ смыслѣ Бэконъ и говоритъ, что „изслѣдованіе конечныхъ причинъ бесплодно и, подобно дѣвственницѣ, посвященной Богу, ничего не зачинаетъ“.

Задача натуральной магіи состоитъ въ томъ, чтобы, обладая знаніемъ формъ, умѣть производить въ природѣ корен-

ныя преобразованія до превращенія однихъ веществъ въ другія. Постигнувъ природу тяжести, цвѣта, ковкости, тягучести, огнеупорности и т. д., человѣкъ будетъ въ состояннн, наконецъ, дѣлать золото или превращать въ золото какой-либо другой металлъ, сообщая ему свойства золота. Очевидно, такая новая магія не имѣетъ ничего общаго со старой, которая пыталась превращать въ золото всѣ металлы нѣсколькими каплями волшебнаго эликсира. Точно такимъ же образомъ легче повѣрить, что при содѣйствнн воздержанія, ваннъ, мазей, хорошо избранныхъ лѣкарствъ, упражненій, приспособленныхъ для этой цѣли, человѣкъ, зная природу процессовъ, происходящихъ въ человѣческомъ тѣлѣ, будетъ въ состояннн продлить жизнь и вызвать до нѣкоторой степени силы молодости, чѣмъ предположить, что той же самой цѣли можно достигнуть нѣсколькими каплями какой-нибудь драгоценной жидкости или квинтэссенціи. Такимъ образомъ въ воззрѣнняхъ Бэкона на задачи метафизики, какъ изслѣдованія формъ, и ея пракческаго примѣненія, или, какъ онъ называетъ, натуральной магіи, нѣтъ по существу своему ничего абсурднаго.

Наука о человѣкѣ раздѣляется на два отдѣла, разсматривающихъ его или какъ существо единичное, или какъ члена общества. Наука объ единичномъ человѣкѣ въ свою очередь состоитъ изъ науки о тѣлѣ и науки о душѣ. Кромѣ того, должна существовать еще общая наука объ индивидуальномъ человѣкѣ, раздѣляющаяся на науку объ его немощахъ и его превосходствахъ или преимуществахъ, которую еще предстоитъ создать, и куда должны быть отнесены всѣ анекдоты о томъ, что Цезарь диктовалъ одновременно пять писемъ, Анакзархъ во время пытки откусилъ свой языкъ и выплюнулъ его въ лицо тиранну и т. д. Къ этой же общей наукѣ объ индивидуальномъ человѣкѣ должно относиться ученіе о связи души съ тѣломъ, то есть объ ихъ взаимномъ воздѣйствнн, какъ можно познавать душу по строенію тѣла и, обратно, строеніе по случайнымъ расположеніямъ души. Сюда относятся фізіономика и толкованіе сновъ.

Наука о тѣлѣ человѣка раздѣляется на медицину, косметику, гимнастику и науку объ удовольствіяхъ.

Наука о человеческой душѣ состоитъ изъ двухъ частей: одна имѣетъ своимъ предметомъ рacionalesную, божественную душу, другая—нерacionalesную душу, общую человѣку съ животными. Эти два начала души ясно обнаружились въ моментъ ихъ первоначальнаго сотворенія, а именно: одно ведетъ свое происхожденіе отъ божественнаго дыханія, а другое—отъ вещественныхъ элементовъ; ибо Священное Писаніе говоритъ такимъ образомъ о первоначальномъ зарожденіи рacionalesной души: „Онъ сдѣлалъ человѣка изъ земли и вдохнулъ въ его лицо дыханіе жизни“; тогда какъ происхожденіе нерacionalesной души было результатомъ слѣдующихъ словъ: „да произведетъ вода, да произведетъ земля“. Послѣдній родъ души, какимъ онъ оказывается въ человѣкѣ, представляетъ не болѣе какъ простой органъ по отношенію къ рacionalesной душѣ и, сходный въ этомъ съ душой животныхъ, получилъ свое происхожденіе изъ глины. На этомъ основаніи первую часть науки о душѣ Бэконъ называетъ наукой о дыханіи жизни, вторую—наукой о чувствующей душѣ.

Наука о дыханіи жизни или наука о рacionalesной душѣ, или духѣ, занимается изслѣдованіями того, прирожденна ли душа или случайна, сложна или нераздѣльна, смертна или бессмертна, до какой степени она связана съ законами матеріи или до какой степени независима отъ нихъ, и другими подобными проблемами. Хотя однако эти вопросы даже въ философіи подлежатъ болѣе точнымъ и глубокимъ изслѣдованіямъ, чѣмъ какія были сдѣланы до сихъ поръ, однако окончательное разрѣшеніе и опредѣленіе ихъ должно быть предоставлено религіи. Что же касается до изслѣдованія чувствующей души, то пока еще такой науки не существуетъ, и Бэконъ относитъ ее въ число дезидерата. Чувствующую душу Бэконъ представляетъ себѣ какъ „вполнѣ тѣлесную сущность, разжиженную теплотой и слѣвавшуюся невидимой вслѣдствіе такого разжиженія“. „Это—жид-

кость, по природѣ родственная воздуху и огню, одаренная пронизательностью воздуха для воспріятія впечатлѣній и дѣятельностью огня для проявленія своей дѣятельности; вскормленная отчасти маслянистыми, отчасти водянистыми веществами, имѣющая свое главное мѣстопробываніе въ головѣ, проходящая по нервамъ и возстановляющая свои потери посредствомъ спиртоватой крови, доставляемой артеріями“. У животныхъ она занимаетъ главное мѣсто, а тѣло служитъ ей органомъ, между тѣмъ какъ у человѣка она сама есть только органъ раціональной души или духа. Самыя главныя ея способности—разумъ, разсудокъ, воображеніе, память, желаніе, воля.

Наука о чувствующей душѣ, хотя еще и не установленная и не разработанная, имѣетъ двѣ своихъ прикладныхъ науки—ученіе объ естественномъ отгадываніи и ученіе объ околдованіи.

Предвидѣніе или отгадываніе получаетъ свое значеніе отъ нѣкоторой внутренней силы души. Оно бываетъ двухъ родовъ: или прирожденнымъ, или вызваннымъ постороннимъ вліяніемъ. Прирожденное опирается на то основаніе, что душа обладаетъ предварительнымъ познаніемъ будущаго, поразительные примѣры котораго представляютъ сны, состоянія изступленія, приближенія смерти и тому подобное. Такое состояніе души можетъ быть вызвано или, по крайней мѣрѣ, облегчено воздержаніемъ и всѣми средствами, содѣйствующими освобожденію души отъ ея отравленій, относящихся къ тѣлу и дающихъ ей возможность пользоваться собственной своей природой безъ всякой помѣхи со стороны внѣшнихъ причинъ. Предвидѣніе черезъ вліяніе основывается на томъ, что душа, подобно зеркалу, получаетъ извѣстное отраженное освѣщеніе отъ предвидѣнія Бога и духовъ; подобно первому оно зависитъ отъ состоянія здоровья и извѣстнаго образа жизни.

Что касается до околдованія, то оно состоитъ въ могущественномъ дѣйствіи воображенія на тѣло другого человѣка. Обряды, знаки, заклинанія, тѣлодвиженія, амулеты

и другія подобныя средства, которыми при этомъ пользуются, обязаны своей силой не какому-либо договору съ злыми духами, но имѣють цѣлью просто возбудить и усилить воображеніе, подобно тому какъ въ религіи прибѣгаютъ къ образамъ съ цѣлью сосредоточить и возбудить набожность молящихся.

Изслѣдованіе отдѣльныхъ способностей души составляетъ предметъ логики и нравственности.

Но здѣсь мы остановимся, ибо и вышеприведенныхъ главныхъ подраздѣленій философіи, надѣмся, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы показать, до какой степени схоластической характеръ носить означенное сочиненіе Бэкона. Если бы мы обратились къ болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ наукъ, то не нашли бы здѣсь ни науки о животныхъ и растеніяхъ, ни перечня наукъ о неодушевленной природѣ, отраслей физики и т. д., но зато нашли бы цѣлыя большія главы о толкованіи мѣровъ, о шифрованномъ письмѣ, о возбуждающихъ украшеніяхъ рѣчи, опроверженія софизмовъ, 67 примѣровъ антитезы, то-есть того, что можно сказать въ защиту и что можно сказать противъ дворянства, красоты, юности, жены и дѣтей и такъ далѣе, 34 объясненія параболъ, взятыхъ изъ притчей Соломона, подробныя правила искусства пролагать себѣ дорогу въ жизни и т. д., — все это съ историческими примѣрами, анекдотами, изреченіями древнихъ писателей и собственными остроумными замѣчаніями.

Новый Органъ составляетъ вторую часть Великаго Возрожденія Наукъ. Было бы удивительно, если бы и здѣсь не сказался тотъ же по существу своему схоластической писатель.

Къ сочиненіямъ Бэкона, не имѣющимъ отношенія къ Великому Возрожденію Наукъ, принадлежитъ: „Исторія Генриха VII“, предка Іакова, написанная послѣ того, какъ послѣдній сложилъ съ Бэкона присужденное ему наказаніе, и очень ему понравившаяся. Историки придаютъ большую цѣну этому произведенію Бэкона за его прекрасную и без-

пристрастную характеристику названнаго государя, хотя и указываютъ на отсутствіе настоящаго историческаго пониманія.

„Начала англійскаго общаго права“ имѣютъ спеціальнѣйшій характеръ.

Небольшое сочиненіе (1604) „О церковномъ мирѣ и усиленіи англійской церкви“ написано на ту тему, что церковь есть глазъ Англіи, и если глазъ засорился, то нужно извлечь попавшій въ него соръ, а не вырывать самый глазъ.

„Христіанскіе парадоксы“, явившіеся въ свѣтъ уже послѣ смерти Бэкона, въ 1645 году, дали всего болѣе повода къ обвиненіямъ Бэкона въ атеизмъ. Но скорѣе онъ имѣетъ здѣсь въ виду, какъ и въ Великомъ Возрожденіи Наукъ, строгое разграниченіе естественнаго человѣческаго разума отъ богооткровенной вѣры.

Въ 1597 году вышли его „Нравственныя, экономическія и политическія очерки“, которые затѣмъ неоднократно переиздавались и при жизни Бэкона пользовались изъ всѣхъ его сочиненій наибольшимъ успѣхомъ и распространеніемъ. Для характеристики Бэкона, какъ писателя, эти очерки имѣютъ, пожалуй, наибольшее значеніе. Это—небольшія наброски на самыя разнообразныя темы. На-ряду съ весьма глубокомысленными замѣчаніями читателя поражаетъ невѣроятное пустословіе и желаніе шегольнуть своею начитанностью въ классикахъ и отцахъ церкви и своей мудростью въ самыхъ разнообразныхъ вопросахъ. Это есть „Книга премудрости Бэкона Веруламскаго, лордъ-канцлера англійскаго“. Съ одинаковымъ глубокомыслиемъ здѣсь трактуется о смерти и о расходахъ, о бунтахъ и возмущеніяхъ и о способѣ сохраненія здоровья, объ единствѣ чувства въ христіанской церкви и о разведеніи садовъ, о самодержавіи и искусствѣ повелѣвать и о манерахъ, о соблюденіи приличій и о свѣтскомъ обращеніи, объ истинномъ величій государствъ и республикъ и о дурнотѣ и безобразіи и т. д. Я уже имѣлъ случай привести нѣсколько отрывковъ изъ этихъ очерковъ.

Очерковъ, имѣющихъ болѣе или менѣе серьезныя темы, мало. Большею частью они наполнены иногда остроумнымъ, но совершенно бесполезнымъ разглагольствованіемъ на самыя пустыя темы, или же сравненіями и замѣчаніями, которыя только кажутся глубокомысленными, но скорѣе доказываютъ полное неумѣнье отличать болѣе важное отъ зауряднаго и не имѣющаго никакого значенія. Напримѣръ:

„Счастье подобно торгу, въ которомъ нерѣдко, подождавъ немного, купишь дешевле. Иногда же, напротивъ того, оно похоже на Сивиллу, которая, по мѣрѣ сожиганія своихъ книгъ, повышаетъ цѣну на остальные, и за послѣднюю требуетъ ту же плату, какую просила за всѣ. Случай,—говорить поэтъ,—косматый спереди, лысъ сзади; предлагая чашу, онъ подаетъ ее сначала ручкой, а потомъ донышкомъ, за которое труднѣе ухватиться“.

Или:

„Дома строятся для того, чтобы жить въ нихъ, а не для того, чтобы любоваться ими снаружи. Вотъ почему слѣдуетъ отдавать въ нихъ предпочтеніе удобству передъ симметрией, если невозможно сохранить и то, и другое. Излишнія диковины, которыя заводятъ въ нихъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе пріятными для глазъ, умѣстны только въ волшебныхъ замкахъ поэтовъ, потому что онѣ дешево имъ обходятся. Кто рѣшается на постройку прекраснаго зданія въ мѣстности неудобной и непріятной, тотъ добровольно помѣщаетъ себя въ тюрьму. Замѣтите, что подъ именемъ неудобной мѣстности я разумѣю не только такую, гдѣ воздухъ нездоровъ, но и такую, гдѣ онъ не ровень, какъ это можно замѣтить на многихъ прелестныхъ площадкахъ, разбросанныхъ по холмамъ, окруженнымъ высокими горами, со всѣхъ сторонъ открытыхъ солнцу, между тѣмъ какъ вѣтеръ подымается на нихъ вихрями, вслѣдствіе чего ощущаются такія сильныя и быстрыя смѣны тепла и холода, что вамъ кажется, будто вы живете въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ“.

и т. д.

„Позади дома долженъ быть построенъ дворъ, въ четырехъ углахъ котораго четыре прекрасныя лѣстницы вели бы на маленькія башни, выступающія впередъ изъ общей ограды зданія, и пропорціональныя съ нижними его частями. Дворъ этотъ не долженъ быть мощень для предупрежденія чрезмѣрнаго отраженія теплоты лѣтомъ и холода зимой“. За Разсужденіемъ о строеніяхъ слѣдуетъ не менѣе пространное Разсужденіе о садахъ и о томъ, какія растенія, въ какомъ мѣсяцѣ слѣдуетъ въ нихъ разводить.

Въ настоящее время трудно понять, почему этотъ сборникъ имѣлъ среди современниковъ Бэкона наибольшее распространеніе изъ всѣхъ его сочиненій, — до такой степени онъ пусть по содержанію и утомителенъ по изложенію, несмотря на стараніе сдѣлать рѣчь занимательною при помощи парадоксовъ, историческихъ анекдотовъ, мыслей древнихъ писателей и напряженно-остроумныхъ изреченій. Главная причина успѣха очерковъ лежала, кажется, не въ ихъ содержаніи, а въ томъ, что они принадлежали самому лорду канцлеру, знаменитому свою ученостью и философскимъ умомъ, и каждый старался по мѣрѣ силъ позаимствовать и для себя отъ его свѣта. Такъ пользуются успѣхомъ всякаго рода воспоминанія и замѣтки знаменитыхъ лицъ, издаваемые при ихъ жизни или вскорѣ послѣ ихъ смерти, и быстро забываемыя, какъ скоро имя ихъ авторовъ потеряло интересъ современной личности. Въ настоящее время эти очерки врядъ ли находятъ какихъ-либо читателей.

Затѣмъ остается упомянуть еще о „Собраніи изреченій древняго и новаго времени“, до которыхъ Бэконъ былъ большой охотникъ, и „О мудрости древнихъ“ (1609 года). Онъ доказываетъ, что въ мѣахъ древнихъ подъ иносказательной формой скрываются глубокія истины теоретической и нравственной философіи, такъ что остается только эти мѣаы истолковать должнымъ образомъ, и эти истины станутъ ясны. Это довольно большая книга, читая которую,

празда, съ превеликой скукой, только удивляешься, какъ могъ написать такой вздоръ человѣкъ, написавшій первую часть Новаго Органа, и сколько времени и умственного напряженія убито на эту нелѣпость и бессмыслицу. Какъ могъ человѣкъ, сказавшій, что истина есть дочь времени и что путь къ познанію природы ведетъ шагъ за шагомъ отъ опытовъ и наблюденій черезъ среднія обобщенія къ общимъ истинамъ, напрягать свой умъ на отысканіе атомистическаго ученія въ миеѣ о купидонѣ или тому подобное. Приведу въ качествѣ примѣра самое короткое изъ этихъ разсужденій.

Любовникъ Юноны или душевная низость.

„Поэты сочинили, что Юпитерь, для бѣльшаго удобства своихъ любовныхъ похожденій, принималъ безчисленное множество образовъ: быка, орла, лебеда, золотого дожда; но для ухаживанія за Юноной онъ избралъ крайне подлый и крайне смѣшной видъ кукушки, вымоченной дождемъ и дрожащей отъ холода. Эта преострумная басня проникаеть въ самые глубокіе изгибы человѣческаго сердца. Вотъ смыслъ ея: люди не должны доводить своей гордости до того, чтобы воображать, что если они представили тысячу доказательствъ своего таланта и добродѣтели, то могутъ смѣло разсчитывать на всеобщее уваженіе и любовь къ нимъ; этого двойного преимущества достигнуть они, только сообразуясь съ образомъ мыслей и характеромъ лицъ, любви и уваженія которыхъ они добиваются. Если они имѣють дѣло съ людьми, лишенными всѣхъ порядочныхъ качествъ и обладающихъ только гордостью съ большою примѣсью злобы (характеръ, представленный въ этой баснѣ въ лицѣ Юноны), то да будетъ имъ извѣстно, что они должны начать съ отрѣшенія отъ всего, что можетъ сдѣлать имъ честь или отличить ихъ; въ противномъ случаѣ они сядутъ на мель. И тутъ мало преувеличенной угодливости; въ такомъ случаѣ необходима низость и подлость“.

Какихъ же положительно-научныхъ изслѣдованій или ка-

кого трактата о научномъ методѣ можно было бы ожидать отъ автора Увеличенія наукъ, Нравственныхъ очерковъ или Мудрости древнихъ? Когда говорятъ о Бэконѣ какъ философѣ, то зачастую упускаютъ изъ виду, чѣмъ былъ онъ какъ ученый, а это большая ошибка, ибо въ такомъ случаѣ образъ Бэкона получаетъ одностороннее и невѣрное освѣщеніе. Историческую личность, какъ статую, должно разсматривать на полномъ свѣту, а не въ полумракѣ.

IX.

Но, можетъ-быть, то обстоятельство, что Бэконъ самъ былъ плохимъ изслѣдователемъ и отсталымъ ученымъ, въ сильной степени находившимся подъ вліяніемъ натуралистическихъ воззрѣній схоластики, не помѣшало ему, тѣмъ не менѣе, указать правильный методъ и вѣрный путь для другихъ? Хромой можетъ лучше другихъ знать дорогу, по которой самъ пройдетъ хуже всякаго. Штабный генераль можетъ составить прекрасный планъ кампаніи, хотя въ дѣлѣ онъ часто совершенно никуда не годится.

Въ данномъ случаѣ, однако, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Бэконъ обѣщаль дать наукѣ такой методъ, который уравнивалъ бы всякія способности, съ которымъ, какъ съ линейкой и циркулемъ, всякій могъ бы провести прямую линію и описать правильную окружность. Отчего же у него самого онѣ вышли такими кривыми? Это обстоятельство какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что Бэконъ не даль и не зналъ безошибочнаго метода индукціи, какъ онъ утверждалъ это.

Даль ли Бэконъ вообще какой-либо научный методъ?

Припомнимъ въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе Новаго Органа.

Въ первой части устанавливается истинная цѣль науки, разсматриваются препятствія, мѣшающія научному изслѣдованію и тормозящія ходъ науки—различныя заблужденія, которымъ мы подвержены, и проповѣдуется вмѣсто мнѣній и авторитетовъ обращеніе къ самимъ фактамъ.

Ученіе Бэкона объ идолахъ или препятствіяхъ, тормозящихъ прогрессъ истинной науки, о необходимости искать истину въ самой природѣ, а не въ людскихъ мнѣніяхъ, и восходить къ высшимъ обобщеніямъ не сразу, а по лѣстницѣ законовъ низшаго порядка, во всякомъ случаѣ изложено блестяще, и это несомнѣнно лучшая часть во всемъ Новомъ Органѣ. Намъ кажется однако, что его классификація препятствій къ знанію, во-первыхъ, могла бы быть болѣе послѣдовательной, а во-вторыхъ, уже нѣсколько устарѣла. Въ самомъ дѣлѣ *Idola tribus* и *Idola specus*, общія заблужденія, свойственныя самой человѣческой природѣ и особенныя заблужденія, свойственныя каждому отдѣльному человѣку, составляютъ основныя препятствія къ знанію, хотя и въ неодинаковой степени. Знаніе, наука есть дѣло совокупной работы человѣчества; поэтому индивидуальныя особенности и недостатки въ немъ постепенно выравниваются, общіе, напротивъ, накапливаются. *Idola fori* и *Idola theatri*, заблужденія слова и заблужденія философскія, поставленныя у Бэкона на одну доску съ первыми, являются ихъ производными. Главное же, чего не достаетъ классификаціи Бэкона, это—генетической системы заблужденій, что, впрочемъ, и не входило въ его задачу. Заблужденія, служащія препятствіемъ дальнѣйшему развитію знанія, возникаютъ вслѣдствіе того, что мы вѣримъ въ сдѣланныя нами и усвоенныя ошибки. Ошибки эти начинаются съ самаго наблюденія; невѣрныя наблюденія, зависящія какъ отъ индивидуальныхъ недостатковъ органовъ чувствъ, такъ и отъ той причины, что послѣдніе передаютъ намъ только наши ощущенія предметовъ, а не самые предметы, являются первымъ источникомъ ошибокъ и заблужденій. На основаніи сдѣланныхъ наблюденій мы строимъ свои выводы, и методическія ошибки въ заключеніяхъ, зависящія отъ поспѣшности и недостаточной осторожности, являются вторымъ источникомъ заблужденій. Когда мы затѣмъ снова обращаемся къ фактамъ, ошибочно сдѣланныя заключенія невольнo заставляютъ насъ невѣрно наблюдать самые факты, и

отсюда возникает новый родъ ошибокъ въ наблюдениі—подъ вліяніемъ ранѣе усвоенныхъ ошибочныхъ взглядовъ. Своими наблюденіями и заключеніями мы дѣлимся далѣе съ другими людьми, и отсюда возникаютъ еще новыя роды ошибокъ—во-первыхъ, ошибки передаются людьми другъ другу, во-вторыхъ, когда намъ передаютъ даже вѣрное, мы извращаемъ его, связывая съ тѣми словами, которыя служатъ средствами передачи, не тѣ понятія, которыя съ ними связываетъ передающій, а какія мы сами привыкли соединять съ ними. Отдѣльныя невѣрныя заключенія связываются далѣе въ теоріи, освящаются авторитетами, пріобрѣтаютъ значеніе вѣрованій, и черезъ это первоначальныя незначительныя и безвредныя ошибки растутъ и крѣпнутъ, становясь истинной пагубой для человѣчества, превращаясь въ злыхъ Молоховъ, требующихъ постоянныхъ жертвъ дѣтми истины. Первый источникъ заблужденій—въ невѣрномъ наблюдениі отдѣльной личности, послѣдній—въ социальномъ строѣ общества и исторіи человѣчества. Прослѣдить весь этотъ путь въ его многообразныхъ развѣтвленіяхъ было бы благодарной темой для психолога и соотвѣтствовало бы современнымъ требованіямъ науки, но здѣсь объ этомъ говорится лишь мимоходомъ. Во времена Бэкона наука не предъявляла тѣхъ требованій, какія она предъявляетъ въ настоящее время, и потому не удивительно, что данное имъ раздѣленіе для нашего времени оказывается нѣсколько устарѣвшимъ.

Первая часть Новаго Органа есть такимъ образомъ часть чисто критическая.

Во второй части Бэконъ переходитъ къ положительному ученію о научной индукціи. Изслѣдованіе причинъ явленій должно начинаться съ составленія таблицъ присутствія, отсутствія въ случаяхъ сходныхъ и степеней или сравненія.

Въ этомъ отдѣлѣ второй части Новаго Органа Бэконъ является до нѣкоторой степени предшественникомъ послѣдующаго ученія Милля о методахъ опытнаго изслѣдованія причинъ явленій—метода согласія, метода различія съ его

видоизмѣненіемъ, методомъ остатковъ, и метода сопутствующихъ измѣненій. Изложеніе Бэкона однако сравнительно съ миллевскимъ отличается большой поверхностью. Эти таблицы никакъ нельзя назвать *методомъ* изслѣдованія. Самъ Бэконъ называетъ ихъ просто обзоромъ случаевъ, каковой они дѣйствительно и представляютъ, не болѣе.

Когда такія таблицы или обзоры имѣются, слѣдуетъ приступить къ настоящей индукціи. Слѣдуетъ найти свойство, которое всегда существовало бы вмѣстѣ съ изслѣдуемымъ свойствомъ, вмѣстѣ съ нимъ отсутствовало, увеличивалось и уменьшалось и представляло бы собою видоизмѣненіе одного изъ общихъ физическихъ свойствъ—движенія, формы и расположенія частицъ и т. под. Это и будетъ форма, или основная причина изслѣдуемаго свойства.

Для этого необходимо идти путемъ исключенія всѣхъ свойствъ, которыя не сопутствуютъ изслѣдуемому свойству, или встрѣчаются помимо него, или измѣняются съ нимъ несоотвѣтственно. Это не суть формы или основныя причины изслѣдуемаго свойства. Но до какихъ же поръ слѣдуетъ вести исключеніе? Гдѣ остановиться?

Путемъ исключеній мы можемъ узнать, что не есть причина даннаго явленія, но его истинная причина остается еще неизвѣстной; она скрыта среди другого подлежащаго исключенію, но еще не исключеннаго. Когда же можемъ мы поручиться, что исключено все, что слѣдуетъ, и для остающагося не встрѣтится отрицательной инстанціи? Это и должны указать правила истинной, точной индукціи.

Но прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ, Бэконъ считаетъ необходимымъ позволить разуму на основаніи собранныхъ фактовъ, а также другихъ, могущихъ встрѣтиться, сдѣлать первую попытку объясненія явленія въ положительномъ смыслѣ, то есть то, что мы называемъ гипотезой. Никакихъ опредѣленныхъ правилъ для составленія гипотезъ и критерія ихъ удовлетворительности и научности Бэкономъ не дано. Гипотеза, согласно Бэкону, есть первая жатва, временное позволеніе, данное разуму въ объясненіи при-

роды, пока онъ не установилъ строгаго закона. Разуму позволяется, пользуясь составленными обзорами, а также и помимо нихъ,—такъ что пока остается совершенно неизвѣстнымъ, зачѣмъ эти кропотливые обзоры составлялись,—дѣлать то, что онъ всегда и прежде дѣлалъ, и неудовлетворительность чего указана Бэкономъ. Пообщавъ указать уму новый путь, Бэконъ даетъ ему позволеніе идти пока по-старому.

Такимъ образомъ, въ параграфахъ о первой жатвѣ, въ которыхъ Бэконъ излагаетъ также и собственную гипотезу тепла, еще не изложена теорія той индукціи, какую Бэконъ общалъ дать. Теорія строгой индукціи должна была быть изложена въ остальныхъ частяхъ Новаго Органа, изъ которыхъ написана только одна, именно о прерогативныхъ инстанціяхъ.

Прерогативныя инстанціи—это случаи, которые Бэконъ считаетъ особенно важными для изслѣдованія, такіе случаи, въ которыхъ изслѣдуемое свойство обнаруживается съ особенною ясностью, такъ что одинъ такой случай замѣняетъ собою массу случаевъ менѣ важныхъ. Къ нимъ же принадлежатъ такіе случаи, въ которыхъ, наоборотъ, изслѣдуемое свойство никогда не встрѣчается. Сюда же свалены въ одну кучу всякіе другіе случаи, почему-либо привлекшіе вниманіе Бэкона, такъ что трудно представить себѣ что-либо болѣе беспорядочное и наводящее скуку на читателя, кромѣ развѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ замѣчаній, особенно существеннаго значенія для теоріи индукціи однако не имѣющихъ. Здѣсь есть и инстанціи сходства, то-есть произвольныя аналогіи, примѣры которыхъ были приведены выше, и инстанціи единичныя, представляющіяся какими-то нелѣпостями, странностями природы, и инстанціи уклоненія—заблужденія и уродливости природы, и инстанціи могущества или ружейныхъ козелъ—наиболѣе совершенныя произведенія искусствъ, и инстанція креста, приводя примѣры которыхъ Бэконъ еще разъ нелестно отзывается о выдумкахъ астрономовъ, безъ всякой нужды идущихъ наперекоръ

чувствамъ и только затемняющимъ дѣло, то-есть о теоріи движенія земли, и инстанціи воротъ, куда отнесены всѣ инструменты, при чемъ открытія, сдѣланныя при помощи телескопа, Бэконъ находитъ нѣсколько подозрительными, и инстанціи жезла, клепсидры, борьбы, по поводу которыхъ перечисляются Бэкономъ различные виды движенія, примѣры которыхъ мы видѣли выше, и инстанціи просто общепользныя, наконецъ инстанціи магическія, гдѣ дѣйствующая причина ничтожна въ сравненіи съ громадностью производимаго дѣйствія, каковы движенія, передаваемыя при помощи колесъ, яды и дѣйствіе пороха. Бэконъ перечисляетъ всего 27 родовъ такихъ инстанцій. Высказывалась иногда мысль, что въ ученіи о прерогативныхъ инстанціяхъ и заключается собственно бэконовское ученіе объ индукціи, какое онъ хотѣлъ дать, такъ какъ въ другихъ частяхъ дѣйствительно мало оригинальнаго. Но это совершенно не вѣрно. Прерогативныя инстанціи не дають для изслѣдующаго ума циркуля и линейки для открытія законовъ природы и не дѣлають въ этомъ отношеніи всѣ умы равными, въ чемъ состоитъ задача бэконовской теоріи индукціи. Изложены онѣ большею частію поверхностно и крайне неопредѣленно, сопровождаясь примѣрами, вовсе не говорящими въ ихъ пользу, такъ что часто невозможно даже понять, въ чемъ же заключается ихъ преимущество. Здѣсь подъ видомъ какой-то будто бы классификаціи, на самомъ дѣлѣ просто подъ произвольно налѣпленными странными ярлыками, свалено въ одну кучу все, что почему-либо привлекало вниманіе Бэкона вмѣстѣ съ его собственными умствованіями, для которыхъ онъ не нашелъ другого мѣста. Трудно представить себѣ что-либо болѣе безотрадное, чѣмъ эта часть Новаго Органа. Во всякомъ случаѣ эти прерогативныя инстанціи представляютъ, какъ неоднократно замѣчаетъ самъ Бэконъ, лишь болѣе цѣнный матеріалъ для индукціи, случаи, на которые слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; но какъ методически обходиться съ этимъ матеріаломъ, чтобы получился правильный выводъ, чтобы

открыть причину изслѣдуемаго явленія, здѣсь еще не указывается. вмѣстѣ съ тѣмъ становится непонятнымъ, зачѣмъ же нужно составлять кропотливыя таблицы обзоровъ, когда удобнѣе пользоваться случайно встрѣтившимися прерогативными инстанціями.

Перечисленіемъ прерогативныхъ инстанцій оканчивается Новый Органъ. Остальныя части его, хотя Бэконъ имѣлъ къ тому полную возможность, остались не написанными, даже въ отрывкахъ или бѣглыхъ замѣткахъ.

Такимъ образомъ, никакой новой теоріи индукціи Бэконъ не далъ. Она должна была заключиться въ тѣхъ частяхъ его сочиненія, которыя остались не написанными. Бэконъ не обмолвился ни единымъ словомъ, чѣмъ же должна отличаться его индукція отъ обычной. Онъ только пообѣщлъ дать уму человѣческому такой методъ, который служилъ бы ему непогрѣшимымъ циркулемъ и линейкой, но обѣщанія своего не исполнилъ, конечно, потому, что не могъ исполнить, ибо въ противномъ случаѣ онъ самъ бы имъ хоть разъ воспользовался, а не наговорилъ нелѣпостей.

Въ остальныхъ предположенныхъ имъ частяхъ Новаго Органа заключалась бы, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ мѣстамъ въ написанныхъ частяхъ, переработка лишь въ другомъ порядкѣ того же самаго, о чемъ говорилось въ двухъ первыхъ. Но всего вѣроятнѣе, что онѣ никогда и не были бы написаны, ибо главная задача Бэкона состояла въ томъ, чтобы о немъ думали, что онъ обладаетъ истиннымъ научнымъ методомъ и даже далъ его, а не въ томъ, чтобы дѣйствительно дать таковой.

Такого метода, какой хотѣлъ дать Бэконъ, и нѣтъ. Чтобы дѣлать научныя открытія и полезныя изобрѣтенія, надо отъ природы обладать извѣстными способностями, которыя поддаются развитію и совершенствованію путемъ долгаго упражненія, но которымъ нельзя выучить, преподавъ какую бы то ни было теорію. Способности открытія и изобрѣтенія суть органическія способности мозга, у однихъ весьма слабыя, у другихъ доходящія до феноменальности, примѣръ

чему представляетъ извѣстный Эдиссонъ, котораго, будь у него въ такой же несоразмѣрности развитъ не органъ изобрѣтенія, а рука или нога, мы конечно назвали бы уродомъ. Научить дѣлать изобрѣтенія или научныя открытія человѣка, къ нимъ не способнаго, такъ же невозможно, какъ научить слѣпого видѣть, ибо это также есть особаго рода способность видѣть то, что не замѣчаютъ другіе, особенная острота умственнаго зрѣнія. Всѣ люди, прошедшіе среднюю школу, учились логикѣ, въ которой говорится между прочимъ и о методахъ научнаго изслѣдованія, но лишь сравнительно очень немногіе изъ нихъ могутъ съ успѣхомъ производить послѣднее. Наука развивается, и развитіе ея идетъ постепенно. То, что называютъ обыкновенно методами изслѣдованія, суть скорѣе законы развитія науки, законы того, какъ дѣлались и дѣлаются научныя открытія, а вовсе не правила, какъ ихъ дѣлать, которыя стоитъ только выучить хорошенько, чтобы быть великимъ ученымъ. Что можетъ быть проще такого правила (первый методъ Милля): „Если два или болѣе случая изслѣдуемаго явленія согласны лишь въ одномъ какомъ-либо обстоятельстве, то обстоятельство, въ которомъ всѣ эти случаи согласны, и есть причина (или, если оно слѣдуетъ за явленіемъ, — слѣдствіе) даннаго явленія“. Большинство причинъ явленій открыто именно согласно такому правилу или ему обратному. Это суть законы того, какъ дѣлались открытія причинъ; но это вовсе не суть правила, какъ ихъ слѣдуетъ дѣлать, подлежащія изученію. Ибо здѣсь все дѣло именно въ томъ, чтобы умѣть найти или замѣтить явленія сходныя во всемъ, кромѣ одного обстоятельства. Да и что такое это *одно обстоятельство*? Всѣ явленія обыкновенно очень сложны, и то, что мы считаемъ *однимъ*, на самомъ дѣлѣ можетъ быть весьма *многимъ*. Нужно и здѣсь, руководясь тѣмъ же самымъ правиломъ, отличить существенное отъ случайнаго. Пока курокъ оставался взведеннымъ, ружье не стрѣляло. Я тронулъ спускъ, и ружье выстрѣлило. Спускъ курка есть причина выстрѣла. Да, въ данномъ частномъ случаѣ; но общій

законъ такъ выраженъ быть не можетъ. Изъ того, что мы называемъ спускомъ курка, сопоставляя цѣлую массу искусно подобранныхъ случаевъ, я долженъ исключить и скрипъ, которымъ онъ сопровождался, и большій или меньшій размахъ курка, и излишнюю силу его удара, такъ какъ обыкновенно для воспламененія пистона достаточно удара гораздо болѣе слабаго, и излишекъ силы воспламененія самаго пистона, и звукъ шелканья и происходящее отъ удара сотрясеніе ружья, и легкій дымокъ, и цѣлую массу другихъ обстоятельствъ. Истинная причина выстрѣла есть незначительный толчокъ, какого бы рода онъ ни былъ, достаточный, чтобы нарушить химическое напряженіе пороха и дать возможность потенциальной энергіи напряженія обратиться въ энергію движенія. Вотъ истинный остатокъ изъ того сложнаго *одною обстоятельствомъ*, которое мы называемъ спускомъ курка. Должно обладать особой способностью или даже особыми способностями,—ибо это есть способность сложная, чтобы припомнить нѣсколько разнообразныхъ случаевъ одного и того же явленія, отыскать въ природѣ другіе случаи, возсоздать воображеніемъ новые и осуществить ихъ на практикѣ, изъ всѣхъ нихъ выдѣлить то, что необходимымъ образомъ предшествуетъ изслѣдуемому явленію и безъ чего послѣднее никогда не происходитъ, въ свою очередь разложить найденное на части и относительно каждой такой части произвести подобную же операцію, пользуясь еще обыкновенно не прямыми путями, а обходными. Есть одна способность, которая во всѣхъ этихъ процедурахъ играетъ самую существенную роль; эта способность называется воображеніемъ, и именно этой-то способности не возможно выучить, такъ какъ она зависитъ, надо полагать, отъ устройства самаго мозга. Самое большее, что можно сдѣлать, это дисциплинировать, вышколить врожденную способность, дабы она не увлекалась въ стороны, а шла прямо къ намѣченной цѣли. Ее можно только обуздать, но не привить заново.

Большинство ученыхъ, обогатившихъ науку своими откры-

тіями великихъ законовъ природы и улучшившихъ нашу матеріальную жизнь полезными изобрѣтеніями, не учились логикѣ, и во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ нихъ не справлялся съ учебникомъ логики, прежде чѣмъ сдѣлать какое-либо открытіе. Логика, какъ и всякая другая наука, даетъ матеріаль для открытій, она указываетъ ошибки, которыхъ слѣдуетъ остерегаться, но какъ дѣлать открытія—не обучаетъ. Совершенно такимъ же образомъ существуетъ наука, называемая теоріей музыки, логика музыки; она рассматриваетъ законы музыкальныхъ произведеній, какъ логика рассматриваетъ законы сужденій; но какъ сочинять музыкальныя пьесы,—этому она не учитъ. Можно прекрасно знать теорію музыки и быть никуда негоднымъ композиторомъ, какъ можно прекрасно знать логику и не быть въ состояніи найти причину самаго простаго явленія. И, наоборотъ, есть прекрасные музыканты, которые никогда не учились теоріи музыки. Что же, теорія музыки совершенно не нужна для музыканта, у котораго есть природная музыкальная способность? Очень нужна; но она только учитъ его избѣгать ошибокъ, не болѣе; она учитъ его прямѣе идти по тому пути, который онъ самъ нашелъ и который она ему указать не въ состояніи. Точно такъ же и логика и научный методъ. Это вовсе не линейка и циркуль, которые дѣлаютъ всѣ способности равными, но это линейка и циркуль, пользуясь которыми *хорошій художникъ* сберегаетъ свой трудъ и легче замѣчаетъ ошибки.

Наука растетъ и развивается, и такъ называемые законы научнаго метода суть въ сущности законы ея роста и развитія, открывающіеся тѣмъ полнѣе, чѣмъ само развитіе идетъ дальше, и несомнѣнно черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда наука разовьется еще болѣе, и законы научнаго метода станутъ болѣе полными и точными; прежніе законы окажутся для выросшей науки узкими. Не даромъ періодически поднимаются вопросы о реформѣ логики. Такъ, узкой оказалась во времена Бэкона старая логика силлогизма, и были выработаны общіе законы индукціи, опыта и

наблюденія, которые уже за долго до того заняли первенствующее мѣсто. Но съ тѣхъ поръ и до нашего времени экспериментальная наука еще болѣе выросла, и соотвѣтственно этому полнѣе разрабатывается и ученіе объ индукціи. Наука логики въ особенности обязана въ этомъ Миллю. Но наступаетъ, кажется, время, когда и миллевскіе методы начинаютъ становиться не впору наукѣ. Совершенно такимъ же образомъ законы эмбриологіи суть законы правильного развитія зародыша, раскрывающіеся тѣмъ полнѣе, чѣмъ далѣе подвигается самое развитіе. Ихъ можно изучать; зная ихъ, можно избѣгать многихъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, губельно отражающихся на развитіи плода, но нельзя научить быть плодородной и производить на свѣтъ правильно образованныхъ и живыхъ дѣтей, ибо зачатіе и правильное развитіе зародыша прежде всего зависитъ отъ правильной организаціи матери.

X.

Теперь послѣдній вопросъ: было ли то, чему училъ Бэконъ, ново?

Правъ ли былъ Бэконъ, утверждая: „Наша единственная надежда заключается въ возрожденіи наукъ путемъ ихъ правильного развитія на основаніи опыта и путемъ новаго построенія ихъ. Я полагаю, никто не рѣшится утверждать, что кто-нибудь уже сдѣлалъ это или даже подумалъ объ этомъ“.

Это сказано слишкомъ сильно, но и слишкомъ невѣрно. Постройка научнаго зданія, того зданія, въ стѣны котораго самъ Бэконъ не положилъ ни одного камня, въ которомъ ни одно наблюденіе, ни одинъ законъ не носятъ имени Бэкона, была значительно подвинута уже до него и нуждалась лишь въ дальнѣйшемъ веденіи, но никакъ не въ перестройкѣ и начатіи заново. Равнымъ образомъ и къ сознанію необходимости искать истины у самой природы, а не у авторитетовъ, наука пришла уже задолго до Бэкона. У

многихъ ученыхъ и философовъ возрожденія и даже среднихъ вѣковъ можно найти тѣ же самыя мысли, которыя впоследствии высказалъ Бэконъ. Нельзя указать даже, кто высказалъ ихъ впервые, ибо такое сознаніе нераздѣлимо съ самой наукой. Развитіе міровоззрѣнія со времени возрожденія пошло въ сторону экспериментальнаго изученія природы, и то, что сказалъ Бэконъ или ранѣе его сказали другіе, необходимо должно было быть сказано.

Въ самомъ мракѣ среднихъ вѣковъ (1214—1292) рисуется передъ нами величественная фигура въ убогой рясѣ францисканскаго монаха, окруженная ореоломъ колдуна и алхимика, Рожера Бэкона. Онъ остался непонятымъ современниками. „Эти вещи были выше ихъ пониманія, и потому они назвали ихъ созданіями дьявола“, и Рожеру Бэкону едва не пришлось расплатиться за нихъ на кострѣ, и только благодаря заступничеству могущественныхъ лицъ, между прочимъ папы Николая III-го, онъ отдѣлался двукратнымъ заключеніемъ въ темницу, причемъ послѣднее продолжилось однако 10 лѣтъ. Сочиненія его были осуждены, у него отобраны, окованы желѣзными цѣпями и пригвождены къ самой высокой полкѣ монастырской бібліотеки. Рожеръ Бэконъ вышелъ изъ тюрьмы уже совершенно разслабленнымъ старикомъ. На смертномъ одрѣ у него вырвалась, говорятъ, грустная жалоба: „Я раскаиваюсь теперь, что такъ много трудился изъ любви къ наукѣ“. Какъ напоминаетъ это жалобу Гетевского Фауста:

Зато я радостей не знаю,
 Напрасно истину ишу,
 Зато, когда людей учу,
 Я научить ихъ не мечтаю.
 Я благъ земныхъ не испыталъ,
 Я почестей людскихъ не зналъ.
 Собачья жизнь! Пропали годы!

Когда такая жалоба является результатомъ десятилѣтняго заключенія въ холодной и мрачной тюрьмѣ, вдали отъ

свѣта, людей и природы съ перспективой костра впереди, рука не поднимается на ея осужденіе.

Впослѣдствіи слава англійскаго канцлера барона Веруламскаго, виконта Сентъ Альбанскаго лорда Франциска Бэкона затмила имя его забытаго однофамильца, бѣднаго монаха, у котораго онъ можетъ быть даже кое чѣмъ и позаимствовался. Какъ личность, какъ ученый и какъ философъ Рожеръ Бэконъ стоитъ неизмѣримо выше своего однофамильца. Но идеи, проводимыя первымъ, шли еще въ разрѣзъ съ господствующими представленіями, идеи второго, по существу тѣ же самыя, были уже ихъ вѣрнымъ отзвукомъ. Поэтому первый остался забытымъ и подвергался гоненіямъ за свои убѣжденія, второй при помощи ихъ приобрѣлъ себѣ громкую славу и... тоже былъ преданъ суду, но не за убѣжденія, а за взяточничество.

Рожеръ Бэконъ былъ истиннымъ ученымъ. Гумбольдтъ называетъ его „величайшимъ гениемъ среднихъ вѣковъ“, историкъ физики Розенбергеръ признаетъ его „первымъ истиннымъ естествоиспытателемъ среднихъ вѣковъ и предшественникомъ экспериментальныхъ физиковъ“. Его познанія были громадны. Его теоріи выдаются своей строгой научностью, хотя онъ и не избѣгъ конечно свойственныхъ времени предрасудковъ. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни средствъ на производство опытовъ и научныхъ изслѣдованій. Но что его особенно выдѣляло, это необыкновенная, доходящая до энтузіазма, любовь къ экспериментальной наукѣ. Врядъ ли можно любить науку болѣе страстно, чѣмъ любилъ ее этотъ бѣдный монахъ.

Врядъ ли кто также вплоть до новой философіи болѣе сильно, чѣмъ Рожеръ Бэконъ, возставалъ противъ преклоненія предъ авторитетами древнихъ и нападалъ на Аристотеля, и врядъ ли кто съ большей настойчивостью и убѣдительною указывалъ преимущества опытнаго изслѣдованія.

Почти полстолѣтія тому назадъ, говоритъ Р. Бэконъ, этого Аристотеля упрекали въ нечестіи и запрещали въ школахъ. А теперь его предлагаютъ какъ самодержавнаго учителя.

Какое право онъ на это имѣть? Говорятъ, онъ ученъ. Пусть такъ. Но онъ знаетъ не все. Онъ далъ въ свое время то, что тогда было возможно; но онъ не достигъ послѣднихъ границъ познанія. Авиценна дѣлалъ важныя ошибки; Аверроэса можно критиковать во многихъ отношеніяхъ; даже настоящіе святые не были непогрѣшимами; они часто ошибались и бывали принуждены отказываться отъ того, что признавали; доказательство тому—св. Августинъ, св. Иеронимъ, Оригенъ. Но схоластики говорятъ, что древнихъ слѣдуетъ почитать. О, несомнѣнно, древніе достойны уваженія, и мы должны быть благодарны имъ за то, что они намѣтили пути для насъ; но мы не должны забывать, что эти древніе были люди и ошибались не однажды. Они были подвержены ошибкамъ даже тѣмъ большимъ, чѣмъ они были древнѣе, такъ какъ въ дѣйствительности *самые юные суть самые древніе*; вѣдь современныя поколѣнія должны въ просвѣщеніи стоять выше поколѣній болѣе древнихъ эпохъ, такъ какъ наслѣдовали труды этихъ послѣднихъ. Тѣ, которые явились послѣ Аристотеля, исправили его въ нѣкоторыхъ вещахъ и прибавили многое къ его произведеніямъ и будутъ прибавлять до самаго конца міра. Къ тому же и о самсѣмъ Аристотелѣ мы имѣемъ не вѣрныя понятія. Ходячіе по рукамъ переводы его сочиненій дурны и несовершенны, и если бы у меня была власть надъ этими переводами, замѣчаетъ Р. Бэконъ, я сжегъ бы ихъ всѣ, потому что изучать ихъ только потеря времени, причина заблужденій и умноженіе невѣжества, какого нельзя и представить. У учащейся молодежи нѣтъ въ головѣ ничего, что побуждало бы ее къ какому-либо дѣльному занятію, и она только тупѣетъ и ослитъ надъ дурными переводами и теряетъ понапрасну время, трудъ и деньги.

Четыре главныя причины являются препятствіями къ развитію знанія. Во-первыхъ—сила недостойнаго авторитета; во-вторыхъ—преданіе, получившее силу привычки; въ-третьихъ—несовершенство самыхъ нашихъ органовъ чувствъ, пока они не дисциплинированы должнымъ образомъ, и въ-

четвертыхъ — стараніе скрывать свое невѣжество и хвастаться своимъ знаніемъ.

Средство избавиться отъ этихъ золъ—опытное изслѣдованіе.

У насъ есть три средства познанія—авторитетъ, мышленіе и опытъ. Но авторитетъ не имѣетъ значенія, если справедливость его не можетъ быть доказана; онъ ни въ комъ не развиваетъ способности пониманія, такъ какъ только заставляетъ себѣ вѣрить; онъ ставитъ себя выше мысли, а не просвѣтляетъ ее. Что касается до разсужденій, то невозможно отличить софистику отъ дѣйствительнаго доказательства, если не провѣрить вывода посредствомъ опыта и практики. Экспериментальная наука есть владычица наукъ умозрительныхъ и имѣетъ передъ ними три преимущества. Во-первыхъ, она испытываетъ и провѣряетъ ихъ выводы; во-вторыхъ, въ понятіяхъ, которыми пользуются другія науки, она имѣетъ возможность открывать великіе результаты, къ которымъ тѣ науки сами прійти неспособны; въ-третьихъ, она изслѣдуетъ тайны природы собственными силами и средствами. Самые сильные теоретическіе выводы не могутъ ничего доказать намъ до тѣхъ поръ, пока выводы не подтверждены опытомъ. Экспериментальная наука не принимаетъ истины изъ рукъ высшихъ наукъ, потому что она то именно и есть высшая наука, а другія науки—ея слуги. Она имѣетъ право распоряжаться всѣми науками, такъ какъ одна она удостоверяетъ и освѣщаетъ ихъ результаты. Поэтому экспериментальная наука есть царица наукъ и граница всякаго умозрѣнія.

Рожеръ Бэконъ съ полной ясностью сознавалъ также, что только во взаимной связи и солидарности другъ съ другомъ, подобной солидарности органовъ человѣческаго тѣла, отдѣльныя науки могутъ достигнуть истиннаго прогресса. Всѣ науки, говоритъ онъ, помогаютъ другъ другу, подобно членамъ одного и того же тѣла, изъ которыхъ каждый совершаетъ свое собственное отправленіе не только для себя самого, но и для всѣхъ другихъ.

Рожеръ Бэконъ не въ примѣръ своему однофамильцу лучше понималъ и значеніе математики для экспериментальной науки. Онъ различаетъ опытъ естественный и несовершенный, не сознающій своей собственной силы, не понимающій своихъ приемовъ и употребляемый среди рабочихъ, но не среди ученыхъ, и искусство производства опытовъ, стоящее выше такого вульгарнаго опыта, стоящее выше всѣхъ умственныхъ наукъ и всѣхъ искусствъ, которому чужды слабость и неполнота. Но присущая ему точность результатовъ достигается посредствомъ вычисленій, ибо физики должны понять, что ихъ наука безсильна, если къ ней не примѣняется математика, безъ которой наблюденіе блекнетъ и неспособно къ достовѣрности.

Отъ экспериментальной науки ждетъ онъ будущаго прогресса человѣчества; онъ вѣритъ, что настанетъ день, когда неизвѣстное теперь будетъ разъяснено прогрессомъ времени и долгими трудами, что люди будущихъ временъ будутъ знать многое, что неизвѣстно намъ, и потомство наше будетъ удивляться, какъ мы не видѣли того, что было такъ ясно. Передъ пророческимъ взоромъ этого монаха-ученаго, окруженнаго всѣмъ мракомъ невѣжества и предрасудковъ XIII вѣка, открывается то далекое будущее, когда будутъ придуманы снаряды для плаванія безъ помощи гребцовъ, такъ что огромнѣйшіе корабли будутъ управляться однимъ человѣкомъ, и будутъ плавать скорѣе, чѣмъ это возможно теперь на полныхъ парусахъ; когда повозки будутъ катиться съ невообразимой быстротой безъ всякой упряжи; будутъ сдѣланы инструменты для летанія по воздуху, въ серединѣ которыхъ сидящій человѣкъ будетъ двигать пружину, приводящую въ движеніе искусственныя крылья, ударяющія по воздуху, какъ крылья птицы; при помощи небольшихъ снарядовъ будутъ подниматься и опускаться невѣроятныя тяжести; когда при помощи такихъ снарядовъ человѣкъ будетъ свободенъ улетѣть изъ глубины подземной тюрьмы и сойти на землю, гдѣ ему будетъ угодно, и ничто его не удержитъ; другой инструментъ будетъ

употребляться для того, чтобы тащить по ровной почвѣ огромныя тяжести; будутъ изобрѣтены аппараты для плаванія и пребыванія подъ водой, для опусканія на дно морей и рѣкъ безъ всякой опасности; надъ рѣками повиснутъ мосты безъ всякихъ свай и столбовъ, и будутъ устроены всевозможные роды чудесныхъ машинъ и аппаратовъ. Свою вѣру во всемогущество науки Рожеръ Бэконъ простираетъ даже до убѣжденія, что при помощи науки можно будетъ сохранить много христіанской крови, особенно во время замѣшательства, которыя должно причинить пришествіе антихриста.

То, что предсказывалъ Рожеръ Бэконъ, осуществилось въ значительной степени въ наши дни и еще болѣе осуществится, конечно, въ будущемъ. Но какими бессмысленными мечтаніями должны были показаться эти пророчества его современникамъ!

Идеи Рожера Бэкона относительно значенія опытнаго изслѣдованія и экспериментальной науки оказались, разумѣется, нѣмы для его эпохи. Онѣ настолько опередили свой вѣкъ, что не только не нашли признанія, но навлекли на него гоненія и преслѣдованія. Мало-по-малу однако они входятъ въ общее сознаніе, прокладываютъ себѣ все болѣе и болѣе широкій путь, высказываются свободнѣе и находятъ себѣ въ эпоху Возрожденія ревностныхъ защитниковъ, особенно въ лицѣ Леонардо да Винчи и Галилея.

Имя Леонардо да Винчи (1452 — 1510) болѣе или менѣе извѣстно каждому изъ насъ, какъ творца знаменитой Тайной Вечери, которая впрочемъ давно погибла и дошла до насъ только въ копіяхъ и гравюркахъ, да въ видѣ неразборчивыхъ темныхъ пятенъ на отсырѣвшей стѣнѣ трапезной Санта Марія делле Граціе въ Миланѣ, относительно которыхъ невозможно рѣшить, что принадлежитъ здѣсь самому Леонардо да Винчи и что позднѣйшимъ реставраторамъ.

Если погибло однако главное произведеніе Леонардо да Винчи, какъ вообще до насъ мало что дошло изъ его художественныхъ твореній, то не погибъ тотъ новый духъ, ко-

торый онъ вводилъ черезъ нихъ въ искусство, состоявшій, если можно такъ выразиться, въ идейномъ реализмѣ — въ стремленіи къ естественности, которая достигается только тщательнымъ изученіемъ природы, но не ограничивающимся простымъ ея подражаніемъ, воспроизведеніемъ внѣшнихъ формъ, а стремящимся открыть и передать въ своихъ созданіяхъ внутренній смыслъ явленій, подобно тому какъ наука не ограничивается простымъ описаніемъ явленій природы, но стремится открыть ихъ законы.

Леонардо да Винчи былъ одинаково великъ во всемъ, за что только онъ ни принимался, а онъ принимался рѣшительно за все. Въ механикѣ его имя стоитъ въ одномъ ряду съ Галилеемъ и стояло бы, быть можетъ, еще выше, если бы его не отвлекали живопись и скульптура. Его имя, какъ художника, быть можетъ, затмило бы своей славой и Микель Анжело и Рафаэля, если бы онъ не былъ великимъ инженеромъ и артиллеристомъ и занятія послѣдняго рода не отвлекали его отъ занятій живописью. Онъ могъ бы произвести огромный переворотъ въ геологіи, въ которой онъ поднялся до современной точки зрѣнія, если бы онъ не занимался ею только мимоходомъ. Онъ былъ первымъ анатомомъ своего времени и не менѣе выдающимся физиологомъ. Не менѣе прославился онъ какъ наѣздникъ, музыкантъ, свѣтскій человѣкъ. И рѣшительно во всемъ, за что только ни брался Леонардо да Винчи, начиная отъ догматовъ религіи и кончая смѣшными игрушками, которыя дѣлалъ для забавы своихъ пріятелей, или декорацій для герцогскихъ празднествъ, онъ былъ новаторомъ и новаторомъ въ строго опредѣленномъ духѣ — въ томъ духѣ, которымъ проникнуть бэконовскій Новый Органъ, который создалъ эпоху Возрожденія и вѣдетъ въ настоящее время въ положительной наукѣ, хотя и меркнетъ часто въ современной философіи и искусствѣ. Онъ вездѣ бралъ отъ самой природы и перерабатывалъ взятое въ своемъ собственномъ духѣ. Это былъ реалистъ въ самомъ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Даже въ произведеніяхъ сво-

его художественнаго гения онъ стремился отдать себѣ строгій отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ, въ самыя глубины художественнаго творчества стремился внести свѣтъ сознанія и изученія. Его цѣлью какъ художника было познать законы природы для того, чтобы умѣть творить свои образы, такъ же какъ она, по тѣмъ же законамъ, сознавая, что въ противномъ случаѣ они будутъ порожденіями мертвыми и уродливыми. Для этого онъ съ такимъ прилежаніемъ, какъ никто до него, изучалъ анатомію, и его анатомическіе рисунки составили цѣлый научный атласъ; онъ изслѣдовалъ законъ расположенія вѣтвей на деревьяхъ, устройство цвѣтовъ, движенія животныхъ съ самой тщательной подробностью; принимаясь за картину сраженія, онъ шелъ на дорогу и изучалъ, какъ клубится пыль подъ копытами лошадей, а, будучи занятъ своей Тайной Вечерею, цѣлыми днями бродилъ по толкучимъ рынкамъ, изучая типичныя фізіономіи и выраженія душевныхъ волненій, чтобы его апостолы были дѣйствительными людьми со свойственнымъ каждому индивидуальнымъ проявленіемъ одного и того же общаго чувства, а не отвлеченными символами и манекенами, какъ они изображались до него.

Леонардо да Винчи съ полной ясностью сознавалъ, что знаніе должно лежать въ основѣ человѣческаго прогресса, и что знаніе должно почерпаться изъ природы, а не сочиняться или восприниматься на вѣру отъ признанныхъ авторитетовъ. Въ огромномъ числѣ его рукописей мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ его методическія правила, которыя не оставались у него на бумагѣ, но которыя онъ и самъ примѣнялъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и проводилъ въ жизнь и общее сознаніе своей эпохи словомъ и живымъ примѣромъ.

Опытъ — истолкователь явленій природы. Онъ никогда насъ не обманываетъ; наше мышленіе само иногда приводитъ насъ къ заблужденіямъ, потому что мы ждемъ отъ него слѣдствій, несогласныхъ съ опытомъ. Мы должны прибѣгать къ опыту, измѣняя его условія до тѣхъ поръ, пока

не выведемъ изъ него общихъ законовъ; эти общіе законы — дѣти опыта, такъ какъ только одинъ онъ открываетъ истинные законы.

Кто обращается не къ опыту, а къ авторамъ, не есть прямое дитя природы; онъ только внукъ ея. Только одна природа является создательницей истинныхъ геніевъ.

Разсуждая о какомъ-либо предметѣ, нужно прежде всего сдѣлать опытъ, такъ какъ сначала должно опредѣлить, что есть, а затѣмъ указать причину, почему это происходитъ дѣйствительно такъ. Таковъ методъ, которому мы должны слѣдовать, изучая явленія природы. И хотя природа начинаетъ причину, а оканчиваетъ опытомъ, но мы должны дѣйствовать обратно, то есть начинать опытомъ и съ его помощью изслѣдовать общія причины.

Опытъ былъ наставникомъ всѣхъ, кто писалъ разумно, и именно его избираетъ Леонардо да Винчи своимъ учителемъ. Истина есть лишь дочь времени, какъ мудрость — дочь опыта.

Опытъ никогда не обманываетъ; насъ обманываютъ только наши сужденія, которыя надѣются получить отъ него то, чего онъ дать не можетъ. Многіе совершенно напрасно жалуются на опытъ и съ громкимъ ропотомъ обвиняютъ его въ лживости; опытъ невиненъ; въ этомъ повинны только наши неосновательныя и безразсудныя желанія.

Вѣрное сужденіе происходитъ отъ вѣрнаго пониманія, а вѣрное пониманіе — отъ доводовъ разума, добытыхъ изъ вѣрныхъ правилъ. Что же касается до вѣрныхъ правилъ, то они — дѣти правильного опыта, коренного начала всѣхъ наукъ и искусствъ.

Правила опыта являются для насъ достаточными средствами, чтобы отличать истинное отъ ложнаго.

Прежде чѣмъ вывести изъ даннаго случая общее правило, произведи опытъ два или три раза и смотри, даетъ ли онъ одни и тѣ же результаты. (Францискъ Бэконъ на это основное правило экспериментальнаго изслѣдованія не обращаетъ никакого вниманія).

Истинное знаніе есть то, которое проникаетъ въ умы путемъ опыта, заставляя умолкнуть спорящихъ. Оно не поддерживаетъ мечтаній своихъ изслѣдователей, но только первоначальныя, истинныя и извѣстныя положенія; оно всегда и съ вѣрными заключеніями подвигается впередъ вплоть до конца.

Наука является истинной руководительницею и практической дѣятельности. Теорія—полководецъ, практика—солдаты. Кто увлекается практикой, пренебрегая теоріей, походить на мореплавателя, который садится на корабль безъ руля и компаса — онъ никогда не знаетъ, куда плыветъ. Практика всегда должна строиться на вѣрной теоріи. Сначала изучай науку, затѣмъ берись за практику, которая вытекаетъ изъ этой науки. Когда будешь излагать науку о движеніи воды, то не забудь приводить подъ каждымъ предложеніемъ его практическія примѣненія, чтобы эта наука не была бесполезной.

Не менѣе сильно, чѣмъ впоследствии Францискъ Бэконъ, возстаетъ Леонардо да Винчи и противъ схоластики и авторитетовъ. „Многіе думаютъ,—говоритъ онъ,—что меня можно основательно порицать, на томъ основаніи, что мои доказательства идутъ противъ авторитета нѣкоторыхъ людей, къ которымъ они относятся съ великимъ подобострастіемъ, принимая на вѣру ихъ мнѣнія; но при этомъ упускаютъ изъ вида, что мои идеи выведены изъ чистаго и простаго опыта, этого истиннаго наставника. Если,—подобно моимъ хулителямъ,—я не цитирую авторовъ, зато я ссылаюсь на нѣчто гораздо болѣе высокое и вѣрное — на опытъ, который былъ руководителемъ и ихъ учителей. Они приходятъ напыщенные и высокомѣрные, разодѣтые и изукрашенные плодами чужихъ трудовъ, а мнѣ не даютъ пользоваться плодами моихъ собственныхъ трудовъ. Если они презираютъ меня, изобрѣтателя, то тѣмъ болѣе они сами достойны порицанія, такъ какъ они не изобрѣтаютъ, а только витійствуютъ и бахвалятся чужими произведеніями. Если сопоставить изобрѣтателей, этихъ посредниковъ между чело-

вѣкомъ и природою, съ этими бахвалами, тщеславящимися чужими твореніями, то между ними будетъ такое же отношеніе, какъ между предметомъ, стоящимъ передъ зеркаломъ, и образомъ, отражающимся въ зеркалѣ. Предметъ имѣетъ самъ по себѣ нѣкоторое значеніе, а образъ—никакого. Эти люди мало обязаны природѣ, потому что они изукрасились благодаря случайности, а безъ такой случайности ихъ можно было бы смѣшать со стадомъ животныхъ. Если вѣрить имъ, то всякое знаніе, вытекающее изъ опыта, будетъ механическимъ; научнымъ же будетъ то, которое начинается и кончается въ умѣ; полумеханическимъ—такое, которое вытекаетъ изъ познанія и завершается механическимъ процессомъ. Мнѣ же именно кажутся бесполезными и полными заблужденій тѣ знанія, которыя не вытекаютъ изъ опыта, этой основы всякой достовѣрности, и не завершаются опредѣленнымъ опытомъ, то-есть начало, середина и конецъ которыхъ не проходятъ черезъ одно изъ пяти чувствъ.

Говорятъ, что зрѣніе мѣшаетъ внимательному и тонкому мысленному познанію, при помощи котораго проникаютъ въ божественныя науки, и что такое препятствіе даже заставило одного философа лишить себя зрѣнія; на это я скажу, что глазъ, какъ руководитель нашихъ чувствъ, исполняетъ только свою обязанность, когда препятствуетъ тѣмъ смутнымъ и лживымъ умствованіямъ (я не говорю наукамъ), о которыхъ, громко крича и размахивая руками, вѣчно препираются; и если этотъ философъ лишилъ себя глазъ, чтобы устранить препятствіе къ своимъ умствованіямъ, то будь увѣренъ, что этотъ поступокъ подѣйствовалъ на его мозгъ и на его умствованія, потому что все это только безуміе.

Избѣгай наставленій такихъ поборниковъ умозрѣнія, которые не подтверждаютъ своихъ разсужденій опытомъ.

Не довѣряй тѣмъ авторамъ, которые старались при помощи своего воображенія сдѣлаться толкователями, посредниками между природой и человѣкомъ, а довѣряй только

тѣмъ, которые и результатами своихъ опытовъ, и упражненіями своей мысли дошли до познанія того, какіе опыты обманываютъ людей, не знающихъ природы, потому что часто опыты, кажущіеся одинаковыми, весьма различны“.

Леонардо да Винчи вполнѣ ясно понимаетъ также и огромное значеніе математики для опытнаго изслѣдованія.

„Тотъ, кто отвергаетъ высшую достовѣрность математики, становится добычей смутности и никогда не справится съ противорѣчіями софистической науки, которая не производитъ ничего, кромѣ вѣчныхъ споровъ.“

Гдѣ есть отношенія и пропорціи, тамъ есть мѣсто и для вычисленій; а пропорціи находятся не только въ числахъ и мѣрахъ, но и въ звукѣ, тяжести, времени, пространствѣ и во всякой силѣ, какого бы характера она ни была.

Никакое человѣческое изслѣдованіе не можетъ считаться истинной наукой, пока оно не провѣрено математическимъ путемъ“.

Имя Галилея (1564—1642) достаточно извѣстно всякому, чтобы на немъ останавливаться. Сдѣланныя имъ открытія служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, былъ ли онъ на истинномъ научномъ пути. Правда, Галилей не писалъ трактатовъ о научномъ методѣ, но отдѣльныя замѣчанія, разбросанныя въ его сочиненіяхъ и въ особенности въ его письмахъ, показываютъ, что онъ не просто шелъ по этому пути, но и сознавалъ съ полной ясностью и опредѣленностью, какъ должно идти по нему. Онъ съ энтузіазмомъ возстаетъ противъ вмѣшательства въ область опыта теологовъ и схоластовъ, отстаиваетъ права свободного эмпирическаго изслѣдованія и настаиваетъ на томъ, что въ области, подлежащей опытному изслѣдованію, только опытъ и имѣетъ единственно рѣшающее значеніе. „Посмѣемся, мой Кеплеръ, пишетъ онъ послѣднему,—великой глупости людской. Что скажешь ты о первыхъ философахъ здѣшняго факультета, которые съ какимъ-то упорствомъ аспида, несмотря на мои тысячекратныя приглашенія, не хотѣли даже взглянуть ни на планеты, ни на луну, ни даже на телескопъ? По-

истинѣ, какъ у аспида нѣтъ ушей, такъ у нихъ закрыты глаза для свѣта истины. Они крайне надменны, но меня этимъ не удивишь. Этотъ родъ людей думаетъ, что философія какая-то книга, какъ Энеида или Одиссея, и истину надо искать не во вселенной, не въ природѣ, но (я употребляю ихъ собственныя слова) въ сличеніи текстовъ“. Въ письмѣ къ Кастеззи и герцогинѣ Христинѣ онъ настаиваетъ, что Священное Писаніе имѣетъ цѣлью преподавать людямъ лишь такія истины, которыя не могутъ быть постигнуты умомъ, ибо эти истины—дѣло Божественнаго откровенія; оно учитъ насъ тому, какими путями можно достигнуть неба, а не тому, какъ оно движется; оно не стѣсняетъ нашъ умъ во всемъ, что доступно его разсмотрѣнію, не содержитъ въ себѣ никакихъ правилъ относительно математики, астрономіи, медицины. Кто можетъ поставить границы человѣческому генію? Кто осмѣлится утверждать, что мы уже видѣли и знаемъ все, что на свѣтѣ есть видимаго и доступнаго пониманію? По словамъ самаго Св. Писанія, Богъ предоставилъ міръ пытливости человѣка; зачѣмъ же въ противность этому запрещать свободное философствованіе о предметахъ міра и природы? Онъ настаиваетъ, что въ опытныхъ наукахъ никто не властенъ измѣнять мнѣнія по произволу, что нельзя навязывать математику и философу мнѣнія о явленіяхъ природы, какъ купцу или юристу предписываются постановленія, которыми они должны руководиться въ дѣлахъ мѣны или договора. Прежде чѣмъ осуждать какое-либо физическое ученіе, нужно показать, что оно недостаточно доказано. Въ области, подлежащей опыту, только опытъ и является единственнымъ авторитетнымъ судьею. Чтобы выжить со свѣта ученіе Коперника, необходимо было бы не только запретить книгу Коперника и сочиненія его послѣдователей, но нужно было бы повсемѣстно запретить изученіе астрономіи, нужно было бы даже запретить людямъ смотрѣть на небо, чтобы они не могли видѣть, что тамъ происходитъ.

Кеплеръ (1571—1630), Джильбертъ (1540—1603), Гарви

(1578—1657) и другіе ученые до выхода Новаго Органа настаиваютъ на рѣшающемъ значеніи опытнаго изслѣдованія. Сознаніе его важности во времена Бэкона уже было упрочено, и есть значительная доля правды въ словахъ Либиха, что „походъ Бэкона противъ схоластики напоминаетъ сраженіе извѣстнаго рыцаря съ вѣтрыными мельницами“.

Эти изслѣдователи вполне ясно сознавали также и то, чего не сознавалъ Бэконъ,—что основаніемъ для объясненія природы служить не просто опытъ, но опытъ достовѣрный и точный, каковымъ дѣлаютъ его только число и мѣра, что установленный законъ можетъ претендовать на точность только тогда, когда онъ выраженъ въ числовыхъ отношеніяхъ, почему математика и имѣетъ такое огромное значеніе для экспериментальной науки. Бэконъ былъ совершенно лишень математическаго пониманія, почему и о самомъ научномъ опытѣ имѣлъ лишь смутныя представленія, свидѣтельствомъ чего являются приводимые имъ примѣры. Дюрингъ не безъ основанія говоритъ о немъ: „Бэконъ былъ только проповѣдникомъ, такъ сказать, осязательной эмпирики, быть можетъ умѣстной для описательныхъ естественныхъ наукъ, но отнюдь не для механическаго и физическаго изслѣдованія. Онъ не имѣлъ отдаленнѣйшаго предчувствія насчетъ значенія и шири математическаго мышленія. И дѣйствительно, если высшее естествознаніе пошло впередъ, то только благодаря тому, что никогда не впадало въ искушеніе слѣдовать рецептамъ англійскаго лорда-канцлера“.

XI.

Итакъ, отдавая полную справедливость той талантливости, съ какою написанъ Новый Органъ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы проводимыя въ немъ мысли были по существу своему новы для своего времени. Въмѣстѣ съ этимъ возникаетъ вопросъ о заимствованіи Бэкономъ у предшествующихъ писателей, которыхъ онъ однако не называетъ. Врядъ ли возможно, чтобы Бэконъ, человѣкъ весьма начитанный, хо-

рошо знакомый съ древними философами, не зналъ сочиненій болѣе близкихъ своихъ предшественниковъ, даже такихъ сочиненій, которыя были доступны въ то время лишь съ большимъ трудомъ, такъ какъ ходили лишь въ рукописяхъ, каковы, напримѣръ, осужденныя церковью сочиненія Рожера Бэкона. Съ другой стороны, крайне поражаетъ совпаденіе въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ, которыя слишкомъ оригинальны, чтобы могли быть случайными. Такъ, напримѣръ, афоризмъ, что болѣе старый міръ есть тотъ, въ которомъ мы живемъ, а вовсе не тотъ, въ которомъ жили древніе, гораздо ранѣе высказанъ Рожеромъ Бэкономъ (а еще ранѣе Сенекой). Бэконовскіе идолы почти вполнѣ соотвѣтствуютъ препятствіямъ—*offendicula* (названіе, гораздо болѣе цѣлесообразное, чѣмъ „идолы“) Рожера Бэкона, которыхъ послѣдній также различаетъ четыре рода: 1) сила недостойнаго авторитета, вполнѣ соотвѣтствующая идоламъ театра Франциска Бэкона, 2) преданіе, получившее силу привычки, соотвѣтственно до извѣстной степени идоламъ форума, 3) несовершенство нашихъ органовъ чувствъ, пока они не дисциплинированы—откуда согласно Фр. Бэкону возникаютъ главнымъ образомъ *idola tribus* и 4) стараніе скрывать свое невѣжество и хвастаться своимъ знаніемъ, что можно до нѣкоторой степени сопоставить съ идолами пещеры. Полнаго тождества нѣтъ, но сходство большое. Знаменитое выраженіе, что истина есть дочь времени, мы находимъ ранѣе у Леонардо да Винчи. Можно было бы привести и нѣкоторыя другія совпаденія. Но во всякомъ случаѣ, если Бэконъ и заимствовалъ нѣкоторыя мысли у своихъ предшественниковъ, ихъ не называя, то онъ сумѣлъ сдѣлать ихъ своими собственными и ввести въ органическую связь своего ученія. Называть такой поступокъ плагиатомъ врядъ ли было бы справедливо.

Если идеи Новаго Органа (мы имѣемъ въ виду его первую часть) не могутъ быть названы новыми и самостоятельными, то нельзя отрицать, что ихъ изложеніе блестяще и ихъ защита проведена мастерски и убѣдительно. Если онѣ

не представляли ничего новаго для современныхъ Бэкону ученыхъ, и въ ихъ глазахъ могла даже показаться нѣсколько странной защита эмпирическаго изслѣдованія человѣкомъ, не имѣющимъ къ нему никакого болѣе прямого отношенія и даже не вполне ясно себѣ представляющимъ сущность научнаго наблюденія и эксперимента, то онѣ имѣли великое значеніе для той огромной среды, въ которой сочиненія Бэкона находили свое распространеніе. Главное значеніе Бэкона не только въ томъ, что онъ былъ популяризаторомъ экспериментальной науки, но и ея пропагандистомъ, — экспериментальной науки, въ которую самъ онъ больше вѣрилъ, чѣмъ ее зналъ. Новый Органъ—крупное произведеніе и имѣетъ огромное историческое значеніе, но не то, какое было ему приписано самимъ Бэкономъ и приписывается въ учебникахъ исторіи философіи. Его идеи велики, но онѣ родились не въ семнадцатомъ вѣкѣ, а много раньше. Родоначальникомъ новой философіи былъ не Беконъ и не Декартъ, какъ обыкновенно утверждается, и не какой-либо другой философъ, но тотъ новый духъ, который повѣялъ съ возрожденіемъ и отразился сначала въ наукѣ, искусствѣ и религіи, а затѣмъ, когда набралось достаточно фактовъ и идей, и въ философіи, и далъ въ результатѣ и Бэкона, и Декарта и другихъ. Беконъ и Декартъ потому и были великими философами и имѣли огромное историческое значеніе, что ихъ философія была естественнымъ порожденіемъ культурнаго процесса, а не досужихъ головъ и празднои фантазіи. „Истина есть дочь времени“, и эти слова прежде всего приложимы къ самому же Бэкону.

Какъ историческое явленіе, какъ знаменіе времени, Новый Органъ есть явленіе въ высшей степени замѣчательное и отрадное. За тѣ же самыя идеи, которыя въ немъ проводятся, двѣсти слишкомъ лѣтъ до него едва не угодилъ на костеръ несчастный, одержимый чрезмѣрной, по понятіямъ того времени, преступной страстью къ наукѣ изгнанникъ, монахъ Рожеръ Беконъ. Нужно было долгое время, чтобы эти идеи созрѣли, и вотъ теперъ его соименникъ, англійскій лордъ-канцлеръ, первое послѣ короля лицо въ государ-

ствѣ, баронъ Веруламскій, виконтъ Сентъ Албанскій, представляетъ всѣмъ на видъ свою приверженность къ экспериментальной наукѣ, для которой самъ ровно ничего не сдѣлалъ, общаетъ указать ей будто бы имъ открытый новый путь, самымъ вѣрнымъ образомъ ведущій къ цѣли, сообщить рецептъ, пользуясь которымъ всякій можетъ сдѣлаться изобрѣтателемъ, и въ тѣхъ же самыхъ идеяхъ, которыя выдаетъ за свои собственныя, ищетъ популярности, славы и средствъ къ матеріальному успѣху и повышенію на служебной лѣстницѣ. По этому всего лучше можно судить, насколько подвинулся общественный прогрессъ и какъ измѣнилось общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ, въ средѣ его лучшихъ представителей и въ передовой странѣ Европы. Государственный канцлеръ, пишущій Новый Органъ, есть явленіе знаменательное. Новый Органъ—это неофициальный государственный актъ, которымъ признавались отнынѣ права свободнаго научнаго изслѣдованія и который имѣлъ черезъ это огромное значеніе для послѣдующаго распространенія тѣхъ идей, которыя въ немъ проводились. Но при сужденіи о немъ мы не должны забывать, что этотъ трактатъ о значеніи экспериментальной науки написалъ человѣкъ, самъ къ ней не имѣвшій никакого отношенія, написалъ, въ значительной степени руководясь мотивами честолюбія, а не чистой любви къ истинѣ и наукѣ.

Четверть тысячелѣтія пользовался Бэконъ присвоенной себѣ славой творца экспериментальнаго метода и родоначальника эмпирической науки и философіи. Въ концѣ концовъ слава эта оказалась незаслуженной. Новѣйшія изслѣдованія ощипываютъ по одному лавровыя листья изъ его вѣнка и готовы оставить ему одни прутья. Ланге видитъ въ Бэконѣ одно суевѣрное и тщеславное невѣжество. По словамъ Либиха: „природа, надѣлившая Бэкона съ такой щедростью своими лучшими дарами, отказала ему въ чувствѣ истины и правдивости. Съ ложью въ сердцѣ подходилъ онъ къ природѣ, и она не открыла ему своихъ тайнъ, не повиновалась ему. Его опыты могли обмануть людей, но передъ ея лицомъ не могли имѣть успѣха. Въ роли естествоиспы-

тателя все въ немъ оказалось поддѣльнымъ“. Мармери и другіе развѣнчиваютъ его окончательно, низводятъ на степень простаго плагиатора и самохвала. Во всемъ этомъ есть доля правды. Бэконъ не былъ экспериментальнымъ ученымъ, о самомъ опытѣ онъ не имѣлъ должнаго понятія, ему было совершенно чуждо математическое пониманіе, онъ не сказалъ ровно ничего новаго; по своему философскому и научному характеру, по складу своего ума, это былъ схоластъ, со всѣми его приемами, взявшійся трактовать о физической наукѣ, проповѣдовавшій, сидя въ кабинетѣ, обращеніе къ природѣ, апостоль, не успѣвшій самъ отрѣшиться отъ тѣхъ заблужденій и предрасудковъ, на которые указывалъ своимъ современникамъ и современной наукѣ, совершенно не подозрѣвая, что она успѣла въ этомъ гораздо больше его самого, человѣкъ, для котораго мотивы личнаго честолюбія, погоня за славой играли выдающуюся, если не первенствующую роль; все это—правда. И тѣмъ не менѣе заслуга Бэкона остается. Если Бэконъ не былъ творцомъ новѣйшей науки и научнаго метода, то онъ былъ великій государственный умъ, умѣвшій постичь предназначенія вѣка, хотя и не упускавшій случая воспользоваться ими въ собственныхъ цѣляхъ. Его великая заслуга состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ понять духъ времени, и если онъ не имѣетъ значенія какъ самостоятельный ученый или философъ, то во всякомъ случаѣ это одна изъ крупнѣйшихъ величинъ въ ходѣ историческаго прогресса, который не есть дѣло измышленія отдѣльныхъ лицъ, но есть общее теченіе, естественное развитіе въ силу необходимыхъ причинъ и законовъ, равнодѣйствующая безчисленныхъ воздѣйствій съ однимъ преобладающимъ направленіемъ. Человѣчество навѣки останется благодарнымъ тѣмъ людямъ, которые могли понять внутренній смыслъ историческаго прогресса и, обладая такимъ знаніемъ, пусть даже изъ своекорыстныхъ цѣлей, способствовали его естественному ходу. Они исполнили, по-своему и какъ могли, высшее назначеніе человѣка—быть „истолкователями и слугами природы“.

Николай Иванцовъ.

Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія.

(Продолженіе.)

III.

Наиболѣе рѣшительное осужденіе сдѣланныхъ мною выводовъ я нашелъ въ статьѣ Вл. С. Соловьева „Первое начало теоретической философіи“ *). Хотя въ этой статьѣ обо мнѣ и моихъ воззрѣніяхъ онъ говоритъ только мимоходомъ, но все-таки онъ подвергаетъ беспощадной и чрезвычайно остроумной критикѣ то, что считаетъ за мою основную точку зрѣнія на разсматриваемую имъ проблему. Онъ причисляетъ меня къ многочисленнымъ сторонникамъ Декарта, которые раздѣляютъ съ этимъ послѣднимъ его главную ошибку въ рѣшеніи вопроса о природѣ нашего сознанія. А ошибка эта, по мнѣнію В. С. Соловьева, состоитъ въ слѣдующемъ: Декартъ считалъ возможнымъ и необходимымъ отъ самодостовѣрности наличнаго сознанія, какъ внутренняго факта, *прямо заключать* къ подлинной реальности *сознающаго субъекта*, какъ особаго самостоятельнаго существа или мыслящей субстанціи; онъ думалъ, что въ простомъ или прямомъ сознаніи мы имѣемъ самодостовѣрное свидѣтельство о существованіи сознающаго, какъ этого подлиннаго субъекта; въ своемъ положеніи: *cogito ergo sum*, онъ распространилъ достовѣрность прямого или чистаго сознанія на убѣжденіе въ собственномъ существованіи субъекта (какъ мыслящей субстанціи **). В. С. Соловьевъ полагаетъ, что эту ошибку повторяю за Декартомъ и я въ моей диссертации и въ моихъ послѣдующихъ статьяхъ.

---

*) „Вопросы философіи и психологіи“ 1897, кн. 40.

***) Тамъ же, стр. 888, 889, 890.

Долженъ сознаться, что мнѣ тяжело и трудно вступать въ печатную полемику съ В. С. Соловьевымъ не только по причинѣ очень старинныхъ дружескихъ связей, которыя соединяютъ меня съ нимъ, но и въ силу того уваженія, которое питаю я къ нему, какъ самому глубокомысленному метафизику въ современной русской философіи, а можетъ быть, и не только русской. Однако, именно его высокая авторитетность въ философской литературѣ не позволяетъ мнѣ пройти молчаніемъ его выводы относительно вопроса чрезвычайной философской важности, которые діаметрально противоположны моимъ собственнымъ выводамъ и которые при этомъ высказаны въ виду соображеній, печатно изложенныхъ мною раньше.

Обвиненіе В. С. Соловьева меня нѣсколько удивило. Какъ? Я оказываюсь защитникомъ самодостовѣрнаго существованія нашего субстанціального я въ томъ смыслѣ, что оно не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ и должно быть принято прямо на основаніи свидѣтельства непосредственнаго сознанія съ абсолютною обязательностью? Но тогда затѣмъ же я написалъ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ не скуплюсь на детальное развитіе самыхъ разнообразныхъ аргументовъ въ пользу признанія субстанціальной природы нашего духа? По истинѣ, мой взглядъ не этотъ, и безпристрастный читатель убѣдится въ томъ, если пересмотритъ мои выводы въ „Явленіи и сущности въ жизни сознанія“, въ „Душѣ по даннымъ внутренняго опыта“ и въ „Спиритуализмѣ, какъ психологической гипотезѣ“. Дѣйствительно, я полагаю, что мы непосредственно сознаемъ свое бытіе, какъ *сознающихъ существъ*, и что субъективная наша увѣренность въ немъ такъ велика, что *практически* мы не можемъ въ немъ сомнѣваться. Но изъ этого никакъ нельзя съ перваго же шага дѣлать выводъ къ *теоретической и объективной* достовѣрности нашего сознанія. Тѣмъ болѣе нельзя сразу облекать этого сознанія въ формулу, содержащую отвлеченные метафизическіе термины, каковъ, на примѣръ, *субстанція*. Въдъ непосредственно сознать и переживать что-нибудь

и *понимать* отношеніе этого переживаемаго къ отвлеченнымъ принципамъ (напримѣръ, къ понятію *субстанціи*) суть вещи, очевидно, различныя. Я отличаюсь отъ большинства современныхъ психологовъ только въ окончательной оцѣнкѣ свидѣтельствъ внутренняго опыта. Я утверждаю, что нѣтъ основаній видѣть въ этихъ свидѣтельствахъ самообманъ и иллюзію, къ чему они обыкновенно склоняются и В. С. Соловьевъ болѣе другихъ. Я полагаю, что непосредственное сознание, раскрывая намъ нашу внутреннюю дѣйствительность, какъ сознающихъ существъ, насъ не обманываетъ, но утверждаю я это не по субъективному самочувствію, а на основаніи обдуманыхъ логическихъ соображеній. Для меня субстанціальность нашего духа есть истина *выводная*, хотя она и совпадаетъ съ непосредственнымъ содержаніемъ нашего сознанія. Но вѣдь въ такомъ совпаденіи и заключается лучшая повѣрка ея достовѣрности.

Однако, В. С. Соловьевъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы существованіе нашего субстанціального *я* сознавалось непосредственно. „Допустимъ“, говоритъ онъ, „что бытіе нашего *я*, или души, какъ субстанціи, было бы *дано* непосредственно въ наличныхъ состояніяхъ сознанія,—ясно, что никакого вопроса и сомнѣнія объ этомъ бытіи не могло бы и возникнуть... никто безъ оскорбленія логики не можетъ утверждать и доказывать, что эта истина есть наличный фактъ, ибо если бы она въ самомъ дѣлѣ была дана въ наличномъ сознаніи, то это уже и было бы полнымъ доказательствомъ, а если она не дана, то бессмысленно доказывать, что не данное есть данное“ *). Итакъ, абсолютная безспорность фактовъ,—вотъ непоколебимый критерій ихъ дѣйствительной наличности въ нашемъ непосредственномъ сознаніи—для В. С. Соловьева.

Я никакъ не могу признать правильности такого критерія: въ психологической области болѣе, чѣмъ въ какихъ-нибудь другихъ областяхъ знанія, оказывается *спорныхъ* наличныхъ

---

*) Тамъ же, стр. 914.

фактовъ. Въ этомъ легко убѣдится каждый, кто серьезно подумаетъ надъ исторіей психологіи. Отчего это зависитъ? Оттого ли, что непосредственно сознаваемые факты часто бываютъ очень сложны, оттого ли, что далеко не всѣ ихъ элементы сознаются ясно или еще отъ какихъ-нибудь причинъ? Мы не будемъ останавливаться на этихъ вопросахъ, но что о наличныхъ фактахъ сознанія можно спорить и что о нихъ дѣйствительно спорили и спорятъ, этому можно привести многочисленныя доказательства. Ограничимся немногими примѣрами. Присутствіе въ нашемъ умѣ общихъ понятій, абстрактныхъ идей, отвлеченныхъ сужденій—есть *наличный* фактъ нашего внутренняго опыта. И тѣмъ не менѣе черезъ многія столѣтія идетъ до сихъ поръ неоконченный споръ, точно ли въ нашемъ умѣ даны концепціи со всеобщимъ содержаніемъ, или общность нашей мысли есть только иллюзія, порождаемая одинаковостью употребляемыхъ нами въ разныхъ случаяхъ словъ, которыми, однако, въ нашемъ сознаніи всегда вызываются лишь частныя представленія съ какимъ-нибудь вполне индивидуальнымъ содержаніемъ (*концептуализмъ и номинализмъ*). Въ виду этого наличнаго факта исторіи, какъ быть съ утвержденіемъ В. С. Соловьева, что „фактъ присутствія или отсутствія чего-нибудь въ сознаніи одинаковъ со всѣхъ точекъ зрѣнія?“ Можно ли придумать болѣе разительное доказательство тому, что, вопреки его мнѣнію, о наличныхъ фактахъ сознанія спорить можно? Вѣдь мысли несомнѣнно протекаютъ въ нашей головѣ и въ нихъ или дѣйствительно дано общее содержаніе, или оно совсѣмъ отсутствуетъ. И вотъ на это существуетъ совершенно *различныя* точки зрѣнія.

Аналогичный примѣръ можно указать въ различныхъ ученіяхъ о природѣ нашихъ чувствъ. Со всѣми нами бываетъ, что мы страшимся и сердимся, радуемся и печалимся, любимъ и ненавидимъ. Разныя состоянія въ этомъ родѣ переживаются нами постоянно,—казалось бы, мы должны были ихъ знать до-тла и во всякомъ случаѣ не сомнѣваться, что они такое и въ чемъ заключаются? А между тѣмъ какіе раз-

нообразные и непримиримо противоположные взгляды высказываютъ на нихъ психологи! Возьмемъ хотя бы довольно популярную теперь теорію Джэмса и Ланге, по которой всѣ наши чувства, какими бы идеальными и возвышенными они намъ ни казались, представляютъ лишь различныя сочетанія чисто физическихъ ощущеній (отъ происшедшихъ измѣненій въ нашихъ дыхательныхъ органахъ, въ кровеносныхъ сосудахъ, въ тонѣ напряженія мускуловъ и т. д.), сопровождаемая идеей предмета, который вызвалъ эти чувства. Однако съ такимъ объясненіемъ далеко не всѣ согласны: большинство психологовъ склоняется къ тому, что наши чувства имѣютъ специфическую эмоциональную природу, по отношенію къ которой различныя физическія ощущенія являются лишь сопровождающимъ обстоятельствомъ. Вопросъ не въ томъ; кто тутъ правъ: важно то, что объ этихъ вещахъ можно серьезно и упорно спорить. А вѣдь дѣло идетъ, несомнѣнно, о наличныхъ фактахъ сознанія: чувства какъ-нибудь сознаются нами, и въ нихъ или сознаются только физическія ощущенія, или сознается и еще что-нибудь. Количество подобныхъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить, если съ этою цѣлью пересмотрѣть различныя группы психическихъ фактовъ. Всѣ люди одинаково убѣждены, что они ощущаютъ, думаютъ, чувствуютъ, желаютъ, но что именно протекаетъ въ ихъ сознаніи въ соотвѣтствіе съ этими очень общими обозначеніями, объ этомъ они едва ли столкнутся между собою скоро.

Итакъ, критерій В. С. Соловьева оказывается явно непригоднымъ даже при простомъ установленіи наличности тѣхъ или иныхъ фактовъ въ нашемъ сознаніи. Тѣмъ болѣе его нужно признать неумѣстнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ уже не о присутствіи фактовъ въ нашемъ субъективномъ сознаніи и самочувствіи, а объ ихъ объективномъ и метафизическомъ значеніи. Если свидѣтельства нашего внутренняго опыта отвлеченно допускаютъ разныя толкованія и точки зрѣнія, ихъ, очевидно, нельзя сразу и безъ дальнѣйшихъ разсужденій возводить въ достоинство общеобязатель-

ныхъ истинъ теоретической философіи, какъ науки, а нужно сначала подвергнуть ихъ всестороннему критическому анализу. Мы несомнѣнно сознаемъ себя инициаторами своихъ собственныхъ дѣйствій, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что вопросъ о свободѣ воли не долженъ имѣть мѣста въ философіи. Мы постоянно чувствуемъ, что переживаемыя нами состоянія принудительно вызываются въ насъ чуждыми намъ силами,—изъ этого все же не вытекаетъ, что проблема бытія внѣшняго міра не должна подвергаться обсужденію. Въ душѣ огромнаго большинства людей живетъ глубокое сознаніе присутствія въ мірѣ высшей безконечной реальности, а въ чуткихъ религіозныхъ натурахъ это сознаніе поднимается до самоочевидной увѣренности, и мнѣ кажется, что, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ случаевъ нѣтъ основанія отрицать совершенно непосредственный характеръ этой увѣренности (экстатическое созерцаніе мистиковъ), но это все-таки не значитъ, что метафизикъ съ перваго шага долженъ признать бытіе абсолютнаго существа за аксіому, которая не нуждается ни въ какихъ рacionales аргументахъ. Такъ и относительно нашего сознающаго я, нельзя утверждать его субстанціальности только на основаніи прямыхъ свидѣтельствъ самосознанія, не показавъ предварительно, по крайней мѣрѣ, двухъ вещей: 1) что наше общее понятіе о субстанціи вполне отвѣчаетъ тому представленію, которое мы имѣемъ о нашемъ я черезъ внутреннее самосознаніе и самочувствіе, 2) что свидѣтельства нашего самосознанія и самочувствія нельзя объяснить въ этомъ случаѣ, какъ простую иллюзію.

Я не знаю, въ какой мѣрѣ я самъ подаль поводъ къ превратному толкованію моихъ выводовъ. Какъ я уже говорилъ, мой уважаемый критикъ упоминаетъ о моихъ мнѣніяхъ только мимоходомъ, и я не могу судить, что собственно его въ нихъ смутило. Но я совершенно увѣренъ, что подобныхъ поводовъ не давалъ Декартъ, хотя В. С. Соловьевъ приписываетъ ему ту же ошибку, которую будто бы сдѣлалъ я. Исходный тезисъ философіи Декарта—*cogito ergo sum* вы-

зываютъ самую разнородную оцѣнку и у современниковъ Декарта, и у его позднѣйшихъ критиковъ, но все же, мнѣ кажется, надъ нимъ рѣдко совершали такое логическое насиліе, какое допустилъ В. С. Соловьевъ. Или я совсѣмъ не понимаю разсужденій почтеннаго критика, или онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что Декартовское *cogito ergo sum* должно означать и для самого Декарта означало: *мыслью, следовательно, я есмь мыслящая и безтѣлесная субстанція*. Именно въ виду этого страннаго толкованія исходной точки Декартовой философіи, В. С. Соловьевъ утверждаетъ, что Декартъ „по очевидной ошибкѣ принялъ спорное за безспорное“ *), и ставить его во главѣ спиритуалистовъ, считающихъ субстанціальность сознающаго духа за самодостовѣрную истину, которая не допускаетъ никакихъ сомнѣній и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

Что Декартъ училъ о мыслящей и нематеріальной субстанціи духа, это всѣмъ извѣстно; но что онъ свое ученіе о душевной субстанціи вложилъ уже въ исходное положеніе своей философіи,—это не вытекаетъ ни изъ прямого смысла этого положенія, ни изъ отношенія къ нему Декарта. Декартъ искалъ положенія абсолютно безспорнаго и, мнѣ кажется, дѣйствительно нашелъ его: что мы въ самомъ дѣлѣ мыслимъ (сознаемъ), а если мыслимъ, то, значить, и существуемъ, съ этимъ безъ колебаній согласится всякій, будь онъ матеріалистъ, феноменистъ или спиритуалистъ. Считаетъ спорнымъ это положеніе только В. С. Соловьевъ, но единственно потому, что влагаетъ въ него непринужденно ему смыслъ. Вопреки В. С. Соловьеву, и для Декарта, какъ для другихъ спиритуалистовъ, субстанціальность и нематеріальность сознающаго духа есть истина выводная, а не аксіоматическая. Декартъ ее внимательно доказываетъ, а не считаетъ сразу очевидною и не нуждающеюся въ обоснованіи. Онъ выводитъ ее изъ сопоставленія сужденія: *cogito ergo sum*, съ результатами предварительнаго сомнѣнія и съ принци-

*) «Достовѣрность разума», «Вопросы фил. и псих», кн. 43, стр. 367.

пціальнымъ утверждениемъ естественнаго разума, которому онъ приписываетъ характеръ логической аксіомы: *ничто* не можетъ имѣть состояній и свойствъ,—поэтому тамъ, гдѣ даны свойства и состоянія, долженъ существовать предметъ или субстанція, которой они принадлежать. По крайней мѣрѣ, въ *Principia philosophiae*, гдѣ, благодаря сжатоу изложению, логическія нити разсужденій Декарта выдѣляются особенно отчетливо, ходъ его мысли представляется чрезвычайно простымъ; въ седьмомъ параграфѣ первой книги устанавливается положеніе: *cogito ergo sum*, какъ абсолютно достоверное; въ восьмомъ параграфѣ Декартъ усматриваетъ въ этомъ положеніи наилучшій путь къ познанію природы души и ея отличія отъ тѣла (но только путь, а никакъ еще не само познаніе сущности души) въ виду слѣдующаго соображенія: во всемъ матеріальномъ мы усомнились, а въ себѣ и въ своемъ существованіи, какъ мыслящихъ, сомнѣваться не можемъ, слѣдовательно, это наше существованіе не имѣетъ въ себѣ ничего матеріальнаго. Наконецъ, только въ одиннадцатомъ параграфѣ онъ признаетъ мыслящее *я* за субстанцію на основаніи аксіомы естественнаго разума, указанной выше. Рядомъ съ нею стоитъ другое положеніе, также съ характеромъ аксіомы, которое весьма напоминаетъ или, по крайней мѣрѣ, подразумѣваетъ защищаемый мною принципъ *соотносительности*: мы тѣмъ яснѣе познаемъ субстанцію, чѣмъ болѣе знаемъ ея состоянія,—изъ чего Декартъ выводитъ, что свою душу мы знаемъ лучше, чѣмъ какія-нибудь другія вещи на свѣтѣ, ибо все другое мы познаемъ въ состояніяхъ нашей души *).

*) Аналогичный ходъ мысли находимъ и въ «Метафизическихъ размышленіяхъ» (2-е размышл.), хотя онъ и не такъ ясно выраженъ, отчасти благодаря растянутости разсужденій Декарта, отчасти отъ того, что онъ сосредоточилъ главное вниманіе на доказательствахъ возможности и необходимости мыслить душевную дѣйствительность помимо всякихъ матеріалистическихъ предположеній. Аксіомы естественнаго разума еще не получили отчетливыхъ общихъ формулъ, и понятіе «субстанціи» еще не введено съ опредѣленностью. Тѣмъ не менѣ самый существенный пунктъ и въ „Принципахъ“, и въ „Размышленіяхъ“ одинаковъ: Декартъ рѣшительно отдѣляетъ очевидную достоверность

Я понимаю,—можно сказать, что ходъ заключеній у Декарта слишкомъ поспѣшенъ, что принципы естественнаго разума онъ не обосновываетъ, а принимаетъ на вѣру и т. д. Но какъ же не замѣтить, что здѣсь мы имѣемъ *выведеніе* нематеріальной субстанціальности духа, а никакъ не ея провозглашеніе за безспорную аксіому, которая доказательствъ не требуетъ? Доводы Декарта въ настоящее время могутъ показаться наивными и прямолинейными: вѣдь въ его эпоху не было еще феноменистической философіи со всѣмъ арсеналомъ ея утонченной, расплывчатой аргументаціи; тѣмъ не менѣе это все-таки доводы съ весьма яснымъ и опредѣленнымъ содержаніемъ. Свою теорію субстанціальной и нематеріальной души Декартъ считаетъ за истину, съ необходимостью вытекающую изъ непосредственныхъ данныхъ сознанія и изъ нѣкоторыхъ самоочевидныхъ аксіомъ отвлеченной мысли, но она все же не есть для него по существу безспорное предположеніе, отъ котораго можно было бы начинать философское построеніе въ томъ случаѣ, когда принципиально отвергнуты всѣ предвзятыя мнѣнія и могущія подлежать сомнѣнію и спору утвержденія. Въ системѣ Декарта его опредѣленіе существа души стоитъ не на *первомъ*, а только на *второмъ* мѣстѣ.

Но особенно странно то, что В. С. Соловьевъ самъ совершаетъ (только въ противоположномъ направленіи) ошибку, которую такъ краснорѣчиво изобличаетъ въ Декартѣ, и какъ исходную точку всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ теоретической философіи самымъ явнымъ образомъ принимаетъ *спорное* за *безспорное*. Поставивъ себѣ чисто Де-

---

положенія: *cogito ergo sum*, отъ вопроса о природѣ нашего сознающаго я. Во второмъ размышленіи, установивъ непоколебимую достовѣрность своего исходнаго положенія, онъ далѣе говоритъ: „но я не знаю еще съ достаточной ясностью, что я такое,—я, увѣренный, что я существую; теперь нужно очень остерегаться, чтобы не принять за себя какой-нибудь другой вещи“. Не имѣемъ ли мы здѣсь отчетливо выраженнаго убѣжденія, что положеніе: *cogito ergo sum*, при всей его очевидности и ясности для нашего ума, само по себѣ еще не содержитъ знанія о внутренней сущности нашего духа? (*Oeuvres de Descartes*, nouv. édit, par Iules Simon, p. 72).

картовскую задачу „отграничить *безспорную* область *наличнаго* сознанія отъ области всякихъ утвердительныхъ и отрицательныхъ мнѣній, вѣрованій и убѣжденій, которыя могутъ оказаться истинными или ложными, но которыя уже оказываются *спорными*“ *), онъ какъ точку отправленія для философіи, вмѣсто безобиднаго *cogito ergo sum* Декарта, ставить другое, гораздо болѣе притязательное положеніе: въ нашемъ наличномъ сознаніи даны ощущенія, мысли, чувства, желанія, вообще различныя психическія состоянія, но реальный субъектъ нашей психической жизни,—душа, какъ субстанція,—въ наличномъ сознаніи не дается и не открывается; мы сознаемъ потокъ отдѣльныхъ душевныхъ состояній, но не сознаемъ, *чьи* это состоянія; я никогда не сознаю себя, какъ субстанцію психическихъ состояній **).

„Только этотъ безспорный фактъ (что существуютъ теперь испытываемыя ощущенія, чувствованія, представленія и другія сознаваемые состоянія), а не Декартовское *cogito ergo sum*, можетъ служить твердою точкой опоры для отчетливаго философскаго мышленія. Въ порядкѣ этого мышленія первоначальная достовѣрность есть только достовѣрность наличнаго сознанія, въ которомъ не даны никакія существа и субстанціи, ни протяженныя, ни мыслящія, а развѣ только *мысли* о такихъ существахъ и субстанціяхъ“ ***).

Трудно представить себѣ болѣе рѣшительное выраженіе чисто феноменистическаго взгляда на душевную жизнь. Я совершенно понимаю, что такой взглядъ можно себѣ усвоить, и его дѣйствительно раздѣляютъ очень многіе. Но для меня совсѣмъ непонятно, какъ можно было его выставить въ качествѣ исходной точки философіи, не допускающей сомнѣній и не требующей доказательствъ,—выставить въ качествѣ заявленія *безспорнаго* факта? Допустимъ даже, что

*) „Первое начало теорет. фил.“ стр. 911—912.

**) Въ этихъ формулахъ я почти дословно суммировалъ то, что В. С. Соловьевъ высказываетъ объ исходной истинѣ философіи въ „Первомъ началѣ теор. фил.“ на стр. 910, 911, 914, 915, 899, и въ Достовѣрности разума на стр. 387, 388.

***) „Достов. разума“, стр. 387—388.

этотъ взглядъ вполнѣ вѣренъ,—во всякомъ случаѣ какъ же его считать безспорнымъ, когда противъ него такъ много спорили и спорятъ до сихъ поръ? Со временъ блаженнаго Августина и до нашихъ дней существуютъ люди, которые съ убѣжденіемъ и подробно доказываютъ, что нельзя воспринимать и сознать состояній души, не созная при этомъ самой души. Можетъ быть, эти люди ошибаются; но какъ же все-таки простое отрицаніе ихъ выводовъ провозгласить за самоочевидную и съ самага начала обязательную для всякаго ума истину?

Что и самъ авторъ „Перваго начала теоретической философіи“ далеко не вполнѣ увѣренъ въ безспорности этой истины, явнымъ тому признакомъ служитъ то, что онъ ее долго и пространно доказываетъ. Нельзя не отдать справедливости его замѣчательному остроумію, однако все же мнѣ не представляется, чтобы высказанныя имъ соображенія дѣйствительно рѣшали затронутый имъ вопросъ. Главный нервъ его аргументація заключается въ различеніи двухъ значеній въ словѣ *я*. „Когда говорится: *я мыслю*,—то подъ *я* можетъ разумѣться или чистый субъектъ мышленія, или же эмпирической субъектъ, т.-е. данная живая индивидуальность,—другими словами, субъектъ въ смыслѣ *отвлеченномъ*, или субъектъ въ смыслѣ конкретномъ“ *). Но, рассуждаетъ авторъ, ни чистый субъектъ мышленія, ни нашъ эмпирической субъектъ нельзя разсматривать, какъ реальную субстанцію душевной жизни. Чистый субъектъ мышленія есть феноменологическій фактъ не менѣе, чѣмъ всѣ другія явленія души,—это только мысль, съ которою мы соотносимъ и связываемъ всевозможныя психическія состоянія **). *Я* въ этомъ смыслѣ есть просто понятіе нашего ума, „имѣющее то свойство, что оно связывается со всѣми прочими мысленными фактами (или данными состояніями), какъ привходящій вторичный фактъ“ ***). „Какъ функція

*) „Первое начало теор. фил.“ стр. 897.

**) Тамъ же, стр. 897, 898, 899.

***) Тамъ же, стр. 893.

неопредѣленнаго ряда психическихъ фактовъ, это *я* естественно выдѣляется изъ ихъ совокупности, выносится, такъ сказать, за скобку и принимаетъ видъ чего-то самостоятельнаго“ *). Однако, эта его самостоятельность совершенно призрачна; наше *я*, въ этомъ значеніи, есть хотя и „неизмѣнный, но пустой и безцвѣтный каналъ, черезъ который проходитъ потокъ психическаго бытія. И если мы однако не признаемъ себя или свое *я* такою пустотой и безцвѣтностью, то лишь потому, что подъ самодостовѣрнаго субъекта сознанія подставляемъ нѣчто другое, именно нашу эмпирическую индивидуальность, которая, конечно, можетъ быть весьма содержательною, но зато,—увы!—не представляетъ собой той самоочевидной непосредственной дѣйствительности, которая принадлежитъ чистому *я* или феноменологическому субъекту“ (какъ мысли, сопровождающей всѣ явленія въ насъ) **). Далѣе авторъ остроумно доказываетъ, что наша эмпирическая индивидуальность, (т.-е. наше собственное представленіе о своей конкретной личности, составленное на основаніи прошлаго опыта) не отличается ни такою достовѣрностью, которая не допускала бы сомнѣній, ни признаками дѣйствительнаго субстанціального тождества и неизмѣнности. Въ поясненіе своей мысли онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на примѣрѣ парижской модистки, которая, подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, принимала себя то за пьянаго пожарнаго, то за архіепископа парижскаго.

Мнѣ кажется, спиритуалисту легко отвѣтить на эти соображенія: авторъ нигдѣ не показалъ, что слово *я* имѣетъ только эти два значенія, и что нѣтъ третьяго, которое было бы даже первоначальнымъ сравнительно съ ними. Допустимъ только (а изъ предыдущей главы мы видѣли, насколько необходимо это сдѣлать),—что психическая жизнь никогда не складывается изъ чистыхъ, безличныхъ событій, а всегда испытывается нѣкоторымъ сознающимъ и чувствующимъ субъек-

*) Тамъ же.

**) Тамъ же, стр. 900.

томъ, и тогда сознание или, по крайней мѣрѣ, смутное чувство самого себя, какъ центра переживаемыхъ удовольствій и страданій, стремленій и отвращеній, должно присутствовать на всѣхъ ступеняхъ душевнаго роста, даже и въ то время, когда у насъ еще нѣтъ никакихъ ясныхъ воспоминаній о томъ, чѣмъ мы были прежде, или когда самое слово *я* еще и не возникало въ насъ. Является естественный вопросъ: это слово *я* не обозначаетъ ли прежде всего насъ самихъ въ этомъ первоначальномъ и коренномъ смыслѣ? Не потому ли мы и наши воспоминанія связываемъ этимъ словомъ, и наши мысли объединяемъ имъ же, что его первоначальное значеніе всегда въ насъ непосредственно заложено? Вѣдь изъ чистыхъ, безличныхъ, себѣ довлѣющихъ состояній какъ выйдетъ личность, какъ получится то, что надъ отдѣльными состояніями возвышается, объединяетъ ихъ и связываетъ? *).

Въ параллель съ парижской модисткой приведу другой примѣръ. Мнѣ лично извѣстна одна сомнамбула, которая, будучи погружена въ глубокія стадіи гипнотическаго сна, начинаетъ мучительно волноваться и горько жалуется своему гипнотизеру: „Я не знаю, кто я и гдѣ я?“ Я спрошу В. С. Соловьева: что разумѣетъ она въ этомъ случаѣ подъ своимъ *я* и о какомъ *я* такъ беспокоится? О своемъ эмпирическомъ *я*? Но вѣдь все ея горе въ томъ, что въ ней совсѣмъ погасло сознание о свой эмпирической индивидуальности,—она не считаетъ себя ни тѣмъ, что она есть, ни пожарнымъ, ни архіереемъ и ничѣмъ другимъ. Неужели же ее такъ заботитъ чистый субъектъ ея мышленія? Но вѣдь этотъ субъектъ есть безцвѣтный и пустой каналъ психическаго потока,—это совсѣмъ отвлеченное понятіе, одинако-

*) Съ точки зрѣнія спиритуализма, первичнымъ *я* въ этомъ смыслѣ сознаваемой и чувствуемой нами психической силы, которую мы отождествляемъ съ самими собой, обладаютъ и новорожденные дѣти, и лишенные всякихъ ясныхъ воспоминаній идиоты, и душевно-больные, имѣющіе о себѣ самыя странныя фантазіи, и, наконецъ, животныя, поскольку мы имъ приписываемъ дѣйствительное одушевленіе.

вое по своему содержанію у всѣхъ людей, — это простая фикція разсудка. Можно ли изъ-за нея страдать и мучиться? Да и есть ли какой-нибудь смыслъ въ вопросѣ: кто такой нашъ чистый субъектъ мышленія и гдѣ онъ находится? Не намекаетъ ли приведенный мною фактъ на то, что мы можемъ сознать наше *я* и не въ качествѣ только опредѣленной эмпирической личности или чистаго субъекта мышленія и что это наше сознаніе является даже особенно рѣзко и напряженно выраженнымъ, когда съ него сняты всѣ эмпирическіе покровы?

Итакъ, противъ теоріи чистаго феноменизма и въ томъ видѣ, какъ ее принимаетъ В. С. Соловьевъ, весьма можно спорить. Онъ, конечно, поступилъ бы осторожнѣе, если бы въ основу философскихъ построеній положилъ старое декартовское *cogito ergo sum*, — разумѣется, въ его буквальномъ и дѣйствительномъ смыслѣ, — или какую-нибудь формулу, ему равносильную. Вѣдь прежде чѣмъ подводить наше наличное сознаніе подъ отвлеченные онтологическіе критеріи (все равно, — выставимъ ли мы въ качествѣ такого критерія понятіе чистаго явленія или субстанціальной сущности), надо взять это сознаніе такимъ, каково оно есть. Каждый изъ насъ сознаетъ себя существомъ мыслящимъ, желающимъ, чувствующимъ, испытывавшимъ многое въ прошломъ, переживающимъ что-нибудь въ настоящемъ, имѣющимъ какія-нибудь ожиданія въ будущемъ. Этотъ безспорный фактъ опредѣленнаго самосознанія и надо зарегистрировать. Но что же мы такое? Точно ли мы существа, какими себя чувствуемъ, или наше самосознаніе насъ обманываетъ и наша душевная жизнь слагается изъ чистыхъ состояній, не принадлежащихъ никому? Точно ли у насъ было прошлое, или намъ только это кажется? Точно ли мы прямо и непосредственно воспринимаемъ наше субстанціальное *я*, какъ оно дѣйствительно есть, или наше *я* есть только одна изъ нашихъ мыслей, столь же далекая по своему содержанію отъ нашего подлиннаго существа, какъ далеки наши мысли о внутренней сущности внѣшнихъ намъ вещей отъ

ихъ реальной сути въ нихъ самихъ? Обо всемъ этомъ *можно спорить и сомнѣваться*, и, стало быть, нѣтъ основанія давать на эти вопросы окончательные отвѣты съ первыхъ же шаговъ изслѣдованія или даже прежде, чѣмъ сдѣланы какіе-нибудь шаги въ немъ, и только устанавливается точка исхода. Дальнѣйшіе результаты отъ того значительно выиграли бы въ ясности, и автору не пришлось бы ограничивать раньше высказанныхъ положеній и тѣмъ довольно замѣтно вступать въ противорѣчіе съ своими собственными утверженіями. Въ самомъ дѣлѣ, если „Первое начало теоретической философіи“ содержитъ горячую проповѣдь чистаго феноменизма, то вторая статья В. С. Соловьева, служащая прямымъ продолженіемъ первой, — „Достовѣрность разума“ (правда, за исключеніемъ первой главы), представляетъ оригинальную, тонкую и талантливую защиту наиболѣе существенныхъ пунктовъ спиритуалистической теоріи. Авторъ доказываетъ въ ней, что „логическое мышленіе, какъ такое, обусловлено тѣмъ относительнымъ упраздненіемъ времени, которое называется *памятью* или *воспоминаніемъ*“, и что „логическое мышленіе прежде всего обусловлено *реакціею противъ времени со стороны чего-то сверхвременнаго, дѣйствующаго въ воспоминаніи*“ *). Онъ доказываетъ, что матеріею логической мысли являются не факты психической жизни въ ихъ непрерывномъ возникновеніи и исчезновеніи, „а только ихъ *сохраненіе*“ **). Соответственно этому, онъ память опредѣляетъ, какъ „надвременное въ сознаніи“, а слово въ его качествѣ выразителя универсальной стихіи логическаго мышленія, какъ „надвременное и надпространственное“ ***). Онъ разсматриваетъ память и слово, какъ двѣ психическія основы, „непосредственно освобождающія сознаніе отъ полнаго подчиненія времени и пространству“ ****). По мнѣнію В. С. Соловьева, отъ этихъ основъ зависитъ „внутренняя, сверхвременная и

*) „Достов. раз.“, стр. 399.

***) Тамъ же, стр. 398.

****) Тамъ же, стр. 403.

*****) Тамъ же.

сверхпространственная связь психических состояній, или данныхъ прямого сознанія“ *).

Подъ всѣми этими положеніями можетъ подписаться любой спиритуалистъ. Но какъ же не видитъ авторъ, что онъ ими совершенно убиваетъ свой первоисходный тезисъ теоретической философіи? Оказывается, что наше сознаніе постоянно имѣетъ дѣло съ *сверхвременнымъ* содержаніемъ, — ибо чѣмъ было бы оно пополнено, если бы у насъ, напри- мѣръ, абсолютно не было памяти, и каждое явленіе сознанія абсолютно исчезало бы въ тотъ самый недѣлимый моментъ, когда оно возникло? Между тѣмъ явленія души несомнѣнно *протекаютъ* во времени. В. С. Соловьевъ самъ настаиваетъ, что „психическіе факты сами по себѣ возникаютъ и исче- заютъ“, и что „мы должны признать время (т.-е. непрерыв- ное возниканіе и исчезаніе) условіемъ всякаго психическаго быванія“. Не значить ли это, что разъ мы помнимъ и мыслимъ, то нашему сознанію непосредственно предстоитъ сверхвре- менная и сверхфеноменальная стихія нашего душевнаго су- ществованія, т.-е., стало-быть, *субстанціальное въ немъ*? Какъ иначе понять тезисъ В. С. Соловьева, что „матерією или первымъ условіемъ логической мысли могутъ быть не психи- ческіе факты, какъ такіе, а только ихъ *сохраненіе*“ (стр. 398)? Не даромъ ему приходится пускаться въ странныя сообра- женія о наличныхъ психическихъ фактахъ, собственное со- держаніе которыхъ выходитъ за предѣлы всякой наличности (стр. 389). Не слѣдуетъ ли скорѣе сказать, что область *наличнаго* въ сознаніи гораздо шире, чѣмъ думаетъ ува- жаемый авторъ, и что она далеко не ограничивается по- токомъ психическихъ состояній въ его неудержимой смѣ- нѣ? В. С. Соловьевъ, повидимому, ищетъ точки опоры для своего первоначальнаго взгляда въ различеніи между субъективно психической и логической стороною нашихъ внутреннихъ процессовъ: съ психологической точки зрѣнія, все подлежащее сознанію есть тѣмъ самымъ чистое явленіе;

*) Тамъ же, стр. 404.

напротивъ, въ логическомъ отношеніи нашему сознанию открывається нѣчто, надъ всякими явленіями возвышающееся. Но я спрошу его: развѣ логическіе процессы, *со вѣсьмъ своимъ содержаніемъ и во вѣсьмъ своемъ внутреннемъ значеніи*, — не суть прежде всего психическіе факты? И если въ нихъ открывається нашему сознанию содержаніе *сверхфеноменальное*, не вытекаетъ ли изъ этого, что ихъ уже нельзя отнести къ категоріи *чистыхъ явленій*, въ ихъ абсолютной исчезаемости и текучести? Наконецъ, память—развѣ фактъ логическій, а не чисто психологическій? Совершенно очевидно, В. С. Соловьеву нельзя остаться на томъ распутьи, на которомъ онъ стоитъ сейчасъ. Одно изъ двухъ: или онъ былъ правъ въ „Первомъ началѣ теоретической философіи“, — тогда онъ долженъ отвергнуть такъ хорошо имъ отмѣченныя свойства нашего разума и памяти, или онъ былъ правъ въ „Досто- вѣрности разума“, — тогда онъ слишкомъ поспѣшилъ примкнуть къ выводамъ чистаго феноменизма и только напрасно связалъ себя въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей.

Чѣмъ же объяснить такія колебанія и такую шаткость въ заключеніяхъ у мыслителя, столь извѣстнаго въ нашей литературѣ опредѣленностью и твердостью своихъ убѣжденій? Источникъ ихъ, мнѣ кажется, въ томъ предвзятомъ взглядѣ, который усвоилъ себѣ В. С. Соловьевъ на субстанціальное бытіе вообще: по крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ выступаетъ самымъ рѣшительнымъ сторонникомъ чисто трансцендентнаго пониманія субстанціальной дѣйствительности. Истина *соотносительности* явленія и субстанции, ясно вытекающая изъ прямого смысла этихъ понятій и изъ ихъ неизбѣжнаго логическаго употребленія, представляется какъ бы совѣмъ чуждою для его ума. Для В. С. Соловьева, *имманентность* нашего сознающаго субъекта своимъ состояніемъ оказывается синонимомъ его чисто *феноменологическаго* бытія: этотъ субъектъ лишь тогда былъ бы реальнымъ субъектомъ, если бы онъ имѣлъ безспорную дѣйствительность *за предѣлами* своихъ состояній (стало быть, внѣ всякихъ состояній?). Если бы мы въ самомъ дѣлѣ внутренно

воспринимали наше субстанціальное я, то оно „выступало бы въ сознаниі какъ творческая энергія, или подлинный актъ, а все прочее характеризовалось бы только какъ его пассивное произведеніе, если бы, напримѣръ, теперь, смотря на эту стѣну съ висящимъ на ней портретомъ, я непосредственно сознавалъ, что она произведена мною, моимъ собственнымъ внутреннимъ дѣйствіемъ, а такъ же сознавалъ бы и какъ это сдѣлано“ *). Точно также мы тогда непосредственно сознавали бы ту творческую дѣятельность, которою мы производимъ наши желанія и душевныя волненія. Но никто никогда на на яву, ни даже во снѣ не сознавалъ себя творцомъ своихъ желаній и чувствъ; это значить, что никто и никогда не воспринималъ своего субстанціального я **).

Между тѣмъ В. С. Соловьевъ, твердо „увѣренъ“ въ существованіи такого субстанціального я, или души, въ тождествѣ личности и т. д. ***). Является невольное недоумѣніе: неужели онъ серьезно думаетъ, что онъ, какъ онъ себя знаетъ, съ своими мыслями и ощущеніями, страданіями и радостями, желаніями и душевными волненіями, есть только феноменологическій призракъ, сотканный изъ чистыхъ, абсолютныхъ состояній, а что надъ нимъ живетъ какое-то маленькое божество, которое по своему произволу творить изъ ничего все, что онъ чувствуетъ и чего хочетъ, и что тотъ-то миниатюрный богъ и есть его настоящее я? В. С. Соловьевъ говоритъ: „я сознаю себя всегда какъ только субъекта своихъ психическихъ состояній, или аффектовъ и никогда, какъ ихъ субстанцію“. Я спрошу на это, сознаетъ ли онъ однако себя, какъ реальнаго субъекта своихъ состояній? Если да, то феноменизмъ все-таки надо бросить. И тогда наврядъ ли останутся основанія утверждать чистую пассивность ****) нашего сознаваемого субъекта: вѣдь едва ли мыслимо, чтобы реальный субъектъ испытывалъ состоянія и въ то же время никакъ на нихъ не реагировалъ; напро-

*) „Первое нач. теорет. филос.“ стр. 899.

**) Тамъ же.

***) См. тамъ же, стр. 903.

****) Тамъ же.

тивъ, именно въ нашихъ желаніяхъ, волненіяхъ, удовольствіяхъ, страданіяхъ — мы будемъ тогда имѣть различныя формы активнаго самоутвержденія нашего субъекта въ отвѣтъ на впечатлѣнія извнѣ. Но В. С. Соловьевъ категорически настаиваетъ, что нашъ сознаваемый субъектъ есть только феноменъ: реальное и субстанціальное бытіе имѣетъ только то, что обладаетъ силой абсолютнаго творчества.

Вотъ предвзятая идея, которая у В. С. Соловьева положена въ основу рѣшенія всего вопроса. Между тѣмъ она вызываетъ весьма серьезныя возраженія. Не спорю, что при окончательномъ объясненіи вещей мы съ неизбѣжностью останавливаемся на мысли о первоначальной творческой мощи, отъ которой зависятъ и законы, и свойства, и состоянія всякой данной дѣйствительности. Но дозволительно весьма сомнѣваться, чтобы эта сила абсолютнаго творчества принадлежала внутреннему *я* каждаго изъ насъ въ отдѣльности. Тѣмъ болѣе, что здѣсь нельзя остановиться на половинѣ дороги: разъ всякое субстанціальное существо вообще есть абсолютная творческая причина всѣхъ своихъ свойствъ и состояній, тогда каждый атомъ придется одарить всемогущимъ божественнымъ двойникомъ, и міръ представить неисчерпаемо безконечную сумму такихъ маленькихъ боговъ. Не гораздо ли правдоподобнѣе предположеніе, что эта первоначальная творческая сила, отъ которой зависить вся дѣйствительность каждой данной вещи, а стало быть, и раздѣльность вещей между собою, и ихъ множественность и всѣ связывающія ихъ отношенія, существуетъ не во множественномъ, а въ единственномъ числѣ, какъ абсолютная основа всѣхъ вещей вообще? И при этомъ послѣднемъ взглядѣ, — если мы все-таки приписываемъ себѣ, какъ данной индивидуальности, бытіе субстанціальное (а В. С. Соловьевъ его принимаетъ), — не будемъ ли мы вынуждены видѣть субстанціальнаго носителя нашей внутренней жизни не гдѣ-то внѣ ея, а въ ея сознаваемомъ реальномъ субъектѣ, который столько же дѣятеленъ, сколько и страдателенъ, который не только сопротивляется внѣш-

нимъ ограниченіямъ, но и воспринимаетъ ихъ? Иначе едва ли можно составить себѣ содержательную идею о нашемъ индивидуальномъ я, какъ существѣ конечномъ *).

Напротивъ, взгляды, устанавливающей непроходимую пропасть между субстанціей и ея качествами и состояніями, какъ совершенно случайнымъ и произвольнымъ порожденіемъ этой субстанціи, едва ли допускаетъ какіе-нибудь рациональные мотивы. Во всякомъ случаѣ онъ представляетъ очень дурную почву для обоснованія философскихъ идей, горячимъ защитникомъ которыхъ всегда являлся В. С. Соловьевъ. Если феноменальная и субстанціальная дѣйствительность такъ далеки другъ отъ друга, и если въ наше непосредственное сознаніе попадаетъ дѣйствительность только феноменальная, для нашего ума, конечно,—нѣтъ надежды отыскать вѣрные и твердые пути къ истинѣ о существующемъ въ немъ самомъ. Теорія *трансцендентныхъ сущностей* во всѣ времена доставляла превосходный матеріалъ для скептического отрицанія во всѣхъ его видахъ, но ни одному философу еще не удавалось, исходя изъ нея, логически построить міросозерцаніе законченное, цѣльное и положительное. Невольно приходитъ въ голову, что В. С. Соловьевъ слишкомъ много уступилъ принципиальнымъ противникамъ своихъ душевныхъ убѣжденій. При такихъ уступкахъ чрезвычайно трудно дать послѣдовательное и свободное отъ противорѣчій оправданіе для того глубокаго и оригинальнаго міровоззрѣнія, которое онъ проповѣдывалъ всю жизнь.

Л. Лопатинъ.

*) Я менѣе, чѣмъ кто-нибудь, склоненъ отрицать *творческой* характеръ реакцій и синтезовъ, составляющихъ внутреннюю жизнь нашего духа. Творчество (какъ я его понимаю) присутствуетъ вездѣ, гдѣ дано качественное разнообразіе явленій, между тѣмъ качественное разнообразіе фактовъ есть отличительное свойство всей психической области. Но я рѣшительно увѣренъ, что творчество *имманентно* жизни нашего духа, а не *трансцендентно* ей (см. „Положительныя задачи философіи“, ч. II). Его никоимъ образомъ нельзя представлять себѣ такъ, что наше субстанціальное я создаетъ свои чувства, стремленія и желанія, какъ какіе-то внѣшніе для него самого, пассивные продукты.

Форма разумности и разумъ истины *).

I.

Формальная достовѣрность разума прямо *вырастаетъ* изъ безспорной достовѣрности, изъ самоочевидности непосредственнаго сознанія или данныхъ психической наличности. Если не можетъ быть спора о фактѣ *ощущаемаю* мною здѣсь и теперь холода, то также безспорна и *мысль* о самомъ холодѣ или холодѣ *вообще*,—мысль, которая, хотя возникла у меня также *теперь* и *здѣсь*, но которая не покрывается этимъ психическимъ фактомъ, а сознается — и притомъ такъ же прямо и непосредственно сознается, сверхъ того, какъ относящаяся одинаково и безразлично ко всѣмъ ощущеніямъ холода, кѣмъ бы, когда бы и гдѣ бы они не испытывались.

Съ тою же самою непосредственною достовѣрностью, съ которою мы ощущаемъ наличную дѣйствительность холода, съ тою же самою мы *разумѣемъ* возможность всеобщаго значенія того *качества*, которое дано въ этомъ нашемъ ощущеніи; потому что, когда мы утверждаемъ хотя бы только то, что холодъ есть ощущеніе, бывающее иногда пріятнымъ, а иногда непріятнымъ, то откуда бы мы ни почерпнули такое утвержденіе (объ этомъ рѣчь еще впереди), мы во всякомъ случаѣ знаемъ съ абсо-

---

*) См. статьи „Первое начало теоретической философіи“ и „Достовѣрность разума“ въ кн. XL и XLIII „Вопросовъ философіи“.

лютною несомнѣнностью, *что* собственно мы въ этомъ утвержденіи *разумѣемъ*, къ чему собственно оно относится, а именно: не къ тому ощущенію холода, которое мы въ данный моментъ испытываемъ или не испытываемъ, а ко *всякому* холоду, который во всякій моментъ и во всякомъ мѣстѣ всякимъ субъектомъ можетъ испытываться или не испытываться. Короче сказать, мы разумѣемъ это опредѣленное качество совершенно независимо ни отъ какой наличности, и однако же эта самая свобода отъ наличности несомнѣнно есть *налицо* существующій, непосредственно психически данный и съ этой стороны безусловно достовѣрный фактъ сознанія. Я вѣдь прямо и непосредственно знаю, что *теперь и здѣсь* *думаю о томъ, что не есть теперь и здѣсь*. Разумное мышленіе, хотя бы въ самомъ зачаточномъ состояніи, въ видѣ какого-нибудь отвлеченнаго понятія о томъ или другомъ конкретномъ чувственномъ качествѣ или явленіи, уже дано въ непосредственномъ сознаніи, какъ нѣкоторая его наличность, *перерастающая саму себя*, какъ психическій фактъ, переставшій быть *только* психическимъ фактомъ,— непосредственно перехватывающій своимъ всеобщимъ значеніемъ черезъ свою единичную дѣйствительность.

Эта формальная объективная сущность разума по своей неоспоримой достовѣрности составляетъ, въ связи съ такою же безусловною достовѣрностью субъективныхъ данныхъ непосредственнаго сознанія, вторую исходную точку теоретической философіи, и я желалъ бы сдѣлать ее настолько же ясною и несомнѣнною для всякаго философствующаго читателя, насколько она ясна и несомнѣнна для меня съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что такое мышленіе. Пусть же не посѣтуютъ на меня, что прежде, чѣмъ перейти къ особому предмету настоящей статьи, я еще разъ остановлюсь на этой первичной истинѣ. Тотъ читатель, которому дѣло и безъ того ясно, можетъ вовсе пропустить то, что сейчасъ слѣдуетъ подъ цифрой II.

II.

Прежде всего должно помнить, что объ отдѣльныхъ душахъ, какъ независимыхъ субстанціяхъ, о разныхъ степеняхъ ихъ развитія и возрастанія, а также, съ другой стороны, о тѣлѣ, какъ реальности, о мозгѣ, нервахъ и ихъ физиологическихъ отправленияхъ и въ связи съ этимъ—о происхожденіи высшихъ видовъ душевной жизни изъ низшихъ, у насъ теперь не можетъ быть никакой рѣчи, такъ какъ ничего достовѣрнаго объ этомъ мы *заранѣе* не знаемъ, а главная забота теоретической философіи—о достовѣрности того, чтó она утверждаетъ.

Когда, испытывая извѣстное ощущеніе (а также не испытывая его), мы мыслимъ о немъ въ его всеобщей значимости, то эта мысль есть тутъ единичное и наличное состояніе сознанія, самымъ дѣломъ перерастающее данную наличность душевной жизни *).

Всякая мысль, хотя бы самая простая и пустая, не можетъ однако быть настолько проста и пуста, чтобъ въ ней нельзя было различить двухъ самостоятельныхъ хотя и существенно связанныхъ между собою сторонъ; всякую мысль можно и неизбежно брать, во-первыхъ, какъ единичное состояніе субъективнаго сознанія, или какъ данное текущей психической наличности, и, во-вторыхъ, какъ то мыслимое, что въ этомъ единичномъ состояніи обозначается не единичнымъ, а всеобщимъ образомъ, какъ нѣчто объективное, если не по содержанію, то во всякомъ случаѣ *по формѣ*. Эти двѣ стороны такъ же невозможно раздѣлить между

*) Кому слово *переростать* кажется слишкомъ простымъ для философіи, тотъ безвозбранно можетъ замѣнить мое выраженіе такимъ: „эта мысль самымъ актомъ своего объективнаго формулированія трансцендируетъ свою субъективную актуальность и императивно постулируетъ универсальность интеллекта“. Впрочемъ, вообще и кромѣ шутокъ, я желалъ бы узнать, что можно имѣть противъ пользованія въ философіи общими понятіями органическаго порядка (какъ „ростъ“, „перерастаніе“) послѣ того, какъ вся психологія и у Гербарта, и въ англійской школѣ наводнена понятіями механическаго значенія.

собою, какъ и свести ихъ одну на другую. Раздѣлить нельзя, потому что никакая *мысль* (и въ этомъ ея специфическое отличие отъ прочихъ состояній сознанія) никогда не бываетъ *только* состояніемъ сознанія, а съ другой стороны, невозможно допустить и такое *мыслимое*, которое бы не было дано и какъ нѣкоторое психическое состояніе, такъ какъ иначе это было бы мыслимое, которое вовсе не мыслится, что нелѣпо. Что же касается до сведения одной изъ этихъ сторонъ на другую, то оно невозможно потому, что, придавая по необходимости объективное значеніе тому, о чемъ мы мыслимъ, мы никогда вмѣстѣ съ тѣмъ не переносимъ такого значенія и на самый фактъ этой мысли, оставляя за нимъ, напротивъ, его свойство субъективнаго состоянія сознанія; такъ, я знаю съ полною несомнѣнностью, что мыслимый мною холодъ, т.-е. самое понятіе холода, есть по моей же мысли одно и то же независимо отъ времени, мѣста и различія субъектовъ, но тотъ фактъ, что я теперь мыслю именно о холодѣ, никакой объективной и всеобщей значимости не имѣетъ, и есть совершенно такое же единичное и преходящее субъективное состояніе, какъ и тотъ *ощущаемый* мною ознобъ, по поводу котораго, положимъ, возникла эта моя мысль, и котораго я, конечно, не стану объектировать и обобщать. Ни въ какомъ случаѣ не стану я утверждать, что самый этотъ психическій фактъ какъ таковой (фактъ ли ощущенія, или фактъ мысли—все равно) есть что-нибудь за предѣлами данной своей наличности. Такимъ образомъ, не только въ отношеніи между ощущеніемъ и мыслью, но и въ предѣлахъ самой мысли непосредственно сознается и пребываетъ различіе между испытываемымъ психическимъ состояніемъ и тѣмъ, что въ этомъ состояніи выражается или обозначается. Первое есть наличный фактъ мышленія, второе есть мыслимое какъ всеобщее. Въ этой моей единичной, субъективной мысли, мыслится не она только, но также ея другое и всеобщее. Поскольку мыслимое есть по необходимости *не мое* только состояніе, а и нѣчто другое,—мышленіе имѣетъ природу *объективную*; по-

скольку мыслимое есть по необходимости не въ этомъ только случаѣ, а во всякомъ,—мышленіе имѣеть природу *универсальную* или вселенскую.

Въ прежнемъ разсужденіи *), какъ примѣръ разумнаго мышленія, я нарочно выбралъ мысль *безумную*, такую, которая могла быть формулирована только во снѣ или въ психіатрической лѣчебницѣ, выбралъ для того, чтобы яснѣе показать, что дѣло идетъ пока не объ особенномъ содержаніи той или другой мысли, которое можетъ быть истиннымъ и ложнымъ, осмысленнымъ и нелѣпымъ, достовѣрнымъ и невѣроятнымъ, а только о всеобщей *формѣ* всякаго мышленія, которая всегда одна и та же, для всѣхъ случаевъ имѣеть одинакій смыслъ, во всякомъ случаѣ—истинна и безусловно достовѣрна. Точно также, когда я говорилъ о непосредственномъ сознаніи **), я нарочно взялъ примѣръ страннаго сновидѣнія—опять-таки, чтобы показать, что важна пока не проблематическая реальность сознаваемого или того, *что* испытывается, а лишь безусловная достовѣрность самаго факта, что это *испытывается*.

III.

Итакъ, мы имѣемъ двоякую достовѣрность одинаково неоспоримую; субъективную достовѣрность непосредственнаго сознанія въ данныхъ его наличныхъ состояніяхъ и объективную достовѣрность разумнаго мышленія въ его всеобщей формѣ.

Но развѣ это то, что нужно, настоящее искомое? Существуетъ все переживаемое, какъ фактъ, существуетъ все мыслимое, какъ логическая форма. Но уже въ самомъ этомъ понятіи формы заключается требованіе содержанія, и притомъ не какого-нибудь, а сообразнаго съ формой (адекватнаго ей). Въ логическомъ образѣ мысли, хотя бы мысли самой пустой, самой нелѣпой, самой ложной, содержатся не-

*) См. „Достовѣрность разума“.

**) См. „Первое начало теоретической философіи“.

премѣнные признаки объективности, всеобщности, необходимости. Между тѣмъ со стороны содержанія не только пустя, нелѣпыя и ложныя мысли не соотвѣтствуютъ этимъ формальнымъ требованіямъ мышленія, но имъ не адекватенъ и самый богатый научный опытъ. Ибо этотъ опытъ въ окончательномъ анализѣ всегда представляетъ два элемента: онъ всегда можетъ быть сведенъ къ фактамъ сознанія, такъ или иначе пережитымъ, и затѣмъ такъ или иначе переработаннымъ умственной дѣятельностью, т.-е. введеннымъ въ логическую или разумную форму мышленія. Но никакая совокупность состояній сознанія пережитыхъ, или переживаемыхъ тѣмъ или другимъ (эмпирическимъ) субъектомъ, или наличною совокупностью субъектовъ, не можетъ наполнить собою логической формы, т.-е. не можетъ удовлетворить разума, по той простой причинѣ, что форма разума *безусловна*, именно требуетъ или формально полагаетъ безусловную объективность, безусловную всеобщность, а тѣмъ самымъ и безусловно необходимую связность своего содержанія. Между тѣмъ опытъ хотя бы самый обширный и научный, исходя изъ данныхъ наличнаго сознанія, или изъ текущей, не исчерпанной совокупности фактическаго переживанія, можетъ имѣть притязаніе лишь на *условную* объективность, условную общность или обобщенность и условную связность своего содержанія.

Съ другой стороны, имѣется элементъ безусловнаго въ нашемъ знаніи—именно, во-первыхъ, безусловная достовѣрность переживаемыхъ состояній сознанія какъ такихъ и, во-вторыхъ, безусловная достовѣрность логической формы мышленія какъ такой. Но это безусловность пустая, какъ ограниченная, *одномерная* безконечность линіи въ одномъ случаѣ, *двухмерная* безконечность плоскости—въ другомъ.

Пустота безусловной формы есть данное, безспорно-существующее, искомое же есть ея наполненіе. Само исканіе, требованіе есть несомнѣнный фактъ. Имъ уже по необходимости опредѣляется и свойство искомаго, требуемаго. Мы знаемъ, чего ищемъ. Уже въ древности было

обращено вниманіе на этотъ парадоксальный фактъ: есть хотѣніе, стремленіе, исканіе познать истину, слѣдовательно она уже извѣстна, ибо неизвѣстнаго нельзя и желать — *ignoti nulla cupido*. Затрудненіе устраняется сразу очевиднымъ различіемъ между извѣстностью истины какъ *понятія* и знаніемъ *самой* истины *).

А въ чемъ же дается понятіе объ истинѣ, какъ не въ той формѣ разумности, которая есть несомнѣнный фактъ сознанія? Мы видѣли, что эта форма для повседневнаго сознанія находится въ состояніи *разстѣянія* и *безразличія*, такъ что облекаетъ и такія мысли, которыя по содержанію могутъ быть характеризованы какъ сонный бредъ. Сосредоточить эту разсѣянную форму въ ней самой, отрѣшить ее отъ несоотвѣтствующаго ей, условнаго содержанія, оставляющаго ее саму по себѣ безсодержательною, — то-есть изъ безразличнаго понятія превратить ее въ живой *замысль* — вотъ первая существенная задача философіи.

Фактически несомнѣнно, что *замысль* вообще, — всякій *замысль*, есть начало живого движенія, оплодотворяющее всякую мысленную матерію. *Замысль* есть то творческое *да будетъ*, которое изъ хаоса фактическихъ состояній сознанія создаетъ умственные мірки и міры. Существуетъ *память* какъ общій неопредѣленный подъемъ сознанія надъ потокомъ временной смѣны, но *память* сама по себѣ лишь фактически, случайно спасаетъ кусочки и куски пережитыхъ психическихъ состояній, и ея содержаніе остается сверхвременнымъ, увѣковѣченнымъ, но все-таки *хаосомъ*, — и только съ замысла житейскаго и научнаго *познанія* начи-

---

*) У Гегеля, согласно его точкѣ зрѣнія, это различіе принимаетъ такой видъ, что извѣстное изначала понятіе истины есть общее неопредѣлившееся, или неразвитое понятіе (только *an sich*), а та *сама* истина, которая ищется есть то же понятіе, діалектически развитое въ полноту своихъ опредѣленій (*an und für sich*). Нѣтъ надобности вранѣе пререкааться съ такимъ взглядомъ. Замѣтимъ однако, что по діалектической методѣ самого Гегеля понятіе истины, развившись до полноты своихъ опредѣленій, должно перейти въ свое другое, то-есть полная истина не можетъ вмѣститься въ сферу понятія вообще (хотя бы въ самомъ широкомъ, гегелианскомъ смыслѣ).

нается новый процессъ образованія, превращающій личную и собирательную память въ житейскій, историческій, научный *опытъ*.

Существуетъ *слово*—второй подъемъ сознательной жизни надъ текущею наличностью, надъ *пѣнта ѳеї*. Но и полнота слова есть лишь обиліе всякихъ обломковъ пережитого, приведенныхъ къ возможному схематическому порядку, въ предѣлахъ котораго текущая жизнь создаетъ дѣйствительность новыхъ безчисленныхъ хаосовъ, и только замысль—и цѣпь замысловъ—*логическаго разсужденія* въ нѣкоторой мѣрѣ спасаетъ сознание отъ этого *словеснаго безначалія* и дурной безконечности.

Но кромѣ всѣхъ этихъ частныхъ замысловъ эмпирическаго и логическаго познанія, разрастающихся въ болѣе и болѣе широкіе круги научнаго опыта и формальнаго пониманія, есть единый, единственный по своему предмету замысль—*знать саму истину*. Этотъ замысль, какъ и всякій другой, есть, во-первыхъ, самодостовѣрный фактъ наличнаго познанія: поскольку онъ имѣется, постольку и познается. Во-вторыхъ, и также подобно всѣмъ прочимъ замысламъ, замысль безусловнаго познанія самой истины, т.-е. не истины единичнаго факта и не истины всеобщей (*allgemein gültige*) логической формы,—а познанія истины по существу, или какъ безусловно-сущаго,—этотъ замысль, если только самъ онъ есть дѣйствительный, живой актъ рѣшенія, а не призрачная *velleitas*, становится началомъ движенія, собирающаго психическую наличность въ матерьяль сложнаго процесса, направленнаго къ исполненію первоначально замышленнаго. Въ третьихъ,—и здѣсь отличительная особенность этого, собственно-философскаго замысла отъ всѣхъ другихъ—онъ безусловенъ не только въ смыслѣ своей субъективной самодостовѣрности, но и со стороны своего предмета или содержанія. Этотъ предметъ самъ по себѣ уже имѣетъ безусловное значеніе, безусловную цѣнность. Онъ уже заранѣе признанъ въ своемъ абсолютномъ достоинствѣ, которое не отвергается и никакимъ скептицизмомъ.

Сомнѣніе относится лишь къ возможности исполненія, а не къ достоинству самой задачи по предмету ея. Но и возможность исполненія лишь по недоразумѣнію отвергается съ точки зрѣнія скептицизма. Обыкновенно познаніе истины по существу признается невозможнымъ на основаніи предположенія, которое въ грубой схемѣ можетъ быть представлено такъ: есть съ одной стороны нѣкоторое X, называемое истиной, о которомъ извѣстно только, что оно есть нѣчто огромное—*μεγάλη ἢ ἀλήθεια*,—а съ другой стороны, есть нѣчто, по природѣ ограниченное, или сравнительно малое, называемое человѣческимъ умомъ, и задача философіи, предполагается, состоитъ въ томъ, чтобы это огромное вмѣстить въ этомъ маломъ,—задача очевидно неисполнимая для философа, хотя бы его умъ вмѣстительностью своею былъ подобенъ шароварамъ философа Хомы Брута. Словомъ сказать, этотъ вульгарный скептицизмъ — ищущій обыкновенно болѣе тонкихъ и прикрашенныхъ выраженій, не измѣняющихъ существа дѣла,—зиждется на пространственно-механическомъ представленіи истины, познающаго ума и отношенія между ними. Такъ какъ подобное представленіе во всякомъ случаѣ неосновательно, какъ принимаемое вполне безотчетно, то скептикъ серьезный и послѣдовательный долженъ заявить, что о существѣ истины, о познающемъ умѣ и объ отношеніи между ними онъ ровно ничего не знаетъ, а потому и не можетъ предрѣшать заранее неисполнимость философской задачи; но, видя наличность чужого замысла, долженъ отойти въ сторону и смотрѣть, что изъ этого выйдетъ.

IV.

Итакъ, кромѣ наличности психическихъ состояній, какъ такихъ и наличности логической формы мышленія, какъ таковой, дается философскій замыселъ познанія истины по существу. Этотъ замыселъ уже самою наличностью своею, какъ фактическое требованіе настоящей, подлинной безусловности, расширяетъ наше мышленіе. Разумность какъ

безразличная форма всякаго содержанія переходитъ въ требованіе опредѣленнаго содержанія, именно безусловнаго, или всецѣлаго—опредѣляетъ себя какъ утвержденіе самой истины, стремящееся стать разумомъ истины.

Въ непосредственно-достоверномъ, самоочевидномъ фактѣ *неудовлетворенія* формальною разумностью—субъектъ философіи являетъ себя какъ *становящійся разумъ истины*. Тутъ житейское воззрѣніе—то самое, для котораго солнце встаетъ съ востока и въ видѣ блестящей тарелочки передвигается по огромной голубой чашѣ, опрокинутой надъ землею—это самоуверенное, но до чрезвычайности недостовѣрное воззрѣніе, повидимому исправленное, но на самомъ дѣлѣ лишь запутанное и испорченное школьнымъ догматизмомъ Декарта и Комп.—опять выступаетъ со своимъ излюбленнымъ вопросомъ: „да кто же этотъ субъектъ? Чтобы становиться разумомъ истины, нужно существовать, а существовать въ собственномъ смыслѣ значитъ быть субстанціей,—такъ не есть ли этотъ вашъ субъектъ мыслящая субстанція или вещь Декарта, монада Лейбница, отдѣльная индивидуальная „душа“ старой спиритуалистической психологіи? А если нѣтъ, то о комъ же вы говорите? Кто этотъ субъектъ? Назовите его по имени!“

На такое требованіе школьно-житейскаго воззрѣнія, какъ на вопросъ ослѣпленнаго циклопа Полифема, субъектъ философіи долженъ, подобно хитроумному Одиссею, отвѣтить такъ: „Кто я?—Никто!“ А если тотъ будетъ настаивать и обижаться, можно дать этому отвѣту такое поясненіе: Вопросъ эмпирическаго воззрѣнія: кто ты? можетъ быть обращенъ лишь къ эмпирическому же субъекту, который не имѣетъ надобности скрывать своего имени: это каждый разъ есть тотъ обыватель, что по тѣмъ, или другимъ побужденіямъ рѣшается философствовать съ начала, отрѣшившись отъ школьныхъ предразсудковъ. Какъ истинное солнце сжимается для этого воззрѣнія въ колобродящій по небесному своду кружокъ въ нѣсколько дюймовъ діаметра, такъ и истинный субъектъ философіи сжимается здѣсь въ

Петра Петровича, или Сидора Карпыча, пишущихъ философскія сочиненія. Значитъ вопроса *кто?* здѣсь и ставить нечего. Ну, а если дѣло идетъ о чемъ-нибудь другомъ, болѣе важномъ, то вмѣсто отвѣта, должно обратить вниманіе спрашивающаго на то соображеніе, что вѣдь и по формальной логикѣ нельзя придавать *безусловнаю* значенія *условнымъ* логическимъ подстановкамъ, которыя въ философскихъ построеніяхъ необходимы не менѣе, но и не болѣе чѣмъ деревянные лѣса при постройкѣ каменныхъ зданій.

Предположеніе спиритуалистическаго догматизма о безусловной истинности отдѣльныхъ реальныхъ единицъ сознанія, которыя однако уже самою множественностью своею обличаются какъ условныя,—это предположеніе ясно показываетъ, что мысль еще не стала здѣсь на безусловную или истинно-философскую точку зрѣнія. А какъ только она на нее становится, хотя бы сперва лишь въ качествѣ философскаго требованія или замысла, такъ сейчасъ же неизбежно философствующій субъектъ перестаетъ сосредоточиваться на своей мнимой субстанціальности—умственный центръ тяжести съ внутреннею необходимостью переставливается изъ его ищущаго *я* въ искомое, т. е. въ саму истину, а эмпирическая отдѣльность и обособленность его *я* естественно отпадаетъ по принадлежности въ область житейскаго практическаго сознанія, переставшаго ограничивать кругъ его истиннаго самосознанія.

Слѣдуетъ провести далѣе и тѣмъ самымъ смирить горделивую аналогію, которую Кантъ проводилъ между Коперникомъ и собою: онъ, Кантъ, какъ нѣкій *Коперникъ философіи*, показалъ, что *земля* эмпирической реальности, какъ зависящая планета, вращается около идеальнаго *солнца*—познающаго ума. Однако астрономія не остановилась на Коперникѣ, и теперь мы знаемъ, что центральность солнца есть лишь относительная и что наше свѣтило имѣетъ свой настоящій центръ гдѣ-то въ безконечномъ пространствѣ. Также и Кантовское солнце—познающій субъектъ --должно быть лишено неподобающаго ему значенія. Наше *я*, хотя бы трансцендентально

раздвинутое, не можетъ быть средоточіемъ и положительною исходною точкою истиннаго познанія, при чемъ философія имѣетъ передъ астрономіей то преимущество, что центръ истины, находящійся не въ „дурной“, а въ хорошей безконечности, можетъ быть всегда и вездѣ достигнуть—изнутри.

Кто думаетъ о самой истинѣ, тотъ, конечно, не думаетъ тутъ о своемъ я,—не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ *терялъ* самосознаніе, а въ томъ, напротивъ, что онъ *приобрѣтаетъ* для своего пустого я, новое и притомъ самое лучшее—безусловное содержаніе, хотя сперва лишь въ замыслѣ, въ предвареніи. Уже въ актѣ рѣшенія познавать саму истину мыслящее я становится формою истины,—формою какъ бы въ зародышѣ. Но уже и въ зародышѣ своей познаваемости сама безусловная истина обладаетъ своимъ отличительнымъ качествомъ, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ представлять собою чего-нибудь частичнаго, ограниченнаго и обособленнаго. Зародышъ самой истины есть зародышъ ея *всецѣлости*, и внутренній ростъ этого зародыша можетъ быть только развитіемъ истинной всецѣлости.

Развитіе это не должно представляться какъ процессъ *безличный*. Безъ сомнѣнія, философія есть дѣло философа, она собственно есть философствованіе; но если бы данный эмпирической субъектъ и въ философствованіи своемъ не поднимался надъ своимъ житейскимъ уровнемъ, если бы здѣсь проявлялись только мысли этого обывателя, Карпа Семеновича, о разныхъ предметахъ, обычно относимыхъ къ философіи, то кажется ясно, что такія измышленія отдѣльнаго субъекта, какъ такого, не могли бы имѣть общаго значенія и интереса. Ясно, что истинная философія начинается тогда, когда эмпирической субъектъ поднимается сверхличнымъ вдохновеніемъ въ область самой истины. Ибо если и нельзя заранѣе опредѣлить, что есть истина, то *должно* сказать во всякомъ случаѣ, въ чемъ ея нѣтъ, а именно, ея нѣтъ въ области отдѣльнаго, обособленнаго я, которое изъ себя, какъ центра, описываетъ болѣе или менѣе длиннымъ, но всегда ограниченнымъ радіусомъ кругъ личнаго существованія.

Если бы истина была здѣсь, то ея незачѣмъ было бы искать, и самая мысль о философіи, какъ познаваніи безусловной истины, не могла бы возникнуть. А разъ такая мысль возникла и въ самомъ дѣлѣ овладѣла мыслящимъ, то онъ уже тѣмъ самымъ внутренно разорвалъ оковы своей мнимой отдѣльности, сталъ субъектомъ сверхличнымъ, и понятно, что эти разорванныя оковы, а также и все то, чѣмъ школьный догматизмъ старался и старается ихъ опять спаять—всѣ эти псевдофилософскія понятія мыслящихъ субстанцій, монадь, реальныхъ единицъ, сознанія и т. д.—все это теряетъ существенное значеніе, сознается какъ *überwundener Standpunkt*. Ясно, что эта *Ueberwindung* есть необходимое условіе дальнѣйшаго философствованія.

Не то, чтобы границы эмпирическаго обособленія перестали существовать для философской мысли, или потеряли *всякій* интересъ для нея, но ихъ продолжающееся существованіе и остающійся интересъ теперь совсѣмъ другіе, ибо *центръ бытія* перемѣстился. Употребляя стародавнюю метафору, я назвалъ границы эмпирическаго существованія оковами. Такъ представьте себѣ отношеніе освобожденнаго узника къ его оковамъ. Онѣ продожаютъ существовать, но какъ нѣчто чуждое; можно допустить, что онъ,—хотя не сейчасъ по освобожденіи, а потомъ,—возымѣтъ къ нимъ интересъ, но во всякомъ случаѣ второстепенный: если онъ поэтъ или ораторъ, онъ можетъ вспомнить о своихъ оковахъ для поэтическаго или риторическаго обращенія къ нимъ; если онъ живописецъ, онъ можетъ ввести ихъ въ сюжетъ какой-нибудь картины; если онъ врачъ, онъ можетъ употребить ихъ матеріаль—мѣдь или желѣзо—для цѣлей металлотепаіи,—но заковывать себя въ нихъ онъ ужъ навѣрно не будетъ.

V.

Рѣшительный замыселъ познавать саму истину,—этотъ настоящій философскій паеосъ хотя появляется на почвѣ данной разумности, но онъ перерастаетъ ее какъ общую

форму неопредѣленныхъ возможностей, опредѣлившись какъ живой зародышъ философскаго дѣланія. Объ этомъ дѣланіи (или о *методѣ* философіи въ самомъ широкомъ смыслѣ) господствуютъ нынѣ два противоположныхъ представленія, враждебно или презрительно относящихся другъ къ другу. Философское дѣланіе представляется или какъ медленная собирательная работа многихъ, по частямъ и частичкамъ подбирающихъ матеріаль для заложения фундамента и возведенія отдѣльныхъ стѣнъ будущаго зданія безъ вѣрнаго ручательства и ясной надежды, что оно будетъ когда-нибудь dokonчено; или философія представляется, какъ прямое личное творчество отдѣльнаго мыслителя, выражающее его субъективность. Исходя изъ вѣрныхъ положеній, оба взгляда по нелогичности ихъ сторонниковъ приходятъ къ заключеніямъ ложнымъ и нелѣпымъ.

Конечно, философія есть собирательное дѣло многихъ, и требованіе начинать сначала ставится, конечно, не въ смыслѣ историческомъ. Философія создается многими; однако, чтобы работа этихъ многихъ была работою надъ однимъ и тѣмъ же, и притомъ именно надъ философіей, или познаніемъ истины какъ такой, очевидно требуется предварительная общая идея истины, опредѣляющая собою и планъ собирательной работы. А то если одинъ подъ именемъ философіи отдастъ свои силы психометрическому исчисленію различныхъ скоростей чувственнаго воспріятія, а другой—стилометрическому исчисленію словъ, словечекъ и конструкцій фразы въ Платоновыхъ діалогахъ, то не видно, какимъ способомъ можно доказать, что они работаютъ надъ одною и тою же задачей и притомъ задачей философскою. Правда, эти столь различныя исчислительныя работы, хотя не объединяются въ общей задачѣ, однако сближаются въ общемъ свойствѣ интереса, именно интереса къ точности исчисленій; но я хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь ясно и убѣдительно опровергъ мое рѣшительное утвержденіе, что этотъ общій психометрії и стилометрії интересъ болѣе сроденъ статистикѣ, нежели философіи.

Сравненіе съ воздвигаемымъ зданіемъ только подчеркиваетъ требованіе объединяющаго начала. Зданіе строится по частямъ многими рабочими и мастерами, но по плану одного архитектора, по распоряженіямъ одного предпринимателя и подъ опредѣленнымъ надзоромъ за общимъ ходомъ работы. А безъ этого, если бы рабочіе даже не знали о томъ, что именно строится: храмъ ли, дворецъ ли, манежъ для конницы, или помѣщеніе для сорока тысячъ свиней—то можно вообразить, что бы вышло изъ такой „собирающей“ тектоники. Для отдѣльнаго философскаго ученія, напримѣръ, гегельянства, есть одинъ „учитель“,—онъ же и архитекторъ, и предприниматель, и главный рабочій надъ своимъ умственнымъ сооруженіемъ. Но такія законченныя „абсолютныя“ системы отжили свой вѣкъ, а требуемая „собирающая“, или, точнѣе, по частямъ собираемая философія исключаетъ самое понятіе одного архитектора, какъ и одного предпринимателя. Это, положимъ, было бы не бѣда, лишь бы существовалъ одинъ общій для всѣхъ внутренно-обязательный планъ. У настоящихъ философовъ мы никакого плана построенія философіи изъ разныхъ психометрическихъ и иныхъ кусочковъ, конечно, не найдемъ; если же обратимся къ профессорамъ психометрии и прочихъ ремесленныхъ производствъ, то они, хотя охотно представляютъ намъ и порознь и сообща всякіе планы собирательныхъ и подбирательныхъ работъ, но положительное отношеніе этихъ плановъ къ философіи опять—таки останется проблематичнымъ, и чтобы допустить его, предварительно нужно будетъ выкинуть изъ философіи все то, что разумѣли подъ этимъ словомъ Платонъ и Аристотель, Спиноза и Гегель и всѣ тѣ лица, которыми до сихъ поръ занимаются всѣ сочиненія по исторіи философіи. А при явной химеричности такого условія, представленіе философскаго дѣланія, какъ механической собирающей работы, лишено не только значенія дѣйствительности, но и значенія серьезнаго замысла, и становится однимъ изъ тѣхъ субъективныхъ вымысловъ и помысловъ, изъ которыхъ со-

стоитъ философія согласно второму изъ разбираемыхъ теперь представленій.

Это второе представленіе о философскомъ дѣланіи, составлявшее полусознательную подкладку въ писаніяхъ Шопенгауэра, окончательно проявилось у Ницше и возводится въ принципъ его послѣдователями *). По ихъ взгляду, философія есть личное творчество единичнаго мыслителя и выражаетъ только содержаніе его субъективности. Съ этой точки зрѣнія нельзя ничего сказать и противъ перваго взгляда на философію, принадлежащаго профессорамъ психометріи. Не имѣя, по не зависящимъ отъ нихъ причинамъ, никакой возможности стать основателями дѣйствительнаго собирательнаго философскаго дѣланія, они сохраняютъ полное право на всякія умствованія по этому предмету, выражающія ихъ субъективность. Субъективности бываютъ, конечно, разныя, и тотъ интересъ всѣхъ, сочувствіе многихъ и поклоненіе нѣкоторыхъ, что достались на долю геніальной психопатіи, выраженной въ увлекательной лирической прозѣ Ницше, никогда не будутъ удѣломъ негеніальной психометріи профессоровъ X, Y, Z. Но ихъ уравниваетъ одинаково всѣмъ присущій признакъ субъективности вообще.

Какое же его отношеніе къ философіи?

VI.

Безъ всякаго сомнѣнія, философія есть вообще дѣло нѣкотораго субъективнаго творчества. Это ставитъ ее въ рядъ другихъ проявленій творчества, но чѣмъ же она отъ нихъ отличается, въ чемъ существенное различіе между нею и, напримѣръ, поэзіею? Если бы различіе было только въ формѣ, то право философіи на существованіе было бы сомнительно, такъ какъ всякій долженъ признать, что со стороны формы произведенія подлинно поэтическія не-

*) См., напримѣръ, книгу г. Шестова „Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Ницше“. СПб. 1900.

сравненно превосходнѣе даже такихъ первостепенныхъ философскихъ твореній, какъ „Этика“ Спинозы, „Критика“ Канта и „Логика“ Гегеля. Если же существенное отличие состоитъ въ томъ, что поэзія обращается къ чувству и воображенію, а философія къ уму, такъ что ея форма, менѣе эстетичная, имѣетъ преимущество доказательной достовѣрности,—то вѣдь и это преимущество принадлежитъ собственно не философіи, а положительнымъ и точнымъ наукамъ: ибо гдѣ та философія, которая дѣйствительно удовлетворила умъ и доказала свои положенія?

Нѣкоторые философы были вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящими поэтами (Платонъ, Джордано Бруно), другіе—настоящими учеными (Декартъ, Лейбницъ, Кантъ). Такимъ фактическимъ совмѣщеніямъ можно радоваться, но конечно они не даютъ отвѣта на вопросъ о *raison d'être* философіи какъ такой. Если философъ вообще, въ этомъ своемъ качествѣ, не можетъ соперничать ни съ поэтомъ по красотѣ выраженія идей, ни съ ученымъ по ихъ внѣшней убѣдительности, то ясно, что достаточное основаніе для философскаго дѣланія можетъ быть найдено не съ этихъ сторонъ. И поэзія, и точная наука—обѣ (каждая по своему) отличаются своею формальною *конечностью*, то есть законченностью своихъ произведеній. Ихъ много, какъ теоремъ Эвклида, или драмъ Кальдерона, но каждое есть замкнутый кругъ, окончательно удовлетворяющій въ своихъ предѣлахъ эстетическій или научный интересъ. Геометрической теоремѣ достаточно ея доказанности, и поэтическому произведенію достаточно ея красоты. Достоинство философіи, напротивъ, въ ея безконечности,—не въ томъ, что достигнуто, а въ замыслѣ и рѣшеніи познать саму истину, или то, что есть безусловно.

Этотъ замысль, хотя какъ фактъ, или эмпирически, принадлежитъ субъекту, но по существу, какъ утвержденіе о самой истинѣ, онъ выходитъ изъ предѣловъ всякой субъективности, опредѣляя философствующаго субъекта тѣмъ, что больше его. Въ томъ или другомъ выраженіи замысль познать безусловную истину стоитъ во главѣ всякой насто-

ящей философіи, но важно, насколько философское дѣланіе вѣрно этому началу, насколько сама истина остается его единственнымъ средоточіемъ, насколько въ дальнѣйшемъ ходѣ философствованія растеть, крѣпнеть и полнѣетъ чистый мысленный образъ самой безусловной истины.

Припомнимъ важнѣйшія превратности и уклоненія отъ прямого пути въ новой философіи, именно въ трехъ ея основоположныхъ ученіяхъ — картезіанствѣ, кантіанствѣ и гегельянствѣ.

Конечно, во всѣхъ трехъ ученіяхъ задача, которую опредѣляется субъектъ философіи, есть первоначально познаніе самой истины, или безусловнаго. Но во всѣхъ трехъ при дальнѣйшемъ ходѣ мысли эта задача незамѣтно суживается и подмѣняется чѣмъ-то другимъ. Въ картезіанствѣ это другое есть я, какъ подлинно существующее, или (мыслящая) субстанція. Здѣсь останавливается и на этомъ сосредоточивается главный философскій интересъ и самого Декарта, и его новѣйшихъ послѣдователей (Мэнъ-де-Биранъ и др.). Правда, Декартъ говоритъ и о Богѣ, но такъ, что лучше бы онъ о немъ молчалъ, онъ говоритъ много важнаго и основательнаго о внѣшнемъ мірѣ, но какъ философствующій физикъ, или механикъ, а не какъ философъ. Въ послѣднемъ качествѣ его существенный интересъ вращается около такъ называемой души, или единичнаго я, какъ субстанціи. И донынѣ картезіанцы обычно заботятся все о душѣ да о душѣ. Есть ли эта забота истинно-философская? Развѣ ея субъективно-эмпирическія побужденія не бросаются въ глаза? И здѣсь имѣетъ силу слово истины: кто хочетъ сберечь душу свою, тотъ потеряетъ ее, а кто „потеряетъ ее ради Меня, тотъ сбережетъ ее“. Забыть о субъективномъ центрѣ ради центра безусловнаго, всецѣло отдаться мыслью самой истинѣ — вотъ единственно вѣрный способъ найти и для души ея настоящее мѣсто: вѣдь оно зависитъ отъ истины, и ни отъ чего болѣе.

Для Декарта самое мышленіе важно прежде всего какъ способъ убѣдиться въ моемъ собственномъ существованіи, —

въ существованіи всякаго мыслящаго субъекта. Существованіе всякаго такого субъекта можетъ быть интересно въ различныхъ отношеніяхъ—какъ плательщика податей, какъ подлежащаго воинской повинности, вообще какъ статистической единицы. Въ этомъ качествѣ онъ существуетъ, конечно, не потому, что мыслить, а потому, что его мать родила. Эмпирическое существованіе субъекта можетъ зависѣть только отъ опредѣленнаго эмпирическаго факта, и утверждать зависимость этого существованія отъ мышленія субъекта было бы явнымъ абсурдомъ, какой бы широкой смыслъ мы ни придали слову „мышленіе“. Но чисто-философскій интересъ принадлежитъ мышленію въ собственномъ мыслѣ, то - есть отношенію субъекта къ истинѣ, или его сообразности съ нею какъ нормально-мыслящаго. Значить, не истина зависитъ отъ фактическаго мышленія, а, напротивъ, достоинство и философскій интересъ этого мышленія зависитъ отъ истины, и все значеніе мыслящаго субъекта зависитъ отъ того, опредѣляетъ онъ себя, или нѣтъ, какъ форму безусловнаго содержанія, или какъ разумъ истины. Въ картезіанскомъ спиритуализмѣ субъекту, я, или душѣ придано значеніе какъ чему-то самостоятельно существующему, безотносительно къ самой истинѣ, и эта первая ложь осталась въ школѣ, несмотря на благородныя попытки преодолѣть ее, сдѣланныя Мальбраншемъ и Спинозой.

Съ другого конца ближе подходитъ къ дѣлу, то-есть къ истинѣ, ученіе Канта. Здѣсь философскій интересъ сосредоточенъ не на существованіи субъекта (что само по себѣ ни къ чему), а на общихъ нормахъ его дѣятельности какъ познающаго. Но Кантъ не договариваетъ: познающаго *истину* по нормамъ, въ которыхъ она раскрывается для ума, на нее направленнаго. Если картезіанскій спиритуализмъ прямо лишенъ философскаго смысла и интереса, то кантова гнозеологія остается до конца двусмысленной, и познающій субъектъ въ ней вѣчно колеблется между ролью полномочнаго законодателя для всего познаваемаго и ролью невольника, тѣмъ болѣе несчастнаго, что его господинъ ему не-

извѣстенъ и онъ долженъ покорно принимать невѣдомо откуда идущія условія для своей дѣятельности. Конечно, кантіанскій „чистый разумъ“ ближе къ истинѣ, чѣмъ картезіанская „мыслящая субстанція“, но онъ все-таки не доходитъ до нея въ мысли Канта и остается въ сущности лишь формальною разумностью, фактически намъ присущею, но лишенною (у Канта) всякихъ средствъ, чтобы стать *разумомъ истины*.

Великое достоинство гегельянства въ томъ, что и бессмысленная „субстанція“ догматизма, и двусмысленный „субъектъ“ критицизма превращены здѣсь въ верстовые столбы діалектической дороги. Картезіанская „душа“ перешла въ кантіанскій „умъ“, а этотъ растворился въ самомъ процессѣ мышленія, не становясь однако и у Гегеля разумомъ истины. Всѣ внѣшнія перегородки между философскимъ мышленіемъ и его предметомъ—самою истиною—сняты въ гегельянствѣ, но воздвиглась внутренняя преграда сомнѣнія, объявившаго, что процессъ постиженія истины и есть сама истина. вмѣсто наполненія разума, какъ безусловной формы безусловнымъ содержаніемъ самой истины, основнымъ мѣриломъ философскаго дѣланія объявлено заранѣе тожество формы съ содержаніемъ, а окончательнымъ содержаніемъ, подлинною дѣйствительностью осталось, какъ и у Канта, только то, что дано. Гегельянство грандіозно, но не какъ великій потокъ живой воды, что можетъ нести насъ къ океану, а какъ необычайно высокій фонтанъ, который чѣмъ выше поднимается, тѣмъ съ большею стремительностью падаетъ обратно внизъ къ своему ограниченному резервуару—эмпирической дѣйствительности. Въ гегельянствѣ философскій субъектъ ближе всего подходитъ къ своему подлинному и окончательному опредѣленію—какъ становящийся разумъ истины. Но поднявшись на эту высоту, онъ испытываетъ головокруженіе и безумно воображаетъ, что начало его разумѣнія истины есть возникновеніе самой истины, его ростъ и развитіе—ея собственный ростъ и развитіе. Провозглашается нелѣпая мысль о становящейся истинѣ, о развивающемся абсо-

лютъ *). Между философами, *подходившими* къ истинѣ, нѣтъ большаго, чѣмъ Гегель, но и наименьшій между философами, *исходящими* изъ самой истины, больше его.

VII.

Разсужденія этой и двухъ предыдущихъ статей даютъ въ итогѣ такое заключеніе.

Существуетъ для начала философіи тріединая достовѣрность.

Во-первыхъ, достовѣрны субъективныя состоянія сознанія, какъ такія—психическая *матерія* всякой философіи.

Во-вторыхъ, достовѣрна общая логическая *форма* мышленія какъ такая (независимо отъ содержанія).

И въ-третьихъ, достовѣренъ философскій *замысль*, или рѣшимость познавать саму истину,—какъ живое начало философскаго дѣланія, какъ дѣйствительная, опредѣленная форма, заключающая въ себѣ зародышъ или сѣмя своего безусловнаго содержанія.

Единство этой троякой достовѣрности состоитъ въ томъ, что первый ея видъ присущъ и обоимъ другимъ, такъ какъ и формальная разумность, — мышленіе вообще и замысль мышленія безусловнаго, или познанія истины суть прежде всего факты сознанія, непосредственно достовѣрные въ этомъ первомъ смыслѣ. Но къ этой своей субъективной достовѣрности логическое мышленіе какъ такое привноситъ всеобщую и объективную значимость (формальную разумность) каждаго изъ своихъ проявленій, а философскій замысль къ своей субъективной достовѣрности и къ логическому значенію своего предмета (понятіе самой истины, или безусловнаго) присоединяетъ ту рѣшимость, или тотъ актъ отдающейся своему предмету воли, что является дѣйствительнымъ началомъ движенія и превращаетъ мышленіе въ становящійся разумъ истины.

Должно такимъ образомъ различать въ познающемъ, во-

*) Я не приписываю этой нелѣпости самому Гегелю, но его птенцы по неволѣ вынесли именно это изъ его гнѣзда.

первыхъ, субъекта эмпирическаго, во-вторыхъ, субъекта логическаго и, въ-третьихъ, субъекта собственно философскаго. Можно, пожалуй, обозначить это тройкое подлежащее тремя различными именами, называя первое *душою*, второе—*умомъ* и третье—*духомъ*. Слѣдуетъ только не увлекаться этимъ словеснымъ различіемъ и не останавливаться на немъ прежде времени. Вѣдь сама эта тройственность имѣетъ пока лишь отвлеченно-логическое значеніе и опредѣляетъ познающаго въ его формальной разумности, а не въ его качествѣ становящагося разума истины, какимъ онъ долженъ быть по собственному своему замыслу. Какъ живая форма истины, онъ долженъ быть занятъ не собою, а своимъ безусловнымъ будущимъ содержаніемъ; становясь разумомъ истины, онъ долженъ опредѣляться не въ себѣ, а въ опредѣленіяхъ своего безусловнаго предмета. Онъ долженъ обращаться не вокругъ себя, а вокругъ своего подлиннаго средоточія, *качествовать* не въ себя, а въ истину, и затѣмъ уже изъ этого своего запечатлѣннаго истинною, въ ея цвѣта окрашеннаго качества—не какъ *своею*, а какъ *истиннаго* начала, исходить для дальнѣйшаго и полнѣйшаго познанія.

Новая философія (отъ Декарта и ученика его Гейлинкса) утверждаетъ своимъ началомъ старое дельфійское требованіе Γυθθι *καθ'αυτὸν*—познай самого себя. Но отличительное свойство такихъ изреченій, какъ и пророческихъ сновидѣній—въ ихъ многосмысленности. Одному моему знакомому тайный голосъ безпрестанно твердилъ во снѣ: ступай въ Египеть, ступай въ Египеть, — а потомъ оказалось, что ему нужно было заниматься химіей и что именно этого требовалъ отъ него вѣщій голосъ, выражавшійся, какъ и все пророческое, въ формѣ довольно дикаго каламбура (древнее имя Египта — *хемъ, черная земля*, откуда и названіе химіи).

Но не менѣ загадочно и дельфійское изреченіе, такъ какъ предметъ его предписанія можетъ быть понятъ не въ одномъ, а, по крайней мѣрѣ, въ трехъ разныхъ смыслахъ

„Познай самого себя“—значитъ ли это, что мы должны познавать себя, какъ эмпирическаго субъекта въ своемъ темпераментѣ, характерѣ и всякихъ психологическихъ свойствахъ—общихъ, частныхъ и особенныхъ? Это очень полезно, но вѣдь это не философія.

Или намъ нужно познавать себя, какъ субъекта логическаго, въ тѣхъ формахъ мышленія, подъ которыя этотъ субъектъ подставляется, какъ мыслящій, независимо отъ чего бы то ни было мыслимаго? И это упражненіе можетъ быть полезно и занимательно; но то, что мы называемъ философіей, не сводится и къ формальной логикѣ, какъ оно не сводится къ эмпирической психологіи.

Дельфійское изреченіе, если оно шло отъ доброй силы, а не отъ Пиеона, не могло внушать познанія себя какъ эмпирическаго хаоса, или какъ логической отвлеченности; оно должно было указывать на субъекта въ третьемъ смыслѣ, какъ истинно философскаго, онъ же опредѣляется не въ своей матеріальной пестротѣ и не въ своей формальной пустотѣ, а въ своемъ безусловномъ содержаніи, какъ становящійся разумъ самой истины. Слѣдовательно, познай самого себя значитъ познай истину. Γνωθὶ σεαυτὸν — γινώθι τὴν ἀλήθειαν.

Владиміръ Соловьевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

Ф. Трэси. Психологія перваго дѣтства. Переводъ со 2-го американскаго изданія П. Г. Мижужева. Спб. 1899. VI+146.

Книжка Трэси, профессора философіи въ одномъ изъ американскихъ университетовъ (въ Торонто), является отголоскомъ того педологическаго движенія, ареною котораго теперь служитъ преимущественно Америка. Основаніе спеціальныхъ научныхъ ассоціацій для изученія дѣтской природы, курсы психологіи дѣтства, вмѣстѣ съ педагогическими лабораторіями, во многихъ американскихъ университетахъ, масса записей частныхъ лицъ о развитіи своихъ дѣтей въ связи съ болѣе научною обработкою этого матеріала во многихъ спеціальныхъ журналахъ— всѣ эти черты указаннаго движенія настолько общеизвѣстны, что едва ли нужно о нихъ особенно распространяться. Но авторъ названной книжки не упускаетъ изъ виду работъ и западно-европейскихъ ученыхъ, которыя послужили толчкомъ къ возникновенію американскаго движенія (разумѣемъ труды Прейера), и нѣкоторыя изъ этихъ работъ онъ пользуется, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, даже въ очень обширныхъ размѣрахъ.

Цѣль автора ясно указывается имъ самимъ въ началѣ работы. «Когда и какимъ образомъ начинается у ребенка умственная жизнь, какую роль играетъ здѣсь наслѣдственность, какую воспитаніе, включая сюда и внушеніе, въ чемъ заключается сущность процесса, вслѣдствіе котораго автоматическія и механическія дѣйствія переходятъ въ сознательныя и произвольныя,—вотъ нѣко-

Вопросы философіи, кн. 50.

1

торые изъ тѣхъ вопросовъ, отвѣтомъ на которые служить настоящее сочиненіе. Для того чтобы возможно полнѣе отвѣтить на такіе и подобные вопросы, мы сочли самымъ лучшимъ собрать все, что могли найти лучшаго изъ непосредственныхъ наблюдений надъ дѣтьми, опубликованныхъ до настоящаго времени, расположить добытое такимъ образомъ въ извѣстномъ порядкѣ включить сюда же результаты личныхъ наблюдений и все это представить въ самомъ сжатомъ видѣ, снабдивъ нашъ трудъ обильными указаніями на первоисточники и цитатами изъ нихъ» (3).

Не входя въ подробности, мы ограничимся указаніемъ тѣхъ главныхъ вопросовъ психологіи дитяти, которые затрогиваются въ работѣ Трэси.

Указавъ на господство во всѣхъ сферахъ жизни ребенка факта превращенія, по которому всякій духовный актъ проходитъ восходящую скалу развитія, причемъ на низшей стадіи этого процесса преобладаетъ чисто-физиологическая сторона акта съ минимальнымъ участіемъ сознанія, авторъ начинаетъ съ анализа ощущений. Описавши генезисъ ощущений органовъ внѣшнихъ чувствъ и кратко сказавши объ органическихъ ощущеніяхъ и о мускульномъ чувствѣ, авторъ переходитъ къ анализу эмоций. Здѣсь онъ преимущественно останавливается на такихъ чувствованіяхъ, какъ страхъ, гнѣвъ, удивленіе съ изумленіемъ и любопытствомъ, эстетическія эмоции.—Слѣдующая глава посвящена анализу умственной дѣятельности въ ея болѣе высокой формѣ, чѣмъ ощущенія,—именно здѣсь анализируются процессы воспріятія, воспоминанія, воображенія и мышленія въ собственномъ смыслѣ слова. Послѣ краткихъ замѣчаній о развитіи самосознанія, авторъ переходитъ къ анализу воли, захватывая всѣ виды волевыхъ дѣйствій (движенія импульсивныя, рефлекторныя, инстинктивныя и произвольныя).—Послѣдняя, 5-я, глава посвящена анализу языка. Кратко сказавши о значеніи наслѣдственности въ развитіи рѣчи и въ самыхъ общихъ чертахъ коснувшись физиологической стороны этого процесса, авторъ съ особенною подробностью останавливается на описаніи процесса развитія рѣчи со стороны фонетической и психической. Этотъ отдѣлъ самый обширный и занимаетъ почти треть всей книжки. Въ этой части своей работы авторъ не только систематизируетъ наблюденія другихъ изслѣдователей, но постоянно имѣетъ въ виду и свои собственные довольно многочисленныя изслѣдованія. Анализъ свой онъ начинаетъ съ

очень ранняго времени, именно съ первой половины перваго года ребенка, и оканчивается двухлѣтнимъ возрастомъ включительно. Съ особенною подробностью авторъ останавливается на постепенномъ генезисѣ членораздѣльныхъ звуковъ, на трудности и легкости произношенія тѣхъ или другихъ изъ нихъ, на составѣ словъ (въ отношеніи къ ихъ грамматическому значенію), употребляемыхъ дѣтьми. Результаты своихъ изслѣдованій въ послѣднемъ направленіи авторъ представилъ въ особыхъ таблицахъ. Мы, конечно, не будемъ подробно излагать этихъ результатовъ, и для иллюстраціи только замѣтимъ, что, по мнѣнію автора, двухлѣтній ребенокъ почти вдвое болѣе дѣлаетъ успѣховъ въ употребленіи глаголовъ, чѣмъ въ употребленіи существительныхъ (134).

Книжка Трэси не лишена нѣкоторыхъ довольно существенныхъ недостатковъ. Нѣкоторые изъ нихъ легко объясняются самымъ характеромъ работы, которая является по преимуществу компилятивною. Поэтому, въ общемъ результатѣ, мы не найдемъ въ ней почти ничего новаго сравнительно съ извѣстными трудами въ области психологіи ребенка, съ которыми она никакъ не можетъ равняться по своимъ научнымъ достоинствамъ. Въ ней нѣтъ тѣхъ тщательныхъ и строго-провѣренныхъ наблюдений, которыя мы встрѣчаемъ въ работахъ Прейера, какъ нѣтъ и тѣхъ любопытныхъ обобщеній, которыя приковываютъ наше вниманіе въ извѣстномъ трудѣ Baldwin'a (*Mental developement in the child and the race*). Авторъ иногда рабски слѣдуетъ Прейеру, что особенно нужно сказать объ его анализѣ воли. Болѣе самостоятеленъ Трэси въ послѣдней главѣ своей работы, посвященной языку, но цѣнность полученныхъ здѣсь результатовъ отчасти ослабляется той неустойчивостью и условностью въ произношеніи англійскихъ словъ, съ которою такъ трудно справиться при передачѣ фонетическаго матеріала на другой діалектъ. Компилятивный способъ составленія работы нерѣдко неблагопріятно отзывается на цѣльности сочиненія, и иногда не совсѣмъ ясно, къ какимъ именно цѣлямъ стремится авторъ—чисто ли психологическимъ или педагогическимъ. Имѣя въ виду главнымъ образомъ описать генезисъ основныхъ процессовъ въ душѣ дитяти, авторъ иногда вдается въ педагогическія замѣчанія, очевидно, только потому, что объ этомъ говоритъ цитируемый имъ писатель (это, напримѣръ, замѣтно въ главѣ о гнѣвѣ). Кромѣ компилятивности, можно отмѣтить другой существенный недостатокъ книжки: это—сравни-

тельная краткость въ трактованіи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ дѣтской психологіи. Это особенно нужно сказать относительно болѣе высокихъ процессовъ умственной дѣятельности и нѣкоторыхъ эмоций. Въ описаніи этихъ послѣднихъ неприятно поражаетъ отсутствіе желательной систематичности: анализъ такихъ чувствованій, какъ симпатія, зависть, ревность, помѣщается подъ рубрикою: «эстетическія чувства».—Несмотря на эти недостатки, книжку Трэси можно рекомендовать для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ психологіи дитяти. Главная ея цѣнность заключается въ сравнительно богатомъ указаніи педологической литературы, часто разсѣянной по разнымъ специальнымъ журналамъ и иногда существующей въ видѣ мало извѣстныхъ и количественно ограниченныхъ изданій.—Къ сожалѣнію, русскій переводъ нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ. Мы не говоримъ о чисто-стилистическихъ недостаткахъ, о такихъ выраженіяхъ, какъ «полуторыхъ» (22, 76), «нервъ пріобрѣтаетъ свое нервное вещество» (17),—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются очевидныя невѣрности. Такъ, на стр. 72, при опредѣленіи гесерта, слова «менѣе» и «болѣе» нужно поставить наоборотъ, ибо въ теперешнемъ чтеніи получается безсмыслица (рецептъ будто бы менѣе отвлечененъ, чѣмъ перцептъ, и болѣе общъ, чѣмъ концептъ).

Н. Виноградовъ.

Гаральдъ Гефдингъ, профессоръ Копенгагенскаго университета. Этика, или Наука о нравственности (Ethik). Изложеніе этическихъ принциповъ и ихъ примѣненіе къ различнымъ житейскимъ отношеніямъ. Перев. съ послѣдн. изданія под. ред. Л. Е. Оболенскаго. Изд. Губинскаго. Спб. 1898, стр. 382 Цѣна 1 р. 75 к.

Читателямъ, интересующимся философскими дисциплинами, имя Гефдинга, безъ сомнѣнія, знакомо; его «Очерки психологіи, основанной на опытѣ», въ сравнительно короткое время выдержали уже три изданія на русскомъ языкѣ. Въ настоящемъ трудѣ датскаго ученаго, какъ и въ «Очеркахъ», обнаруживается громадное знаніе, широкая эрудиція автора, а сверхъ того,—соотвѣтственно характеру обсуждаемаго предмета,—тонкое знаніе жизни и практичность. Съ послѣдней-то стороны книга и представляетъ особенный интересъ: это—единственный этико-философскій трудъ на русскомъ языкѣ, трактующій съ достаточною

основательностью о самыхъ современныхъ жизненныхъ темахъ. Какъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ въ своемъ предисловіи редакторъ перевода, «нѣтъ такого положенія въ жизни современнаго человѣка, — начиная съ государственнаго и политическаго дѣятеля, художника, писателя, члена семьи, частнаго общества, мѣстнаго самоуправленія и даже простаго рабочаго съ его союзами и стачками, и кончая положеніемъ женщинъ и дѣтей, — котораго бы не разсмотрѣлъ Гефдингъ, разобравъ важнѣйшія мнѣнія pro и contra и давая простое, но глубокое рѣшеніе». При этомъ надо замѣтить, что, несмотря на свой строго-научный характеръ, книга написана совершенно простымъ, общедоступнымъ языкомъ, чуждымъ всякой туманности.

Какъ уже видно по заглавію, трудъ Гефдинга имѣетъ цѣлью установить «основныя положенія этической мысли» и выяснить ихъ роль и значеніе въ практической жизни. Въ предисловіи авторъ говоритъ по этому поводу: «Практическій опытъ и теоретическія изслѣдованія все болѣе прочно укрѣпляли во мнѣ убѣжденіе, что этическіе принципы (т.-е. основныя положенія и мѣрила или масштабы всякаго сужденія о добромъ и зломъ) имѣютъ своимъ источникомъ — природу и отношенія самихъ людей, независимо отъ какого бы то ни было авторитета. Здѣсь я старался обосновать и провести именно это мое положеніе. Я желалъ дать не только отвлеченное ученіе объ этическихъ принципахъ, но и показать примѣнимость и примѣненіе установленныхъ принциповъ». — Въ зависимости отъ такой двойной цѣли, внѣшнимъ образомъ книгу можно раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ первая разсматриваетъ теоретическую сторону вопроса, а вторая касается практики этическаго поведенія. Первая часть, носящая названіе *Предпосылки этики*, занимаетъ всего 98 страницъ, тогда какъ на долю второй приходится 284 страницы; по этому уже можно судить о практическомъ направленіи и характерѣ всей работы.

Предпосылки этики состоятъ изъ восьми главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ выясняется отношеніе научной этики къ положительной, такъ сказать ходячей, нравственности, съ одной стороны, и къ теологической этикѣ — съ другой. Здѣсь авторъ доказываетъ, что научная этика, «развиваясь и освобождаясь сама прямо изъ положительной морали, являясь сама ея голосомъ, воздѣйствуетъ обратно на эту положительную мораль и рѣшаетъ такія задачи,

которыя инымъ путемъ не могли бы быть рѣшены» (4). Затѣмъ онъ выясняетъ нелогичность обоснованія этики на принципѣ авторитета и необходимость разработки этическихъ вопросовъ «какъ можно дальше отъ вопросовъ религиозныхъ и метафизическихъ» (13). — Отвергая теологическій принципъ, Гефдингъ въ слѣдующей главѣ формулируетъ принципы этики практически-научной. Указавъ на примитивно-индивидуалистическую точку зрѣнія, съ которой выше всего ставится чувствуемое въ данный моментъ удовольствіе, причѣмъ кажется безцѣльнымъ одно мгновѣніе приносить въ жертву или подчинять другому, и съ которой, вслѣдствіе этого, совершенно совпадаетъ другъ съ другомъ добро и удовольствіе, зло и непріятное чувство (20),—онъ раскрываетъ несостоятельность подобнаго воззрѣнія съ біологической и психологической стороны. Въ силу естественныхъ условій человѣческой жизни образуется «переходъ отъ точки зрѣнія *миновеній* къ точкѣ зрѣнія *индивидуалистической*», и переходъ этотъ совершается именно «потому, что въ сознаніи формируется центральное чувство, опредѣляющееся интересами жизненной цѣлости, и оно можетъ сдѣлаться сильнымъ связующимъ членомъ между измѣнчивыми и разнообразными мгновѣніями» (24). Затѣмъ, «совершенно такъ же, какъ инстинктъ самосохраненія превозмогаетъ изолированность единичныхъ мгновѣній жизни и такимъ образомъ становится основой чувства, опредѣляющагося интересами жизненной цѣльности,—такъ въ *инстинктѣ симпатіи* возбуждаются силы, которыя превозмогаютъ изолированность отдѣльныхъ индивидуумовъ и закладываютъ во внутренній міръ самого индивидуума и жизненныя условія рода» (25). Симпатія и составляетъ почву, на которой вырастаетъ субъективное этическое чувство. Далѣе, «объективнымъ принципомъ, т.-е. принципомъ для установленія содержанія этики и для оцѣнки человѣческихъ поступковъ, будетъ принципъ *общаго блага* или *благополучія*» (29), а этическимъ закономъ, заповѣдью должно быть *основоположеніе, что поступки должны имѣть цѣлью наивозможно большее благо и наивозможно болѣе прогрессъ для наивозможно большаго числа сознательныхъ существъ*» (28). — Въ слѣдующихъ пяти главахъ авторъ говоритъ о *теоріи совѣсти* и *теоріи благополучія*, рассматриваетъ вопросы о *свободѣ воли* и опредѣляетъ понятіе о *злѣ* съ этической точки зрѣнія и взаимное отношеніе *индивидуальной* и *соціальной этики*. Мы, конечно, не имѣемъ воз-

возможности вдаваться здѣсь въ какія-либо подробности. Слѣдуетъ только указать на значеніе совѣсти для оцѣнки поступковъ и на болѣе точное опредѣленіе понятія о благополучіи. Первое авторъ опредѣляетъ такъ: «Въ отдѣльныя мгновенія слѣдуетъ повиноваться совѣсти, такъ какъ *не можетъ существовать* никакого иного, *высшаго авторитета*» (48); о второмъ онъ говоритъ: «Подъ словомъ «благополучіе» я понимаю «истинное» счастье или «истинную» пользу (81).. Благополучіе есть дѣющееся или устойчивое состояніе чувствованія удовольствія (79).. Но благополучіе было бы иллюзіей, если бы подъ этимъ словомъ понимать *пассивное, навсегда созданное положеніе*. Благополучіе должно состоять *въ дѣятельности, въ работѣ*» (84).

Далѣе слѣдуетъ практическая часть труда — *Индивидуальная этика и Соціальная этика*.

Индивидуальная этика состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой изъ нихъ авторъ дѣлаетъ общее обзорѣніе личныхъ различій въ этическомъ поведеніи и подраздѣляетъ индивидуальныя свойства, опредѣляющія этическую личность, на двѣ группы — *самоутвержденіе* и *самопожертвованіе*; въ остальныхъ трехъ главахъ разсматриваются подробности этихъ трехъ рубрикъ.

Соціальная этика подраздѣляется на три отдѣла: а) *Семья*, б) *Свободныя общества культуры* и в) *Государство*.—Первый отдѣлъ охватываетъ девять главъ; въ одной разбирается *этическое значеніе семьи* вообще, въ трехъ разсматривается вопросъ *о бракѣ*, въ двухъ — *о положеніи женщины* и въ трехъ — объ отношеніи *родителей къ дѣтямъ*. Здѣсь обращаетъ вниманіе рѣдко высказываемое у насъ положеніе *о правѣ дѣтей, присущемъ именно самимъ дѣтямъ, на полученіе образованія*.—Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ тринадцать главъ: въ первой говорится вообще о связи *свободы и культуры*; въ слѣдующихъ трехъ—о *матеріальной культурѣ*; затѣмъ въ одной — сравниваются *матеріальная и идеальная культура* вообще, въ двухъ дальнѣйшихъ—разсматривается *умственная культура* и въ одной—*эстетическая культура*, въ предпоследнихъ трехъ—*религіозная культура* и, наконецъ, въ двухъ послѣднихъ — *филантропическая культура*. Особенное значеніе имѣетъ глава (XXIX) о свободѣ и самостоятельности умственной культуры, гдѣ обсуждается серьезный вопросъ объ отношеніи къ школѣ политическихъ и религіозныхъ партій.—Въ отдѣлѣ о государствѣ—шесть главъ, въ которыхъ мы

находимъ отвѣты автора на много интересныхъ политическихъ и государственныхъ проблемъ. Относящіяся сюда главы носятъ названія: 1) *Народъ и государство*, 2) *Право и мораль*, 3) *Этическое значеніе государства*, 4) *Карательная власть государства* и 5) *Государственныя конституціи*; шестая глава представляетъ собою *заключеніе* всей книги, но тоже касается политическихъ вопросовъ.

Хотя переводъ изданъ крайне небрежно, — въ немъ сотни опечатокъ всякаго рода и попадаются, на примѣръ, шестизатяжныя фразы такого стиля: «Орда не составляетъ еще народа, но становится таковымъ только тогда, когда развивается чувство общности нѣсколько болѣе сознательное, чѣмъ то, какое возможно тамъ, гдѣ раздробляются на мелкія группы съ тою же быстротою, съ какою собираются вмѣстѣ, когда необходима обоюдная помощь» (311), — хотя въ переводѣ, повторяемъ, и есть указанные недостатки, тѣмъ не менѣе его можно рекомендовать читателю, который не могъ бы прочесть книгу Гефдинга въ подлинникѣ или превосходящемъ нѣмецкомъ переводѣ Бендиксена, — такъ какъ несомнѣнна высокая полезность ознакомленія со взглядами ученаго, распространяющаго идеи братской человѣчности и культурнаго труда.

В. Ястребцевъ.

II. Новости иностранной философской литературы.

(Извлеченія изъ рецензій въ иностранныхъ журналахъ).

Kuno Fischer. Geschichte der neuern Philosophie. 2 Band. Spinozas Leben, Werke und Lehre. Heidelberg, 1898.

Это произведеніе, выходящее уже четвертымъ изданіемъ, конечно, не нуждается въ детальной рецензій: его достоинства и недостатки извѣстны. Едва ли надо говорить и о томъ, что посвященная Спинозѣ часть фишеровской исторіи отличается такимъ же мастерствомъ увлекательнаго изложенія, какъ и предыдущія изданія книги. Менѣе благосклонно слѣдуетъ отозваться о содержаніи ея. Точка зрѣнія, съ которой авторъ разсматриваетъ систему Спинозы, осталась, какъ говорится въ предисловіи, неизмѣненной на протяженіи всѣхъ четырехъ изданій, несмотря на все новыя и новыя провѣрки. Спиноза по прежнему трактуется какъ «завершитель и послѣднее звено» картезианской школы, ибо онъ «довелъ до послѣднихъ логическихъ слѣдствій то главное и основное ученіе, которое установлено Декартомъ— только и исключительно имъ однимъ». «Для выработки ученія Спинозы не надо было ничего другого, кромѣ простого развитія, обусловленнаго самымъ строемъ картезианской системы». Какъ въ этомъ отдѣлѣ своей «Исторіи», такъ и въ другихъ, какъ въ 1854 г., когда появилось первое изданіе, такъ и въ 1898 г. К. Фишеръ въ существенномъ признаетъ себя, такимъ образомъ, сторонникомъ гегелевскаго пониманія исторіи философіи, какъ замкнутаго развитія понятій; ея прогрессъ обусловленъ логической послѣдовательностью. Это—подкупающая мысль, о она

разбивается вдребезги о твердость противорѣчащихъ фактовъ. Самъ Гегель во многихъ случаяхъ долженъ былъ отказываться отъ нея. Но К. Фишеръ болѣе гегеліанецъ, чѣмъ Гегель. Послѣдній, при всѣхъ своихъ ошибкахъ, гениально понимая связь исторіи, хотя и говоритъ о «спинозизмѣ какъ завершеніи картезіанства», все-таки признаетъ, что *на ряду* съ возникновеніемъ спинозизма и даже *послѣ* него существовало другое, менѣе совершенное развитіе картезіанства—ученіе Мальбранша, и такимъ образомъ философское развитіе вовсе не ведетъ по прямой возрастающей линіи отъ Декарта къ Спинозѣ и Мальбраншу. Гегель признаетъ далѣе, что, несмотря на всю зависимость ученія Спинозы отъ идей Декарта, именно основная черта спинозизма, «тожество безконечнаго и конечнаго въ Богѣ», чужда картезіанству и внесена въ европейское мышленіе съ Востока. Отъ такихъ непослѣдовательностей свободенъ прямолинейный Фишеръ. Развитіе философскихъ мыслей идетъ для него отъ Декарта черезъ Гейлинкса и Мальбранша къ Спинозѣ, и только изъ ученія Декарта выводитъ онъ ученіе Спинозы. Первое положеніе ему удается поддерживать лишь искусственнымъ путемъ. «Мальбраншъ,—говоритъ онъ,—стоитъ между Гейлинксомъ и Спинозой, его главное произведеніе появилось девять лѣтъ спустя послѣ Этики перваго и тремя годами ранѣе Этики втораго». На самомъ же дѣлѣ Мальбраншъ родился 6-ю годами позднѣе Спинозы и умеръ спустя 38 лѣтъ послѣ него. Онъ началъ въ 1664 г. изучать декартовскую систему,—въ то время когда Спиноза уже давно выработалъ собственную. И его главное произведеніе появилось въ 1674 г., т.-е. девять лѣтъ спустя, послѣ того какъ, по объясненію самого К. Фишера, Этика Спинозы была уже «въ своемъ содержаніи закончена». Если же авторъ все-таки ставитъ Мальбранша передъ Спинозой, то дѣлаетъ онъ это исключительно ради несостоятельнаго предвзятаго сужденія, что Спиноза—«послѣднее звено» картезіанской школы. Ибо и К. Фишеръ едва ли можетъ принимать въ серъезъ то мнѣніе, сторонники котораго пользуются случайной датой—годомъ не окончанія, не распространенія, а на много лѣтъ отсроченнаго голландскими богословами печатанія спинозовской Этики, пользуются этой датой, для того чтобы поставить произведеніе Спинозы послѣ произведенія Мальбранша, написаннаго гораздо позже, и самого Спинозу помѣстить послѣ младшаго философа.

Но эта ошибка Фишера не такъ существенна для пониманія спинозизма, какъ его основное убѣжденіе, по которому достаточно картезіанскія идеи довести до ихъ логическихъ результатовъ, чтобы получилась система Спинозы. По мнѣнію Фишера, совершенно ложно то, что говорили о другихъ источникахъ спинозизма Зигвартъ, Іоэль, Тенніесъ и рецензентъ; эти ученые стараются—утверждаетъ авторъ—подъ видомъ новизны только затемнить вопросъ.

К. Фишеръ такъ выражается о возникновеніи спинозизма изъ картезіанства: «Противорѣчіе, которое мы вскрыли въ основныхъ тезисахъ системы Декарта и которое, какъ мы видѣли, все яснѣе и яснѣе выступаетъ въ ея дальнѣйшемъ развитіи, приводитъ къ необходимости категорическаго рѣшенія. Съ субстанціальностью вещей природы не мирится субстанціальность Божества, и если мы серьезно признаемъ и подтвердимъ послѣднюю, то уже недостаточно ограничить или только признать еще неподлинной первую: скорѣе ее слѣдуетъ совсѣмъ отвергнуть,—Богъ есть единственная субстанція». Но если вещи природы «не самостоятельныя существа, то какъ таковыя онѣ уже не противоположны одна другой по своему существу: разъ въ мірѣ совсѣмъ нѣтъ никакихъ субстанцій, то нѣтъ и противоположныхъ; поэтому, вмѣстѣ съ субстанціальностью вещей природы отпадаетъ дуализмъ духовъ и тѣлъ... На мѣсто дуализма выступаетъ монизмъ» (стр. 87). Въ такомъ объясненіи чувствуется очень узкій взглядъ на историческое развитіе и ростъ великихъ мыслителей. Можно ли полагать, что такая философія, какъ спинозизмъ, выросла изъ одной только системы? Изъ глубины собственной природы и изъ тысячи чуждыхъ источниковъ почерпаетъ художникъ, поэтъ и философъ свои мысли. Если не всѣ эти источники можно обнаружить, то, по крайней мѣрѣ, самые обильные изъ нихъ доступны изслѣдованію, и ихъ не будетъ во имя устарѣлой теоріи засыпать и закрывать тотъ, кому дорога историческая истина. И какъ слабы доводы Фишера! Противорѣчія, которыя, по его мнѣнію, должны были изъ картезіанства вывести спинозизмъ, на самомъ дѣлѣ вовсе не противорѣчія, и слѣдствія, которыя авторъ выводитъ изъ этихъ противорѣчій,—пустыя фикціи. Съ субстанціальностью вещей природы, говоритъ онъ, не мирится субстанціальность Божества. Но вѣдь были и есть до и послѣ Декарта остроумные и проницательные философы

и богословы, которые считали и считают возможным соединеніе этихъ двухъ тезисовъ. Ихъ примѣръ показываетъ, что вовсе не «логическая послѣдовательность» обратила декартовское понятіе субстанціи въ спиновское. Далѣе, на свѣтѣ нѣтъ, конечно, противоположныхъ субстанцій, разъ нѣтъ вообще никакихъ субстанцій. Но если даже и нѣтъ противоположныхъ субстанцій, то вѣдь могутъ быть противоположные *модусы* субстанціи. Многіе пантеисты видѣли въ Божествѣ единственно-дѣйствительную субстанцію и тѣмъ не менѣе не устраняли противоположности между тѣлесными и духовными модификаціями этой субстанціи. Къ этимъ мыслителямъ принадлежитъ Мальбраншъ, который считаетъ вещи природы и души партиципаціями или модификаціями Божества, но въ то же время стоитъ далеко отъ монизма Спинозы. Къ нимъ принадлежалъ и самъ Спиноза въ первый періодъ своего философскаго развитія: въ Краткомъ трактатѣ онъ отрицаетъ субстанціальность вещей, но вполне признаетъ противоположность между духомъ и тѣломъ и причинную связь между ними. Какъ субстанціальность Божества не уничтожаетъ субстанціальности вещей природы, такъ пантеизмъ не требуетъ монизма Спинозы: не логическая послѣдовательность, а предразсудокъ несчастнаго конструктивнаго метода заставляетъ К. Фишера видѣть спинозизмъ уже въ картезіанствѣ. Ни религіозная философія евреевъ, ни Джордано Бруно, ни схоластика—ничто, по мнѣнію К. Фишера, не вліяло на возникновеніе системы Спинозы.

Рецензентъ останавливается на вопросѣ о значеніи схоластики для спинозизма. Для того чтобы доказать близкое знакомство Спинозы съ младшей схоластикой, рецензентъ исходилъ изъ «*Cogitata metaphysica*». Въ прежнихъ изданіяхъ своей Исторіи К. Фишеръ утверждалъ, что Спинозы написалъ это произведеніе для того, чтобы выяснить разницу своего ученія отъ картезіанскаго, изложеннаго имъ въ *Principia philosophiae Cartesianaе*, и отказаться отъ прежнихъ картезіанскихъ теорій. Рецензентъ доказалъ, что первая часть Принциповъ, гдѣ изложена картезіанская теорія, была написана позже, чѣмъ продиктованная одному изъ учениковъ *Cogitata*, и такимъ образомъ послѣднія не могли имѣть свою цѣлью опроверженіе первыхъ. Въ послѣднемъ изданіи Фишеръ вычеркнулъ тѣ строки, которыя заключали въ себѣ ошибочный взглядъ на *Cogitata*; но, обязательно приводя всѣ похвалы, которыя рецен-

зентъ воздавалъ блестящей внѣшней сторонѣ его Исторіи, авторъ совершенно умалчиваетъ о томъ, кому онъ обязанъ исправленіемъ своей ошибки. Кромѣ того, онъ старается эту ошибку по возможности ослабить. Рецензентъ обратилъ вниманіе на то, что *Cogitata* при опубликованіи подверглись вмѣстѣ со второй книгой *Принциповъ* переработкѣ. К. Фишеръ ухватился за это замѣчаніе рецензента для того, чтобы раздѣлить переработанныя *Cogitata* отъ первоначально продиктованныхъ и поддержать свое утвержденіе, что, по крайней мѣрѣ, въ новой редакціи своихъ *Cogitata* Спиноза отрицаетъ то, чему училъ въ первой части *Принциповъ*. Но и такая уловка не помогаетъ дѣлу, ибо, какъ это видно изъ объясненій издателя *Принциповъ*, Л. Мейера, Спиноза написалъ первую часть *Принциповъ* все-таки *послѣ* и переработанныхъ *Cogitata* и поэтому не могъ даже въ нихъ отрицать то, чему отъ имени Декарта училъ въ *Принципахъ*. И если бы даже это было возможно, то оставалось бы загадкой, съ какою цѣлью онъ продиктовалъ первоначальныя *Cogitata*. Фишеръ умалчиваетъ объ этомъ, на стр. 137 ничто же сумняшеся повторяетъ свою ошибку, а на стр. 139 пренебрегаетъ словами Спинозы, свидѣтельствующими противъ него.

Для того чтобы отвѣтить на вопросъ, зачѣмъ въ дѣйствительности были написаны *Cogitata*—разъ удостовѣрено, что, вопреки Фишеру, они не были написаны какъ противоположеніе картезіанству, изложенному въ *Принципахъ*, — для того чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, рецензентъ указалъ на отношеніе *Cogitata* къ схоластическимъ произведеніямъ. Содержаніе и распорядокъ матеріала въ этомъ сочиненіи Спинозы, важныя понятія и цѣлыя системы мыслей родственны старшей и младшей схоластикѣ. Изслѣдованія Спинозы объ *ens fictum*, *ens chimaerae*, *ens rationis*, о различіяхъ между *esse essentiae*, *esse existentiae*, *esse ideae*, о трансцендентныхъ понятіяхъ *unum*, *verum*, *bonum*, о *necessarium*, о свойствахъ Бога, о міропорядкѣ, какъ вѣчномъ созиданіи, о твореніи человѣческихъ душъ и ихъ безсмертіи—все это и многое другое или исходитъ отъ схоластическихъ изысканій, или прямо заимствовано изъ нихъ. Въ общемъ *Cogitata* должны были дать ученику, которому они были продиктованы, сдѣланное съ точки зрѣнія картезіанства и соблюденное въ формахъ младшей схоластики изложеніе главныхъ пунктовъ метафизики. Доказать на основаніи *Cogitata*, что у Спинозы было точное

знакомство со схоластикой, рецензентъ хотѣлъ для того, чтобы покончить съ легендой о мало читавшемъ и незатронутомъ схоластикой Спинозѣ. Но рецензентъ нигдѣ не утверждалъ, какъ его недобросовѣстно обвиняетъ Фишеръ, будто Спиноза является въ этомъ произведеніи правовѣрнымъ схоластикомъ, «отставшимъ схоластической арміи». Рѣчь шла только о значительномъ вліяніи схоластики, которое и было показано даже на самомъ зрѣломъ произведеніи великаго мыслителя—«Этикѣ». Рецензентъ доказывалъ, что основныя понятія спинозизма, понятія *causa sui*, *substantia*, *attributum*, *modus* и др., какъ и многія аксіомы и теоремы первой книги «Этики», заимствованы изъ схоластики, что отчасти схоластическаго происхожденія доказательства бытія Божьяго, что важныя теоремы объ *Idea Dei* становятся понятны только при сравненіи съ ихъ схоластическимъ первоисточникомъ. Фишеръ употребляетъ странныя средства: для того чтобы опровергнуть эти доказательства рецензента, онъ ихъ извращаетъ, искажаетъ или замалчиваетъ.

Но чѣмъ рѣшительнѣе придерживался К. Фишеръ мнѣнія, что Спиноза—конечное звено картезіанской школы и что его философія сложилась исключительно подъ ея вліяніемъ, тѣмъ настоятельнѣе возникала для него обязанность усердно изслѣдовать и описать посредствующія ступени, отдѣляющія главу школы отъ ея послѣдняго звена. Но онъ этого не сдѣлалъ. Между третьимъ и четвертымъ изданіемъ его Исторіи появилось много цѣнныхъ изслѣдованій объ этихъ промежуточныхъ членахъ картезіанства, но Фишеръ умалчиваетъ о нихъ, кромѣ одной только книги Müller'a о Глаубергѣ. Онъ не упоминаетъ даже объ единственно-руководящемъ изданіи сочиненій Гейлинкса, выпущенномъ Land'омъ, и о другихъ работахъ того же автора, посвященныхъ человѣку, котораго самъ К. Фишеръ называетъ «истиннымъ представителемъ окказіонализма».

Такіе же пробѣлы существуютъ и въ той части, которая трактуетъ о жизни и твореніяхъ Спинозы. Вторая глава, гдѣ сообщены и охарактеризованы извѣстія о жизни Спинозы, отличается отъ соотвѣтственной главы прежняго изданія только прибавленіемъ о трудѣ Meinsma. А между тѣмъ послѣднія два десятилѣтія существенно пополнили біографическій матеріалъ о Спинозѣ. К. Фишеръ пренебрегаетъ новыми данными. Онъ не упоминаетъ объ изданныхъ van Roojen'омъ подлинныхъ свѣдѣ-

нiяхъ о наслѣдствѣ Спинозы, объ его библіотекѣ, состоявшей изъ 161 номера. Именно потому, что онъ не знаетъ этой книги, онъ можетъ снова рассказывать своимъ читателямъ басню о Спинозѣ, который «не былъ отягощенъ балластомъ книгъ», мало читалъ и тѣмъ больше размышлялъ. На самомъ дѣлѣ Спиноза, должно быть, необыкновенно много читалъ, ибо у него были книги по самымъ различнымъ, отчасти даже отдаленнѣйшимъ областямъ знанiя, у него были книги по еврейской, халдейской, сирiйской, греческой, латинской, испанской, итальянской, французской, голландской литературамъ и этимъ же языкамъ, по богословію, философіи, мистикѣ, математикѣ, физикѣ, механикѣ, астрономiи, географiи, исторiи, государствовѣдѣнiю, юриспруденціи и медицинѣ.

Важнѣйшими улучшенiями въ этой части книги Фишеръ обязанъ серьезнѣйшимъ изслѣдованiямъ Meinsma (*Spinoza en zijn Kring. 'S Gravenhage 1896*). Но во многихъ мѣстахъ онъ этими изслѣдованiями не воспользовался. Напримѣръ, свѣдѣнiя о друзьяхъ Спинозы онъ почерпаетъ изъ ненадежнаго сочиненiя van Vloten'a, между тѣмъ какъ именно объ этомъ пунктѣ Meinsma далъ много новыхъ разъясненiй. И неблагодарностью отплачиваетъ Фишеръ Meinsma за его плодотворныя старанiя уяснить темную біографію Спинозы. Съ безконечнымъ высокоумiемъ смотритъ онъ, гигантскими шагами обошедшій поле всей новой философіи, на кропотливыя изысканiя голландскаго ученаго. Онъ издѣвается надъ «плотными размѣрами новой біографіи Спинозы», онъ насмѣхается надъ Meinsma за то, что онъ сообщаетъ извѣстія G. Stolle и «въ видѣ приправы подаетъ такую кучу подъ названiемъ *Spinoza en zijn Kring*». А между тѣмъ самъ Фишеръ преподноситъ читателю въ видѣ первоисточника Menapiana и забываетъ, что въ «кучѣ» Stolle можно найти и золотое зернышко. Такъ, рецензентъ нашелъ въ ней интересный отрывокъ изъ неизвѣстнаго до тѣхъ поръ письма Спинозы.

Главы, которыя трактуютъ о литературной дѣятельности и произведенiяхъ Спинозы, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ упомянутаго уже измѣненiя взглядовъ автора на *Cogitata metaphysica* и обстоятельнаго возраженiя на работу рецензента о Краткомъ трактатѣ. Всѣ занимавшіеся этимъ раннимъ произведенiемъ Спинозы признаютъ, что оно дошло до насъ въ видѣ, очень не-

похожемъ на оригиналь. Подлинная латинская рукопись утеряна; вмѣсто нея мы имѣемъ голландскій переводъ—въ двухъ рукописяхъ, представляющихъ значительныя различія. На многочисленныя ошибки текста, повторенія, противорѣчія, пробѣлы, вставки, бездоказательныя утвержденія и безсвязныя мысли указали Böhmer, Trendelenburg, Sigwart и Busse; самъ Фишеръ признаетъ въ трактатѣ «много стилистическихъ недостатковъ и противорѣчій». Рецензентъ указалъ еще и на другія, дотолѣ незамѣченныя шероховатости текста и объяснилъ ихъ, какъ и прочія ошибки, недостатками незаконченнаго наброска, который впоследствии былъ Спинозой отчасти переработанъ и дополненъ многочисленными примѣчаніями и вставками; мало искусный редакторъ придавалъ цѣлому его нынѣшній видъ, который небрежность переписчиковъ еще болѣе исказила. Поэтому рецензентъ и заключилъ, что К. Фишеръ неправильно рассматриваетъ Трактатъ какъ законченное цѣлое и напрасно пытается вложить въ него послѣдовательную систему. Этому упрека было К. Фишеру достаточно, для того чтобы обрушиться на рецензента съ гнѣвными возраженіями и обвиненіями въ томъ, что послѣдній преувеличиваетъ недостатки Трактата; удивительно еще, по мнѣнію Фишера, что мы, несмотря на такую судьбу этого произведенія, имѣемъ предъ собою все-таки понятную и удобочитаемую книжку, а не «испорченную многими поварами стряпню». Фишеръ забываетъ, что и метафизика Аристотеля, напримѣръ, тоже подверглась сходной, а можетъ быть и еще худшей участи и однако не сдѣлалась испорченной стряпней. Рецензентъ, оспаривая законченность и связность Трактата, вовсе не говорилъ, что послѣдній испорченъ до неузнаваемости и вовсе не высказывалъ приписываемаго ему К. Фишеромъ мнѣнія, будто нельзя узнать первоначальнаго зародыша этой книжки. Рецензентъ не отрицалъ, что Трактатъ можетъ служить къ уясненію генезиса ученія Спинозы; онъ только иначе представляетъ себѣ этотъ генезисъ, чѣмъ К. Фишеръ,—но вѣдь мнѣніе послѣдняго не есть неприкосновенное откровеніе?

Третья книга Исторіи, излагающая ученіе Спинозы, заключаетъ въ себѣ, сравнительно съ прежними изданіями, только незначительныя измѣненія. Важнѣйшія книги о Спинозѣ, появившіяся послѣ третьяго изданія, конечно, пренебрегаются авторомъ.

Ничто не указывает на то, чтобы К. Фишеръ ознакомился хотя бы съ трудами Pollock'a, Martineau, Caird'a, Tönnies'a, Volin'a и Busse. Только воззрѣнія Wahle и Löwenthal'я удостоились упоминанія (въ примѣчаніяхъ).

Такъ какъ образцово-ясное, хотя и во многихъ пунктахъ спорное изложеніе философіи Спинозы почти не отличается отъ даннаго въ прежнихъ изданіяхъ, то рецензентъ и считаетъ себя вправѣ ближе не касаться его.

(Freudenthal. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, 1899, Juli, Band 114, Heft 2.)

III. Библиографическій листокъ.

Фр. Альб. Ланге. Исторія материализма и критика его значенія въ настоящее время. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія Н. Н. Страхова. Въ двухъ томахъ. Изданіе второе. С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. 1898. Стр. X+740. Ц. і р. 50 к.

О подлинникѣ этой знаменитой книги въ нашемъ журналѣ была уже напечатана библиографическая замѣтка В. Саводника (XXXIII). Появленіе второго изданія перевода очень своевременно и полезно. Чрезвычайно умѣренная цѣна книги сдѣлаетъ ее доступной для широкихъ круговъ читающей публики. Сравнительно съ первымъ изданіемъ русскаго перевода новы нѣкоторыя изъ примѣчаній библиографическаго характера. Можно только пожалѣть о томъ, что для второго русскаго изданія было принято въ основу третье, а не пятое изданіе оригинала: изъ послѣдняго было бы очень интересно извлечь сопровождающія его статьи Н. Солен'а, которыя сообщаютъ біографическія свѣдѣнія о Ланге и излагаютъ новѣйшія теоріи и направленія въ области материализма.

В. Виндельбандъ, профессоръ Страсбургскаго университета. Исторія философіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Изданіе Спб. Акціонернаго Общества «Издатель». Спб., 1898. Стр. XII+613. Цѣна 3 рубля.

Очень удовлетворительный переводъ извѣстной книги нѣмецкаго ученаго, въ которой исторія философіи излагается въ порядкѣ ея главныхъ проблемъ и понятій. «Я предлагаю,—говорить

авторъ,—серьезное руководство, изображающее въ сжатой и доступной формѣ развитіе идей европейской философіи и ставлю себя задачей показать, благодаря какимъ мыслительнымъ пружинамъ проникли въ сознание и развились въ теченіе исторіи тѣ причины, по которымъ мы понимаемъ и оцѣниваемъ міръ и чело-вѣческую жизнь. Руководство это должно напомнить объ истинной задачѣ исторіи философіи и предостеречь отъ забвенія въ этой исторіи самой философіи. Біографическій и библиографическій матеріалъ, служащій основой изслѣдованія, пришлось свести къ минимальному количеству». Значительная часть книги посвящена древней философіи, потому что, какъ убѣжденъ авторъ, «для историческаго пониманія нашего интеллектуальнаго бытія разработка понятій, которыя греческій духъ извлекъ изъ природы и чело-вѣческой жизни, важнѣе всего того, что было выдвинуто—за исключеніемъ кантовской философіи—съ тѣхъ поръ».

Методъ автора не позволилъ ему остановиться на рельефной характеристикѣ отдѣльныхъ философовъ; на первый планъ поставлено «уясненіе прагматической необходимости явленій духовной жизни». Книга заканчивается анализомъ нѣмецкаго идеализма XIX вѣка и—вкратцѣ—другихъ теченій современной философіи. «Русское изданіе сочиненія Виндельбанда отличается отъ нѣмецкаго тѣмъ, что въ немъ опущена значительная часть примѣчаній литературно - историческаго характера. Пояснительныя примѣчанія, имѣющія значеніе для пониманія текста, сохранены и въ переводѣ».

Ilariu Sokoliu.—Психо-физическій дуализмъ. (Ilariu Socoliu. Die Grundprobleme der Philosophie. Bern, 1895. Erstes Buch. Der psycho-physische Dualismus). Переводъ съ нѣмецкаго В. Денишъ. Изданіе И. Львова и К. Попова Старшаго. Вопросы науки и общественной жизни. Выпускъ V. В. Устюгъ, 1899. Стр. 86. Ц. 35 к.

Эта брошюра, затрогивающая очень важный вопросъ, написанная въ довольно развязномъ тонѣ, но не блещущая подробной и отчетливой аргументаціей, представляетъ собою опроверженіе психо-физическаго дуализма и параллелизма.

Для автора единственный данный фактъ—ощущеніе; «оно не можетъ быть оспариваемо. Признать *рядомъ* съ нимъ еще даль-

нѣйшую фізіологическую функцію мозга не только излишне, но прямо-таки противорѣчиво». Но ощущеніе—это только конкретное колебаніе нервныхъ частицъ въ той непосредственности, съ какою оно является намъ; а *фізіологическій* процессъ, который ему предшествуетъ, на самомъ дѣлѣ тоже колебаніе, но лишь смутно для насъ представляемое. Мы потому не можемъ связать ощущенія съ соотвѣтствующимъ ему фізіологическимъ актомъ что первое для насъ конкретно, а второй только мыслимъ ихъ взаимное отношеніе можно сопоставить съ отношеніемъ десятиугольника, который легко изобразить въ наглядномъ чертежѣ, съ десятитысячеугольникомъ, который доступенъ почти исключительно теоретическому умозрѣнію. Для того чтобы мы были въ состояніи сравнить конкретное движеніе (ощущеніе) съ представленіемъ о движеніи (нервно-фізіологическій процессъ), мы должны прежде всего это конкретное движеніе реализовать. «Ощущеніе есть въ высшей степени сложное движеніе, но именно конкретное движеніе, а не то идейное содержаніе, которое только представляетъ это движеніе. Движеніе требуемой сложности, разъ оно *реализовано* (слѣдовательно, не представляемо только, не мыслимо только), и есть ощущеніе. Самонаблюденіе, непосредственное сравненіе въ сознаніи ощущенія съ одной стороны и представленія о движеніи мозговыхъ клѣтокъ съ другой—не можетъ дать сужденія объ этомъ; и совершенно ошибочно опираться на это, стараться распространять столь неуклюжее воззрѣніе, какое дано дуализмомъ, въ которомъ все сущее должно быть раздѣлено глубокою непроходимою областью на два лагерь. Итакъ, въ процессѣ ощущенія нѣтъ никакихъ *двухъ* фактовъ... Процессъ движенія, достигшій извѣстной степени сложности, есть ощущеніе». Сложные процессы въ нервныхъ клѣткахъ сами по себѣ—это *подсознательныя* и *безсознательныя* формы ощущенія. «И равнымъ образомъ, мы должны были бы внѣшнія колебанія эѳира считать безсознательными «дифференціалами ощущенія». «Итакъ, монизмъ представляется намъ не только уничтоженіемъ одного изъ членовъ дуализма, какъ излишняго и необоснованнаго, но также и уничтоженіемъ противорѣчія вообще».

Открыта подписка на новое изданіе: Полное собраніе сочиненій Артура Шопенгауэра въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Въ собраніе войдутъ слѣдующія сочиненія: I. «О четверо-

якомъ корнѣ закона достаточнаго основанія». II. «Міръ какъ воля и представленіе» (оба тома, съ приложеніемъ «Критики кантовской философіи»). III. «О волѣ въ природѣ». IV. «Объ основныя проблемы этики». V. «Парерги и паралипомены» (оба тома). VI. «Новыя паралипомены» (максимы и афоризмы). VII. «Введеніе въ философію вмѣстѣ съ разсужденіями о діалектикѣ и эстетикѣ». VIII. Нѣкоторыя изъ «Примѣчаній къ Платону, Локку, Канту и послѣкантовскимъ философамъ» и «Предисловіе къ предположенному нѣмецкому переводу Юма». IX. «Отрывки изъ лекцій по общей философіи». X. Переписка Гете и Шопенгауэра. XI. Стихотворенія Шопенгауэра. XII. Трактатъ о зрѣніи и цвѣтахъ. XIII. Ручной оракулъ Граціана. XIV. *Приложеніе*: Статья переводчика о Шопенгауэрѣ и его философіи.

Изданіе будетъ выходить выпусками (числомъ 16), листовъ по 10—12 каждый, и составитъ *четыре* тома, всего около 2,500 стр. въ бол. 8^о. Подписная цѣна на всѣ 4 тома 8 рублей безъ доставки въ Москвѣ. Допускается широкая разсрочка при подпискѣ у издателей: Москва, Моховая, 26, магазинъ «Книжное дѣло».

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Arciv für soziale Gesetzgebung und Statistik. Herausgegeben von Dr. Heinrich Braun. 1) Sonderabdruck. Band XIV, Heft. 5—6. Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. Ein kritischer Versuch. Von **Peter von Struve** in St. Petersburg. S. 659—704. 2) Sonderabdruck. Band XIV, Heft. 5—6. Litteratur. Bernstein, Eduard, Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemocratie. Stuttgart, 1899. X u. 1883. Kautsky, Karl, Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Stuttgart 1899. VIII u. Von **Peter von Struve** in Petersburg 195 S. S. 723—740.

Карль Аппель. Нѣкоторые общіе вопросы языкознанія. Отд. оттискъ изъ «Р. Ф. Вѣстника». Стр. 13.

Карль Аппель. Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія. Отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника». Варшава 1882. Стр. 61.

Karol Appel. Psychologja mowy. Rzecz z powodu «Psychologijj oraz filozofji mowy» Dr. Władystawa Ottuszewskiego. (Odbitka z «Przeglądu Filozoficznego»). Warszawa 1899. Стр. 14.

Dott. Francesco Cosentini. La sociologia e G. B. Vico. Seconda edizione interamente rifatta. Primo Congresso Sociologico italiano (Genova 23—26 ottobre 1899). Savon 1899. 114 P. Prezzo L. 3.

Л. А. Золотаревъ. Самообразование женщины-матери. М. 1899. Стр. 59. Ц. 30 к.

Л. А. Золотаревъ. Семья и женский трудъ. Исправленное и дополненное издание. М. 1899. Стр. 63. Ц. 30 к.

Изданія О. Н. Поповой.

Жоржъ Блондель. Торгово-промышленный подъемъ Германіи. Переводъ подъ редакціей. М. И. Туганъ-Барановскаго. Съ приложеніемъ статьи Г. А. Чернявскаго «Результаты промышленной переписи Германской имперіи». Экономическая библіотека. Спб. 1900. Стр. 293. Ц. 1 р. 50 к.

Эмиль Зола. Плодовитость (Fécondité). Романъ. Полный переводъ съ французскаго О. Н. Поповой. Спб. 1900. Стр. 576. Ц. 1 р. 50 к.

Поф. Л. Юлли. Народное образование въ разныхъ странахъ Европы. Переводъ съ нѣмецкаго А. Санина. Спб. 1900. Стр. 191. Ц. 1 р.

Г. Ф. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ и происхождение сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ прусской монархіи. Перев. съ нѣмецкаго Л. И. Зака. Экономическая библіотека. Подъ общей редакціей П. Струве. Спб. 1900. Стр. III, 270. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ III. Исторія XVIII вѣка. Часть II. Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція. Выпускъ VI. Изданіе 2-е. Спб. 1899. Стр. 271—639.

Павель Кротъ. Психографія. I. Что такое психографія. М. 1895. Стр. 34. Ц. 10 к. — II. Обзоръ психографіи и семи поэтовъ. М. 1896. Стр. 260. Ц. 50 к.

Д. Г. Макъ-Кендринъ и В. Снодграсъ. Физиологія органовъ чувствъ. Съ 125 рисунками. Переводъ съ англійскаго Н. Гороновича. Библіотека для самообразованія, издаваемая подъ редакціей А. С. Бѣлкина, проф. П. Г. Виноградова, проф. М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова, В. Д. Соколова и проф. А. И. Чупрова. XI. М. 1900. Стр. XX, 413. Ц. 1 р. 75 к.

С. Д. Махаловъ. Фантазія на трагедію «Гамлетъ» Шекспира. Культурно-историческіе очерки. М. 1900. Стр. 331. Ц. 1 р. 50 к.

Фридрихъ Ницше. Вагнеріанскій вопросъ (Проблема). Переводъ О. О. Р. Кіевъ 1899. Стр. 39. Ц. 40 к.

Отчетъ харьковской общественной бібліотеки за тринадцатый годъ ея существованія (съ 1-го октября 1898 г. по 1 октября 1899 г.). Стр. 78.

Н. И. Пироговъ. Сочиненія. Два тома. Второе изданіе. Спб. 1900. VIII+554; VIII+525. Съ приложеніемъ статьи: «Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ», съ портретомъ и факсимиле автора и съ рисунками: 1) домъ, въ которомъ жилъ Н. И. Пироговъ; 2) старая деревенская церковь, въ которой находился прахъ Н. И. Пирогова до перенесенія его въ склепъ (I томъ); 3) комната, гдѣ скончался Н. И. Пироговъ; 4) Н. И. Пироговъ на смертномъ одрѣ; 5) церковь надъ склепомъ (II томъ). Ц. за оба тома 5 р.

Ремсень. Введеніе къ изученію органической химіи или химіи углеродистыхъ соединеній. Перев. со 2-го англійск. изданія Н. С. Дрентельна. Съ измѣненіями и дополненіями М. И. Коновалова и съ приложеніемъ статьи проф. Н. Я. Демьянова. Библиотека для самообразованія. Изданіе второе. М. 1900. Стр. XXVII, 517. Ц. 1 р. 75 к.

К. Рождествинъ. О христіанскомъ милосердіи. Отдѣльный оттискъ изъ № 3 и 4 журнала. «Вѣра и Церковь» за 1896. Стр. 39. Ц. 20 к.

В. В. Розановъ. Природа и исторія. Сборникъ статей. Изданіе П. Перцова. Спб. 1900. Стр. IV, 268.

Дм. Ройтманъ. Евгений Дюрингъ, какъ литературный критикъ, и его новый критическій приемъ. Е. Дюрингъ. «Великіе люди въ литературѣ». Переводъ Ю. М. Антоновскаго 1897. Стр. 43. Спб. 1899. Ц. 30 к.

Harju Sokolju. Психо-физическій дуализмъ. (Harju Sokolju. Die Grundprobleme der Philosophie. Bern 1895. Erstes Buch. Der psychophysische Dualismus) Перев. съ нѣмецкаго В. Денишъ. Изданіе И. Львова и К. Попова Старшаго. Вопросы науки и общественной жизни. Выпускъ V. В. Устюгъ 1899. Стр. 86. Ц. 35 к.

В. Ф. Чижъ. Пушкинъ какъ идеаль душевнаго здоровья. Стр. 24 (Оттискъ изъ «Ученыхъ записокъ Императорскаго Юрьевскаго университета).

Л. Шестовъ. Добро въ ученіи Гр. Толстого и Ф. Нитше (Философія и проповѣдь). Спб. 1900. Стр. XVI, 209. Ц. 1 р. 50 к.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXVII А. Рѣпина—Рясское и Россія. Издатели Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб. 1899.

Извѣстія и замѣтки.

Въ редакцію «Вопросовъ философіи» пришло печальное извѣстіе о безвременной кончинѣ автора «Опытной психологіи» о. Іоанна Гобчанскаго. Привлекательная личность этого просвѣщеннаго труженика была знакома редакціи изъ его переписки съ покойнымъ Н. Я. Гротомъ; его замѣтка по поводу отзыва объ его книгѣ въ нашемъ журналѣ была напечатана въ 47-омъ выпускѣ «Вопросовъ». Нынѣ мы помѣщаемъ теплый некрологъ его, появившійся, за подписью Г. Р., въ № 30 «Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» нынѣшняго года.

«21 августа сего года скончался 30 лѣтъ, отъ чахотки, священникъ с. Колоденки, Ровенскаго уѣзда, Іоаннъ Мироновичъ Гобчанскій. О. Іоаннъ былъ сынъ бѣднаго псаломщика и воспитывался на казенный счетъ въ Кременецкомъ духовномъ училищѣ и Волынской духовной семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1891 году. Вскорѣ по окончаніи курса онъ былъ опредѣленъ на священническое мѣсто въ с. Носовицу, Дубенскаго уѣзда, гдѣ прослужилъ до 21 іюня 1896 г., когда по болѣзни принужденъ былъ выйти за штатъ. Потомъ въ 1897 году снова получилъ мѣсто священника въ с. Колоденкѣ, Ровенскаго уѣзда, и гамъ пробылъ до смерти.

О. Іоаннъ всегда отличался болѣзненностью и хилостью, и смерть его не была неожиданностью ни для кого, кто его зналъ. Но въ этомъ слабомъ тѣлѣ таилась большая духовная сила и незаурядныя способности, и это, несмотря на краткость жизни, успѣло выдвинуть покойнаго и сдѣлать замѣтнымъ. При прохожденіи семинарскаго курса, о. Іоаннъ проявилъ, вообще, большое прилежаніе и интересъ къ ученію. Но изъ всѣхъ изучае-

мыхъ имъ предметовъ особенно полюбилась ему наука о душевной жизни человѣка—психологія. Это было въ 4 классѣ. Ознакомленіе съ начатками психологіи сразу опредѣлило призваніе о. Іоанна и, можно сказать, смыслъ его жизни. Съ тѣхъ поръ онъ только и интересовался психологіей, ею только жилъ. Все свободное время онъ проводилъ въ чтеніи книгъ психологическаго содержанія и основательно перечиталъ все, что имѣлось въ психологическомъ отдѣлѣ семинарской библіотеки. Всегда скромный, застѣнчивый и неразговорчивый, онъ воодушевлялся и способенъ былъ волноваться и горячо спорить, когда разговоръ касался психологіи.

Но заинтересовавшись психологіей и отдавшись ей, о. Іоаннъ больше, чѣмъ кто-либо изъ изучающихъ, почувствовалъ все неудобство отсутствія хорошаго учебника по этому предмету. И вотъ еще въ семинаріи онъ задался мыслью прежде всего составить учебникъ психологіи, въ которомъ были бы устранены недостатки существующихъ учебниковъ. Между тѣмъ ученье въ семинаріи было окончено, появились новыя обязанности—священническія и семейныя—и, вообще, получилась новая обстановка, весьма мало пригодная для научныхъ занятій. Главное, съ чѣмъ приходилось считаться о. Іоанну по выходѣ изъ семинаріи, было отсутствіе по близости какой бы то ни было библіотеки, откуда можно было бы получать нужныя книги. Необходимо было составлять собственную библіотеку и приобретать на свой счетъ всякую книгу, нужную для справокъ, хотя бы даже мелкихъ и незначительныхъ, что при его стѣсненномъ матеріальномъ положеніи было очень трудно. Затѣмъ, изъ окружающихъ онъ почти ни въ комъ не находилъ сочувствія; всѣ отзывались о его затѣѣ неодобрительно. Такое отношеніе понятно: слишкомъ ужъ необычное явленіе представлялъ бѣдный сельскій священникъ, занимающійся сочиненіемъ спеціально-ученой книги.

Однако о. Іоаннъ ни на минуту не разставался съ своей завѣтной мыслью и довелъ—таки до конца свой первый и, къ сожалѣнію, послѣдній трудъ—«Опытную психологію», несмотря на всѣ препятствія. Отказывая себѣ и своей семьѣ иногда въ самомъ необходимомъ, онъ всѣ деньги, какія зарабатывалъ, употреблялъ на выписку книгъ по своей спеціальности и успѣлъ составить значительную библіотеку, куда собралъ все, что вышло на русскомъ языкѣ по части психологіи. Каждую полученную

книгу онъ внимательно перечитывалъ, дѣлая критическія замѣчанія на поляхъ, и все писалъ и писалъ свою «Психологію». Хозяйствомъ не занимался, потому что не было времени, и жилъ въ большой нуждѣ.

Одно только озабочивало его и по временамъ лишало бодрости и увѣренности—это все усиливавшаяся слабость и упадокъ силъ. Болѣзнь дѣлала свое дѣло, и хилый организмъ все болѣе и болѣе уступалъ ей. Дошло до того, что о. Іоаннъ въ 1896 г. долженъ былъ выйти за штатъ и сталъ готовиться къ смерти. Свое единственное цѣнное достояніе—библіотеку онъ поспѣшилъ принести въ даръ родной семинаріи, зная, что только тамъ она будетъ въ сохранности и найдетъ надлежащее употребленіе. По этому поводу онъ прислалъ въ семинарію весьма трогательное письмо, въ которомъ выразилъ глубокую признательность своей *almae matris*, а также наставникамъ и воспитателямъ *). Письмо это открываетъ съ симпатичной стороны характеръ о. Іоанна.

Ожиданіе близкой смерти не оправдалось: бодрый духъ на этотъ разъ еще успѣлъ одолѣть немощь плоти. Поживши нѣкоторое время у роднымъ и отдохнувъ отъ усиленныхъ трудовъ, о. Іоаннъ сталъ немного поправляться и спустя нѣкоторое время былъ даже въ состояніи вторично поступить на приходъ. Къ этому времени онъ успѣлъ окончить и свой учебникъ. Можно представить себѣ радость о. Іоанна, когда, наконецъ, его «Психологія» была напечатана и въ разныхъ изданіяхъ стали появляться отзывы, весьма лестные и сочувственные! Книга оказалась, дѣйствительно, заслуживающей вниманія. Поставивъ себѣ скромную задачу—составить учебникъ, о. Іоаннъ сдѣлалъ больше: его книга можетъ имѣть значеніе и внѣ школы, для желающихъ ознакомиться съ начатками психологіи. Она составлена по новѣйшимъ источникамъ и представляетъ въ сжатомъ видѣ и общедоступномъ изложеніи все, что выработано и твердо установлено психологической наукой до настоящаго времени. Но излагая послѣднія слова науки, о. Іоаннъ осторожно и съ надлежащей критикой отнесся къ новымъ гипотезамъ и сумѣлъ воздержаться отъ крайнихъ выводовъ и поспѣшныхъ обобщеній.

---

*) Письмо это, вмѣстѣ со спискомъ книгъ, было въ свое время напечатано въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

Самъ будучи глубоко вѣрующимъ и религіознымъ, онъ вездѣ старался оттѣнять мысль о духовности и свободѣ человѣка и его высшемъ назначеніи.

Послѣ напечатанія «Психологіи» о. Іоаннъ настолько ободрился, что началъ было помышлять о новыхъ трудахъ и собирать матеріалы съ обычной настойчивостью. Но тутъ ему пришлось испытать нѣкоторую неудачу и разочарованіе: изъ учебнаго комитета, при св. синодѣ, пришло извѣщеніе, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ, вкравшихся по недосмотру, хотя и не существенныхъ погрѣшностей, «Опытная психологія» не можетъ быть одобрена въ качествѣ учебника, впредь до исправленія. И вотъ о. Іоаннъ снова принимается за работу и съ лихорадочной поспѣшностью передѣлываетъ свое сочиненіе сообразно съ сдѣланными замѣчаніями. Особенная поспѣшность объясняется тѣмъ, что онъ опять ослабѣлъ и почувствовалъ близость смерти. Последнія поправки онъ дѣлалъ уже лежа въ постели, когда силы окончательно оставили его и онъ былъ даже не въ состояніи принимать пищу; такимъ образомъ, окончаніе работы совпало съ концомъ жизни о. Іоанна. Миръ праху скромнаго труженика!»

Московское Психологическое Общество получило приглашеніе сдѣлать пожертвованіе на предполагаемую во Франціи статую-памятникъ Огюсту Контю. Подписавшись съ своей стороны на 100 франковъ, Психологическое Общество рѣшило предложить всѣмъ желающимъ принять участіе въ открытой подпискѣ. Деньги могутъ высылаться по адресу: Paris, A Monsieur Emile Antoine, trésorier de la Commission Exécutive de la statue d'Auguste Comte, 10, Rue Monsieur le Prince.

Въ напечатанныхъ въ предыдущей книгѣ «Вопросовъ Философіи» извѣстіяхъ о предстоящихъ въ Парижѣ международныхъ психологическомъ и философскомъ конгрессахъ по недосмотру не было отмѣчено, что всѣ указанная въ нихъ даты приурочены къ новому стилю.

Психологическое Общество.

СЛХХІV. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 9 октября 1899 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 45 м. вчера, въ залѣ правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйств. членовъ: Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, Д. В. Викторова, Н. Д. Виноградова, В. В. Воробьева, П. А. Каленова, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, С. А. Суханова, А. А. Токарскаго, г. члена - соревнователя С. Г. Шахъ - Назарова и сторонней публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

Л. М. Лопатинъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти скончавшихся членовъ Общества М. М. Троицкаго, Л. И. Поливанова, Д. В. Пospѣхова и В. А. Легонина. Собраніе почтило память усопшихъ «вставаніемъ».

В. Н. Ивановскій доложилъ собранію, что въ исполненіе порученія Общества онъ, въ качествѣ представителя послѣдняго, присутствовалъ на погребеніи Николая Яковлевича Грота, которое состоялось 26 мая 1899 г. въ с. Кочеткѣ, Зміевскаго уѣзда, Харьковской губ. Въ виду того, что въ этотъ же день праздновалось столѣтіе рожденія А. С. Пушкина, многіе изъ почитателей Н. Я. Грота не имѣли возможности присутствовать на его погребеніи, и оно совершилось въ кругу семьи усопшаго и небольшого числа постороннихъ лицъ. В. Н. Ивановскій возложилъ на могилу вѣнки отъ Психологическаго Общества и редакціи «Вопросовъ философіи».

Л. М. Лопатинъ сообщилъ, что Совѣтомъ предположено

устроить публичное засѣданіе Общества, посвященное памяти Н. Я. Грота. Для засѣданія намѣчены слѣдующія рѣчи: вступительное слово—Л. М. Лопатина, «Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота»—В. Н. Ивановскаго, «Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора»—Д. В. Викторова, «Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота»—Ю. И. Айхенвальда, «Н. Я. Гротъ какъ мыслитель»—П. П. Соколова.

Л. М. Лопатинъ сообщилъ, что Совѣтъ Общества предполагаетъ почтить память Н. Я. Грота еще слѣдующими двумя способами: 1) избраніемъ изъ числа членовъ Общества комиссіи для веденія предположеннаго вдовой покойнаго изданія его сочиненій (всѣхъ или избранныхъ); 2) учрежденіемъ при Обществѣ преміи имени Н. Я. Грота за лучшее сочиненіе по одной изъ философскихъ наукъ—единовременной или періодической, въ зависимости отъ тѣхъ средствъ, которыя будутъ собраны для этой цѣли. Единогласно рѣшено: 1) первое предложеніе принять и выборы личнаго состава комиссіи произвести тогда, когда вопросъ объ изданіи сочиненій Н. Я. Грота будетъ окончательно рѣшенъ вдовой покойнаго; 2) второе предложеніе подробно обсудить въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій.

Л. М. Лопатинъ сообщилъ, что онъ, Н. А. Иванцовъ и А. А. Токарскій присутствовали 26 мая 1899 г. въ качествѣ представителей отъ Психологическаго Общества на торжественномъ засѣданіи Московскаго Университета и Общества любителей русской словесности по поводу столѣтія рожденія А. С. Пушкина.

Д. ч. Ц. П. Балталонъ прочелъ рефератъ: «Опыты Фехнера по эстетикѣ пространственныхъ воспріятій».

По поводу прочитаннаго реферата происходили пренія, въ которыхъ, кромѣ референта, приняли участіе: А. А. Токарскій, Д. В. Викторовъ, Г. А. Рачинскій, В. Н. Ивановскій, Л. М. Лопатинъ и сторонній посѣтитель А. М. Мироновъ.

Произведены выборы лицъ предложенныхъ въ д. чл. Общества. Они избранными оказались: *Г. Г. Анпельротъ* и *Ө. Е. Рыбаковъ*—оба 13-ью голосами противъ 1-го.

Предложены въ д. члены общества сотрудница «Вопросовъ философіи» *Вѣра Владиміровна Джонстонъ* и магистрантъ московскаго университета по каедрѣ всеобщей исторіи, переводчикъ «Опыта о человѣческомъ познаніи» Джона Локка, *Александръ*

Николаевичъ Савинъ. Оба лица предложены Л. М. Лопатинымъ, В. П. Преображенскимъ, В. Н. Ивановскимъ и Ю. И. Айхенвальдомъ.

CLXXV. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 23 октября 1899 г.

Засѣданіе было открыто въ залѣ правленія университета, въ 8 ч. 45 м. вечера, при секретарѣ В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи почетнаго члена общества Вл. С. Соловьева, гг. д. членовъ: Ю. И. Айхенвальда, Г. Г. Аппельрота, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, Н. В. Бугаева, Н. Д. Виноградова, Н. А. Иванцова, И. В. Попова, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, Э. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, П. П. Соколова, П. В. Тихомирова и А. А. Токкарскаго, гг. членовъ соревнователей Э. Д. Селивачева и С. Г. Шахъ-Назарова и сторонней публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее.

Л. М. Лопатинъ, въ виду того, что ему предстояло въ настоящемъ засѣданіи прочесть рефератъ, передалъ предсѣдательство, съ согласія Общества, редактору «Вопросовъ философіи» и предсѣдателю редакціоннаго комитета Василю Петровичу Преображенскому.

Доложено, что контора редакціи журнала «Вопросы философіи» съ минувшаго лѣта помѣщается въ отдѣльной отъ конторы редакціи «Русской Мысли» квартирѣ, на М. Никитской, по Георгіевскому пер., въ д. Соловьевой.

Въ виду приглашенія, полученнаго отъ комитета по постановкѣ памятника О. Конту, рѣшено пожертвовать на этотъ памятникъ отъ имени Психологическаго Общества 100 франковъ, а также опубликовать въ «Вопросахъ философіи» объ открытой для означенной цѣли подпискѣ и пустить подписной листъ въ обращеніе среди членовъ Общества.

В. П. Преображенскій доложилъ, что отъ Московскаго Общества невропатологовъ и психіатровъ получено письмо, выражающее глубокое соболѣзнованіе по поводу постигшей Психологическое Общество тяжкой утраты въ лицѣ Н. Я. Грота.

Рѣшено, согласно мнѣнію Совѣта, отложить, какъ несвоевременное, ходатайство о пересмотрѣ устава Психологическаго Общества.

Обсуждался вопросъ объ учрежденіи при Обществѣ преміи имени Н. Я. Грота за сочиненіе по философіи. Рѣшено:

а) учредить при Обществѣ періодическую премію имени Н. Я. Грота за лучшее изъ тѣхъ сочиненій по философіи, которыя выйдутъ первымъ изданіемъ за три года до перваго присужденія преміи и въ теченіе промежутка времени между двумя присужденіями;

б) премію выдавать каждые три года въ размѣрѣ 500 рублей, которые составятся изъ процентовъ съ предполагаемаго для означенной цѣли спеціального капитала въ размѣрѣ 5.000 руб.;

в) капиталъ этотъ имѣетъ образоваться 1) изъ 5% отчисленія съ членскихъ взносовъ, которые будутъ поступать въ Общество впредь до образованія 5.000-наго капитала; 2) изъ 5% отчисленія съ прибылей Общества отъ его изданій и трудовъ; 3) изъ пожертвованій отдѣльныхъ членовъ Общества и частныхъ лицъ; 4) изъ другихъ спеціальныхъ источниковъ, въ родѣ сбора съ публичныхъ лекцій и т. п.;

г) если бы поступили отъ отдѣльныхъ лицъ значительныя пожертвованія, въ своей суммѣ превышающія установленныя выше размѣры капитала, то либо увеличить размѣръ преміи, либо учредить нѣсколько премій;

д) преміи могутъ быть присуждаемы за сочиненія, вышедшія въ Россіи и на русскомъ языкѣ, напечатанныя или рукописныя, — все равно, представленныя для соисканія преміи, или нѣтъ.

Въ виду предстоящихъ лѣтомъ 1900 г. въ Парижѣ международныхъ конгрессовъ по психологіи и философіи, рѣшено поручить Совѣту Общества въ ближайшемъ будущемъ разработать вопросъ о томъ, какъ могло бы выразиться участіе Общества въ этихъ конгрессахъ.

Л. М. Лопатинъ прочелъ рефератъ «Къ вопросу о реальномъ единствѣ сознанія».

Пренія по реферату Л. М. Лопатина отложены впредь до окончанія его статьи по данному вопросу.

Избраны въ дѣйствительные члены Общества *В. В. Джонстонъ* (единогласно) и *А. Н. Савинъ* — 19-ю противъ 1-ого.

CLXXVI. Отчетъ о публичномъ засѣданіи 6 ноября 1899 г., посвященномъ памяти Н. Я. Грота.

Засѣданіе было открыто въ 8 $\frac{1}{4}$ час. вечера, въ актовомъ залѣ университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствитель-

ныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, А. В. Адольфа, Ю. И. Айхенвальда, Д. Н. Анучина, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, К. М. Быковского, К. Н. Вентцеля, Н. Д. Виноградова, Н. А. Иванцова, А. Г. Петровскаго, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго. О. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, П. П. Соколова, П. П. Стрѣльцова, С. А. Суханова, кн. С. Н. Трубецкаго, И. В. Цвѣтаева, гг. членовъ-соревнователей О. Д. Селивачева и С. Г. Шахъ-Назарова и сторонней публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Л. М. Лопатинъ открылъ засѣданіе вступительнымъ словомъ, посвященнымъ памяти Н. Я. Грота.

В. Н. Ивановскій прочелъ рѣчь: «Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота».

Ю. И. Айхенвальдъ прочелъ рѣчь: «Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота».

П. П. Соколовъ прочелъ рѣчь: «Н. Я. Гротъ какъ мыслитель».

Во время засѣданія около каеэдры помѣщенъ былъ портретъ Н. Я. Грота, задрапированный траурной матеріей.

CLXXVII. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 13 ноября 1899 г.

Засѣданіе было открыто въ 8³/₄ час. вечера, въ залѣ правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при кандидатѣ т. секретаря Ю. И. Айхенвальдѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. Д. Виноградова, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, Г. А. Рачинскаго, В. П. Сербскаго, П. В. Тихомирова, А. А. Токарскаго, г. члена-соревнователя С. Г. Шахъ-Назарова и сторонней публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

По случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія научной дѣятельности дѣйств. члена Общества, профессора математики казанскаго университета Александра Васильевича Васильева, рѣшено привѣтствовать его отъ имени Общества слѣдующей телеграммой: «Московское Психологическое Общество шлетъ вамъ свой искренній привѣтъ и поздравленіе ко дню двадцатипятилѣтія Вашей научной дѣятельности, всегда направленной къ уясненію философскихъ основъ математики и проникнутой духомъ великаго Лобачевскаго».

Доложено письмо казначея комитета по сооруженію памятника О. Конту, г. Emile Antoine, выражающее искреннюю благодарность Психологическому Обществу за сдѣланное имъ пожертвованіе въ 100 франковъ на устройство памятника.

Дѣйств. членъ Н. А. Иванцовъ прочелъ сообщеніе «Фр. Бэконъ какъ писатель».

Вслѣдствіе выраженного референтомъ желанія дебаты по его сообщенію отложены до одного изъ ближайшихъ засѣданій Общества.

Материалы для журнальной статистики.

Въ 1899 г. (по 10-е декабря включительно) экземпляры журнала „Вопросы Философии и Психологии“ распредѣлялись по мѣсту подписки слѣдующимъ образомъ:

№№	Въ губерніяхъ.	Экз.	№№	Въ губерніяхъ.	Экз.
1	Херсонская	48	47	Псковская	6
2	Кіевская	46	48	Калужская	5
3	Тифлисская	39	49	Люблинская	5
4	Таврическая	33	50	Новгородская	5
5	Харьковская	33	51	Олонекская	5
6	Область Войска Донск.	25	52	Ставропольская	5
7	Екатеринославская	23	53	Тобольская	5
8	Лифляндская	23	54	Тверская	5
9	Казанская	22	55	Закаспійская область	4
10	Саратовская	18	56	Кубанская	4
11	Тамбовская	18	57	Нюландская	4
12	Пермская	17	58	Приморская	4
13	Волынская	16	59	Смиръ-Дарьинская	4
14	Нижегородская	16	60	Семирѣченская	4
15	Полтавская	16	61	Акмолинская	3
16	Черниговская	16	62	Забайкальская область	3
17	Московская	15	63	Оренбургская	3
18	С.-Петербургская	15	64	Сѣдлецкая	3
19	Виленская	14	65	Терская	3
20	Курская	14	66	Вологодская	2
21	Орловская	14	67	Дагестанская	2
22	Варшавская	13	68	Елизаветпольская	2
23	Владимірская	13	69	Ковенская	2
24	Томская	13	70	Могилевская	2
25	Ярославская	13	71	Петроковская	2
26	Бессарабская	12	72	Уральская область	2
27	Бакинская	11	73	Эриванская	2
28	Смоленская	11	74	Якутская обл.	2
29	Тульская	11	75	Амурская обл.	1
30	Вятская	10	76	Кутанская	1
31	Минская	9	77	Калишская	1
32	Подольская	9	78	Плоцкая	1
33	Рязанская	9	79	Сувалкская	1
34	Симбирская	9	80	Симпалатинская обл.	1
35	Енисейская	8	81	Эстляндская	1
36	Курляндская	8			
37	Самарская	8		Итого по губерн.	814
38	Архангельская	7			
39	Астраханская	7	II	Москва	212
40	Воронежская	7	III	С.-Петербургъ	202
41	Иркутская	7	IV	За границу	70
42	Костромская	7			
43	Пензенская	7		Итого	1298
44	Уфимская	7			
45	Витебская	6		(Въ томъ числѣ бесплатныхъ и обмѣнныхъ)	200
46	Гродненская	6			

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИЙ И ЗАМѢТОКЪ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ ЖУРНАЛѢ

„Вопросы Философіи и Психологіи“

за десятилѣтіе 1889—1899 г. *).

Абрикосовъ, Н. А.—Рецензіи:—Brain, p. 53. IX, 76—78; p. 54 и 55. XIII, 39—41; p. 57. XIV, 72—74; Philosophical Review, январь 1892 г., т. I, № 1—XII, 53—54.—Классификація характеровъ Рибо (ст. Рибо въ № 11 Revue philosophique 1892 г.). XVII, 65—70.—Sanity and Insanity. By Charles Mercier. London 1890. VII, 85—91.—В. Kidd. Social Evolution. Lond. 1894. XXV, 699—702. Franclin Henry Giddings. The Principles of Sociology. New-York 1896. XXXVI, 172—173.

Аврелинъ, М. К.—Секретъ творчества (Замѣтка). XVII, 113—129.

Адольфъ, А. В.—Рецензіи:—Windelband. Geschichte der alten Philosophie. Nordingen 1888. I, 93—94.—Lud. Stein. Die Erkenntnisstheorie der Stoa. Berlin 1889. I, 94—95.

Айхенвальдъ, Ю. И.—Рецензіи:—Ch. Adam La philosophie en France (première moitié du XIX siècle). Paris 1894. XXVIII, 369—372.—Revue philosophique de la France et de l'étranger. 1894 г. №№ 7—12. XXXII, 157—166; 1895 г. №№ 1—6. XXXIII, 351—357; 1895 г. №№ 7—12. XXXVI, 187—197; 1896 г. №№ 1—8. XXXVIII, 535—557; 1896 г. №№ 9—12. XXXIX, 704—711; 1897 г. №№ 1—7. XLIII, 244—280; 1897 г. №№ 7—12. XLIV, 329—350; 1898 г. №№ 1—4. XLV, 439—447; 1898 г. №№ 5—8. XLVII, 193—204; 1898 г. №№ 9—12. XLVIII, 339—350; 1899 г. №№ 1—4. XLIX, 429—436.—И. Тэнъ. Французская философія первой половины XIX вѣка. Переводъ

съ 6-го франц. изданія Ю. В. под редакціей Е. Васьяковскаго. Издан. юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб. 1896. XXXIII, 333—336.—Философскія теченія русской поэзіи. Составилъ П. Перцовъ. Спб. 1896. XXXIV, 485—491.—Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Перевелъ съ англійскаго А. Гойжевскій подъ ред. Вл. Соловьева. Спб. 1896. XXXIV, 492—493.—Александръ Введенскій. Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни. Спб. 1896. XXXVI, 167—170.—А. О. Конн. За послѣдніе годы. Спб. 1896. XXXVI, 171—172.—Alois Riehl. Friedrich Nietzsche der Künstler und der Denker. Frommanns Klassiker der Philosophie. Stuttgart 1897. XXXIX, 697—701.—Harald Höffding. Sören Kirkegaard. Harald Höffding. Rousseau und seine Philosophie. Otto Gaupp. Herbert Spencer (Frommanns Klassiker der Philosophie). XL, 784—793.—Friedrich Paulsen. Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre. Stuttgart 1898. (Frommanns Klassiker der Philosophie). Та же книга въ русскомъ переводѣ Н. Лосскаго. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. XLVII, 160—171.—Письмо въ редакцію (Отвѣтъ Г. Гобчакскому). XLVII, 207—210 (Извѣстія и замѣтки).

Ари, В.—Вопросникъ для психологическаго изслѣдованія о первыхъ воспоминаніяхъ дѣтства. XXVI, 55—56.—Современное состояніе экспериментальной психологіи, ея методы и за-

*) Нумера книгъ журнала за всѣ десять лѣтъ обозначены римскими цифрами (I—L). Страницы перваго отдѣла отмѣчены обыкновеннымъ шрифтомъ, а втораго отдѣла—курсивомъ.

- дачи. XXVII, 259—293. — Рец.: G. Dumas. Les états intellectuels dans la mélancolie. Paris 1895. XXV, 708—709. — A. Binet. Psychologie des grands calculateurs et joueurs d'échecs. Paris 1894. XXVII, 190—197. — L. Arréat. Mémoire et imagination. Paris 1895. XXVII, 197—199.
- Антоній, архимандритъ.**—Какъ относится служение общественному благу къ заботѣ о спасеніи собственной души. XII, 64—90.
- Рец.: Предисловіе къ „Обзору статей философскаго содержанія въ русскихъ духовныхъ журналахъ за первую половину 1889 г.“ I, 60—61.
- Ардашевъ, П. Н.**—Психологія въ исторіи (Новѣйшая попытка психологическаго обоснованія исторіи). XXVIII, 294—313.
- Астафьевъ, П. Е.**—Нравственное учение гр. Л. Н. Толстого и его новѣйшіе критики. IV, 64—93. — Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ. XIII, 58—86; XIV, 75—96. — Генезисъ нравственнаго идеала декадента. XVI, 56—75. — Последніятѣни прошлаго. XIX, 20—34.
- Рец.: Свое слово (философско-литературный сборникъ) проф. А. А. Козлова. Кіевъ 1890. № 3. V, 107—116. — The ethical problem by dr. Paul Carus. Chicago 1890. VI, 41—46.
- Б.**—Рец.—Ибервергъ-Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Пер. съ 7-го нѣм. изд. Я. Н. Колубовскаго. Спб. 1890. V, 97—100.
- Баженовъ, д-ръ, Н. Н.**—Второй международный конгрессъ криминальной антропологии. II, 17—41. — Область и предѣлы внушенія. VIII, 129—148.
- Бао, А.**—Идеаль новѣйшей этики (Wundt, Ethik). VII, 26—44.
- Рец.: Bösch. Das Menschliche Mitgefühl. Winterthur 1891. X, 71—74. — H. Bender. Ueber das Wesen der Sittlichkeit. Halle 1891. XI, 65—69. — G. Runze. Ethik. I. Practische Ethik. Berlin 1891. XII, 65—72. — A. Ganser. Die Freiheit des Willens, die Moral und das Uebel. Graz 1891. XIII, 66—69.
- Баргеновъ, Ю.**—Рец.: Alfred Fouillée. L'avenir de la metaphysique fondée sur l'expérience. Paris 1889. III, 88—91. — Alfred Fouillée. La philosophie de Platon. Paris 1888—9. III, 115—118. — Alfred Fouillée. L'évolutionisme des idées-forces. Paris. VI, 46—50.
- Б—въ, А.**—Рец.—Dr. J. Baumann. Platons Phädon, philosophisch erklärt und durch die späteren Beweise für die Unsterblichkeit ergänzt. Gotha 1889. II, 111—113. — Dr. Edmund König. Die Entwicklung des Causalproblems von Cartesius bis Kant. Lpz. 1889. II, 113—115. — J. Frohschammer. Die Philosophie des Thomas von Aquino. Lpz. 1889. III, 118—119.
- Басистовъ, А.**—Рец.: Philosophische Monatshefte. 1893. XX, 129—134; 39 B., H. 7—10. XXIII, 449—450. — Zeitschrift f. Philosophie u. philosophische Kritik. B. 101—102. XXII, 282—285. — P. Felix Thomas. La philosophie de Gassendi. Paris 1889. III, 119—120. — The Monist. Vol. VII, 1897. № 1—3. XXXVIII, 529—535.
- Батюшковъ, Ѳ. Д.**—Утопія всенароднаго искусства. XLVI, 1—45.
- Безобразова, М. В.**—Что такое введеніе въ философію? XXXVII, 240—251.
- Бекетовъ, А. Н.**—Нравственность и естествознание. VI, 1—67.
- Бернштейнъ, А. Н.**—Міръ звуковъ, какъ объектъ воспріятія и мысли. XXXII, 109—130. — О воспріятіи постоянныхъ и переменныхъ раздраженій. XXXVI, 40—54. — Новая вѣянія въ теоріи воспріятія. XLI, 1—22.
- Библиографическій листокъ.**—О книгахъ: Альфредъ Фулье. Исторія философіи. Перев. П. Николаева. Изд. 2-е.—Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый проф. А. А. Козловымъ.—Г. Гобчавскій. Опытная психологія въ двухъ частяхъ. Спб. 1898.—Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Перев. съ англ. С. И. Ершова подъ ред. В. Н. Ивановскаго.—Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. съ англ. С. А. Котляревскаго подъ ред. В. Н. Ивановскаго. 3-е изд.—Н. Ланге. Учебникъ логики. Одесса 1894.—П. Неждановъ. Нравственность. М. 1897.—Ц. Балталонъ. Эстетика В. Г. Бѣдлинскаго. М. 1898.—Ц. Балталонъ. Принципы критики В. Г. Бѣдлинскаго. М. 1899.—П. К. Энгельмейеръ. Техническій итогъ XIX вѣка. М. 1898.—П. К. Энгельмейеръ. Критика научныхъ и художественныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого. М. 1898. XLV, 429—436.—Д. Богдашевскій. Философія Канта. Выпускъ первый. Анализъ Критики чистаго разума и Критики пракческаго разума. Кіевъ 1898.—Т. Рибо. Философія Шопен-

гауара. Перев. М. Суперанскаго. Спб. 1899.—Артуръ Шопенгауэръ. Миръ, какъ воля и представленіе. Перев. А. Фета. Изд. IV.—М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Томъ I. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. Перев. Н. Южина. Спб. 1898.—„Въ защиту идеаловъ разума“. I. Эрнестъ Навиль. Что такое философія? М. 1896. II. Олз-Дяпрюнъ. Цѣнность жизни. Харьковъ 1898. III. Каро. Идеи Бога и безсмертія души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Харьковъ 1898.—Д-ръ Карлъ Дюпрель. Загадочность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. М. 1898.—Валерій Брюсовъ. О искусствѣ. М. 1899. XLVI, 49—55.—„Въ защиту идеаловъ разума“. IV. Дж. Кроль. Философская основа эволюціи. Перев. доцента П. П. Соколова. Харьковъ 1898.—С. Л. Кулюкинъ. Законы мышленія съ психологической точки зрѣнія. Харьковъ 1899.—Дарвинистическая библиотека. Выпускъ I. Дарвинизмъ и теорія познанія Георга Зиммеля, Фридриха Ницше и Алоиза Рилля. Спб. 1899.—О постоянствѣ чувствъ. Психологическій очеркъ по поводу романа Гёте „Сродство душъ“. Перев. съ франц. Спб. 1898, стр. 16.—Л. Шестовъ. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. 1898. XLVII, 185—190.—М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Томъ II. Происхожденіе идеи времени. Мораль Эпикура и его связь съ современными ученіями.—М. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали.—В. Болинъ. Спиноза. Біографическій и культурно-историческій очеркъ. Спб. 1899.—Рихардъ Авенариусъ. Философія какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ. Prolegomena къ „Критикѣ чистаго опыта“. XLVIII, 331—335.—Гербертъ Спенсеръ. Сочиненія. Спб. 1899.—Куно Фишеръ. О свободѣ чело-вѣка. Перев. Семена Грузенберга. Спб. 1899.—Блезъ Паскаль. Мысли о религіи. Перев. съ франц. П. Д. Первова. М. 1899.—В. Вундтъ. Гипнотизмъ и внушеніе. Перв. съ нѣмец. Н. Колубовской.—А. Бинэ и В. Анри. Умствен-ное утомленіе. Перев. съ франц. Ек. Авра. М. 1899. XLIX, 423—426.—А. Ланге. Исторія материализма. Перев. Н. Н. Страхова, 2-е изд.—В. Виндель-бандъ. Исторія философіи. Перев. П. Рудина.—Panou Sokoliou. Психо-фи-

зіологическій дуализмъ. Пер. В. Денж-ша. L, 460—462.
Боборыкинъ, П. Д.—Красота, жизнь и творчество. XVI, 71—108; XVIII, 30—62.—Формулы и терминъ въ области прекраснаго. XXII, 97—120.—Природа красоты. XXVI, 89—114.—Философія въ гимназіяхъ. XLVII, 113—145.
Бобровъ, Е. А.—Искусство и нравствен-ность. XX, 1—29.—Ред.: Neue Grund-legung der Psychologie und Logik von Gustav Teichmüller Breslau. IX, 79—88. Проф. А. А. Козловъ. Религія гр. Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви. Спб. 1895. 2-е изд. XXIX, 503—508.—Dr. Moritz v. Straszewski. Über die Bedeutung der Forschun-gen auf dem Gebiete der orientali-schen Philosophie für das Verständ-niss der geschichtlichen Entwcklung der Philosophie im Allgemeinen. Wien u. Lpz. 1895. XXX, 605—609.
Бронзовъ, Александръ.—Ред.—Adolph Bonhöffer. Die Ethik des Stoikers Epic-etet. Stuttgart 1894. XXXII, 134—141.
Бугаевъ, Н. В.—Основная начала эволю-ціонной монадологіи. XVII, 26—44.—Математика и научно-философское міросозерцаніе. XLV, 697—717.
Булгаковъ, С. Н.—О законѣрности со-ціальныхъ явленій. XXXV, 575—611.
Буцке, В. Р.—Анализъ условій простран-ства и времени при ассоціаціяхъ идей. XXII, 230—254.—Анализъ основныхъ условій при ассоціаціяхъ идей. XXVII, 134—159.
Б-чь, М. А.—По поводу статьи г. Коз-лова: Анализъ послѣдняго произведе-нія гр. Л. Н. Толстого „Хозяинъ и работникъ“. XXX, 592—604.
Вагнеръ, В. А.—Вопросы зоопсихологіи. Генезисъ инстинкта. XIV, 29—43; XV, 39—54.—Психологическая природа инстинкта по новымъ даннымъ экспериментальной физиологіи. XX, 30—67; XXIV, 316—360.—Генезисъ и развитіе музыки. XXVIII, 275—312.—О прекрасномъ въ музыкѣ (Ed. Hanslick. Vom musikalisch Schöuen). XXIX, 478—502.—Психологія настѣ-комыхъ. XLV, 365—387; XLVI, 1—32.
Вальденбергъ, В. Э.—Основанія макіа-веллизма. XXXVII, 219—239.—О за-дачахъ философіи права. XL, 916—930.—С. А. Бершадскій †. XXXIII, 361—363.—Ред.: Rivista Italiana di filosofia. 1894, августъ и октябрь. XXV, 721—723; ноябрь—XXVI, 82—83; 1895,

- январь—XXVII, 208—210; мартъ—июль, XXX, 630—632; 1895, сентябрь—XXXI, 63—64; ноябрь 1895, январь, 1896.—XXXII, 153—156; мартъ и июль 1896—XXXIV, 496—498; октябрь и декабрь 1896. XXXVI, 198—199.—André Godfernaux. Le sentiment et la pensée. Paris 1894. XXVI, 70—71. В. Ф. Зальскій. Власть и право. Философія объективнаго права. Казань 1897. XXXVII, 354—358.
- Васильевъ, А. В.**—Взгляды Огюста Конта на философію математики. XLIX, 540—559.
- Введенскій, Ал-дръ И.**—Вторичный вызовъ на споръ о законѣ одушевленія и отвѣтъ противникамъ. XVIII, 120—149.—О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. XX, 158—202; XXI, 55—80.—О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ (По поводу книги г. Каринскаго: „Объ истинахъ самоочевидныхъ“). XXV, 621—660.—Ученіе Конта о смѣзѣ душевныхъ явленій (Отвѣтъ на замѣтательную статью г. Каринскаго). XXIX, 430—477.—Новый философскій журналъ (Kantstudien). XXXIV, 460—466.—Объ атеизмѣ въ философіи Спинозы. XXXVII, 157—184.—Судьбы философіи въ Россіи. XLII, 314—354.
- Введенскій, А-ѣй И.**—Фулье и метафизика будущего. X, 1—30; XI, 127—145.—Основатель системы трансцендентальнаго монизма. XIV, 1—28; XV, 1—17.—О задачахъ современной философіи, въ связи съ вопросомъ о возможности и направленіи философіи самобытно-русской. XX, 125—157.
Ред.: М. И. Каринскій. Безконечное Анаксимандра. Спб. 1891. IX, 104—108.—James Croll. The philosophical Basis of Evolution. London 1890. XI, 80—85.—Проф. М. И. Каринскій. Объ истинахъ самоочевидныхъ. Спб. 1893. XXII, 266—272.
- Вентцель, К. Н.**—Ученіе о волѣ въ новой психологіи (по ст. Külpe, Philosophische Studien. Band. V. Heft 2 и 3). V, 1—25; VI, 1—23.—Мораль жизни и свободнаго идеала. VIII, 1—30; IX, 69—97.—Система философіи Вундта. XI, 1—23.
Ред.: Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1-91 г., тетр. 1—4. XII, 43—51; 1892 г., тетр. 1 и 2. XV, 69—73.—The Monist. XIII, 45—48.—M. Guyau. Education et hérédité. Paris 1889. III, 105—110.—Paul Barth. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Lpz. 1890. XII, 62—65.—Юсіфъ Пачоскій. Методъ классификаціи и единство наукъ. Кіевъ 1891. XIII, 64—66.—Эмплъ Геннекенъ. Опытъ построения научной критики (Эстопсихологія). Пер. съ франц. Д. Струнина. Спб. 1882. XIV, 86—88.
- Викторовъ, Д. В.** Ред.: W. Wundt. Logik. II B. II. Abth., 1895. XXXI, 36—43.—W. Wundt. Ueber die Definition der Psychologie (Philosophische Studien. B. XII, N. I, 1895). XXXII, 151—153.—Проф. В. Бехтеревъ. Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствахъ. Спб. 1896. XXXIV, 481—483.—Ив. Гвоздевъ. О врожденныхъ и приобретенныхъ свойствахъ дѣтей, какъ зачаткахъ преступности взрослыхъ. 1896. XXXIV, 483—485.—Th. Ribot. La psychologie des sentiments. Paris 1896. XXXVI, 142—151.—Victor Henri. Ueber die Raumwahrnehmungen des Tastsinnes. Ein Beitrag zur experimentellen Psychologie. Berlin. XL, 796—799.—Дж. Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Перев. А. Н. Савина. М. 1898. XLII, 138—142.—Д-ръ С. Г. Шахъ-Назаровъ. Основные положенія физиологической психологіи по Вундту, Цигену и Мейнерту. I. Топія апперцепціи В. Вундта. М. 1898. XLIII, 229—231.—Theodor Ziehen. Psychophysiologische Erkenntnistheorie. Jena 1898. XLVI, 33—38.—Рихардъ Авенариусъ. Философія какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры сплъ. Пер. Н. Федорова. XLIX, 398—406.—Фридрихъ Карстаньель. Введеніе въ „Критику чистаго опыта“. Перев. В. Лесевича. XLIX, 406—409.
- Вилькинсъ, А. И.**—Одно изъ возможныхъ міросозерцаній. XII, 20—42.
- Виноградовъ, Н. Д.**—Психофизиологическія изслѣдованія надъ микроорганизмами. XXXIII, 301—330.—Біологическій механизмъ и матеріализмъ. XXXVIII, 413—442.
Ред.: Armand Sabatier. Essai sur immortalité au point de vue du naturalisme evolutioniste. Paris 1895. XXXIII, 336—342.—Вл. Вагнеръ. Вопросы зоологіи. Спб. 1896. XXXIV, 474—481.—Я. Озе. Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце. Юрьевъ 1896. XXXV, 659—665.—Проф. В. Я. Данилевскій. Душа и

- природа. 2-е изд. Харьков 1897. XXXV, 665—669.—Генри Друммондъ. Эволюция и прогрессъ человѣка. Пер. съ англ. прив.-доп. Моск. унив. Н. А. Иванцова. М. 1897. XXXVI, 160—167.—Felix Le Dantec. Théorie nouvelle de la vie. Paris 1896. XXXVII, 343—349.—В. М. Бехтеревъ. О локализации сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Спб. 1896. XXXVIII, 513—518.—Marcus Dorman. From matter to mind. XXXIX, 695—697.—Г. А. Гиршъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. М. 1898. XLI, 46—52.—Иванъ Поповъ. Естественный нравственный законъ. 1897. XLII, 142—149.—Felix Le Dantec. Le déterminisme biologique et la personnalité consciente. Paris 1897. XLIII, 231—234.—Фаминцынъ, А. Современное естествознаніе и психологія. XLV, 416—423.—Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ. Пер. съ англ. М. Чепинской. Сиб. 1899. XLVII, 171—176.—L'année psychologique, 3-ème et 4-ème année. Paris 1897—1898. XLVIII, 312—319.—Ф. Трэсп. Психологія перваго дѣтства. Перев. П. Г. Мижурева. Спб. 1899. L, 446.
- Виноградовъ П. Г.**—И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофилства. XI, 98—126.—О прогрессѣ. XLII, 254—313.
- Волинскій, А.**—Нравственная философія гр. Льва Толстого. V, 26—45.
- Воробьевъ, В. В.**—Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезу. XL, 717—753.
- Вульфбергъ, А. К.**—Возраженіе на рефератъ д-ра Баженова „О сѣздѣ криминальной антропологіи“. II, 41—46.
- Гади, О.**—Ред.: Philosophische Monatshefte. 1889 г. V, 46—60.
- Герасимовъ, О. П.**—Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ. III, 1—44.
- Герье, В. И.**—Философія исторіи Гердера. XXXII, 169—195; XXXIII, 374—404.—О. Коптъ и его значеніе въ исторической наукѣ. XLII, 185—215; XLIII, 406—461; XLIV, 563—626; XLV, 805—888.—Къ вопросу о сущности теократіи (По поводу статьи кн. Е. Н. Трубецкаго: „Къ вопросу объ Августинѣ и Григоріи VII“, въ I кн. „Русской Мысли“ за 1899 г.). XLVIII, 307—311.
- Гиляровъ, А. Н.**—Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи. XXXVII, 301—328; XXXVIII, 445—485; XXXIX, 702—759.—Новые труды по атомистикѣ. XL, 754—771.—Что такое философія, что она можетъ и чего не можетъ дать? XLVI, 105—130.—Ред.: John Burnet. Early greek Philosophy. L. a. Ed. 1892.—Ch. Bénard. Platon. Paris 1892.—Lightfoot. Dissertations on the Apostolic Age. London 1892.—Farrer. Paganism and Christianity. Lond. a. Ed. 1891.—Alb. Stöckl. Geschichte der Christlichen Philosophie zur Zeit der Kirchenväter. Mainz 1891. XX, 111—118.—Jos. Royce. The Spirit of modern Philosophy. Boston and New-York. 1893. XXI, 136—142.—Schmekel. Die Philosophie der mittleren Stoa. Berlin 1892. XXI, 142—144.—Aulard. Le Culte de la Raison et le Culte de l'Être Suprême (1793—94). Paris 1892. XXI, 144.—Girard. La transmigracion des âmes. Paris 1892.—Riddles of the Sphinx. London 1891.—Petavel-Oliff. Le problème de l'immortalité. Paris 1892.—Souriau. La suggestion dans l'art. Paris 1893. XXII, 255—266.—W. Pater. Plato and Platonism. Lond. and New-York. 1893.—A. Chuquet. J.-J. Rousseau. Paris 1893.—L. Lyon. La Philosophie de Hobbes. Paris 1893. XXIII, 438—447.—C. M. Williams. A Review of the Systems of Ethics founded on the Theory of Evolution. London 1893.—L. Milhaud. Leçons sur les origines de la science grècque. Paris 1893. XXIV, 545—553.—Edw. Caird. The Evolution of Religion. Glasg. 1893.—Ch. Huit. La vie et l'oeuvre de Platon. Paris 1893.—Pöhlmann. Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. Münch. 1893. XXVI, 57—66.—Paul Deussen. Allgemeine Geschichte d. Philosophie. I. B., 1 Abth. Leipz. 1894. Rich.—Garbe. Die Sämkya Philosophie. Leipz. 1894.—Max Müller. Three Lectures on the Vedānta Philosophie. Lond. 1894.—W. R. Scott. A simple History of Ancient Philosophy. London 1894. XXVIII, 361—365.—Platos Republic, edited by R. Jowet and Campbell. Oxford 1894.—John Locke. An Essay concerning human understanding (edited by A. C. Fraser). Oxford 1894.—Goldfriedrich. Kants Aesthetik. Leipzig 1895.—Kühnemann. Kants und Schilles Begründung der Aesthetik. München 1895.—R. Allier. La philosophie

- d'Ernest Renan. Paris 1895.—J. Spiegel. Die Unsterblichkeit der Seele. Leipzig 1895. XXXI. 28—36.—Alfred Wiedemann. The ancient Egyptian Doctrine of the Immortality of the Soul. London 1895.—Thomas V. Strong. Chief ancient Philosophers. Platonism. London 1895.—Bernard Bosanquet. A Companion to Plato's Republic. London 1895.—Alice Gardner. Heroes of the Nations. Julian, Philosopher and Emperor. New-York and London 1895.—Вильгельм Оствальдъ. Несостоятельность научнаго материализма. Подъ ред. проф. Рижскаго политехн. учил. П. И. Вальдена перевели студенты А. Эдельманъ и А. Подпалый. Рига 1896. XXXII, 131—148.
- Гиляровъ-Платоновъ, Н. П.**—Онтологія Гегеля. VIII, 1—27; X, 19—40; XI, 24—45.
- Гинцбургъ, Д. Г., баронъ.**—Каббала, мистическая философія евреевъ. Съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева. XXXIII, 277—300.
- Глаголевъ, С. С.**—Вопросъ о безсмертіи души. XIX, 1—19; XX, 1—26.
- Гобчанскій, I.**—Письмо въ редакцію. (Отвѣтъ на библиографическую замѣтку о книгѣ „Опытная психологія“). XLVII, 205—207 (Извѣстія и замѣтки).
- Гольцевъ, В. А.**—Идеалы и дѣйствительность. VII, 57—68.—Замѣтка на рецензію г. Тимковскаго. III, 127—128.—Психологія идей-силъ (A. Fouillée. La psychologie des idées-forces. P. 1893). XXIV, 537—544.—Самуилъ Пуфендорфъ. XXVI, 57—67.—Памяти Гуго Гроція. XXX, 568—573.—Нѣсколько словъ въ возраженіе Н. Я. Гроту (по поводу статьи Н. Я. Грота *Основанія экспериментальной психологіи* и его же рецензіи на книгу Лэдда въ XXX выпускѣ „Вопросовъ Философіи“). XXXI, 65—67.—Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ. XXXIII, 431—440.—По поводу статьи г. Оболенскаго „Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ“. XXXIV, 643—644.
- Рец.: E. De-Roberty. L'inconnaissable, sa métaphysique et sa psychologie. Paris 1889. IV, 100—101.—E. de Roberty. La philosophie du siècle. Paris 1891. X, 74—75.—В. Лесевичъ. Что такое научная философія? Спб. 1891. XI, 79—80.—По поводу статьи П. Д. Боборыкина. XVIII, 116—120.—E. De Roberty. L'éthique. Le bien et le mal. 1896. XXXV, 657—659.
- Горбовъ, Н. М.**—Рец.: Berthold Hartmann. Die Analyse des kindlichen Gedankenkreises etc. 2 vermehrte Aufl. Anaberg. 1890. XVII, 82—86.
- Городецкий, И. Д.**—Яковъ Фрошаммеръ (некрологъ). XIX, 127—130.
- Гротъ, Н. Я.**—О задачахъ журнала. I; V—XX стр.—Психологическій съездъ въ Парижѣ. I, 1—22.—Что такое метафизика? II, 107—128.—Отъ редакціи III, стр. I—III; IV, стр. V—VIII; XXV, стр. I; XXV, 724—730 (Письма проф. В. О. Чижика въ отвѣтъ редакціи).—Жизненные задачи психологіи. IV, 143—194; Еще о задачахъ журнала. стр. I—VI.—Введение въ исторію новой философіи. VII, 1—25.—Основные моменты въ развитіи новой философіи. VIII, 42—57; IX, 1—19; X, 118; XIII, 1—17; XVIII, 1—25; XX, 41—93.—Основаніе нравственнаго долга. XII, 146—164; XV, 71—114.—Нравственные идеалы нашего времени (Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой). XVI, 129—154.—Некрологъ П. Е. Астафьева. XVIII, 116—121.—Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи. XXI, 36—54.—Замѣтка редактора. XXII, 325—326.—О времени. XXIII, 248—280; XXIV, 381—417; XXV, 445—493.—Устои нравственной жизни и дѣятельности. XXVII, 145—168.—Къ читателямъ. XXX, I—IV.—Основанія экспериментальной психологіи. XXX, 568—619.—Памяти Н. Н. Страхова. Къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія. XXXII, 299—336.—Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. А. Гольцеву (по поводу замѣтки В. А. Гольцева въ XXXI книгѣ „Вопросовъ Философіи“). XXXII, 170—173.—О жизни и личности Декарта. XXXV, 645—659.—Понятіе о душѣ и психической энергіи въ психологіи. XXXVII, 239—300; XXXIX, 801—811.—Критика понятія прогресса. XLV, 780—804.
- Рец.: Revue Philosophique. 1889. II, 49—57 и 65—66.—Annales des sciences psychiques. VIII, 61—64.—Кн. С. Трубецкой. Метафизика въ древней Греціи. М. 1890. II, 105—108.—Г. Струве. Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій въ связи съ введеніемъ въ философію. Ч. I. Введение въ философію. Варшава. 1890. IV, 94—97.—Will. James. The principles of psychology. New-York 1890. 2 vol. V, 89—90.—Г. В. Лейбницъ. Избранныя

- философскія сочиненія. Съ портр. Перев. членовъ Психол. Общ. подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1890. V, 95—96. — Paul Carus. The soul of man. Chicago 1891. VIII, 76—77. — Л. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи. Ч. II. Законъ причинной связи, какъ основа умозрительнаго знанія дѣйствительности. М. 1891. X, 57—66. — Випдельбандъ. Исторія древней философіи. Пер. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1893. XX, 109—111. — Ladd. An essay on metaphysics of Psychology. Lond. 1885, XXX, 619—624. — Wundt. Logik. Methodenlehre. 2 Abth. 2 Ausg. 1. rz. 1895. XXX, 625—626. — (Н. Г.): Г. И. Челпановъ. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ априорности и врожденности. Ч. I. Кіевъ 1896. XXXV, 651—656. — Владимиръ Соловьевъ. Оправданіе добра. Правственнаѣ философія. 1897. XXXVI, 155—160.
- Даркшевичъ, Л. О.** — Объ интеллектуальной сферѣ женщины. XXVI, 1—19.
- Д—въ.** — Ред. — F. Paulsen. System der Ethik mit Umriss der Staats- und Gesellschafts-Lehre. Berlin 1889. I, 82—88.
- Де-Роберти, Е. В.** — Пессимистическія теоріи познанія: критицизмъ, позитивизмъ. VIII, 31—56.
- Дживелоговъ, А. К.** — Вико и его система философіи исторіи. XXXIV, 396—428. — Ред. — X. Рашпорть. Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. 1899. XLVI, 39—41.
- Джонстонъ, В. В.** — Отрывки изъ Упанішадъ. XXXI, 1—34. — Шри-Шанкара-Ачарія, мудрецъ индійскій. XXXVI, 1—39. — Очеркъ Бхагавадгиты. XLVII, 173—213; XLVIII, 359—382.
- Ельпидинскій, Я.** — Ред.: Алексѣй Струнниковъ. Начатки философіи. М. 1888. II, 89—92. — М. Е. Соколовъ. Краткая исторія философіи. Симбирскъ 1889. II, 117—119. — В. Кудрявцевъ. Введеніе въ философію. М. 1889. III, 92—94. — П. Дейсенъ. Основныя начала метафизики. Пер. съ нѣм. Спб. 1889. IV, 97—100. — Хохлаковъ. Языкъ и психологія. Казань, 1889. 118—120. — Кудрявцевъ. Начальныя основанія философіи. Вып. II. Начальныя основанія космологіи, рациональной психологіи и нравственной философіи. М. 1890. V, 92—95.
- Ефименко, А. Я.** — Личность Г. С. Сквороды, какъ мыслителя. XXV, 419—444.
- Занцевичъ, К. П.** — Ред.: Albert Lévy. Psychologie du caractère. Contribution à l'éthologie. Paris 1896. XXXV, 669—672. — Fr. Paulhan. Les types intellectuels. Esprits logiques et esprits faux. Paris XXXV, 672—674. — Alfred Fouillée. Tempérament et caractère selon les individus, les sectes et les races. Paris 1895. — Fr. Queyrat. Les caractères et l'éducation morale. Paris 1896. XXXVI, 151—153. — Oswald Külpe. Einleitung in die Philosophie. Leipzig 1895. — G. Le Bon. Psychologie des foules. Paris 1896. XXXVII, 328—334. — Johannes Volkelt. Aesthetik des Tragischen. München 1897. XXXVIII, 518—523.
- Звѣревъ, Н. А.** — Къ вопросу о свободѣ воли. II, 73—106. — (и Л. М. Лопатинъ). Къ вопросу о міросозерданіи блаженнаго Августина (по поводу книги кн. Е. Трубецкаго: „Религиозно-общественный идеаль западнаго христіанства въ V вѣкѣ: міросозерданіе бл. Августина. М. 1892). XVIII, 26—40.
- Зеленогорскій, Ѳ. А.** — Философія Г. С. Сквороды, украинскаго философа XVIII столѣтія, XXIII, 197—234; XXIV, 281—315. — Ив. Г. Шадръ. XXVII, 160—169; XXX, 574—591.
- Зенгеръ, Г.** — Ред. — Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки. Соч. П. Лейбфельдъ. Харьковъ 1890. VII, 69—76.
- И.** — Ред. — К. Ланге. Художественное воспитаніе въ дѣтской. Пер. съ нѣмек. И. Д. Городецкій. Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М. 1895. XXXI, 50—51.
- Ивановскій, В. В.** — Общество и государство. XXXVI, 54—81.
- Ивановскій, В. Н.** — Ложныя вторичныя ощущенія. XX, 94—108. — Къ исторіи ученія объ апперцепціи въ психологіи. XXXVI, 70—106. — Къ вопросу о самообразовательномъ движеніи. XLIII, 206—228. — М. М. Троицкій (псевдонимъ). XLVII, стр. VI—XVI.
- Ред. — Revue philosophique. 1892. № 1—4. XV, 73—75; № 5—8. XVI, 77—82; № 9—12. XVII, 71—75. 1893 г. № 1—2. XIX, 82—85; № 3—6. XXII, 277—280; № 7—12. XXIV, 556—561; 1894 г. № 1—6. XXIX, 514—520. — Научное Обзорѣніе. 1894. XXVII, 210—212. — E. de Roberty. Agnosticisme, essai sur quelques théories pessimistes de la connaissance.

- Deuxième ed. Paris 1892. XIII, 62—64.—М. В. Безобразова. Философские этюды. М. 1892. XIV, 88—90.—W. James. Text-book of Psychology. London 1892. XV, 83—86.—М. Ф. Вендтъ. Дума женщины. Переводъ С. Слб. 1892. XV, 92—93.—Bernard Perez. Le caractère de l'enfant à l'homme. Paris 1892. XVII, 76—79.—Розенбахъ, П. Я. Современный мистицизмъ. Критич. оч. Слб. 1892. XVII, 80—82.—Веніаминъ Снегиревъ. Психологія. Харьковъ 1893. XIX, 89—93.—Биографическая бібліотека Ф. Павленкова (Аристотель, Бэконъ, Локкъ, Юмъ, Милль). Слб. 1891—1892. XIX, 97—100.—Проф. А. Васильевъ. Изъ истории и философіи понятія о цѣломъ положительномъ числѣ. Казань 1891,—и (его же) переводъ ст. Гельмгольца и Кронекера. XX, 118—120.—A. Binet (avec la collaboration de Mm. Philippe, Courtier et V. Henri). Introduction à la psychologie expérimentale. Paris 1894. XXIV, 548—551.—Alexander Bain. The Senses and the Intellect. London 1894. XXV, 694—699.—(1793—1893). Празднованіе Имп. Казанскимъ ун. столѣтней годовщины дня рожденія Н. П. Лобачевскаго. Казань 1894. XXV, 702—707.—Проф. А. И. Смирновъ. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Отд. I. Каз. 1894.—Его же. Эстетическое значеніе формы въ произведеніяхъ природы и искусства. Каз. 1894. XXVI, 66—69.—Сочин. Григорія Саввича Сковороды, собр. и редакція проф. Д. И. Багалъемъ. Юбилейное изд. (1794—1894). Харьковъ 1894. XXIX, 508—510.—П. О. Каптеревъ. Душевныя свойства женщинъ. Слб. 1895. XXX, 615—619.—Винъ, В. Анри, Куртье, Филиппъ. Введеніе въ эксперимент. психологію. Пер. съ фр. Е. И. Максимовой, подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Слб. 1895. XXX, 626—628.—А. Лалаандъ. Этюды по философіи наукъ. Перев. съ франц., изд. ред. журнала „Образованіе“. Слб. 1896. XXXI, 43—48.—Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Языкъ и искусство („Русская бібліотека“) № 8. Слб. 1895. XXXII, 148—149.
- Иванцовъ, Н. А.**—Отношеніе между философией и наукой. II, 23—60.—Воспоминанія о воззрѣніяхъ С. А. Усова на искусство. III, 105—138.—Гексли, какъ представитель современнаго научнаго міровоззрѣнія. XII, 91—133; XIII, 30—57; XIV, 37—74.—Проблема бытія вѣшняго міра. XVII, 63—80; XVIII, 11—26.—Основной принципъ красоты. XXXIII, 337—373.—Задача искусства. XXXIV, 441—488.—Нѣсколько словъ объ идеалахъ въ искусствѣ. XLVII, 250—296.—Францискъ Бэконъ и его историческое значеніе. XLIX, 560—599; L, 794—860.—Отвѣтъ проф. А. А. Козлову. VI, 54—59.—Къ вопросу о происхожденіи и характерѣ математическ. истинъ (По поводу книги Л. Лопатина: Положительныя задачи философіи. Ч. II, М. 1891). XIII, 69—75.—Что такое индукція? (Отвѣтъ Л. М. Лопатину). XVI, 1—14 (III отдѣлъ).—Исповѣдь естествоиспытателя (Ernst Haeckel. Der Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft. Glaubenserkenntniss eines Naturforschers). XVIII, 103—115.—Возраженіе. XIX, 113—116.—Письмо въ редакцію и тезисы къ реф. „Четыре метода Милля“. XXI, 168—170.—Искусство и природа (В. Шерболье. Искусство и природа. Новая теорія изысканъ искусствъ. Пер. съ франц. М. Калмыкова. Слб. 1894). XXIX, 404—429.
- Извѣстія и замѣтки.** XV, 103—106; XVI, 119—120; XVIII, 172; XIX, 131; XX, 137—141; XXI, 183; XXII, 329; XXIII, 475—490; XXIV, 619; XXV, 789; XXIX, 531; XXX, 655; XXXII, 212—218; XXXIII, 364; XXXIV, 513; XXXV, 692—695; XXXVI, 218; XXXVIII, 567; XL, 809—812; XLI, 75—78; XLII, 163; XLIII, 281; XLIV, 358—361; XLV, 448—449; XLVII, 205—210; XLVIII, 351—355; XLIX, 437—440; L, 466.
- Н. С.**—Рец.: The Monist. V. III, № 1—3. Chicago. XXI, 150—153; v. III, № 4, v. IV, № 1—2. XXIV, 561—563; v. IV, № 3—4. XXV, 719—721.—Годлевскій. Основы современнаго развитія. XX, 120—121.
- Казанскій, С.**—Рец.—Фридрихъ Кирхнеръ. Путь къ счастью. Перев. съ нѣм. Алексѣя Маркова подъ ред. А. А. Быкова. XLI, 58—65.
- Каленовъ, П. А.**—Ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи. VII, 1—20.—Вѣра и знаніе. XVIII, 97—115.—Споръ разсудка съ вѣрой. XXII, 141—161.—Жизнь, какъ нравственная борьба. XXVII, 169—192.—Красота и искусство. XLIV, 627—658; XLV, 742—760.

- Намбуrowъ, В.** — Рец. — Henry Michel. *L'idée de l'état.* 1896. XLVІІІ, 319—324.
- Наннабихъ, Ю. В.** — Рец. — Raoul Pictet. *Étude critique du matérialisme et du spiritualisme par la physique expérimentale.* Genève 1897. XXXVІІ, 334—343.
- Каринскій, М. И.** — По поводу статьи г. проф. А. И. Введенскаго „О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ“. XXVI, 20—46; XXVII, 242—273; XXVIII, 314—360.
- Карусъ, П.** — По поводу рецензи г. Астафьева. VIII, 88—89.
- Картьевъ, Н. И.** — Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса. IV, 113—142. — Экономическій матеріализмъ и законмѣрность социальныхъ явленій (По поводу статьи С. Н. Булгакова „О законмѣрности социальныхъ явленій“). XXXVI, 107—119. — Маленькое возраженіе Ф. В. Софронову. XLI, 41—45. — Новый историко-философскій трудъ (С. С. Арнольди: Задачи пониманія исторіи). XLV, 388—415.
- Ключевскій, В. О.** — Западное вліяніе въ Россіи XVII в. (Историко-психологическій очеркъ). XXXVI, 137—155; XXXVIII, 535—558; XXXIX, 760—800. — М. С. Корелинъ (некрологъ). XLVI, стр. VIII—XIX.
- Ковалевскій, М. М.** — Развитие идей государственной необходимости и общественной правды въ Италіи. Ботеро и Кампанелла. XXXI, 131—168.
- Кожевниковъ, А. Я.** — Разстройства кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ волненій. XLV, 761—779.
- Козловъ, А. А.** — Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія. I, 51—82. — Очеркъ жизни и философіи Лейбница по сочиненію Мерца. III, 36—64. — Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“. V, 1—33; VI, 68—96; VII, 69—102; VIII, 77—109. — Новѣйшее изслѣдованіе о Платонѣ. XI, 46—59. — Позитивизмъ Конта. XV, 53—70; XVI, 41—70. — Некрологъ П. Е. Астафьева. XVIII, 122—126. — Французскій позитивизмъ (Тэнъ, Рибо, Поланъ). XIX, 55—93. — Французскій позитивизмъ. Полупозитивисты. I. Альфредъ Фулье. XXI, 8—35; II. Гюйо и Тардь. XXII, 121—140. — Густавъ Тейхмюллеръ. XXIV, 523—536; XXV, 661—681. — Теорія искусства съ точки зрѣнія Тейхмюллера (Е. Бобровъ. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ 1894). XXVII, 178—189. — Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого: „Хозяинъ и работникъ“. XXVIII, 313—330. — Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ. Воспоминаніе объ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія. XXIX, 445—460; XXX, 558—567.
- Рец.: Archiv für Geschichte der Philosophie. I. Band 1888. 45—60. — K. Uphués. Ueber die Erinnerung. Untersuchungen zur empirischen Psychologie. Lpz. 1889. IV, 109—118 — Замѣчанія на статью г. Иванцова: „Отношеніе между философіей и наукой“. V, 124—136. — Письмо въ редакцію. VI, 59. — И. С. Андреевскій. Генезисъ науки, ея принципы и методы. Ч. I. М. 1890. VII, 56—62. — М. Гюйо. Происхожденіе идеи времени. Пер. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ 1891. IX, 88—93. — В. Себренинниковъ. Ученіе Локка о врожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб. 1892. XIII, 49—59. — W. Lutoslawski. Sur une nouvelle méthode pour déterminer la chronologie de dialogues de Platon. Paris 1896. XXXIV, 472—474.
- Колдобовскій, Я. Н.** — Некрологъ А. К. Бао. XXII, 327—328.
- Рец.: Vierteljahrsschrift für wiss. Philosophie. 1890. I. Heft. III, 65—70. — Вундтъ о гипнотизмѣ и внушеніи (Philosophische Studien, т. VIII, ст. Вундта о „Гипнотизмѣ и внушеніи“). XIV, 74—80. — Ethische Kultur. XVI, 85—87. — Певрологическій Вѣстникъ, т. I, вып. I. XVIII, 92—94. — (Я. К—скій). — В. Кудрявцевъ. Начальныя основанія философіи, вып. I. Введеніе въ философію. М. 1889. II, 87—89. — (Я. К—скій). Кв. Д. Н. Цертелевъ. Нравственная философія гр. Л. Н. Толстого. М. 1889. II, 97—99. — (Я. К—скій). Аристовъ. Психологія опытная, вып. 1. Рига 1889. II, 104. — (Я. К.). M. Massonius. Ueber Kant's transcendental Aesthetik. Lpz. 1890. V, 101—104. — (К.) Мысли о воспитаніи Джона Локка. Пер. съ англ. Петра Вейнберга. Спб. 1890. VII, 83—84. — (К.) Шопенгауэръ. Его жизнь и фил. дѣятельность. Біогр. очеркъ Э. К. Валсона. Спб. 1891. VII, 84 — (К.). Сообщенія, сдѣланныя 21 окт. 1890 г. въ первомъ публич. засѣданіи Об-

- щества гевропатологовъ и психіатровъ, сост. при Москов. унив. М. 1891. VII, 91.—(К) А. Н. Деревницкій. О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значенія для аѳинской демократіи. Харьковъ 1891. VIII, 80.—(К.). Кн. С. Трубецкой. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Вуткевичу. М. 1891 г. VII, 80.—Проф. Г. Струве. Отзывъ о магистер. диссертации приватъ-доцента Имп. Харьк. унив. П. Лейкфельда. Варшава. 1891. VIII, 81.—Hermann Gruber. S. J.-August Comte, der Begründer des Positivismus. Freiburg in Br. 1889.—Его же. Der Positivismus vom Tode August Comte's bis auf unsere Tage (1857—1891). Freiburg in Br. 1891. XIV, 90—92.—(Я. К.—скій и Э. Р.—въ). Библиографическій листокъ за 1889. II, 121—134.—Библиографич. листокъ. III, 129—138; V, 45—60 (III отд.); VII, 122—140 (III отд.); IX, 1—16 (III отд.); XI, 86—93; XIV, 95—115; XVII, 88—104.—Материалы для исторіи философіи въ Россіи (1855—1883). IV, 1—32 (Ө. А. Годубинскій, В. Н. Карповъ, С. С. Гогоцкій, В. Д. Кудрявцевъ).—V, 33—44. (П. Д. Юркевичъ).—VI, 45—88. (Славянофилы: И. В. Карѣвскій, А. С. Хомяковъ, Ю. Ө. Самаринъ); VII, 89—121 (Н. Н. Страховъ); VIII, 123—160 (Архіеп. Никаноръ, В. В. Лесевичъ). XLIV, 285—318 (П. Л. Лавровъ).
- III отдѣл. } Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ первый (1893) (Въ особомъ приложеніи). XXII, листы 1 и 2; XXIII, листы 3 и 4; XXIV, листъ 5; XXV, листъ 6; XXVII, листъ 7; XXVIII, листы 8—10; XXIX, листы 11 и 12.
- Коммиссія для организациі домашняго чтенія**, состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З. Программы по философіи. XXV, 762—783.
- Конисси, Д. П.**—„Великая наука“ Конфудія. Переводъ съ предисловіемъ. XVI, 25—40.—Философія Лаоса. XVIII, 27—45; XXIII, 363—379.—Тао те Кингъ Лаоса (перев. съ китайскаго). XXIII, 380—408.—„Средина и востояство“ (священ. книга послѣдователей Конфуція). Перев. съ ки-
- тайскаго. XXIX, 381—403.—„Книга о почитаніи родителей“, переводъ съ предисловіемъ. XXXIII, 265—276.
- Корелинъ, М. С.**—Отношеніе А. М. Иванцова-Платонова къ исторической наукѣ. XXVII, 221—241.—Этичскій трактатъ Лоренцо Валлы „Объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ“. XXIX, 391—444; XXX, 519—557.—Очерки развитія философской мысли въ эпоху возрожденія. I. Міросозерцаніе Франческа Петрарки. XXXVI, 14—53; XXXVII, 329—381.
- Корниловъ, А. А.**—О человѣческой рѣчи. XX, 27—40; XXI, 35—58.
- Корсановъ, С. С.**—Международный конгрессъ по психіатріи въ Парижѣ (5—11 августа нов. ст. 1899 г.). I, 23—44.—Къ психологіи микроцефаловъ. XXI, 67—114; XXII, 185—198.
- Коршъ, Ө. Е.**—Римская элегія и романтизмъ. XLVI, 181—171; XLVII, 297—358.
- Котляревскій, С. А.**—Рец.—I. фонъ-Кирхманъ. Философія въ общедоступномъ изложеніи. Перев. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1896. XXXI, 48—50.—Э. Павиль. Что такое философія? Перев. подъ ред. А. И. Введенскаго. М. 1896. XXXVI, 140—141.—Дж. Мармери. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Спб. 1896. 141—142.
- Кулябна, С.**—Письмо къ редактору. XVII, 130—136.
- Ланге, Н. Н.**—О дѣйствіи гашиша. I, 147—162.—Элементы воли. IV, 1—25.—Законъ перцепціи. XIII, 18—37; XIV, 44—54; XV, 55—68; XVI, 25—38.
- Рец.: Revue Philosophique 1889. I, 58—65. 1890 г. № 1—8. V, 60—70.—№ 9—12. IX, 58—65.—Hugo Münsterberg. Beiträge zur experimentellen Psychologie. Heft. 1—2. Freiburg in Br. 1889. VI, 24—33.—Отвѣтъ г. Е. Челпанову. VIII, 90—93.—Письмо въ редакцію. XXVI, 84—88.
- Лебедевъ, А. С.**—Г. С. Скворода, какъ богословъ. XXVII, 170—177.
- Леонова, О. В.**—Современный взглядъ на локализацию функцій въ мозговой корѣ. VI, 100—127 (III отд.).—Нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу статьи г. Сухалова о теоріи нейронновъ. XXXV, 629—636.
- Лесевичъ, В. В.**—Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго. I,

- 163—188. — Гдѣ искать „настоящій буддизмъ?“ III, 121—127.
- Ломброзо, П.**—Послѣдовательность мыслей у дѣтей (переводъ съ итальянской рукописи Маринъ Ив. Россолмно). XLI, 23—40; XLII, 99—108.
- Лопатинъ, Л. М.**—Положеніе этической задачи въ современной философіи. II, 61—72.—Критика эмпирическихъ началъ нравственности. III, 64—104.—Нравственное ученіе Канта IV, 65—82.—Теоретическія основы созвальной нравственной жизни. V, 34—83.—Къ вопросу о математическихъ истинахъ (Отвѣтъ Н. А. Иванову). XIV, 55—70.—Большая искренность (Замѣтка по поводу ст. В. П. Преображенскаго „Фридрихъ Ницше“). XVI, 109—114.—Понятіе объ индукціи (Отвѣтъ Н. А. Иванову). XVI, 15—27 (III отд.).—(и Н. А. Звѣревъ). Къ вопросу о міросозерцаніи блаженнаго Августина (По поводу книги кн. Е. Н. Трубецкаго: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ: міросозерцаніе бл. Августина“. М. 1892). XVI, 26—40.—Подвижныя ассоціаціи представлений. XIX, 1—35.—Новый психофизиологическій законъ г. Введенскаго. XIX, 60—81.—Параллелистическая теорія душевной жизни. XXVIII, 358—389.—Явленіе и сущность въ жизни сознанія. XXX, 619—652.—Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта. XXXII, 264—298.—Декартъ, какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозерцанія. XXXIV, 609—642.—Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза. XXXVIII, 486—534.—Н. Я. Гротъ (некрологъ). XLVIII, IX—XX.—Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія. XLIX, 600—623; L, 861—880.
- Л-сній, В.**—Рец.—G. Stuart Fullerton. On Samenes and Identity. Philadelphia. 1890. V, 96—97.
- Лоскій, Н. О.**—Рец.—Я. Колубовскій. Философскій ежегодникъ. Годъ второй. М. 1896. XXXVIII, 523—526.
- Лукияновъ, С. М.**—Позитивная биологія О. Копта и философія. XLII, 216—253.
- Лурье, Осипъ.**—Рец.—Th. Ribot. L'évolution des idées générales. Paris 1896. XLI, 52—58.—Emile Durkheim. Le suicide. Paris 1897. XLIV, 319—325.
- Лютославскій, В. Ф.**—О значеніи и задачахъ исторіи философіи. III, 45—63.
- Мазаровичъ, Н.**—Рец.—Eduard von Hartmann. Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus. Lpz. 1892. XVI, 90—92.—Boutroux. De l'idée de la loi naturelle. Paris 1895. XXXIV, 467—472.
- Маринъ, Н. В.**—О вліяніи утомленія на воспріятіе пространственныхъ отношеній. VIII, 28—41.—Объ одномъ неразъясненномъ явленіи. XVIII, 1—10.—Вліяніе чувствованій на теченіе времени. XXVI, 111—133.
- Матеріалы для журнальной статистики:** IX, 24 (III отд.); XIV, 116; XX, 177—178; XXV, 788—789; XXX, 669; XXXV, 696; XL, 816; XLV, 454; L, 477.
- Мензбиръ, М. А.**—Историческій очеркъ возрѣвній на природу. X, 151—174; XI, 75—97.
- Милюковъ, П. Н.**—Разложеніе славянофильства (Давилевскій, Леонтьевъ, Вл. Соловьевъ). XVIII, 46—96.—По поводу „Замѣчаній“ Вл. С. Соловьева. XIX, 103—105.
- Миноръ, Л. С.**—Объ измѣненіи физиономіи въ нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ. XVII, 55—64; XVIII, 14—25.
- Мокіевскій, П. В.**—Рец.: Mind. 1890 г. январь—III, 70—72; апрѣль—IV, 134—135; июль—V, 70—71; октябрь—VI, 34—36. 1891 г. январь—VII, 53—55; апрѣль—IX, 66—67; июль—X, 52—53; октябрь—XII, 51—53. 1892 г. январь—XIV, 71—72; апрѣль—XVI, 76—77; июль—XVII, 70; октябрь—XVIII, 91—92. 1893 г. январь и апрѣль—XIX, 85—87, июль—XX, 128—129; октябрь—XXII, 261—282. 1894 г. январь—XXIV, 555—556; апрѣль—октябрь—XXVII, 204—208. 1895 г. январь—октябрь XXXI, 54—63. 1896 г. январь—октябрь. XXXVI, 178—187. 1897 г. январь—октябрь—XLI, 67—74; 1898 г. январь—октябрь—XLVI, 58—65.—Rivista di filosofia scientifica. XIII, 38—39.—An Epitome of the Synthetic Philosophy by F. Howard Collins. London 1889. III, 91—92.—Pierre Janet. L'automatisme psychologique. Paris 1889. III, 94—105.—Darwinism. By Alfred Russel. Wallace. VIII, 81—85.—Alfred Binet. Les altérations de la personnalité. Paris 1892. XV, 96—102.—Herbert Spencer. The Principles of Ethics. T. I. 1892. XVII, 79—80.
- Моревъ, И.**—Рец.—Вѣра и разумъ. 1890, сентябрь—декабрь. VIII, 68—72.
- Неплюевъ, Н. Н.**—Христіанская гармонія духа (этико-психологическій этюдъ). XXXII, 73—108.

- Николаевъ, Б.** — Ред. O. Plümacher. Der Kampf um's Unbewusste. Zweite Auf. Lpz. 1890. IX, 108—111.
- Новгородцевъ, П. И.** — Къ вопросу о сущности теократіи. XLVIII, 304—307.
- Новости иностранной философской литературы** (Извлеченія изъ рецензій въ иностранныхъ журналахъ). Max. Dessoir. Geschichte der neueren deutschen Psychologie. — Max. Apel. Kants Erkenntnisstheorie und seine Stellung zur Metaphysik. 1895. — L. Lévy Bruhl. La philosophie de Jacobi. — John Watson. Hedonistic Theories from Aristippus to Spencer. 1895. — Z. A. Selby-Bidge. An Enquiry concerning the human Understanding and an Enquiry concerning the principles of morals, by David Hume. 1894. — W. Wundt. Grundriss der Psychologie. 1896. — C. Lloyd Morgan. An Introduction to comparative Psychology. — James Sully. Studies of Childhood. 1895. — S. Le Sanctis. I fenomeni di contrasto in psicologia — L. Dugas. Le psitacisme et la pensée symbolique. 1896. — G. Ferrero. Les lois psychologiques du symbolisme. — M-elle Josephine Zürcher. Jeanne d'Arc. — Charles F. d'Arcy. Short Study of Ethics. 1895. — D. Dornier. Das menschliche Handeln. — Henry Rutgers Marshall. Aesthetic Principles. 1895. — T. Whittaker. Essays and Notices. 1895. XXXIV, 499—513. — H. Höffding. Geschichte der neueren Philosophie. I Band. 1895. — W. Heinrich. Die moderne physiologische Psychologie in Deutschland. 1895. — B. Bosanquet. The essentials of Logic. 1895. — Rudolph Steiner. Fr. Nietzsche. 1895. — Joannes Volkelt. Aesthetische Zeitfragen. 1895. XXXV, 677—685. — K. Lasswitz. G. Th. Fechner. Stuttgart 1896. — Dr. Johannes Rebmke. Grundriss der Geschichte der Philosophie. 1896. — James Seth. A Study of ethical Principles. — Dr. Josef Klemens Kreibitz. Geschichte und Kritik des ethischen Sceptizismus. 1896. XXXVI, 200—205. — A. Drews. Kants Naturphilosophie als Grundlage seines Systems. Berlin 1894 — Wm. Caldwell. Schopenhauer's System in its philosophical significance. 1896. — Rudolf Eucken. Die Lebensanschauungen der grossen Denker. 1897. — Harald Höffding. Ethische Prinzipienlehre. 1886. — Max Wentscher. Ueber physische und psychische Kausalität und das Prinzip des psychophysischen Parallelismus. Leipzig 1896. XXXVIII, 558—564. — Jonas Cohn. Geschichte des Unendlichkeitsproblems im abendländischen Denken bis Kant. Leipzig 1897. — Nourrisson. Voltaire et le voltairanisme. — I. E. Erdmann. Grundriss der Geschichte der Philosophie. 1896. — G. F. Stout. Analytic Psychology. XXXIX, 712—714. — Friedrich Jodl. Lehrbuch der Psychologie. Stuttgart 1896. — E. W. Scripture. The new Psychologys. London 1897. — Karl Heinrich Stein. Vorlesungen über Aesthetik. Stuttgart 1897. — William James. The Will to Believe and other Essays in Popular Philosophy. 189. XLII, 152—162. — Wincenty Lutoslawski. The Origin and Growth of Plato's Logic. — Georges Noël. La logique de Hegel 1897. — Sidis (Boris). The Psychology of Suggestion. XLIV, 351—357. — Hans Cornelius. Psychologie als Erfahrungswissenschaft. Leipzig 1897. — D. Mercier. Les origines de la psychologie contemporaine. Paris XLVII, 177—184. — Friedrich Paulsen. Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre. XLVIII, 325—330. — William James. Talks to Teachers on Psychology. XLIX, 419—422. Kuno Fischer. Geschichte der neueren Philosophie. 2. Band. I, 451—459.
- Новицкая, П.** — Письмо въ редакцію (Письмо г-р. Л. Н. Толстого, сообщенное г-жей Новицкой). XXXII, 167—169.
- Оболенскій, Л. Е.** — Попытка научнаго примиренія моральныхъ разногласій. Отрицатели морали. XXX, 533—567. — Ред. Alexander. Moral Order and Progress. London 1889. I, 75—82. — Автономія человека въ прогрессѣ и ея стадіи. XXXI, 35—72; XXXII, 196—225. — Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ. XXXIV, 521—551. — Типы представлений о мірѣ, какъ оныя есть самъ по себѣ. XLVIII, 426—477.
- Овсяннико-Куликовскій, Д. Н.** — Очерки изъ исторіи мысли. II, 159—189; V, 103—134.
- Огневъ, И. Ф.** — Естественно-историческія воззрѣнія Биша. XLIII, 355—384. — Ръчи Э. Дю-Буа-Реймона и его научное міровоззрѣніе. XLVIII, 211—241.
- Остроумовъ, М.** — Письмо къ редактору. XXII, 316—322.

Отчет о докторском диспутѣ Н. Н. Ланге. XXIV, 564—616.

Отъ Совѣта Московскаго Психологическаго Общества. XLVI, стр. V—VI.

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Философскаго Общества. XLVI, стр. VII.

П.—Рец. Бизъ. Психологія умозаключеній. М. 1889. I, 92.

Паперна, Г. А.—Рец.: International Journal of Ethics. T. I. № 1—2. IX, 67—76; № 3—4, X, 53—56. T. II, № 1, XIII, 43—45; № 2—4, XVI, 82—85.

Перечни статей въ иностранныхъ журналахъ: IV, 135—137; V, 71—73; VIII, 64—65; IX, 78; XX, 134—136; XXII, 285—286.

Петрово-Солово, М. М.—Телепатія. XI, 146—162; XII, 134—145.

Петровский, А. Г.—Рец.—Н. Чермакъ. О построеніи живого вещества. Спб. 1895. XXX, 612—615.

Петрункевичъ, М. И.—Рец. Vierteljahrsschrift. wissenschaftliche Philosophie 1893. № 1—4 и 1894. № 1. XXIII, 450—452. 1894, № 2—3. XXVI, 79—82.

Половъ, X.—Рец.: Православное Обозрѣніе. 1889 г., т. I.—I, 61—66; т. II.—II, 66—73. 1890 г. № 1, 2 и 3, III, 81—85; № 4, 5, 6, IV, 137—143; № 7, 8 и 9, V, 73—77; № 10, VI, 37—40; № 11—12 и 1891 г. № 1. VIII, 65—68.

Преобрѣженскій, В. П.—Фридрихъ Ницше. Критика морали альтруизма. XV, 115—160.

Рец.: Cohen. Kants Begründung der Aesthetik. Berlin 1889.—Lose Blätter aus Kants Nachlass, mitgetheilt von R. Reicke I. Heft. Königsberg 1889 I, 95—98.—E. W. Simson. Der Begriff der Seele bei Plato. Lpz. 1889. II, 108—111.—John Venn. The principles of empirical or inductive Logic. London 1889. IV, 101—106.—Переписка Бенедикта де-Спинозы съ прилож. жизнеописанія Спинозы I. Колеруса. Пер. съ лат. Л. Я. Гуревичъ, подъ ред. и съ примѣч. А. Л. Волынскаго. Спб. 1891. VII, 76—83.—Prof. Dr Ludwиг Stein. Leibniz und Spinoza. Berlin 1890. IX, 93—104.—M. Гюйо. Искусство съ точки зрѣнія социологіи. Съ предисл. А. Фулье. Пер. подъ ред. А. П. Пышина. Сиб. 1891. X, 67—71.—Фр. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Девять отрывковъ въ переводѣ С. П. Нани. Спб. 1899. XLVI, 41—48.

Протоколы засѣданій Русскаго Общества экспериментальной Психологіи въ 1891—92 г. (первый годъ существованія, въ особомъ приложеніи). XII, 1—32; XIII, 33—48.—Протоколы за 1892—93 г. XXII, листы 1 и 2; XXIII, листъ 3; XXIV, листъ 4.

Психологическое Общество.—Рефераты, читанные въ Москов. Психолог. Обществѣ со времени его основанія (за 1835—89 гг.). I, 99—101.—Списокъ членовъ Псих. Общ. по 1-е ноября 1889 г. I, 102—106.—Рефераты, читанные съ 1-го ноября 1889 г. по 1-е мая 1890 г. III, 139—140.—Списокъ членовъ, вошедшихъ въ составъ Общ. съ 1 ноября 1889 г. по 20 апрѣля 1890 г. III, 141—142.—Отчетъ о состояніи суммъ Псих. Общ. III, 143—144.—Условия для соисканія премии за сочленіе на тему по философіи наукъ. III, 145—146.—Тезисы къ рефератамъ В. Р. Бушке: „Опытъ физиологической теоріи памяти“; П. И. Карѣва: „Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса“; Л. М. Лопатина: „По поводу современнаго философскаго міросозернанія“ и протоколы преній по поводу двухъ послѣднихъ рефератовъ. IV, 33—46 (III отдѣлъ).—Тезисы къ рефератамъ Л. М. Лопатина: „По поводу гипотезы объ индуктивномъ происхожденіи математическихъ понятій“ и „Теорія математическихъ познаній Канта“. V, 61—65 (III отд.).—Тезисы къ реферату П. Я. Грота: „Самонаблюденіе — единственный источникъ познанія душевной жизни“ и возраженія на этотъ рефератъ С. С. Корсакова и В. А. Гольцева. VI, 89—95 (III отд.).—Тезисы къ реферату Е. П. Челпанова: „Теорія апперцепціи и психической активности въ современной психологіи“. VI, 95—96 (III отд.).—Отчетъ о дѣятельности Псих. Общ. въ 1890 г. и списокъ членовъ, вошедшихъ въ составъ его съ 20 апрѣля по 20 декабря 1890 г. VI, 97—99 (III отд.).—Протоколы двухъ (70 и 71) засѣданій Психологич. Общ. въ январѣ 1891 г. VII, 141—148 (III отд.).—Протоколы четырехъ (72—75) засѣданій. VIII, 161—173 (III отд.).—Протоколы трехъ (76—78) засѣданій. IX, 17—23 (III отд.).—Протоколы трехъ (79—81) засѣданій. X, 87—92.—Протоколы трехъ засѣданій (82—84). XI, 101—110.—Постановленіе о при-

сужденія преміи Д. А. Столыпина и Условия для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина за сочиненіе на тему по философіи наукъ. XII, 75—76.—Протоколы шести (86—91) засѣданій. XIII, 76—96.—Протоколъ 92-го засѣданія. XV, 107—112.—Протоколы пяти (93—97) засѣданій, положенія А. П. Введенскаго къ его сочиненію „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“ и направленные противъ нихъ положенія Н. Я. Грота. XVI, 110—118.—Дополнительный протоколъ преній по поводу реферата Н. В. Бугаева „Основныя вачала эволюціонной монадологіи“ (въ 95-мъ засѣд. 7 ноября 1892 г.). Протоколы трехъ (98—100) засѣданій Общества и списокъ членовъ Психол. Общ. къ 24 января 1893 г. XVII, 105—129.—Протоколы пяти (101—105) засѣданій. XVIII, 154—172.—Протоколъ 106 засѣданія. XIX, 117—126.—Отчеты о 107 и 108 засѣданіяхъ. XX, 144—176.—Извлечение изъ протоколовъ засѣданій 109—111; извлеч. изъ доклада комиссіи по передачѣ журн. „Вопросы Философіи и Психологіи“ въ собств. Психол. Общ. Тезисы Н. Я. Грота по вопросу „Значенія идеи параллелизма въ психологіи“. XXI, 160—168.—Извлечение изъ протоколовъ засѣд. 112 и 113 и изложеніе преній по рефер. П. Д. Боборыкина „Формулы и термины въ области прекраснаго“, В. Р. Будке: „Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціяхъ идей“, Н. Я. Грота: „О значенія идеи параллелизма въ психологіи“. XXII, 287—315.—Отчеты о засѣданіяхъ 113—115; тезисы къ реферат. П. А. Каленова: „Споръ разсудка съ вѣрой“ и списокъ членовъ. XXIII, 455—474.—Условия для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. XXIV, 617—618.—Отчеты о засѣданіяхъ 116—121 и пренія по рефер. кн. Д. Н. Цертелова: „Пространство и время, какъ формы явленій“, А. А. Токарскаго: „Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей“ и „Роль воли въ психическомъ процессѣ“. XXV, 731—761.—Отчеты о засѣдан. 122—126 и изложеніе преній по двумъ рефер. Н. Я. Грота: „О времени“. XXVI, 89—109.—Изложеніе преній по рефератамъ: В. Р. Будке „Анализъ основныхъ условій при ассоціаціяхъ идей“ и П. Д. Боборыкина: „Природа красоты“.—Отчеты о засѣдан.

127—130 и краткій отчетъ о дѣятельности Моск. Псих. Общ. за 1894 г. XXVII, 220—250.—Обзоръ дѣятельности Моск. Псих. Общ. за первое десятилѣтіе (1885—1895). XXVII, 251—258.—Отчеты о засѣд. 131—132 и условия для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. XXVIII, 382—385.—Отчеты о 133—136 засѣд., условия для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина и пренія по реф. П. А. Каленова: „Жизнь какъ нравственная борьба“ и Н. Я. Грота: „Устои нравственной жизни и дѣятельности“. XXX, 633—655.—Отчеты о 137—139 засѣданіяхъ. XXXI, 68—70.—Отчеты о 140—144 засѣд.; годичные отчеты секретаря и казначея Общества за 1895 г.; списокъ членовъ по 1-е марта 1896 г.; пренія по реферату Ц. П. Балталона: „Чувство сходства, какъ источникъ эстетической эмоціи и красоты“ и реферату С. А. Суханова „Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій“. XXXII, 174—211.—Отчетъ о 145-мъ засѣд. и условия для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XXXIII, 358—360.—Пренія по реферату Л. М. Лопатина: „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“ и условия для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XXXIV, 514—521.—Отчеты о 146—150 засѣд. и условия для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. XXXV, 686—691.—Отчетъ о 151 засѣданіи, пренія по реферату В. Н. Ивановскаго: „Къ исторіи ученія объ апперцепціи“. XXXVI, 206—217.—Отчеты о 152—155 засѣданіяхъ Общества (представленія объ избраніи въ почетные члены Общества), пренія по реферату А. Н. Бернштейна: „О воспріятіи постоянныхъ и перемѣнныхъ раздраженій“, тезисы къ сообщенію Н. Я. Грота: „О значенія понятія психической энергіи“, краткій отчетъ о дѣятельности Психологическаго Общества за 1896 г., списокъ членовъ Общества къ 15 марта 1897 г. XXXVII, 361—388.—Отчетъ о 156 и 157 засѣданіяхъ. XXXVIII, 565—566.—Условия для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XXXIX, 715—716.—Отчеты о 158—160 засѣданіяхъ. XL, 813—815.—Отчеты о 161 и 162 засѣданіяхъ, отчеты секретаря и казначея Общества за 1897 г., списокъ членовъ по 1 февраля 1898 г., пре-

- ня по реферату д-ра Воробьева: „Опыт классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезу“, пренія по реферату кн. С. Н. Трубецкого: „Значеніе философіи Гегеля“. ХLI, 79—98.— Отчетъ о 163 и 164 засѣданіяхъ и условия для соисканія премии Д. А. Столыпина. ХLI, 164—167.— Условия для соисканія премии Д. А. Столыпина. ХLIII, 282—283.— Отчетъ о 166 засѣданіи и условия для соисканія премии. ХLIV, 362—364.— Отчетъ о 167 и 168 засѣданіяхъ, отчетъ о преніяхъ по реферату Н. В. Бугаева: „Математика и научно-философское міросозерцаніе“ и П. А. Каленова: „О красотѣ и искусствѣ“. ХLV, 450—453.— Отчеты о 169—171 засѣданіяхъ, отчетъ секретаря и казначея о дѣятельности Общества въ 1898 г., предложенія объ избраніи въ почетные члены, списокъ членовъ Общества по 1-е февраля 1899. ХLVI, 66—86.— Отчеты о 172 и 173 засѣданіяхъ. ХLVIII, 355—357.— Условия для соисканія премии Д. А. Столыпина. ХLIX, 441—442.— Отчеты о 174—177 засѣданіяхъ. L, 471—476.
- Пясковскій, Н. Я.**— Пироговъ какъ психологъ, философъ и богословъ. ХVI, 1—24.— Философскіе принципы въ современной физиологій и отношеніе философіи къ естествознанію и медицинѣ. ХХI, 59—66.— Письмо къ редактору. ХХII, 322—325.
- Радловъ, Э. Л.**— Вольтеръ и Руссо. II, 1—22; IV, 37—64.— Конгрессъ по библиографіи. II, 46—48.— Обь этическихъ отрывкахъ Демокрита. XII, 7—19.— Очерки изъ исторіи скептицизма. Иеронимъ Гирнгаймъ. ХVIII, 69—90.— Натуралистическая теорія познанія (По поводу статей проф. И. М. Съченова). ХХV, 682—693.— Очеркъ историографіи исторіи философіи. ХLIX, 359—378.
- Рец.: Н. А. Любимовъ. Исторія физики. Часть первая. Періодъ греческой науки. Спб. 1891. ХV, 76—83.— Gnostische Schriften in Koptischer Sprache aus dem Codex Brucianus herausg. v. C. Schmidt. Lpz. 1890. ХVII, 86—87.— Отвѣтъ проф. А. И. Введенскому. XIX, 105—110.
- Розановъ, В. В.**— Замѣтки о важнѣйшихъ теченіяхъ русской философской мысли въ связи съ нашей переводной литературой по философіи. III, 1—36.— О борьбѣ съ Западомъ въ связи съ литературной дѣятельностью одного изъ славянофиловъ. IV, 27—64.— Цѣль человѣческой жизни. ХIV, 135—164; ХV, 1—31.
- Россолимо, Г. И.**— Къ физиологій музыкальнаго таланта. XIX, 35—59.
- Ротъ, В. К.**— Нейрастенія и лѣность. ХХХV, 555—574.
- Рыжковъ, Н.**— Рец.: Новѣйшія работы объ Эпиктетѣ (Ed. M. Schranka. Der Stoiker Epictet und seine Philosophie. Frankfurt 1885.—Ad. Bonhöffer. Epictet und Stoa. Stuttgart 1890.—W. Luthе. Die Erkenntniss der Stoiker. Lpz. 1890). ХVIII, 98—102.
- С.**— Рец.: Beaunis. Les sensations internes. Paris 1889. I, 88—89.—Walter. Die Geschichte der Aesthetik im Altertum. Leipzig. ХХXI, 30—32.
- С. Т.**— Рец. Фридрихъ Йодль. Исторія этики въ новой философіи. Т. I. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. С. Соловьева. М. 1896. ХХХV, 656—657.
- Саводницъ, В.**— Рец.: Къ исторіи греческой философіи (Alessandro Chiappelli. Per la storia della Soffistica Greca. Arch. f. Gesch. d. Philos. B. III. H. 1—2). ХХVII, 212—219.—А. Döring. Die Lehre des Sokrates als sociales Reformsystem. München 1895. ХХХ, 610—612.—Th. Gomperz. Griechische Denker. Leipzig 1896. ХХXI, 20—28.—F. A. Lange. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Leipzig 1896. ХХХIII, 331—332.—Archiv für systematische Philosophie. B. I, Heft. 1—4 Berlin 1895. ХХХIII, 346—351.—Нѣсколько замѣчаній по поводу книги г. Челпанова „Проблема воспріятія пространства“. ХХХV, 641—650.—Д. Н. Овсяннико-Куликовский.—Этюды о творчествѣ Туругенева. Харьковъ 1896. ХХХVII, 349—354.—Archiv für systematische Philosophie. II Band, 1896. XL, 802—808.—Karl Bücher. Arbeit und Rhythmus. Leipzig 1897. ХLV, 423—428.—Эрнстъ Гроссе. Происхожденіе искусства. Перев. А. Е. Грузанскаго. ХLIX, 409—414.
- Свѣчинъ, Ѡ. А.**— Исповѣдь бывшей душевно-больной. XIX, 94—121.
- Сементковскій, Р. И.**— Модная теорія. ХVII, 81—112.—Письмо къ редактору. XIX, 110—113.
- Сербскій, Вл. П.**— Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта. XIX, 122—140; ХХ, 68—93.—Четвертый международный конгрессъ криминальной

- антропологии въ Женевѣ. XXXIV, 429—459; XXXV, 529—554. — Преступные и честные люди. XXXV, 660—678.
- Серебrenниковъ, В. С.**—Рец.: Новая книга о философіи Канта (М. И. Каринскій. Объ истинахъ самоочевидныхъ. Спб. 1893). XXIII, 409—423. — В. Вундтъ. Лекціи о душѣ чловѣка и животныхъ. Перев. со 2-го изд. П. Я. Розенбаха. Спб. 1894. XXVIII, 372—375.
- Слободскій, И.**—Рец.: Вѣра и разумъ, 1889 г. январь—июнь. I, 66—73; июль—ноябрь. II, 76—84; 1890 г. январь—май. III, 74—81; июнь—августъ. V, 78—83.
- Смирновъ, Н.**—Рец.: Христіанское чтеніе. 1889 г. январь—августъ. I, 73—74.—Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. Ноябрь и декабрь 1889 г. III, 86—87.
- Смирновъ-Платоновъ, Г. П.**—Памяти протоіеря А. М. Иванцова - Платонова. XXV, 784—787.
- Соколовъ, П. П.**—Къ вопросу о задачахъ и методахъ психологии (По поводу книги Мюнстерберга: Ueber Aufgaben und Methoden der Psychologie. Leipzig 1891). XVI, 39—55. — Факты и теорія „цвѣтнаго слуха“. XXXVII, 252—275; XXXVIII, 359—412.
- Рец.: К. Kroman. Kurzfassste Logik u. Psychologie, übers. von Bendixen. Kopenhagen-Leipzig 1890. VII, 62—68. — Paul Carus. The soul of man. Chicago 1891. XV, 89—92. — Wilhelm Jerusalem. Laura Bridgman. Erziehung einer Taub-stumm-blinden. Wien 1891. XV, 93—96. — Franz Brentano. Das Genie. Lpz. 1892. XVI, 89—90.
- Соллертинскій, С. А.**—О происхожденіи воспитательскаго дѣла и объ основныхъ опорахъ его существованія въ чловѣческой исторіи. XLIX, 379—397.
- Соловьевъ, Вл. С.**—Красота въ природѣ. I, 1—50.—Общій смыслъ искусства. V, 84—102. — О подвѣлахъ. VIII, 149—163.—Изъ философіи исторіи. IX, 133—157.—Смыслъ любви. XIV, 97—107; XV, 161—172; XVI, 115—128; XVII, 130—147; XXI, 81—96.—Первичныя данныя нравственности. XXIV, 361—380.—Аскетическое начало въ нравственности. XXVI, 68—88.—О добродѣтеляхъ. XXVIII, 331—357.—Мнимыя начала правительнаго поведенія (критика различныхъ видовъ авдемонизма). XXIX, 461—483.—Письмо къ редактору. О заслугѣ В. В. Лесевича для философскаго образованія въ Россіи. V, 116—123.—Руководящія мысли „Историческаго Обзорнія“. X, 75—86. — Замѣчанія на лекцію П. Н. Милокова. XVIII, 149—154.—Современное состояніе вопроса о медиумизмѣ (А. Н. Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ. Спб. 1893). XXIII, 424—437.—Безусловное начало нравственности. XXX, 653—675.—Дѣйствительность нравственнаго порядка XXXI, 107—130.—Предисловіе къ статьѣ барона Д. Г. Гинцбурга: „Каббала, мистическая философія евреевъ“. XXXIII, 277—300. — Нравственная организація чловѣчества. XXXIV, 579—608; XXXV, 699—732.—Повятіе о Богѣ (Въ защиту философіи Спинозы). XXXVIII, 383—414.—Замѣчанія на статью проф. Г. Ф. Шершеневича (полемика). XXXVIII, 475—484.—Мнимая крптка (Отвѣтъ Б. Н. Чичерину). XXXIX, 645—694.—Первое начало теоретической философіи. XL, 867—915.—Необходимыя замѣчанія на нѣсколько словъ Б. Н. Чичерина. XL, 779—783.—Достоверность разума. XLIII, 385—405.—Изъ замѣтокъ о діалогахъ Платона. XLVII, 146—159. Форма разумности и разумъ истины. L, 881—903.
- Соловьевъ, Вс. С.**—Что такое доктрина Теософическаго Общ.? VII, 41—68.
- Софроньевъ, Ф. В.**—Соотношеніе общественныхъ силъ. XXXIX, 569—608.—Отвѣтъ проф. Карѣеву. XLII, 133—137.—Теорія познанія на основѣ критическаго эмпиризма. XLVIII, 242—268.
- Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію.** (Новыя книги и брошюры, присланныя въ редакцію). IV, 144; VI, 60; XIX, 131—132; XX, 141—143; XXI, 158—159; XXII, 275—276; XXIII, 447—448; XXIV, 533—554; XXV, 709—710; XXVI, 71—74; XXVII, 202—203; XXVIII, 379—381; XXIX, 510—513; XXX, 628—629; XXXI, 51—53; XXXII, 149—150; XXXIII, 344—345; XXXIV, 493—495; XXXV, 675—676; XXXVI, 175—177; XXXVII, 358—360; XXXVIII, 526—528; XXXIX, 701—703; XL, 799—801; XLI, 65—66; XLII, 150—151; XLIII, 235—237; XLIV, 326—328; XLV, 436—438; XLVI, 55—57; XLVII, 190—191; XLVIII, 335—338. XLIX, 426—429; L, 463.
- Страховъ, Н. Н.**—О законѣ сохраненія энергіи. VI, 97—131.—Толки о Л. Н.

- Толстомъ. IX, 98—132.— Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго. XI, 94—100.— О задачахъ исторіи философіи. XXI, 1—34.
- Струве, Г. Е.**—Способности и развитие философствующаго ума. XXXVIII, 415—444; XXXIX, 559—585.— О логикѣ Платона въ связи съ хронологіей и стилеметріей его сочиненій (По поводу книги В. Лютославскаго. The Origin and Growth of Plato's Logic). XLIII, 187—205.
- Струве, П. Б.**—Свобода и историческая необходимость. XXXVI, 120—139.
- Сухановъ, С. А.**—Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій (съ рисунками). XXXIV, 365—395.—Отвѣтъ О. В. Леоновой (на ея критическія замѣчанія по поводу статьи г. Суханова о теоріи нейроновъ). XXXV, 636—641.
- Тимковскій, Н. И.**—Ред.: Fr. Brentano, Vom Ursprung sittlicher Erkenntniss. Leipzig 1889. II, 92—94.—H. Münsterberg. Der Ursprung der Sittlichkeit. Freiburg 1889. II, 94—95.—Paul Hensel. Ethisches Wissen und ethisches Handeln. Freiburg 1889. II, 95—97.—Arthur Seidl. Zur Geschichte des Erhabenheitsbegriffes seit Kant. Leip. 1889. II, 99—100.—В. А. Гольцевъ. Объ искусствѣ. М. 1889. II, 100—101.—Блезъ Паскаль. Мысли. Спб. 1889. II, 119—120.—(Н. Т.) Кн. Д. П. Львовъ. Принципы этики. М. 1890. III, 111—112.—(Н. Т.—скій). Н. М. Минскій. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о дѣлѣ жизни. Спб. 1890. III, 112—113.—Wilhelm Nicolai. Ist der Begriff des Schönen bei Kant consequent entwickelt? Lpz. 1889. III, 114—115.—Христіанское ученіе о нравственности въ изложеніи г. Мартеаса. Въ двухъ томахъ. Переводъ А. П. Лопухина. Спб. 1890. V, 120—128.—Ch. Benard. L'esthétique d'Aristote et de ses successeurs. Paris 1889. IV, 128—131.—Stanton Coit. Die ethische Bewegung in der Religion, übers. von Georg von Gizycki. Lpz. 1890. V, 104—106.
- Тихомировъ, П. В.**—Логическій характеръ экзистенціальныхъ сужденій. XLII, 109—132.—Ред.: W. Knight. Aspects of Theism. Lond. 1893. XXVII, 199—201.—W. Davilson. Theism as grounded in Human Nature. Lond. 1893. XXVII, 201—202.—G. K. Uphues. Psychologie des Erkennens. I B. Leipz. 1893. XXVIII, 366—368.
- Токарскій, А. А.**—Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму въ Парижѣ. II, 1—16.—Гипнотизмъ въ педагогикѣ. IV, 88—112.—Психическія эпидеміи. XX, 203—223.—„Заклинаніе со стрѣлой“ тибетскихъ ламъ. XXII, 182—195.—Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей. XXIII, 331—362.—Сознаніе и воля. XXIV, 491—522.—Происхожденіе и развитие нравственныхъ чувствъ. XXVI, 115—144.—О темпераментѣ. XXXI, 1—19.—О глухости. XXXV, 679—698.—Третій международный психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ. XXXV, 612—628.—Приложеніе къ журналу—„Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Императорскаго Московскаго университета“. 1896. XXXI, 1—60; XXXII, 61—124; XXXIII, 125—204; XXXIV, 205—276; XXXV, 277—352.—Страхъ смерти. XL, 931—978.
- Ред.: Гиляровъ. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологическій школы. Кіевъ 1894. XX, 121—123.
- Толстой, гр. Л. Н.**—Первая ступень. XII, 109—144.—Къ вопросу о свободѣ воли. XXI, 1—7.—Что такое искусство? XL, 979—1027; XLI, 1—137.
- Тронинъ, В.**—Ред.: Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1897. №№ 1—4. XLIII, 238—244.
- Трубецкой, кн., Е. Н.**—Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. IV, 1—36.—Философія христіанской теократіи въ V вѣкѣ. IX, 25—68; X, 109—150; XIII, 87—108; XIV, 1—36.
- Трубецкой, кн., С. Н.**—О природѣ человеческого сознанія. I, 83—126; III, 159—192; VI, 132—156; VII, 21—56.—Психологическій детерминизмъ и нравственная свобода. XXV, 494—521.—Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова. XXVII, 193—220.—Этика и догматика. XXIX, 484—517.—Къ вопросу о признакахъ сознанія. (Александръ Введенскій. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психофизиологическій законъ въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики. Спб. 1892). XVI, 97—109.—Новая книга Б. Н. Чичерина „Основанія логики и метафизики“. М. 1894. XXI, 171—182.—Новая книга по

- исторіи греческой религіи (Erwin Rohde. Psyche. Seelencult u. Unsterblichkeitsglaube d. Griechen. Freib. 1894). XXVI, 47—54. — Основанія идеализма. XXXI, 73—106; XXXII, 226—263; XXXIII, 405—430; XXXIV, 552—578; XXXV, 733—765. — Ученіе о Логосѣ въ древней философіи въ связи съ развитіемъ идеализма. XXXVI, 82—136. — Къ библиографіи исторіи религіи. XXXVI, 55—69. — Въ защиту идеализма. Отвѣтъ Б. Н. Чичерину. XXXVII, 288—327. — Нѣсколько словъ въ отвѣтъ Б. Н. Чичерину. XXXVIII, 504—512. — Филонъ и его предшественники. XL, 813—866; XLI, 138—183. — Мессіаническій идеалъ евреевъ въ связи съ ученіемъ о логосѣ. XLIII, 462—494. — Религіозный идеалъ евреевъ. XLIV, 659—695.
- Ред.: Е. в. Hartmann. Das Grundproblem der Erkenntnisstheorie. Leipzig 1889. II, 85—87. — Chantepie de la Saussaye. Lehrbuch der Religionsgeschichte. I и II. Freiburg 1887—9. II, 116—117.
- Умовъ, Н. А.** — Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ. XXII, 214—229. — Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ. XXXIV, 489—520.
- Уманецъ, С.** — Религіозная метафизика мусульманскаго Востока. VII, 103—121; VIII, 57—76.
- Философское Общество**, состоящее при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Протоколы 1—12 собраній Общества.
- Хлопина, Е. А.** — Ред.—Fr. Paulhan. Les caractères. Paris 1894. XXIII, 440—445.
- Харитоновъ, Ф.** — Къ вопросу о сознаніи. Нѣкоторыя наблюденія и выводы изъ нихъ. XIV, 108—134; XV, 32—52.
- Цертелевъ, ин. Д. Н.** — Пространство и время, какъ формы явленій. XXIII, 235—247.
- Цингеръ, В. Я.** — Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи. XXII, 199—213.
- Челпановъ, Е. И.** — Измѣреніе простѣйшихъ умственныхъ актовъ. IX, 19—52. — Гельмгольдъ, какъ философъ и психологъ. X, 41—51. — Глазомѣръ и иллюзіи зрѣнія. XVII, 45—54; XVIII, 1—13. — О природѣ времени. XIX, 36—54.
- Ред.: The American Journal of Psychology. Vol. II, № 4. III, 72—74. — Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1890. IV, 132—134; 1891. XI, 60—64. 1893 г. XXI, 153—158; XXVI, 75—79. — Philosophische Studien т. V, тетр. 4. I, 90—92; т. VI, тетр. 3. VIII, 58—61; т. VII, тетр. 3. XIII, 41—43; т. X, тетр. 1. XXV, 711—719. — G. Th. Fechner. Elemente der Psychophysik. II Aufl. Leipzig 1889. I, 90—91. — Harald Höffding. Einleitung in die englische Philosophie unserer Zeit. Leipzig 1889, I, 98. — Fr. Paulhan. L'activité mentale et les éléments de l'esprit. Paris 1889. II, 102—104. — А. Герценъ. Общая физиологія души. Переволь Г. Паперны. Спб. 1890. IV, 106—109. — П. Каптеревъ. Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума. Спб. 1890. V, 84—87. — К. Ланге. Аффекты (душевные движенія). Психологическое этюдъ. Пер. подъ ред. А. Вирениуса. Спб. 1890. V, 87—89. — Congrès international de psychologie physiologique. Première session. Paris 1890. V, 91—92. — О возможности чисто-физиологическаго объясненія душевной жизни человека. Аполлет. изслѣд. ректора Кіев. духовн. семина., арх. Бориса. Харьковъ 1890. VIII, 68—69. — (Полемика). По поводу статей Н. Н. Ланге. VII, 92—98. — Preyer. Die Seele des Kindes. Dritte vermehrte Auflage. Lpz. 1890. VII, 73—76. — Э. Л. Радловъ. „Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб. 1891. VIII, 77—79. — Foucault de Courmelles. Les facultés mentales des animaux. Paris 1890. VIII, 86—87. — (Полемика). Возраженіе на замѣтку Н. Н. Ланге. VIII, 93—95. — Higier. Experimentelle Prüfung der psychophysischen Methoden im Bereiche des Raumsinnes der Netzhaut. Dorpat 1890. IX, 112. — В. Х. Кандинскій. О псевдогаллюцинаціяхъ. Спб. 1890. X, 66—67. — James. The principles of Psychology. New-York 1890. XI, 69—76. — Ladd. Outlines of physiological Psychology. London 1891. XI, 76—78. — А. Казанскій. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса 1891. XII, 55—62. — Baldwin. Handbook of Psychology. New-York. Ч. I, 2-е изд. 1890, ч. II, 1891. XII, 72—74. — Lloyd Morgan. Animal Life and Intelligence. London 1890—91. XIII, 59—62. — Lorenz Fischer. Theorie der Gesichtswahrnehmung. Mainz 1891. XV, 86—89. — Sully. The human mind. 2 vol.

- London 1892. XVI, 88—89.—Stumpf. Psychologie und Erkenntnisstheorie. München 1891. XVI, 92—96.—L'année psychologique (1894), publiée par H. Beaunis et A. Binet. Paris 1895. XXIII, 375—377.—Wundt. Vorlesungen über die Menschen-und Thierseele. 2 Auflage. Leipzig 1892. XXI, 144—146.—Цигенъ. Физиологическая психология. Переводъ съ нѣмец. М. Милославскаго, подъ ред. В. Θ. Чижа. Спб. 1893. XXI, 146—149.—Рибо. Современная германская психология, пер. Ройзмана. Спб. 1895. XXVIII, 377—379.—Письмо въ редакцію. XXIX, 521—530.—Къ вопросу о воспріятіи пространства (Полемика). XXXVIII, 276—287.
- Черновъ, В. М.**—Экономическій материализмъ и критическая философія. XXXIX, 609—644.
- Чижъ, В. Ф.**—Нравственность душевнобольныхъ. VII, 122—148.—Второй международный конгрессъ экспериментальной психологии въ Лондонѣ. XV, 18—38.—Третій международный конгрессъ по криминальной антропологии въ Брюсселѣ. XVI, 1—24.—Почему возрѣнія пространства и времени постоянны и непрѣмны? XXXIII, 229—264.—Боль. XLVIII, 269—303.—Тургеневъ, какъ психологъ. XLIX, 624—648; L, 714—793.
- Чичеринъ, Б. Н.**—Положительная философія и единство науки. IX, 1—24; X, 31—82; XI, 1—48; XII, 1—63; XIII, 1—29.—Пространство и время. XXVI, 1—56.—Нѣсколько словъ о философіи - историческихъ возрѣніяхъ Грановскаго. XXXVI, 1—13.—Существо и методы идеализма (По поводу статей кн. С. Н. Трубецкого „Основанія идеализма“). XXXVII, 185—238.—Еще объ идеализмъ (полемика). XXXVIII, 485—503.—О началахъ этики (По поводу книги Вл. С. Соловьева „Оправданіе добра“). XXXIX, 586—701.—Нѣсколько словъ по поводу отвѣта г. Соловьева. XL, 772—779.—Реальность и самосознаніе. XLIV, 495—562.—Философія права. XLV, 697—717; XLVI, 46—104; XLVII, 214—249; XLVIII, 383—425; XLIX, 479—539; L, 649—713.
- В. В. Чуйко.**—Эрнестъ Ренанъ. XVII, 1—29.
Рец.: Paul Janet. La philosophie de Lamennais. Paris 1890. VI, 50—53.—René Worms. La morale de Spinoza. Paris 1892. XIV, 81—86.—De Roberty. E. La recherche de l'unité. Paris 1893. XIX, 94—97.—A. Fouillée. Descartes. XX, 123—127.
- Шаталовъ, Н. Θ.**—Безсознательная психическая дѣятельность и ея роль въ жизни человѣка. XLIII, 169—186.
- Шершеневичъ, Г. Ф.**—По поводу книги Вл. С. Соловьева „Оправданіе добра“. XXXVIII, 456—474.
- Шишкинъ, Н. И.**—О психологическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи. I, 127—146; II, 129—158; III, 139—158. („Дополнительныя соображенія“ къ этой статьѣ. III, 147—156).—О детерминизмъ въ связи съ математической психологіей. VIII, 110—128.—Пространство Лобачевскаго. XXI, 115—135.
- Шперъ, Θ. Эд.**—Рец.: П. Г. Дебольскій. Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Вып. первый. Спб. 1892. XVIII, 95—98.—Schopenhauer-Briefe. Lpz. 1893. XIX, 100—102.—Т. Соловьевъ. Теорія волевыхъ представленій. Спб. 1892. XXII, 274.
- Штейнъ, В. И.**—Графъ Дж. Леопарди и его пессимизмъ. X, 83—108; XI, 49—76.
- Ярмерштедтъ, В.**—Міросозерданіе кружка Станкевича и поэзія Кольцова. XX, 94—124; XXII, 162—181.
Рец.—(В. Я.). Книговѣдѣніе, ежемѣсячный библиографическій журналъ. 1894. № 1—2. XXIII, 452—454.
- Ясановъ, Т. А.**—Рец.: Памяти отца современной педагогіи Я. А. Коменскаго. Спб. 1893. XXII, 273—274.—К. Гильти. Счастье. Спб. 1894. XXII, 274—275.
- Ястребцевъ, В. А. Э. Б. Тиченеръ.** Очерки психологии. Перев. съ нѣм. Чепинской. XLIX, 415—418.—Г. Гефдингъ. Этика. Перев. подъ ред. Л. Г. Оболенскаго. L, 446—450.
- Ю. А.**—Рец.: В. А. Гольцевъ. Законодательство и права въ Россіи XVIII вѣка. Культурно-историческая бібліотека. Спб. 1896. XXXIII, 343.
- Энгельмейеръ, П. Н.**—Теорія познанія Эрнста Маха. XXXVIII, 443—455.
- Эрихсенъ, О.**—Рец.: Р. Фалькенбергъ. Исторія новой философіи. Перев. съ нѣмец. Иноземцева. Спб. 1898. XL, 793—796.